

Сокол и Чиж

Янина Логвин

Молодёжный роман

Annotation

Совет первый: не доверяйте ключи от квартиры друзьям, однажды они без вашего ведома могут впустить в нее жильца.

Совет второй: когда любовь стучится в двери — не спешите запирать замки и вешать табличку «Никого нет дома!» Лучше пригласите гостью на чашку чая, иначе рискуете остаться без двери.

Совет третий: если нарушили оба первых совета — не жалуйтесь на судьбу, а пеняйте на себя!

Когда удача взяла отпуск, самое время собрать чемодан и отправиться вдогонку!

-
- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Эпилог](#)
-

Глава 1

— М-да, не повезло тебе, Фанька, — сказала Ульяна, и я грустно выдохнула в чашку, лениво ковыряя ложкой дешевый чайный пакетик.

— Ага, вот уж точно. Хоть застрелись!

Мы сидели с лучшей подругой в шумной университетской столовой главного учебного корпуса и обсуждали последние события моей сложной студенческой жизни.

Еще вчера все в ней складывалось вполне себе благополучно. Училась я хорошо, подрабатывала, все два с половиной года учебы на экономическом факультете снимала восьмиметровую комнатуху у бабы Моти, и вот сегодня утром в одночасье моя упорядоченная жизнь вдруг обрушилась в тартарары. А все потому, что рано поутру эта самая баба Мотя вломилась в мою комнату как испуганный бегемот и сдавленным голосом пропищала — держась рукой за сердце и вращая за стеклами очков по-рыбьи выпученными глазами:

— Анфиска! Быстро собрала вещи и дуй отседова на все четыре стороны! Чтoб и духу твоего не было на моем пороге! Можешь даже в этом месяце за комнату не платить, во как!

Сказать, что я удивилась — ничего не сказать. Платила я хозяйке исправно (спасибо маме с папой, помогали дочурке чем могли), гулянок не устраивала, парней не водила... Звали старушку Матильда Ивановна, была она женщиной опрятной, продвинутой, с собственным ноутбуком, наушниками и трехлетним аккаунтом в соцсетях. Любила смотреть турецкие сериалы и уроки вязания, печь пироги. В общем, жили мы буквально душа в душу, а тут такое...

— Д-доброе утро, Матильда Иванна. А что случилось-то? Чего вы меня гоните?

Я оторвала голову от подушки, сдула со лба упавшую на глаза челку и утерла кулаком слюнявую щеку. Все-таки зубрежка макроэкономики до четырех утра срубает человека с ног похлеще снотворного!

Потные ладошки бабы Моти тут же с хлопком легли на необъятную грудь.

— Я-то?! Бог с тобой, девонька! Я тебя не гоню. Я тебя, можно сказать, от душегуба спасаю!

— В смысле? — пришлось все же сесть на кровати и выпростать ноги из-под одеяла. — Какого еще душегуба? — Я старательно протерла

кулачками глаза.

— Да племянничка родного! Век бы его, ирода, не видать. Сегодня аккуратно освобождился. Двенадцать лет, ворюга проклятый, за решеткой за разбой оттрубил, на волю вышел и сразу ко мне намылился. Хорошо хоть позвонил! Встречайте, мол, тетушка, на вольные хлеба! Одна ты у меня кровиночка осталась на всем белом свете!.. Все, Фанька! — глаза бабы Моти за толстыми стеклами очков стали еще больше прежнего. — Уже едет сюда!

— А-а-а! — закричала я.

— А-а-а! — подхватила Матильда Ивановна и охваченная чувством глубокого сожаления крепко чмокнула меня в лоб (хоть бы синяк не остался!). — Не поминай старуху лихим словом, детка, — сказала, всхлипнув. — Чем смогла, помогла.

И предложила, пуская тонкую слезу.

— Ты давай сумки живенько собери, вместе в гараж оттащим. Ключ я тебе дам. Как квартиру себе найдешь — так и свезешь вещички. А ключик после в почтовый ящик брось. И чтоб сюда ко мне ни ногой, поняла?! Не дай бог попадешься злыдню на глаза — не вырвешсии-и-и...

— Вот такие дела, Ульяш, — я снова хлюпнула носом и посмотрела на пирожок. Пить не хотелось, есть тоже, и пирожок с капустой казался черствым и невкусным.

— Да-а, ни к черту дела, прямо скажем, — вздохнула подруга, подпирая щеку кулаком. — Слушай, Фань, а может попробовать в общагу устроиться? — предложила. — Ты же студентка и как-никак иногородняя. Должны же они войти в положение.

— Да ходила я. Сразу от бабы Моти и потопала.

— И что?

— Нет мест! Через три недели сессия, к праздникам молодежь разъедется по домам, вдруг кто-то да вылетит... В общем, комендант обещала помочь.

— Ну вот, видишь, уже кое-что!

— Да мне и дома общаги хватает, Уль! Видела бы ты мою сумасшедшую семейку. Я одна привыкла, понимаешь? Так легче на учебе сосредоточиться и работе. Мне бы угол найти, чтобы перекантоваться где-нибудь пару дней, а там девочки из агентства обещали помочь. Эх, Ульяка, — я снова с чувством вздохнула и принялась дальше ковырять ложкой чайный пакетик, — так жалко свою комнатушку — слов нет! И куда теперь пойти-податься — ума не приложу.

— Фань, а может, все-таки ко мне? — Ульянка с участием заглянула в

глаза. — Все ж не на улице. Маму с папой я уговорю, а Лешка и на полу поспит, не сахарный. Где-нибудь в коридоре. А лучше в тамбуре! А?

Вот она сила настоящей дружбы, даже реветь захотелось. Но я ж не сволочь, в конце концов! Вот не было бы настроение таким паршивым, мы бы сейчас с Уляшкой обязательно от души поржали над ее старшим братцем, спящим в тамбуре, а так... Мало того, что подруга с Лешкой до сих пор делят комнату в родительской двушке на двоих, так еще и меня в их семейном гнезде Лесничих-Ким для полного счастья и не хватало!

— Нет, спасибочки, только не к тебе. Мне еще пожить охота!

Про «пожить» — это я ни капельки не солгала. Дело в том, что семья у моей подруги Уляши глубоко интернациональная. Папа кореец, мать — беленькая уралочка, так что дети получились просто конфетки! Оба розовогубые, ясноглазые и стройные. Вот только в отличие от Улянки — Лешке (по прозвищу Леший) от отца перешла еще и небывалая самоуверенность, поэтому девчонок за ним шаталось — тьма тьмущая! Не меньше, чем за его друзьями — Мальвином и Соколом. Так что не-а, не хватало мне еще с потрепанными патлами ходить!

Мне же, в отличие от подруги, внешность досталась обычная, славянская. Роста я среднего, волосы русые, местами со светлыми прядками. Слишком густые и длинные в талию, но я уже научилась с этим справляться, затягивая на затылке тугой бублик. И даже ресницы имеются ого-го какие! Не хуже, чем у Мальвины... ну, если накрасить. А так-то обычные себе реснички, и глазки зеленые. Ничего особенного.

Да! Я же не представилась!

Зовут меня Анфиса — Фанька для своих. Фамилия Чижик. Знаю, сочетание убойное, но возмущение по этому поводу я высказала родителям еще много лет назад. Класе эдак в третьем. Так хотелось быть Олей или Леной. Ну, или Екатериной — как великая императрица! Так нет же! Будь добра с честью носить имя любимой бабули! А то что наши имена, чтобы не путать, родственнички упростили до Фиски и Фаньки — так это дело десятое! Никто ни меня, ни бабулю не спрашивал!

В общем, посмеялись родители от души моему возмущению, показали старшей дочери язык и назвали только что родившихся девчонок-двойняшек — Николь и Мишель. Чижики, ага. Вот чудачки! А еще у меня есть младший брат Роберт — троечник-недоучка. И если я в глубине души все же лелею надежду когда-нибудь сменить свою птичью фамилию на нормальную человеческую, то Кубику-Рубику как быть?! Ага, трындец! Так Чижином Федоровичем и летать!

О чем это я?.. Ах да! Мы же в столовой!

— Нет, спасибочки, только не к тебе, Уль. Мне еще пожить охота! Я и так вижу, как на меня смотрят наши девчонки, зная, что я бываю у вас с Лешкой дома и он даже — о, ужас какой! — помнит меня в лицо! Нет, мне бы придумать что-нибудь самой, вот только что?...

Я как раз вздохнула и приготовилась вновь хлопнуть носом в остывшую чашку с чаем, когда упомянутая мной троица парней вошла в столовую — Мальвин, Леший и Сокол. Так уверенно прошествовала друг за дружкой между столиками к буфету, как будто им сам ректор бляхи медные на пузе начистил до золотого блеска и бесплатный талон на обед выдал! Все присутствующие девчонки тут же повернули головы в сторону парней и принялись незаметно прихорашиваться.

Настроение было ни к черту, и я, как завистливый дракон, выпустила пар из ноздрей:

— Тоже мне — короли универа! Позеры хреновы! Вот у кого ни печали, ни тебе проблем в жизни. Ешь удачу ложками — не хочу!

— А? — рассеянно отозвалась Ульянка, на долгую минуту выпав в другое измерение, а я только отмахнулась, глядя как у подружки загорелись глаза.

Опять двадцать пять! Подружка вот уже второй курс страдает по Мартынову-Мальвину, а мне терпи!

Не понимаю, и чего такого она в нем нашла? Ну, высокий, светловолосый, по-девчоночьи привлекательный, но вот это заносчивое выражение на лице «А-ля пуп Земли», фирменное движение головы «Уберите мне челку с глаз» и капризные губки бантиком... Фу! Ну, смотреть же противно! Мне противно, а другие девчонки ничего, пялятся. И на его дружков-индюков тоже.

Нет, я, конечно, не всегда была вот такой — невосприимчивой к чужой красоте. Еще два года назад я бы и сама пускала слюну и томно страдала, с надеждой отыскивая в больших голубых глазах Севы Мартынова свое отражение, как другие девчонки. А сегодня мне внимание таких парней, как Мальвин — и даром не нужно. Спасибо жизни, научила однажды Чижики, как любить и больно обжигаться. Навсегда запомнила.

Вот и сейчас Ульяшка смотрит, а парень обводит взглядом столовую, как будто ищет кого-то или любит себя отражением себя любимого в чужих глазах.

Боюсь, что на моем унылом лице отразились все чувства. Посчитав, что настроению дальше падать некуда, я приставила два пальца ко рту и продемонстрировала Ульянке рвотный рефлекс. Так погано на душе мне уже давно не было.

— Чего ты, Фань? — включив сознание, тут же поджала губы верная подружка. Покраснела, засмутившись, когда голубой взгляд скользнул по нашему столику и задержался. — И ничего Мальвин не фу! А очень даже симпатичный! Только Лешка, гад, знакомить не хочет! Я сколько раз просила, а он отнекивается.

— Правильно делает, — одобрила я мудрое решение Лешего. — Ему, как старшему брату, лучше знать какого ты парня заслуживаешь. Поверь мне, это точно не Мальвин!

Ну вот, кажется, Уляшка снова обиделась. Я обожаю свою подругу, но когда дело касается парней, наши с ней взгляды на привлекательность последних кардинальным образом расходятся, и тут уж ничего не поделать. Плюрализм мнений, кирдык его за ногу!

— Ты так говоришь, Фанька, — Ульянка нахмурила тонкие брови, — как будто сама не студентка экономического факультета со стипендией в три копейки, а принцесса датская, не меньше, избалованная вниманием принцев. Ну ладно мой Лешка тебя ни разу не зацепил, у него внешность специфическая и характер свинский, но ты еще скажи, что тебе Сокол не нравится. Ни за что не поверю!

Еще одна местная знаменитость!

Я обернулась и посмотрела на Артема Сокольского, который сейчас с Лешим и Мальвином как раз садился за центральный столик, самым наглым образом сгоняя с места мальчишек-первокурсников грозным рявком: «Исчезли, мелочь!»

Русоволосый, с модной стрижкой, не такой высокий, как друг, но куда спортивнее и резче в движениях. На мой взгляд слишком вспыльчивый и необаятельный, чтобы вот уже третий год подряд оставаться капитаном футбольной команды университета. Первый задира, которому по слухам всегда все сходит с рук. Эдакая смесь Бреда Пита и Тома Круза двадцатилетней давности с признаками самоуверенного психа. Смешайте все ингредиенты в одном флаконе, хорошенько взболтайте, и я уверена вы меня поймете.

Вообще-то от таких парней я стараюсь держаться подальше, потому как ничего приятного в них нет! Ну, кроме внешности, конечно. Обычным девчонкам рядом с ними уж точно делать нечего! Ни верности у них, ни совести!

Нравится ли мне подобный тип, перетискавший половину девчонок на факультете и наверняка оставивший их с разбитым сердцем?.. Хм. Ну, если подойти к вопросу с теоретической стороны, то, пожалуй, я бы не отказалась быть прижатой таким красавчиком к стене — в одном из своих

эротических снов. Но с практической, в реальности... О, не-е-е-ет! Мне и так в жизни проблем хватает! Маленькая поправка: с некоторого времени Анфису Чижики местные бруталы на букву «К» не интересуют!

— Не-а, не нравится. Ни капельки, — я снова повернулась к подруге. — Глупо мечтать о том, кто высоко летает и метко гадит в душу. А насчет Лешки, Уль, это ты зря. Вот если бы не знала о грязных носках твоего брата под кроватью и как он тебя достает — обязательно бы влюбилась. А так извини, ему и без меня женского внимания хватает.

Ульяшка вдруг скисла и виновато повесила нос.

— Это ты меня извини, Фань, — сказала грустно. — У тебя тут жизнь рушится, ночевать негде, а я сижу и, как последняя сволочь, обсуждаю достоинства местных парнокопытных. Да пошли они все!

И такое лицо у нее вдруг стало виновато-жалостливое, что мне захотелось подругу приободрить. Ну, подумаешь, отвернулась удача — с кем не бывает. Что же мне теперь своими проблемами друзьям жизнь портить?

Я заставила себя съесть пирожок и даже заулыбалась. Мол, ерунда проблема! Да кто не был бездомным студентом! Подумаешь! Все еще возьмет и ка-ак образуется всем на зависть! Я же оптимист!..

— Да брось, Уль! Все будет хорошо! Вот увидишь! — бодро так сказала, вот только улыбка почему-то вышла кособокой и последний кусок пирожка в горле застрял.

И добавила уже не так уверенно, глядя в темные Ульяшкины глаза:

— Пошли уже на пару, Ким, а то опоздаем. В моем случае уж точно вечер утра мудренее.

Но как бы я ни хорохорилась, учебный день подходил к концу, а вариантов где заночевать — у меня по-прежнему не было.

Последняя пара у нас с Ульянкой проходила в разных аудиториях, мне не хотелось смущать подругу, и как только преподаватель закончил лекцию, я вышла из корпуса и поспешила к остановке. Села в автобус, проехала два квартала и сошла, чтобы пешком направиться к кафе, в котором работала по вечерам. Моя смена начиналась через два часа, обычно я успевала заехать домой и переодеться, но сегодня пошла прямиком к кафе, понадеявшись, что Тимуру пара лишних рук никогда не помешает. А там видно будет, что дальше делать и где спать. Вот выпроводим последних посетителей, и заночую на скамеечке в подсобке, если хозяин не прогонит. Ну а если прогонит, делать нечего, как все бездомные поплетусь на вокзал. Как раз за вечер и заработаю себе на место в vip-зале ожидания. Три ха-ха.

Работала я в спортивном кафе-баре «Маракана», расположенном в

центральной части города, названном так в честь самого известного футбольного стадиона Бразилии и всей Южной Америки, где прошло много памятных матчей и мировых первенств в истории спорта. Хозяин кафе — Тимур, довольно молодой еще парень, оказался ярким фанатом футбола и за год работы в кафе под его началом, обслуживая клиентов во время матчей, слушая в пол-уха их не очень трезвые разговоры, я успела так много узнать о футболе (как для простой девчонки), что теперь запросто могла каждому любопытному объяснить, что же такое офсайд. На пальцах, конечно, объяснить, но сам факт!

На полной ставке в кафе работали посменно два официанта, повар (на легкие закуски), бармен, охранник и посудомойка. Зарабатывали ребята неплохо, бар пользовался заметной популярностью у молодежи и компаний постарше, расширять штат никто не соглашался из-за любви к своим кровным, и моя задача бедной студентки состояла в обеспечении этих жадин лишней парой рабочих рук. Когда нужно я могла и столики обслужить, и посуду помыть, и столы вытереть. Подумаешь, лишь бы платили. Хозяин рассчитывался наличными после каждого выхода на мои полсмены, меня это устраивало, и выходить я старалась почаще.

Ульяшка не соврала, до принцессы датской мне было, как до луны, и три копейки заработка к трем копейкам стипендии — позволяли чувствовать себя почти что свободным человеком. Как там в знаменитом фильме «Девчата» говорила Тося Кислицына: «Хочу — халву ем, хочу — пряники»? Так вот, ни то, ни другое я не любила, а вот от шоколадки отказаться не могла.

Раз столик. Два столик. Три...

В кафе было не очень много посетителей, я как раз закончила обслуживать молодую пару, когда в кармане отозвался телефон.

— Алло? — Звонок был с неизвестного номера, только поэтому я нажала кнопку «принять» и поднесла телефон к уху.

— Привет, Фань. Это я.

Голос был мне знаком, и тут же захотелось отключиться. Он это почувствовал, потому что почти выкрикнул.

— Подожди, Анфис! Пожалуйста!

— Чего тебе?

— Мы давно не говорили по-настоящему.

— И?

— В эти выходные хочу съездить домой — поехали вместе?

Что?! Черт! Захотелось взвыть: ну что за день! Я совершенно точно на выходные собиралась к родителям. Как же так? Вот же закон подлости!

Только бывшего мне в дороге и не хватало! А если еще учесть, что он мой сосед...

— Нет.

— Ну, Фань, перестань. Сколько можно дуться, как маленькая.

— Сколько нужно, столько и можно.

— Мы же уже говорили, солнышко. Я тебе столько раз объяснял, что отношения во время учебы в университете — для меня ничего не значат! Помнишь, как у хиппи? Это время свободы, детка! Никто никому не должен, живем один раз! Учеба закончится, и мы снова будем вместе, обещаю. Я легко зачеркну прошлое.

До чего же не хотелось с ним говорить.

— Да мне все равно — значат или нет. Я тебе повторю, мне не трудно: между нами давно все закончилось. Твоя личная жизнь меня больше не интересует и не касается никаким боком. Отстань, а?

Как всегда он решил обвинить меня. Ничего нового. Даже голос зазвучал с обидой.

— Все было бы хорошо, Фанька, если бы ты не приехала учиться в этот университет. Я тебя просил, предупреждал. Кто тебе мешал поступить на учебу в другой город, как ты планировала? Пять лет, это все, что мне было нужно!

Никто не мешал, душой была потому что. Хотелось своему парню-студенту сюрприз сделать. Сделала — себе. Кто же знал, что так глупо и некрасиво, в один миг закончится моя школьная любовь. Я-то мечтала, что он обрадуется, узнав, что поступила в его университет, а на деле получилось наоборот. Не только не обрадовался, но даже и виду не подал, что знаком с глупой провинциалкой в немодном платье, когда я нашла его в компании таких же, как он сам, друзей, а на руках у него оказалась незнакомая девчонка. Красивая девчонка. До сих пор помню высокий каблук и короткую юбку, и пальцы моего парня на голом бедре. Помнится, тогда своим появлением я прервала страстный поцелуй...

Козел! И как я столько лет могла к нему что-то чувствовать?

Нет, я не собиралась ничего объяснять и уж тем более понимать. Уходя уходи. Тогда я ушла, смогла уйти, хотя ноги дрожали, а крик рвался из груди. Недельку белугой проревела, а потом ничего, отошла. Спасибо чуткой заботе Матильды Ивановны, ее поучительным байкам по мотивам турецких сериалов, и сладким пирогам. И спасибо учебе. В конце концов я действительно сюда за профессией приехала, а не ползать за бывшим побитой дворнягой. Ревнивой дворнягой, которую добрый хозяин то поманит к руке, то прогонит.

Не-ет, это точно не про меня. Как там сказал Омар Хайям: «Ты лучше голодай, чем что попало есть. И лучше будь один, чем вместе с кем попало»?

Так вот — это по мне! Лучше быть одной!

— Фань? Так я куплю билеты и подожду тебя на вокзале? Давай к шести. Как раз к восьми будем дома. Может, сходим куда-нибудь? Ну, не могу я, Чижик, соскучился...

Че-го?

— Да иди ты! — я вдруг рассердилась. И так жизнь не клеится, так еще и этот дятел — нашел момент, чтобы добить. — Иди ты со своими билетами знаешь куда! Соскучился он! Больше никогда мне не звони, понял! Никогда!

Звонок сбросила, но почему-то легче не стало.

Было уже десять часов вечера, бар привычно гудел, когда за столик у окна уселся Лешка. Я как раз успела все прибрать.

— Привет, Чиж, — поздоровался, взглядывая черными глазами сквозь упавшие на лоб крашенные светлые прядки.

— Ну, привет.

Иногда Леший с друзьями захаживал в кафе, поэтому я не очень удивилась, увидев перед собой брата подруги.

— Все нормально? — спросил.

— Все нормально.

— А чего тогда ревешь?

— Тебе показалось, Ким. — Я выпрямила плечи и сунула тряпку за спину. Опомнившись, принялась с новым усердием тереть столешницу. — Заказ сделаешь? Или будешь и дальше меня рассматривать? Я, знаешь ли, сегодня немного не в форме и не в том настроении. Так что давай без своих обычных штук. Все равно на меня твои приемчики не действует.

Лешка улыбнулся. Сложив руки на столе, оглянулся в сторону друзей и придвинулся ближе.

— Я заметил.

— Вот и хорошо.

— Что ж ты всегда такая колючая, Чижик? — удивился, заглядывая в глаза. — Может, я помочь хочу, а ты кусаешься. Ульянка рассказала о твоей беде. Если хочешь, давай к нам. Обещаю ночью не приставать.

Да кто б тебе еще позволил! Но на деле получилось только жалко хлопнуть носом.

— Ты же знаешь, что не поеду.

— Фань, — парень вдруг изменился в лице и стал похож на

нормального человека, а не на остряка-гоблина, каким частенько бывал. — Неужели серьезно ночевать негде?

— А что я по-твоему здесь делаю в начале одиннадцатого? — вздохнула. — Да, все нормально, Леш, не переживай. Лягу в подсобке. Два дня занятий, а там на выходные домой уеду.

— А разве Тимур не ставит бар на сигнализацию? Кто ж тебя здесь оставит?

Все-то он знает. И правда — кто? Пожалуй, на это и ответить нечего.

— Ну-у...

На стол со стуком упали ключи.

— Держи, Чиж! Переулок Федосеева, дом два, квартира двадцать восемь. Седьмой этаж. Сегодня переночуешь, а завтра что-нибудь придумаем.

Я уставилась на ключи, как некормленная дворняга на кость, от неожиданности прижав тряпку к груди. Захлопала на парня изумленно ресницами.

— Ой, Лешка, правда, что ли? Мне?

— Правда. Для себя добывал! Сестре спасибо скажи. Достала своим Чижиком!

— Спасибо!

Парень уже встал, собираясь уйти, но вдруг обернулся.

— Только, Чиж, смотри — чтобы завтра к девяти утра тебя из квартиры ветром сдуло! И постарайся не наследить, ясно? Ключи в универе с Ульянкой передашь — так, чтобы никто не видел!

Я истово закивала. Счастье в жизни есть, однозначно!!

— Не будет! У меня же первая пара в восемь! Да я уже в семь исчезну как Золушка с бала! Честное пионерское!

И почему Леший вдруг озадачено нахмурился?

— И никаких оброненных туфелек, — строго сказал.

— Обещаю!

— Ну, тогда беги, Чижик!

— Постой, Лешка! — на самом деле это я уже убегала к подсобке, но повернула назад. — Ты не сказал — в квартире кто-нибудь живет?

— Вообще-то хозяин имеется, — кивнул парень. — Но не переживай, Фань, он только что в другой город свалил, а мне вот ключи оставил — с девчонкой оторваться. Он, гад, дальше прихожей и кухни не пускает, так что ты — считай моя ему месть.

Леший растянул рот в недоброй усмешке, а я покачала головой. Нет, не понять мне мужскую дружбу.

— Фу-у! — оттопырила вниз большой палец, но губы улыбались.

На самом деле мне было все равно. Понять бездомного способен только бездомный. Я устала думать, устала переживать, сейчас я хотела лишь одного — спать!

Йух-ху! Я кинулась к своему шкафчику в подсобке и в две минуты сняла форму, натянула пуховик и шапку. Затолкала в сумку завернутые в бумагу бутерброды. Ну и подумаешь, что вместо чаевых у меня сегодня съестная добыча. Они совсем нетронутые на тарелке лежали — поджаренный хлеб, маслище и красная икорочка. Зато будет чем позавтракать. Клиенты оставили, а мы — студенты — народ не гордый! Мы и себе прихватим и про товарища не забудем! Да и вообще — вдруг бы пришлось на вокзале какого-нибудь бомжа накормить!

Не-ет, понятное дело, что если бы меня вот также красиво обхаживал парень, как ту нафуфыренную девицу за столиком — и тебе закуски на полстола, орешки-хрустики, пиво-коктейли разные, — я бы тоже клевала птичкой и глупо улыбалась щедроте мужской души. Клевала бы, а сама молилась, чтобы молния на юбке не разошлась или шов в интимном месте не треснул. А потом бы пришла домой, переделась в халатик и с голодухи полкастрюли маминого борща навернула. Здесь я девицу понимаю. Вот только на меня-то зачем волком смотреть, когда уходила? Да я вообще предпочитаю отдыхать с подружками! С ними и молнию, в случае чего, расстегнуть можно, и с собой все что нужно завернуть! Даже пальцы облизать, если очень хочется!

Я закинула сумку на плечо и побежала к черному входу.

— Пока, Тимур! — чуть не сшибла с ног хозяина, налетев на парня в коридоре.

— Держи зарплату, Фанька.

— Пока, Райка! — махнула рукой официантке, кутившей на крохотном крыльце, сбегая по ступенькам. — Я ушла!

И припустила что есть духу к остановке.

Та-акс, переулочек Федосеева, дом два...

До остановки оставалось метров сто, колючий морозец неприятно кусал за щеки, ноги оскальзывались на мерзлых лужах, я на ходу достала телефон, включила нужное приложение, и стала набирать указанные Лешкой координаты, запрашивая маршрут. Время на улице было позднее, лично я не привыкла в такое гулять-шататься, и приключений на мягкое место совсем не хотелось, учитывая, что ехать предстояло в малознакомый район.

Глава 2

Есть! Эврика! Карта-навигатор сбоев не дает! До чего же техника дошла! Нужный мне переулок оказался в двадцати минутах от центра, в пятнадцати от университета, и мобильное приложение послушно выдало запрашиваемый номер автобуса — «57». Теперь посмотреть расписание...

На остановке стояло человек пять ожидающих — все сплошь мужички угрюмого вида. Потоптавшись между ними для храбрости, пришлось отвернуться к дороге и взывать к удаче все время, сжимая газовый баллончик в кармане, пока на проспекте не показались заветные огоньки фар. Деньги мне были нужны на съемную комнату и переезд, так что мысль о такси я оставила на крайний случай.

— Переулок Федосеева! — сонно отозвался кондуктор, когда мой нос почти прилип к окну, рассматривая окрестности. — Девушка, вам выходить!

— Спасибо!

Автобус затормозил, двери открылись, и я выскочила. Сделала несколько смелых шагов вперед... и остановилась, неожиданно в этом сумасшедшем дне вдруг оказавшись одна. Вскинула голову, оглядывая ряд стройных белых высоток, протянувшихся вдоль улицы. Только сейчас, пожалуй, осознав на какое сумасшествие решилась. Войти в чужой дом, в чужую квартиру незнакомого человека, чтобы остаться на ночь. Вряд ли такому поступку даже в девятнадцать лет можно найти оправдание.

Точно с ума сойти! Но если я еще секунды две посомневаюсь, взывая к совести, то окончательно сдрейфлю и останусь спать на улице! А этого мне в декабре месяце — ой, как не хотелось! Нужный дом стоял вторым от дороги и я, уверенно выдохнув, потопала к первому подъезду. Прочь сомнения! Лучше буду помнить о том, что я — Лешкина месть, чем трусливый бездомный заяц!

Нет, ну что за засада! Самый настоящий закон подлости! От обиды даже слезы на глазах выступили и губы задрожали. Уже и квартира есть, и ключи, и совесть спит, и даже появилось желание срочным образом обжиться, а я стою полчаса на улице, как дура, карауля запертую дверь в подъезд. И никогошеньки вокруг — ни единой живой души!

— Да не помню я код замка, Фанька! Ну, спроси там у кого-нибудь или жмякни в домофон! Делов-то!

Вот всегда знала, что Лешка балбес. Как можно не знать

очевиднейшую вещь! Тоже мне, а еще друг хозяина называется. Как он вообще собирался с девчонкой-то идти?! Зря только у Ульяшки телефон выпросила.

Я с досадой нажала функцию отбой и вздохнула.

— Девушка, кх-кх, а вы, собственно, к кому?

Господи! И откуда они берутся — эти любопытные бабульки в двадцать три с копейками по Москве? Делать им, что ли, больше нечего, как в засаде сидеть? Лично моя — высунула нос в узкую фрамугу окна первого этажа и подозрительно прищурилась.

В городке, где я жила, в родительском доме тоже имелась такая фрау Мюллер, и я из личного опыта знала, что отвечать нужно быстро, четко и вразумительно, пока бдительный датчик наблюдателя не засек диверсанта. Иначе в ход запросто мог пойти водяной пистолет, а то и что похуже. Например, свисток и старое охотничье ружье. Ржавое и без патронов, но кто о том знает? Именно так моя соседка — баба Шура, отгоняла от подъезда разгулявшуюся молодежь.

— К Ивановым! — бодро ответила, вытянувшись перед бабулькой по стойке смирно. — Племянница я! Телефон вот разрядился — позвонить не могу, а номер кодового замка забыла!

О-о-ой, и чему меня только жизнь учит. Уже и врать начала, да так складно! Хорошо хоть мама не слышит.

Не знаю, то ли у меня лицо выглядело больно жалостливо, то ли в подъезде и впрямь жили Ивановы, но окошко тут же закрылось, а уже через минуту эта самая бабулька — в фуфайке и шапке — отперла заветную дверь в подъезд и посторонилась. Скомандовала строго:

— Проходи! Несчастье ты эдакое! Стоишь тут, глаза мозолишь! — а сама из-за очков зырк-зырк, как злой таможенник на нелегала. Фиксируя — рост, возраст, вес.

Ну и зачем, спрашивается, такой старушке домофон? Эй бы металлоискатель и рентгеновский луч! А ведь могла всего лишь нажать кнопку и преспокойно себе дальше попивать компот. Или что там старушки на ночь глядя попивают.

Только я перешагнула порог, захлопнула дверь, вознамериваясь сказать спасительнице спасибо, как тут...

Как тут случилось нечто страшное!

Как вы думаете, что такого ужасного может произойти с человеком в незнакомом доме, в незнакомом подъезде, в компании ворчливой старушки практически в полночь? Зимой, в послепиковое время часа «Икс»? Правильно. В доме отключили свет! И судя по тому, как вокруг стало темно

— свет отключили во всем районе.

Рядом, как глас из потустороннего, раздался скрипучий голос бабули.

— Хорошо, детка, что в лифт не села. Знаю я их поломки. В прошлый раз только к утру и починили, алкаши-дармоеды!

Лифт! Сердце прям прострелило от той мысли. Вот не умеем мы ценить удачу.

— Ой, да-а.

— Сама дойдешь? Я за фонариком не пойду — темноты боюсь. Да и ноги у меня, у старой, уже не те, чтобы туда-сюда бегать.

— Д-дойду.

— Ну, давай, с Богом! Тетке от Петровны привет передашь.

Выходит, с Ивановыми я угадала? Вот они завтра удивятся-то! О том, что бабулька доложит о нашем приключении — сомневаться не приходилось.

— С-спасибо.

Пошла. По стеночке, по стеночке... Осторожно, тут ступенька, вот еще одна... Куда идти-то хоть, Господи? Я же здесь не была никогда. Так, Фанька, отступать поздно! Даже перед лицом неизвестности! Держись за поручень, крепко, и, главное, считай этажи. Если промахнешься, в такой темноте хрен сориентируешься!

А Лешка-то оказывается ни капельки и не балбес! Взял и догадался номер этажа сказать! Молодец Лешка!

Поворот... Еще один пролет... Тьху ты! Чуть носом не клюнула — откуда только порожек взялся! За спиной послышался чей-то смешок... или показалось? Клянусь, волосы на затылке, стянутые в бублик, зашевелились. Вот невидимый преследователь уже и ногой тихонько шаркнул, догоняя. Я же слышала... и-или нет? О-о-ой!

Ноги зашелестели, спотыкаясь по ступенькам, руки зашарили по карманам. Вот дурында-то! У меня же телефон есть! Правда, в легенду для Петровны не вписывается, зато совершенно точно мне жизнь спасет! И газовый баллончик! Зря я его, что ли, в магазине низких цен в распродажу покупала!

Кстати, а чего это бабулька домой не идет? Что-то я не слышала, чтобы внизу дверь хлопнула. Неужели стоит и слушает, как Штирлец под личной пыточной Мюллера — будет ли крик?.. А может, тот, кто шаркал в темноте, ее уже того? Ну, сами понимаете — прикокнул?! О-о-о...

Хочу к бабе Моте! Страсть как хочу!..

Как только экран засветился — дышать стало легче. И никого вокруг, только тени. Бррррр...

Еще один пролет... Четвертый этаж... Пятый... А подъезд вроде бы ничего, ухоженный. Вон, даже кадка с фикусом стоит, и велик детский. Ты смотри, и не боится народ оставлять. У нас бы дома такой давно уже сперли!

Телефон пискнул и от неожиданности я его чуть не уронила.

Батарея — семь процентов! Пик-пик — пять! Пик-пик.... О нет, нет, нет! Пожалуйста! Я бросилась вперед. Да где же эта чертова двадцать восьмая квартира?! Только не сейчас! Только не смей выключиться! Слышишь! Китайская твоя сборка! Я же даже ключ в замок по-человечески вставить не смогу! А вдруг не тот и не туда! А вдруг не с той дверью возиться стану — загребут Чижику в тюрьму, как племянничку Матильды Ивановны! За покушение на жизнь мирно спящих граждан и разбой! А там — прощай универ и карьера! Здравствуй наручники и забор! И ждет тебя, Фанька, холодная Колыма...

А все телефон виноват!

Руки дрожали как у взломщика-самоучки, когда отпирала дверь нужной квартиры и пробиралась внутрь. Но дверь захлопнулась и телефон погас...

Сплошная темнота.

Мамочки-и... Хочу на вокзал к бомжам!

Наверное, я бы еще долго так стояла, прижавшись спиной к стене, прислушиваясь к грохоту собственного сердца в тишине чужой квартиры, но организм поторопил срочно найти санузел.

Шум воды отвлек. Получилось даже раздеться и умыться. Где-то оставить сумку и сапоги. Окончательно взяв себя в руки, я потопала на ощупь по коридору и — о чудо! — нашла комнату. Одну. И кровать. Больше у меня сил ни на какие поиски не было. Осталось только сбросить джинсы и свитер.

Комната была темной, кровать большой и уютной. Сначала я легла на край, но стало жутковато и потихонечку, потихонечку отползла к стене. Там и заснула, накрывшись одеялом с головой, думая о том, что, пожалуй, запомню это приключение на всю жизнь!

Хоть бы не проспать...

Trp!

Тррееееень!

Трееееееееееееееееееень!!

Господи, ну что за люди! Разве можно с утра пораньше так настойчиво звонить в дверь? Баба Мотя там что — уснула?

Тре-е-е-ень!

Фу-у-у, до чего же звук противный. Потянула одеяло на голову. Нет бы птички там чирикали — соловьи-канарейки всякие, или мелодия звучала приятная, а так словно дрелью в мозг и навылет. И с чего это Матильде Иванне пришло вдруг в голову звонок сменить?

Тре-е-е-ень!

Да что она там, оглохла, что ли — баба Мотя-то?! Кто в доме хозяйка, не пойму?! Ведь наверняка это ее подружку — Милу Францевну с утра пораньше черти за спицами или крючком принесли. И не буду я ей открывать. Фигушки! Знаю я этих хитрющих пенсионерок. Сначала спицы, а потом: «Анфиса, деточка, сгоняй за сметанкой и хлебушком в магазин». Ага, за три квартала — там свеженький! В конце концов, это не я с ней дружу! Вот если еще раз позвонит — все бабе Моте выскажу!

Бабе Моте...

Стоп. Что-то ёкнуло в подсознании — жутко-тревожное. Глаза сами собой распахнулись.

Утро. Племянник. Лешка.

Ночь. Подъезд. К-квартира.

Квартира!

А-а-а! Проспала! И в дверь кто-то ломится! Все! Хана мне! Если хозяева не повяжут, то Лешка точно шею свернет! До чего ж я все-таки невезучая!

Тре-е-е-е-ень!

Знаете такое полезное упражнение — «велосипед»? Думаю, все в школе на уроках физкультуры проходили. А под одеялом «крутить педали» не пробовали? На скорость? А вот я попробовала. И, кажется даже, у меня получилось взять легкий старт.

Я взвилась на постели пружинной, но честное слово сдержала бы крик. Я бы молчала как суслик в тряпочку, выискивая в панике пути отступления, если бы вдруг не увидела ноги. Мужские ноги. И упругую голую задницу, в которую едва не клюнула носом. Кто-то спал в одной постели со мной, развернувшись валетом... и под мой крик начал шевелиться.

— А-а-а-а! — заорала я и полезла через эти ноги Топтыгиным. Запрыгала, чуть не запутавшись в них, скатилась на пол и потянула, прикрываясь, одеяло на себя, но у меня его с таким же криком вырвали, оказавшись сильнее в руках.

— А-а-а-а!

Так-с! Тут маленькое отступление.

Что вы знаете о птицах семейства соколиных? О соколах? Лично я

знаю кое-что- спасибо телеканалу «Планета животных», собственной любознательности и школьному кружку «Юный натуралист», в котором занятия вел мой папа — учитель географии. Это птица отряда хищных, питающаяся мелкими млекопитающими, насекомыми и птицами. Обладательница длинных крыльев и острого клюва. Зоркого глаза. Крупные особи порой вырастают до полуметра. Очень быстрая в полете и сильная. Например, белую куропатку бьет на лету, пикируя с большой скоростью. Насчитывает три десятка различных видов и названия этих видов, кроме сапсана и кречета, я вам, конечно, с лету не скажу, но! Тот птиц, что сейчас сидел передо мной — а это был именно Артем Сокольский и никто иной — совершенно точно был из семейства «сокол пучеглазый». И сейчас взирал на меня, раскрыв в изумлении не только серо-карие мигающие глаза, но и рот.

Прическа у Сокола была, как у дельтапланериста — модная челка на взлете. Видимо, до того, как я заорала, парень преспокойно себе дрых носом в подушку, а тут такое. О своем внешнем виде вообще промолчу. Слава Богу, я догадалась поймать запущенный в меня предмет, и теперь прижимала подушку к груди, как пират сундук с золотом, раскорячившись на полу.

Наверняка, это все стресс виноват, иначе чем еще можно объяснить тот факт, что самый главный вопрос почему-то задала именно я.

— Ты-ы?! Ты откуда здесь взялся, Сокольский?! Тебя же не было!

Но, увы, парень не оценил мою смелость. У него, в отличие от моего писка, получился настоящий рывк.

— Я-то?! Это ты откуда взялась, н-ненормальная! Совсем офонарела к чужим людям в дом пробираться и в постель лезть! Вы там что с девчонками чокнулись все на этих шоу «Прояви хитрость — завоюй парня»?! Сначала письма, звонки, потом — встречи в подъезде. Что за фигня! Так далеко еще ни одна не заходила!

— Я не хотела, честно...

— Ну да, рассказывай! И штаны снимать не хотела, и задницу мою щупать, и орать, как дурная баба в трубу. Чуть заикой меня не сделала!

— Да ничего я не щуп...

— Скажи еще, что от удивления сирену включила! А я поверю, ага, что ты не знала к кому в постель забралась! Кто здесь живет по-твоему?! Твоя мама?! У меня что, на лбу стоит печать «идиот»?

Ого, как темные брови нахмурились, глаза засверкали. Если бы не челка и примятый след на щеке, запросто испугаться можно. Хотя, кажется, я и так боюсь.

— Ну да...

— Чего?!

— Конечно, не знала! Ни о чем не знала! Да я вообще в твою квартиру случайно попала!

— Так, хватит! Устроила тут цирк! — Сокольский заерзал в постели, обматываясь одеялом. Я тоже завозилась, собирая в кучку раскинутые конечности. — Я тебе не главный клоун на конкурсе юных аниматоров! Не с кем переспать — дуй на сайт знакомств и решай проблемы по-взрослому, без меня. А я сам выбираю с кем спать, где спать и когда спать, ясно?! И вообще, — серые глаза злобно прошлись по мне, — с чего ты взяла, что можешь мне понравиться? Да ты вообще не в моем вкусе!

Что-о?! Пффф! Скажите пожалуйста, какой эстет! Да очень надо! Была б здесь Мила Францевна, она, как известная в прошлом пианистка, объехавшая полмира, быстро бы объяснила этому индюку, что такое хороший вкус, а что — моветон. А я, так и быть промолчу. Не было счастья — и не надо!

Видимо, мое лицо соизволило отобразить работу мысли, потому что Сокольский вдруг наставил на меня палец.

— Вот только не вздумай устраивать спектакль! Много вас таких — желающих внимания. Достали уже!

Нет, ну надо же! Вот это самомнение — мне бы такое! Он точно сокол, а не орел?

— А я и не устраиваю. Конечно, удивилась! Можешь не верить, но я действительно не знала, что здесь живешь ты. Лешка сказал — друг! А еще — что друг уехал в другой город, вот! Ну, я и подумала...

Темная бровь Сокола в злой иронии взлетела вверх. Прямо патриций в этом одеяле, ни больше, ни меньше. Только лаврового венка на голове не хватает — чтобы печать на лбу прикрыть. Но он прав. Даже логика сегодня против меня. Я действительно могла догадаться. Много ли у Лешки друзей, кто может похвастаться отдельной квартирой? Вряд ли. А про Сокола мне Ульянка раньше говорила, что он живет один, и что отец у него какая-то важная шишка.

— Как уехал, так и вернулся. Я, к твоему сведению, не ночую, где попало! А Леший вообще должен был через час свалить...

Видимо, не только у меня кипела работа мысли, потому что парень вдруг нахмурился и выдал:

— Постой. Ты сказала Лешка? Ким? Так это с тобой он тут, получается, мутит, а затем спать оставил? Он что, гад, совсем охренел в моей постели своих девчонок топтать?!

Ой, кажется, сейчас птичка лопнет — так Сокол надулся и покраснел. Даже ногами засучил, сползая с кровати. Вместе с одеялом, конечно! Что-то до Лешки я его не так выводила из себя.

Стоп! Лешка. Открутим пленку назад. Это чего он только что сказал?!

Похоже, в этой комнате сейчас лопнут две птички.

От обиды я тоже на ноги схватилась, но подушку не отпустила — уж если блюсти честь, так до конца!

— Что?! Да не хватало ужаса ходить за этим делом по чужим домам! И не было у меня ничего с Лешкой! Мне просто ночевать было негде, совсем! У меня хозяйка золото, я у нее два года комнату снимаю, а вчера к ней племянник из тюрьмы вернулся — уголовник-рецидивист! — вот и сбежала. Уже думала на улице спать придется, а тут Ким с ключами. И не был он у тебя вчера, только я. Я вообще собиралась рано утром уйти, чтобы ты и не узнал даже! Но у меня телефон выключился, а в доме свет пропал — не зарядить! Я тихонько вошла, легла — все! И нужен ты мне, Сокольский, как зайцу стоп-сигнал! Я и фамилию-то твою знаю только потому, что в универе слышу часто. Хоть бы подумал сначала, лезла бы девушка к тебе в постель в футболке и колготках, если бы хотела охмурить. Да чтоб ты знал, ты тоже не в моем вкусе, понял! Иначе я бы хоть прихорошилась!

Сказала и рожицу постаралась скривить так, чтобы он наверняка понял, что я о таких, как он, думаю.

— И я тебя не щупала — больно надо! А за вторжение извини. Некрасиво, конечно, получилось. Если что, я белье и постирать могу. — И уточнила на всякий случай. — Когда будет где.

Меня снова смерили жутким взглядом.

— Спасибо, не надо! Уж лучше от тебя сразу отвяжаться!

Вот тут я не могла не согласиться! Но плечами для приличия пожала.

— Ну, как хочешь. Мое дело предложить. Так я пойду? Мне еще на занятия в универ хотелось бы попасть. Сегодня лекция у Баталова, а он знаешь какой препод — у-у, гризли! Доказывай потом на сессии, что ты не рыба — проглотит и не заметит! Так что, Сокольский, спасибо тебе за ночь и все такое. Кажется, было даже приятно познакомиться...

И по стеночке, по стеночке стала отползать к сброшенным на пол вещам. А квартирка-то у Сокола ничего, приличная. Окна высокие и потолок светлый. Мебели, конечно, мало, зато стол письменный с компьютером — вот мне б такой! Лампа, колонки, камера, МФУ. Как в кино у хакеров — полный фарш! И все это в комнате размером, как моих три!.. Ух, ты! — чуть не споткнулась. Вот это плазма! На пол стены! Я такую

только в универмаге техники и видела! Даже потрогать от удивления захотелось, но покосилась на хозяина и передумала. Еще заклюет как куропатку, и вякнуть не успею, вон как смотрит недружелюбно.

На лице у Сокола застыло выражение крайнего возмущения. Нет, ну странный народ эти парни, ей богу! Значит то, что без спросу к нему в квартиру проникла — пережил. А то, что не в моем вкусе — переварить не может!

— Познакомиться?! Издеваешься?! Ну и наглая же ты, П-пыжик! Я вспомнил тебя. Давай, отваливай вместе со своим спасибо! А с Лешим я сам поговорю — напросился! И попробуй только кому-нибудь рассказать, что спала с... что мы вместе... черт! Что ночевала у меня, и клянусь...

Но чем именно клянется и на чем — Сокол договорить не успел. Впрочем, так же как я возмутиться, что и вовсе я не Пыжик, а Чижик — плохая у него память. Мы снова оба покраснели и чуть не лопнули, когда в дверь неожиданно позвонили.

Трееееень!

И еще раз, куда настойчивей и требовательнее. Трееееееееееееееееееень!

Тот, кто нас разбудил и о ком мы благополучно забыли в пылу «знакомства», как оказалось, и не думал никуда уходить.

В квартире стало так тихо, что даже из-за входной бронированной двери совершенно отчетливо донесся мужской голос:

— Артем, немедленно открывай! Мы знаем, что ты дома! Сын, хватит валять дурака! Ждем еще минуту и заходим — ключи у нас есть! Если ты думаешь, что я намерен простить тебе вчерашнюю выходку, то глубоко ошибаешься!

Ключи? Есть? У кого?

О-о-ой! — волосы на затылке зашевелились. Родители! А я с подушкой и в труселях прямо из постели их возмущенного чада! Вновь стало так страшно, что хоть чечетку зубами отстукивай! И, судя по всему, не только мне. Потому что Сокольский вдруг оказался рядом и прошипел сквозь зубы:

— Вот черт! Кажется, отец со своей гримзой приехали!

И как был нагишом в одеяле, так и потопал открывать. А я завертелась на месте, не зная куда бежать и за что хвататься. Ну все, Фанька, труба твои дела! Если Сокол сейчас обо всем расскажет родителям — не помогут и слезы, точно в участок за разбой загребут! Попробуй потом доказать, что ты не верблюд, а просто поспать зашла.

Взгляд упал на циферблат настенных часов, и вдруг отчаянно

захотелось разреваться — половина девятого утра. Все, на лекцию к Баталову опоздала! Еще один пропуск, и прощай стипендия вместе с мечтой о красном дипломе! Привет пересдаче и хвостам! Нет, ну до чего же все-таки обидно!

Замок в двери щелкнул, в прихожей послышались голоса, и я свалилась на пол, впопыхах натягивая джинсы. Вскочив на ноги, схватила свитер, продела руки в рукава, толкнулась макушкой внутрь...

— Ну, здравствуйте, девушка!

Да так и застыла, как всадник без головы, с растопыренными, как у огородного пугала руками, услышав обращенный ко мне строгий голос.

— Так значит это из-за вас Артем вчера не приехал на семейный праздник?

И так это было сказано, знаете, с обидой и укором, как будто я этому голосу алименты задолжала за двадцать лет.

Ой, а может, мне и дальше так постоять? Я могу. Что-то не очень хочется нос показывать.

— Э-э... нет, — я закачалась, поворачиваясь. Мой писк точно слышно? — Я тут ни при чем.

— А вот мне почему-то так не кажется. Вы хоть понимаете, дорогуша, как этот вечер для нас с Сусанночкой много значил?!

— Э-э, м-м... с кем?

— Вы что, издеваетесь? — ну вот, еще один сомневающийся в моих чистых помыслах выжить любой ценой. Только рычать-то зачем? Мне и сына его хватило. — Это же и дураку ясно, кто Артема сорвал и зачем, раз уж вы здесь! Впрочем, — мужчина выдохнул, успокаиваясь, — действительно, откуда вам знать. Сегодняшняя молодежь — сплошь поколение потребителей и эгоистов. Только собственными желаниями и живет!

— Ну-у... — Вообще-то с таким утверждением я была в корне не согласна. Не всякое проявление индивидуального мышления равно понятию и ярлыку «эгоист», даже если идет в разрез с чьим-то мнением. На то мы и индивидуумы, в конце концов, чтобы мыслить и принимать решения самостоятельно. Даже в силу возраста. И будь мы не в этой точке пространства и времени, я бы, скорее всего, попробовала возразить. (Это я уже молчу, как этому шишке возразил бы мой папа!) Но сейчас меня терзали мысли куда более приземленные — показать голову или не показать? Высунуть из окопа или не высунуть? Интересно, какой отрезок этого самого времени нормальный человек может простоять в чужой гостиной телеграфным столбом со свитером на голове, прежде чем ему

поставят диагноз?

Оказалось полминуты.

— Мне кажется, девушка, что вы задержались в гостях и вам давно пора домой.

Ур-ра! Поставили! То есть — не повязали! Голова сама собой вынырнула из горловины, а руки оправили вещицу на талии. Я даже улыбнулась сердитому незнакомцу, вперившему в меня серый взгляд, и бочком, бочком попрыгала к выходу.

— Ага! Пора! Ужас как пора! Вы даже не представляете как меня заждались! Я только в туалет забегу и исчезну! Честно-честно! И вы больше никогда, совсем никогда, вообще никогда обо мне не услы...

— Куда? Стоять! — скомандовал, шагнувший навстречу из коридора Сокол, и я даже моргнуть не успела, как вдруг оказалась прижатой сильной рукой к боку парня.

Ну, все, сдаст. Как пить дать сдаст партизана с потрохами! От отчаяния тут же захотелось возмутиться, почему это он мной командует, и я даже рот открыла, приготовившись бороться за свободу до последнего вздоха, когда внезапно увидела молодую женщину, которая вошла в комнату, стуча шпильками модных сапог. И следом за ней девушку примерно моих лет, вкатившую в спальню чемодан.

Я сказала чемодан? О, не-ет. Чемоданище!

Обе незнакомки оказались блондинками в модных шубках и, честное слово, я бы назвала их красотками, если бы не надменно поджатые губки и выражение лиц, словно им каждой в нос вставили пыж, смоченный в уксусе.

— Мама, где я буду жить? — спросило ломко-хнычущее создание, кокетливо улыбнувшись Соколу, и женщина обвела комнату победным взглядом.

— Конечно в этой квартире, золотко. Где же еще? У нас не так много семейной жилплощади, чтобы рассмотреть другие варианты.

— Я же сказал — нет! — вырвалось у парня, но дамочка тут же наставила на него палец.

— И никаких возражений, Артем! Илоночке нужна твоя помощь и внимание. Забота, в конце концов! Ничего, поживете вместе, дочь освоится с городом, а потом решим вопрос с отдельной квартирой. Я не говорю, что это надолго, дорогой! Максимум до нового года! А пока ты как брат присмотришь за моей девочкой...

— Какой к черту брат, Сусанна! Мы чужие люди!

Ноздри дамочки затрепетали, уголки губ задержались. Ой-ей, кажется,

сейчас будет потоп. Известный женский прием и до смешного прозрачный, так неужели до сих пор работает?

— Василий! Я не могу это слышать! Ну, хоть ты сыну скажи!

Хм, судя по тому, как решительно вскинулся Сокольский-старший и как насупил густые брови — работает, да еще как.

— Артем! — снова рык. Неужели все мужчины думают, что если вот так вот, поднапрягшись в связках, порычать, то можно все решить? Странные создания. — Мы тебе вчера сообщили, что Илона решила учиться на курсах флористов и ей понадобится помощь. В скором времени мы станем одной семьей, и это крайне невежливо так поступать со своей сводной... с дочерью Сусанны, когда я иду тебе на любые уступки!

— Я уже ответил, пап, что нет. Мог и не сообщать!

Ого, какой Сокол серьезный. Я осторожно завозила под его рукой. Эй, он собирается меня отпускать или как? Мне вообще-то до ветру не мешало бы сходить.

— Поздно, сын! Илона «уже» приехала! Покажешь девочке город, поможешь освоиться, познакомишь с друзьями. Заодно и нам с Сусанной будет спокойнее. Все равно ты по весне на сборы уедешь, кому-то придется и за квартирой присмотреть.

— Пап, какая весна? Минуту назад речь шла о трех неделях.

Ага, шла. Я свидетель!

— Неважно.

— Нет, очень важно! Речь идет о моей территории...

Ну вот. Только рогов не хватает, сейчас бодаться начнут.

— О моей территории! Ты забываешься, сын! О моей! И если ты еще не понял, все равно будет так, как я сказал! Точка!

Ничего себе! Кажется, назревает настоящий скандал, а Фанька как всегда в эпицентре! Да что ж такое-то! К моему изумлению обе блондинки радостно выдохнули. Зато Сокол вдруг не на шутку напыжился. Не удивительно. Если бы мне вот так же привезли жильца — я б еще и не так брыкалась!

— Нет вопросов, пап. Не нравится, как я живу — отлично! Мне самому надоело перед тобой отчет держать! Брошу универ и буду играть в футбол, как хотел. К черту все!

— Я тебе брошу! Я тебе так брошу! Никакого спорта без образования, понял?! Сначала диплом получи, а потом делай что хочешь!

— Тогда не командуй, как мне жить, и не попрекай!

Глава 3

Мужчина вдруг схватился рукой за сердце и пошатнулся. С Сокольского разом слетела вся спесь.

— Пап?

— Вася?

— Василий Яковлевич? — проблеяла худой овечкой Илоночка, вторя матери, и сразу стало понятно, чьи руки в этой семье моют золото.

Глава семейства, как настоящий кабальеро, соскочивший на ходу с лошади, устоял на своих двоих. Задрав подбородок, вскинул руку, успокаивая «толпу» и кажется мне, что эту короткую сцену можно было бы отыграть лучше. Во всяком случае, как по мне, именно дрогнувший голос выдал дилетанта с головой.

— Все хорошо, сын. Отголоски сердечной болезни. Сейчас выпью воды и полегчает.

Что, серьезно? Никто кроме меня и не заметил? Кажется, нет. Сокольский, путаясь в одеяле и чертыхаясь, поскакал на кухню и тут же вернулся со стаканом воды. Так быстро слетал, что я даже моментом воспользоваться не успела.

Сусанна ласково погладила локоток мужчины и сердито взглянула на парня. Впрочем, ее взгляд удивительным образом смягчился, когда Илоночку внезапно пробрал кашель. Вот только обратилась она не к дочери.

— Артемушка, дорогой, ну к чему эти разногласия и нервотрепка в кругу любящей семьи? Неужели мы не можем сесть и договориться, как нормальные люди? Давай-ка, выпроводи поскорей свою гостью, и спокойно все обсудим. Девушка, — карие глазки сверкнули острым нетерпением, — до свидания! Кажется, вам ясно сказали, что вы здесь задержались!

Вот он — мой звездный час! Момент работника массовки, во избежание конфликта с примой труппы, красиво уйти со сцены и раствориться в безызначности, не затеняя свет софитов, падающих на ее протезе. Меня больше никто не держал и я, рада стараться, попятилась из комнаты.

— Ага, сказали. Так я пошла?

— Идите-идите, — отвесила поклон Сусанночка, — и сделайте одолжение, милочка, — не возвращайтесь!

Как грубо. Вот прямо обидеться захотелось. А впрочем — не мне с

этой гримзой жить!

— До свиданья... — я развернулась на коротком разбеге, нацелившись на выход, но меня, как куропатку на лету, срезали крепкие руки Сокола.

— Стоять! — прошипел парень в ухо, и я даже покраснела от такого неожиданного внимания, хватая ртом воздух. Сильный какой! И чего он ко мне все время обниматься лезет? Вот снова ухватил за талию и притянул к себе, разворачивая лицом к родителям.

Ну, все, решил сдать, зараза! Все шишки сбросить на меня! Ябеда! Прости Лешка, прости мама, я сделала все что могла.

— Ты куда, Пыжик? А познакомиться? И нечего стесняться! Сейчас всем признаемся и дело с концом! Ты же этого момента три месяца ждала!

И если бы, паразит, не ткнул меня кулаком в ягодицу, я бы даже не сообразила, что это он мне.

— Кто? Й-я?!

— Ты! Пела — познакомь да познакомь. Хочу как можно скорее влиться в твою дружную семью. Ну, вот они, мои родственники. Золотые люди, как видишь! Особенно Сусанночка, — парень белозубо оскалился будущей мачехе, — юмористка! Не возвращайтесь! Очень смешно! В общем так, пап, тут такое дело, — вновь напустил на лицо серьезность, выставляя меня вперед. — Вот это — моя девушка...

А? Чего?

— И мы решили жить вместе!

Ик. Ик. Ик, ик, ик... Я оттопала назад.

Женщина нахмурилась, я заморгала. Рука Сокольского крепче сдавила талию. Да, парню не позавидуешь. Держится так, словно вот-вот рухнет на дно. Только я-то тут причем? Совсем офигел, что ли? Да меня сейчас эта Сусанночка с доченькой пилочками для маникюра исполосуют!

Я расцепила край губ и попыталась изобразить чреовещателя.

— Ты что, Сокольский, лбом в дуб въехал? С ума сошел! Ты что несешь?!

Но получилось только промычать: «мумымумы». Очень явно промычать — все трое родственничков тут же уставились на меня и переглянулись. Не удивительно, даже я засомневалась в своей адекватности.

Стало так обидно, что немедленно захотелось Сокольского стукнуть! Ткнуть кулаком, пониже спины, совсем как он, правда, с размаху. Но впечатать кулак мешало обмотанное вокруг бедер одеяло и хмурые взгляды, поэтому парня пришлось как следует ущипнуть. Кто ж знал, что в этом месте одеяло сползет и мой чудо-щипок придется на голую задницу!

Ну все, теперь точно со свету сживет!

На лице Сокольского не дрогнул ни один мускул. Вот это выдержка! Кубик-Рубик бы уже орал как резанный! У меня даже коленки подломились от уважения. Пришлось проблеять совсем как Илоночка — тоненько и противно. Исключительно в виде извинения.

— 3-з-здрасти!

— Сусанна, дорогая, — улыбнулся Сокол, — как видишь, есть небольшая проблема. Не можем мы жить втроем, когда у нас тут любовь-морковь. Придется вам с отцом подыскать для Илоны другую квартиру.

Рано радовались. Акула, она и есть акула, даже если живет на суше. Скрипнув зубами, Сусанночка улыбнулась Сокольскому-старшему, нахмутившему лоб от признания сына, и повисла на мужском локте.

— Глупости! — легко отмахнулась от слов парня. — Знаем мы, какая у тебя любовь! Сегодня одна девочка, завтра другая. Все помним! А Илоночке учиться нужно, в большом городе друзей заводить. Ну же, Артемушка, — пропела лисой, — неужели откажешь своей сестре?

— Нет, — упрямо сглотнул Сокол. Заиграл важно желваками. — На этот раз все по-другому. У меня тут любовь случилась, можно сказать всей жизни! Да я вообще впервые так влюбился! Люблю Пыжика не могу! Даже ночами снится! Вот как только встретились — так никого вокруг не замечаю. Только ее! Еле упросил переехать ко мне, так что учтите — у нас все по-серьезному!

И похлопал меня ладонью по плечу. Надо понимать — вроде как приголубил.

М-да. Станиславский отдыхает. Артисты! Интересно, когда закончится первый акт, можно будет уже сбегать в уборную?

— Пожалей дочь, Сусанна. Зачем ей слушать наши... ну, ты сама понимаешь что. И так соседи каждую ночь в батарею стучат.

Женщина поняла, а вот я не очень. На всяк про всяк с подозрением покосилась на парня — это чем он тут ночью занимается?

— Да и девочка у меня стеснительная, не хочу ее напрягать. А ревнивая какая — тигрица! Мне, конечно, льстит, но боюсь за Илоночку.

Че-го?!

— Кхе-кхе! — ну вот, кажется и папаня отмер. Да уж, влюбленный сын — это вам не шутки! Можно и речь потерять. Посмотрел на меня как-то уж слишком критически, оценивая с ног до головы.

Ну да, не очень, согласна. На тигрицу не тяну, максимум на выдру. Так я же после работы и без марафету! Подумаешь, бублик растрепался и на затылок слез. Да любовь вообще слепа! Пусть скажут спасибо, что не

выхухоль! Так что я на всякий случай плечики-то развернула и подбородок вскинула. Чирик, знаете ли, тоже птица!

— Пыжик, значит? — ах, да. Я и забыла, что у кого-то проблемы с памятью. Мужчина снова недовольно откашлялся. — А имя, Артем, у твоей пассии есть?

И вот тут пулемет Чапаева заклинило.

Я почувствовала, как рука Сокола вновь легла на талию и напряглась. Тоже мне артист. Ну и сымпровизировал бы уже что-нибудь. Все равно ведь они меня больше не увидят.

— А что? — снова упрямое. — Это так важно?

Блиин! Захотелось закатить глаза. Ну, конечно, важно! Ну и дурындище! Сам же говорил любовь! А теперь проколется на сущей ерунде!

— Значит, нам твою девушку тоже прикажешь Пыжиком называть? Как шапку?

— Да, — подключилась Сусанночка, — какое-то совершенно глупое прозвище!

Так, Фаня, кажется, пора отрабатывать ночлег и спасти Сокольского. А то вон уже и Илоночка захихикала. Без меня ему против трех акул никак не выстоять.

— Ну-у...

— Анфиса я! — даже руку удалось протянуть мужчине уверенно и улыбнуться на все тридцать два, — приятно познакомиться!

Ага! Съела Сусанночка! Вот-вот, подергай кисло носиком вместе с дочуркой. Папа говорит, что улыбка у меня потрясающе-обаятельная, и я ему верю.

— Можно Фаня. Вы знаете, мы как-то привыкли с Артемом к уменьшительно-ласкательным прозвищам. Ну, там пусик мой, мусик, — я повернула голову и потрепала Сокола за щеку. — Вот он и растерялся. Правда, пусик?

Парень сглотнул слюну, но ответил, скрипнув зубами:

— Конечно... мусик.

Главное, не раскололся и то хлеб. А в догонялки мы после поиграем. Я так бегая, что просто у-ух!

Кстати о хлебе. Только я вошла в роль и собралась по-культурному слинять: «Прощай, любимый, дела зовут! Привет учеба и институт!», как вдруг Сокольский-старший откашлялся, виновато взглянул на повесившую нос Сусанночку, развел руками...

— Ну, девочки, я не виноват. Против личной жизни не попрешь!

... и сказал, почему-то глядя на меня:

— Надеюсь, сын, ты нас хоть чаем напоишь с дороги? Все же не чужие мы люди. Или так и будем стоять? Тебе, кажется, в скорости на учебу надо, нет? Нам вот с Сусанной точно дел прибавилось...

Вообще-то да, еще как надо! Но мужчина был прав. Выпроводить гостей, просто развернув их на пороге, не очень-то вежливо. Особенно, если гость — твой папа. Да и Илоночка стоять не хотела, она хотела здесь жить, и сейчас, держась за чемодан, едва сдерживала слезы досады, прожигая во мне дыру.

— Э-э, конечно, — просипел Сокол как-то не очень уверенно и тоже воззрился на меня.

Эй, я не поняла. А при чем тут, собственно, Фаня? Кто хозяин в доме?

Папа довольно почесал руки.

— Анфиса, сделай нам всем горяченького. Кх-м, пожалуйста. А мы тут пока с Артемом поговорим, — а у самого лицо такое светлое, невинное, вроде это не он придумал способ сплавить меня с глаз.

Ладно. Все равно в туалет невтерпех, так хоть уйду красиво! Хм, может быть, даже сбежать получится...

— Пыжик, не дури там! Мне с сахаром!

БЫЫ. Трус! Взялся же на мою голову! Я обреченно потопала выполнять задание.

Коридор. Туалет — о, да! Кухня.

Шкафы. Холодильник. Полки. Вермишель быстрого приготовления. Чипсы. Полбутылки кока-колы. Соль. Горчица. Кетчуп. Снова вермишель — запас на неделю. Пакетик из-под соленых креветок. Быстрорастворимый суп. Сухой попкорн для микроволновки... Да он что, издевается?! С сахаром ему, правда?! Я же даже чай найти не могу!

Заглянула в холодильник... И тут мышь от тоски повесилась! Нет, ну я так не играю! Так и вижу, как Сусанночка с дочуркой хохочут, глядя на мою красную от стыда рожицу.

А может, им с кока-колой вермишель предложить погрызть? А что, Сокольский вон лопает и ничего!

Я пошла шелестеть по ящикам. М-да, красивая у Сокола кухня, просторная, и мебель дорогая, только вот толку мало. Так и захотелось запустить сюда своих четырехлетних сестричек с фломастерами и жуткой тягой к прекрасному. Ой, кажется, чайник просвистел. Уже? Вот засада!

Есть! Нашла чай! И сахар! Ур-ра! Убью Сокольского — дурындище быстrokрылое! Ну, кто же чай на подоконник ставит! Да еще за штору! Но настроение заметно поднялось. Еще больше поднялось, когда, хихикая,

всыпала хозяину две ложки сахара... и, подумав, добавила еще шесть. А чтобы у него во всех местах слиплось! Тогда точно не догонит! А еще... Эврика! У меня же бутерброды есть! Правда, только два, зато от мысли, что с красной икрой — прямо полегчало. А пусть гости думают, что здесь каждое утро так завтракают!

Вот же я хозяйка, оборжаться! Осталось только бутерброды разрезать на части, чтобы Илоночка не объелась, и можно считать, что мы с Соколом в расчете!

Я расставила на столе исходящие паром чашки и прислушалась к голосам в комнате.

Рык-рык. Писк Илоночки. Рык-рык. Эмоционально-высокое Сусанны. Рык-рык — сердитое мужчины и резкое Сокола. Ой, снова Илоночка. Интересно, отстоит Сокол у папы территорию или нет? Может, пока мне шею не намылили со всем этим нечаянным маскарадом, лучше самой все слопать и слинять?

Поздно.

Сокольский мои старания оценил, вновь превратившись в Сокола пучеглазого, а вот девочки его папы — не очень. Так и косились на нас недружелюбно, вытаскивая из квартиры чемодан.

Отстоял, значит.

— Ну, я пойду? — За гостями закрылась входная дверь, и мы с Артемом остались вдвоем в прихожей. Отыскав глазами свои вещи, я потянулась рукой за шапкой. Неужели можно выдохнуть? Ну и утречко!

— Стоять.

— Что, опять? — удивилась, поворачиваясь к парню. — Чего это? Грымза же ушла.

— Как ушла, так и вернется, — ответил заметно помрачневший Сокольский. — Эта фурия легко позиций не сдает. Она знает, что я не завязываю длительных отношений, так что наверняка отца спровадит и заявится сегодня же вечером со своей дочуркой. Налаживать контакт.

— А эта Илона что, и правда без пяти минут твоя сводная?

— Не знаю. Отец уже год с Сусанной шашни крутит, но до вчерашнего дня жениться не спешил. Я новость по дороге к городу узнал, потому и вернулся. Навестить хотел. Денег у отца хватает, а решимости и здоровья не очень. Запросто может в любой момент передумать, вот Сусанна и старается закрепить позиции, чтобы наверняка.

— Ясно. А я-то тут при чем?

— А при том, что я тебя к себе в гости не звал!

— Так я же объясни...

— Рот закрой!

— Слышь, ты! — я так возмутилась, просто жуть! Я ему тут бутерброды, понимаешь ли, от сердца отрываю, чай завариваю, а он! Не хватало еще, чтобы всякие парнокопытные мне рот затыкали. — Совсем опупел?!

— Да помолчи ты! — оборвал меня парень. — Мне твоя помощь нужна. Только при условии, что ты не хитростью сюда пробралась, чтобы со мной встретиться.

— Чего?

— Ну, может, придумала себе всякие бредни девчачьи про любовь с первого взгляда, подружек наслушалась. Думаешь, ты одна такая? Я не встречаюсь, поняла? Ни с кем. Я только сплю. Хочешь со мной переспать?

И чего это рожа сделалась такая мерзкая? Ты смотри, и про вкусы забыл.

— Да иди ты! — я вмиг нахохлилась. — Индюк! Лесом-полем! Нужен ты мне триста лет и три года! Три дня, три минуты и три секунды! Чихать я на тебя хотела, понял!

Меня, конечно, занесло, но он тоже не прав. Видимо, мое лицо досказало все лучше всяких слов, потому что Сокольский, кажется, поверил. Тоже мне прЫнц! Да я б с таким вообще под один куст не присела, ну, вы понимаете...

Точно поверил. Снова стал хмурым и злым. А я упрямо натянула шапку.

— Да, понял я, понял, Пыжик, не кипятись.

— И я не пыжик, а Чижик! И ничего я не кипячусь. Даже не начинала!

На кухню Сокольский притопал вслед за гостями, оставшись в спальне, чтобы одеться, и сейчас стоял передо мной в футболке и спортивных, сунув руки в карманы брюк. Взъерошенный и самоуверенный, как всегда.

Мы уставились друг на друга.

— Все, успокоилась? — серые глаза университетской знаменитости прищурились. — Готова слушать?

— Можно подумать тебе есть что предложить, — буркнула сердито.

Парень ухмыльнулся.

— Может, и есть, если вопить перестанешь.

— Слушаю.

— Ты сказала — тебе жить негде. Это так?

Запомнил же. Я неохотно пожала плечами.

— Ну, негде. До Нового года точно, иначе бы не оказалась здесь. А

что?

— А то! Предлагаю заключить сделку. Взаимовыгодную. Боевое крещение мы прошли, я больше, чем уверен, что у нас все получится.

Я смерила Сокольского недоверчивым взглядом.

— Сделку? — удивилась, подозревая подвох. — С тобой? Что-то не хочется.

Фыркнув, наклонилась, собираясь надеть сапоги, но парень продолжал выжидающе смотреть, и я не выдержала:

— Сокольский, ты серьезно, что ли?

— Серьезней некуда, Чижик. Ты мне подходишь. Я предлагаю тебе жилье, в обмен на роль моей девушки. Маскарад, естественно, рассчитан исключительно для членов семьи. Ты живешь у меня, но не со мной — есть разница. Если улавливаешь, о чем я, и предложение тебя устраивает, можем попробовать договориться.

И, главное, на самом деле серьезный такой, на лице нет и следа шутки.

Я замерла, держа нос по ветру. Неужели моим бедам пришел конец? Ведь это выход! До нового года рукой подать, а там и на общежитие, если что, соглашусь! А что касается Сокола, так он тоже чихать на меня хотел, не слепая, опасаться нечего. Видела я, какие девчонки вокруг него вьются, куда там Илоночке!

— Только учти, Сокольский, мне учиться надо. А еще приходится во сколько захочу, иметь доступ к ванной комнате и спать, желательно в тишине.

— Как насчет того, чтобы мыть посуду, убирать квартиру и выносить мусор. Идет?

— Ну... — улыбка сама собой расцвела на губах. Вот это подфартило! Да что тут убирать-то! Это он комнату моего брата не видел! — Идет!

— Тогда по рукам, Чижик? Обещаю запомнить фамилию.

— По рукам! — Мы ударили в ладони и сцепили рукопожатие.

Глядя на мою улыбку, Сокол снова помрачнел.

— Надеюсь, я выдержу три недели соседства с тобой.

— И я.

— Только смотри, в университете за мной не бегай, поняла? И не напридумай там себе всякого разного, а то я вас девчонок знаю.

— Чего?

— У меня своя жизнь, у тебя своя. Никакой романтики, чисто деловой подход. Как только Сусанна с будущей сводной отвалит — разведемся.

— Пффф! Раздулся! Смотри не лопни, птичка! — улыбка стала только шире. Настроение решительным образом ползло вверх. — Очень мне надо

бегать за индюками. Это ты не забудь, что уговор — Новый год! Я не собираюсь остаться на улице, если тебе вдруг приспичит передумать. Зато, так и быть, обещаю при необходимости полностью вжиться в роль!

— И чтобы в университете держала язык за зубами! Никто про нас знать не должен! Не люблю сплетен.

— Да ты что! — искренне изумилась. Ульяшку я в расчет не брала. Все равно Лешка проговорится. — Не хватало ужаса!

— Почему это ужаса? — подозрительно набычился Сокольский. Ну, еще бы! Такой прЫнц, а тут пастушки не восхищаются. — Да многие были бы счастливы оказаться на твоём месте!

— Ага, и Илоночка первая. Пожалуйста! Я не гордая, могу местечко и уступить.

— Так, Чижик, едрить твою! — рука парня крепче сжала ладонь. — Ты уже согласилась! Только попробуй отказаться — прямо сейчас за ноги к дивану привяжу, поняла?

Теперь настала моя очередь подозрительно хмурить брови. Я даже отодвинулась на всякий случай и руку отобрала. Ну все, поручкались, хватит.

— Ты что, Сокольский, пятьдесят оттенков серого переел? Может, у тебя под этим самым диваном и ремни-веревки имеются, а я к тебе жить собралась? Не-ет, я так не согласна.

Лицо Сокола побелело, а ноздри раздулись. Ну все, сейчас передумает. Дошутилась! До чего же эти самоуверенные красавчики предсказуемы. Их вывести из себя, раз плюнуть!

— Чижик, еще одно слово, и, клянусь, отберу ключи.

Ну вот, говорю же...

— Да молчу, я молчу! Шуток не понимаешь, что ли? Нужен ты мне триста лет. Не скажу никому, не бойся! И личной жизни мешать не стану. Только будь человеком, Сокольский, предупреди, если что, — надев сапоги, потянулась за пуховиком. Повязала на шею шарф — не люблю мерзнуть. — Я же по вечерам работаю, так что они, эти самые вечера, в твоём распоряжении. Если что, я и погулять могу. Недолго! — посчитала нужным уточнить, все-таки зима на дворе. — Мне еще к сессии готовиться нужно. Не всем оценки за красивые глазки ставят, как некоторым.

Ну вот, шуток не понимает, а прямой намек пропустил. Завидую логике!

— Значит, договорились?

— Договорились.

— Диктуй телефон, Чижик, на всякий пожарный. И еще. По утрам

подвозить в универ не стану, сразу говорю — не мечтай!

— Да подумаешь! На своих двоих доберусь! Так я пошла?

— Иди.

И дверью за спиной хлоп, замком щелк, и как-то непонятно стало в холодном подъезде, серьезный разговор у нас был или нет?

Ладно, Фанька, хватит предаваться печали. Самое страшное позади! Топай в университет, а новый день покажет, как быть.

Но только спустилась вниз, прошмыгнула зайцем под окном Мюллера Петровны и остановилась у торца дома, чтобы включить телефон и отзвониться Уляшке — мол, жива, подружка, все дела, — понадеявшись на те самые два процента заряда батареи, что имеют обыкновение чудесным образом материализоваться за ночь, как оживший телефон тут же отозвался входящим звонком.

— С-сокольский? — неужели передумал?

— Забыл сказать, Чиж. Кажется, ты не заметила. Квартира у меня однокомнатная, так что учти — я сплю в своей кровати, а ты — на полу. И это не обсуждается!

Все. Отбой.

— К-как однокомнатная? Почему однокомнатная? Подожди, а как же... — но, конечно, Сокольский уже повесил трубку, а следом и экран телефона потух, на этот раз окончательно и бесповоротно затих в руке.

Вот же га-ад. То есть, гадство. Настоящая засада! Ведь, и правда, не заметила. Бегать-то я по квартире бегала, так это ж прицельно и без намерения рассмотреть чужую жилплощадь на предмет возможного проживания. Но не успела я повесить нос, как вдруг вспомнила про уютный диванчик на кухне в квартире парня — тот самый, что вроде как уголок. Маленький, конечно, и наверняка не раскладной, но при желании на нем вполне можно уместиться и переночевать — не такая уж я большая. Да и вообще, чего это тут раскисла, как прошлогодний снег? Сокольский мне сам позвонил? Сам. Не передумал? Нет. Значит, у меня в этом дне есть крыша над головой, лучшая в мире подруга, любимый универ и даже работа! Ого! Да жизнь, ё-ма-ё вообще хороша!

Ой, автобус! Кажется, мой! Точно мой!

— Э-э-эй! Стойте! — Я сунула сумку под мышку и припустила к остановке. На разбеге получилось лихо запрыгнуть на ступеньку. Вот же я везучая! Юркнула в полупустой салон и села себе королевной на высокое сидение у окошка. На ум тут же пришла старая песенка Утесова, разыгранная когда-то в детстве на школьном утреннике: «Все хорошо, прекрасная маркиза. Все хорошо, как никогда... прая-ля-ля...»

Ее и пела всю дорогу к университету. Ну а что, сколько можно предаваться печали? Вон, даже солнышко из-за туч выглянуло — поддержать нужный градус настроения. Осталось только голодного червячка в буфете чаем с булочкой заморить, придушить пирожком с капустой, и можно смело смотреть в будущее!

*— Все хорошо, прекрасная маркиза,
Дела идут и жизнь легка.
Ни одного печального сюрприза
За исключением пустяка...*

Очередным пустяком оказалось мое опоздание на вторую пару. Хорошо, что лекцию по Теневой экономике по замене вел молодой аспирант- Даниил Александрович, и получилось, извинившись, виновато похлопав парню глазками, по стеночке, по стеночке протопать на предпоследний ряд к Ульяшке. И затаиться там с подружкой до перемены за широкими спинами согруппников.

Конечно, я Ульянке все рассказала! Ну еще бы! Да меня бы просто разорвало, если бы не вспомнила о всех своих приключениях накануне вечером и главном гвозде программы — чемодане Илоночки! Сокол может хотеть что угодно, хоть десять раз мечтать о несбыточном, но на лучшую подругу запреты парнокопытных не распространяются! В итоге мы с Ульяшкой сначала поохали, потом поахали, а потом закончилась пара, и мы смогли от души поржать.

Да, так и есть, нарочно не придумать!

— Фанька, ну ты даешь! Правда, что ли, ущипнула самого Сокола за зад, и тебе за это ничего не было? Да он на прошлой неделе драку в холле устроил только потому, что кто-то из парней с параллели в его сторону кривое слово вякнул. И преподавателей не постеснялся, Лешка рассказывал. Насилу с друзьями разняли, Сокол же вспыхивает как спичка, а тут фирменный щипок с оттяжкой!

Ульяна округлила глаза. Мы сидели в буфете, пили чай, жевали пирожки и давились от смеха.

— Не поверишь, я так испугалась — просто жуть! Думала, он меня в полицию сдаст. Но Сокольский сам виноват, кто его за язык дергал? Навешал папе с мачехой лапши на уши, а мне молчать? Пусть скажет спасибо, что я в тот момент говорить разучилась от испуга. Чувствовала себя как пойманный за ухо партизан на допросе в генштабе противника. Да

это вообще была самооборона!

Подруга хохотнула, вздохнула, и наконец грустно посмотрела темным взглядом.

— Ой, Фань, ты же понимаешь, что Лешка хотел как лучше. Кто же знал, что Сокол вернется? А теперь все перевернулось с ног на голову и тебе с ним жить. А вдруг у Артема характер еще хуже, чем говорят? Он же местная знаменитость, а университетские любимчики все с прибабахом, сама знаешь. Здесь моего братца слушать нельзя, у него круче Сокола, только собственное хозяйство и горы Кавказа. Что будешь делать, если вдруг распустит руки?

Я улыбнулась и откусила пирожок с капустой — сегодня он был намного вкуснее, чем вчера, да и чай казался слаще.

— Не распустит, Ульяш. Хотел бы распустить, мне бы еще утром на орехи досталось — как-никак в его дом проникла! И маленькая поправочка, Ким. Не с Соколом жить, а у него — есть разница. Если я ее улавливаю, а я улавливаю, поверь, то он обещал, что у нас все получится. Чихать мы друг на друга хотели — лучше и не придумать! Чисто деловой подход на случай захвата территории с красной кнопкой «Вкл/Выкл». Три недели продержимся, а там наверняка придумаю, как с быть комнатой. И еще, знаешь что, Уль?

— Что, Чижик?

— Сокольский, конечно, тот еще выпендрежник, но, если честно, не показался мне таким уж психом, как о нем говорят. Во всяком случае, когда его папа вздумал изобразить приступ, парень на самом деле испугался, я видела. Да и с будущей мачехой мог бы быть куда резче, а он церемонился, не хотел отца обижать.

Ульяшка улыбнулась. Опустив локти на стол, наклонилась ближе.

— Представляешь, Фанька, что было бы, узнай наши девчонки, во что ты ввязалась? Что за история с тобой приключилось ночью. Точно бы решили, что между вами любовь-морковь, а никакая не сделка!

Мне даже поплохело от такой мысли. Чур меня!

— Скорее, как Сокол, поверили бы тому, что я специально все подстроила. Ульяш, ты с ума сошла?! Поплюй через плечо! Хочешь моей смерти? Меня бы затоптали на этом месте, как мамонты Бэмби на тропе к водопою, и рожек бы не осталось. Ну уж нет, и даром мне такого счастья не надо! Видела бы ты с какой тягой к прекрасному у Сокола в подъезде расписаны его именем стены — бррр, как будто это он в «Сумерках» снимался, а вовсе не Роберт Паттисон. Прямо стена славы! Нет, мне еще моя шевелюра дорога и внешность серой мышки вполне устраивает. Так

что лучше, и правда, никому ничего не знать, здесь я с Артемом согласна. И не прижимай ты голову к столу, Ким, как первоклашка-заговорщица! Просто не обращай внимания и все!

— Так Сокол же вошел, Фань! — шепотом. — Вон, с Лешкой топают к буфету!

— Вижу и что? — я продолжила как ни в чем не бывало пить чай.

— А вдруг подойдет? Вдруг догадается, что ты мне все рассказала? Что тогда?

— Ульяш, ну ты смешная, — я даже хрюкнула в чашку. — Он и так догадается, если не дурак. Так что расслабься и не паникуй. Речь шла о глобальном, о стратегическом, понимаешь, а вовсе не о нас с тобой.

— М-м, — подружка мечтательно сощурила глазки и подперла ладонью щеку, глядя на Сокольского, — хорошенький какой! Особенно та часть, что пониже спины, — подмигнула со смыслом. — Да и плечи классные. Бывают же парни, правда, Фань?

Она вдруг встрепенулась и покраснела. Засопела, откусив пирожок, в чашку. А я догадалась, что в буфет вошел Мальвин. Ну и что ты будешь с подружкой делать? Каждый раз одно и то же. Так и сомлеет однажды, реши он с ней заговорить.

Коротко обернувшись, я окинула парня мрачным взглядом.

— Бывают, Уль. И некоторым дурочкам на таких даже везет. Не хочу, чтобы ты ошиблась. Ну его, вместе с его модной челкой!

Слава Богу, Мартынов не задержался у столиков с девчонками и протопал вслед за друзьями к прилавку, вернув Ульянке дыхание. Она вдруг спросила, уставившись на брата:

— Ой, Фань, смотри-ка! Кажется, у Лешки под глазом фингал! А еще утром ничего не было! Думаешь, это ему Сокольский, ну, того... поставил?

Я важно кивнула.

— А тут и думать нечего — зуб даю, что он! Я б на месте Сокола Лешему за такой сюрприз, как я, вообще два глаза подсветила бы вместо одного, чтобы наверняка. Представляешь, если бы на моем месте оказалась действительно озабоченная девица? Из этой, как ее, группы поддержки или что там у них есть в футболе? Или художница из подъезда? А вдруг бы несовершеннолетняя — у этих вообще с адреналином передоз, доказывай потом, что не верблюд. Кто поверит?

В общем, посидели мы так с Ульяшкой, пирожки сжевали, и утопали на следующие две лекции в соседний корпус слушать дока современного менеджмента. Учебный день получился сложным, бар у Тимура людным, и

с работы я сбежала пораньше. Предстояло еще забрать часть сумок из гаража бабы Моти, найти такси, и отвезти свое честно приобретенное добро к дому Сокольского. И вот тут, подъезжая к белым высоткам, я не на шутку разволновалась, настолько утреннее предложение вдруг стало походить на глупый розыгрыш, в котором Анфисе Чижик выпало принять участие от безысходности, и который вот-вот раскроется, лопнув, как мыльный пузырь.

Я набрала на домофоне номер квартиры, не до конца понимая, на что надеюсь. Сокольского запросто могло не оказаться дома. Он мог передумать и найти еще с сотню веских причин посмеяться над бездомной Фанькой, но мы ударили по рукам, дверь подъезда щелкнула и отворилась.

Для разнообразия сегодня в парадном был свет, и лифт бодро скатился с верхних этажей.

Треееень!

— Чиж?

— Привет, — я неловко потопталась и пожала плечами под серо-карим взглядом, — я. Вот пришла.

Сокол посмотрел на меня хмуро и долго, словно запоминая на пороге своей квартиры и наконец обреченно сказал:

— Проходи, — после чего развернулся и ушел, оставив стоять перед открытой дверью.

Тоже мне хозяин. Кто ж так гостей встречает-то, особенно дорогих сердцу? Хорошо, что чиж птичка не гордая, сама и дверь запрет, сама и поклажу втащит, и даже холодильник найдет сама.

Я отнесла сумки в комнату и выдохнула. Сокольский лежал на диване, пялился в плазму и даже головы не повернул в мою сторону.

— Эй, я вроде как тут жить собралась.

— Живи.

Я осмотрелась.

— Шкаф выделишь? Ну хоть полочку?

— Много хочешь. Знаю я вас — девчонок. Сначала полочку, затем шкаф, а потом — можно мне твою почку? Может, тебя сразу красной пастой в паспорт прописать? — и мордаха такая угрюмым кирпичом, даром, что красивая.

Ясно. Не выделит. Но жить-то как-то надо. Я прошла к одному из двух кресел и под взглядом парня уложила в него самые необходимые вещи. Прямо на пол у письменного стола опустила стопку учебников и рядом с ней приткнула стопочку поменьше — конспектов. Ничего разберемся! И потопала на кухню. Созерцать этого остроклювого павлина совсем не

хотелось, а вот есть — очень даже. То, что меня тут кормить никто не будет — в этом я не сомневалась, просто решила сразу пристроить к месту любимую чашку с ложкой, чтобы вернуться к ним с настроением. После чего налегке отправилась в ближайший магазин за покупками, да и вообще решила разведать на местности, пока хозяин бандерложничает, что тут по району да как.

Глава 4

Вернулась я через час, открыла дверь своим ключом, но в комнату заходить не стала — и так ясно, чем там хозяин занимается, — а сразу пошла на кухню.

Так, что у меня есть? Лоток яиц, молоко, триста грамм ветчины, горчичный батон, килограмм лука, подсолнечное масло, соль, сахар и два кило картошки. Масло сливочное. Кило гречки. Один апельсин. Если не неделю, то дней пять точно протяну. Надеюсь, Сокольский не будет против, если я займу часть его холодильника? Все равно ведь в холостую холод гоняет. И хлебницу.

При мысли о горячей яичнице-глазунье — сытной, с луком и кусочками ветчины — тут же засосало под ложечкой. М-м-м, как же кушать-то хочется! Я же, считай, два дня без нормальной кормежки! Но под душ хотелось не меньше, и пришлось топать на поклон к Соколу.

Вот сейчас возьму, расставлю все точки на «і» и как заживу!

— Можно взять твою сковородку? Я есть хочу.

— Бери.

— Тарелку?

— Если найдешь.

— Чайник?

Пришла его очередь равнодушно пожать плечами.

— Угу.

— А...

Сокольский, не отворачивая мордахи от телевизора, грозно наставил в мою сторону палец.

— Почку я тебе не отдам, не мечтай!

— Пфф! Очень надо!

— А что надо?

Ну вот, соизволил-таки взглянуть.

— Ты обещал, что смогу пользоваться твоей ванной комнатой. Не думай, что надоедаю, это я пытаюсь сообщить, что пришла сюда жить и все серьезно.

— Вижу, не слепой.

— Так можно?

Судя по выражению лица — нет. Еще как нет! Но упрямо молчит, а мне большего и не надо. Развернувшись, довольная вернулась в кухню,

выудила из шкафа кастрюльки-сковородки, и зашуршала, колдуя, над ужином. Вот приготовлю, половину сейчас съем, а половину на утро оставлю. Что-то аппетит разыгрался просто жуть, наверное, потому что яичница вышла — объедение! Еще картошечка сварится, маслицем с молочком заправлю и, м-м-м, можно будет подумать, где спать.

Приготовила. Заправила. Осталось птицей метнуться за полотенцем в комнату к сумке, кое-чего прихватить, и в душ! А уж пото-о-ом...

Ва-ау! Вот это ванная комната, я понимаю! Как в журналах о модных интерьерах — черно-белый кафель-мозаика, узкие зеркала. Мы с бабой Мотей такой роскоши и не видали! А как тут, интересно, все работает? И как, еще интереснее, я с этим чудом, под названием кран, справилась в полной темноте, не наткнувшись лбом на дверцу душевой кабины?..

Ух, сколько тут у Сокольского всего интересного-то! Нос ткнулся в гели для душа, пальцы выхватили шампунь, судя по надписи на английском, для настоящих мужчин — но как же пахнет замечательно! Что-то я таких гелей в наших магазинах не видела, где он их берет? Может, в интернете спецзаказом покупает? Ладно, не стану соблазняться, у Чижика, в конце концов, свое мыло имеется. Губы сами собой разъехались в улыбке — детское. Зато с облепихой! И детский розовый шампунь, с веселыми пупсами на этикетке, — для моих длинных волос самое то!

«Интересно, я когда-нибудь в этом отношении повзрослею? — подумала, вспенивая из густых волос башню на голове и подставляя спину горячим струям. — Матильда Иванна вон тоже все для юных и непорочных предпочитает. Даже питание. Хотя, судя по тому, как сильно мы обе любим персиковое пюре для карапузов и печеные яблоки — вряд ли».

Мылась я долго и с удовольствием, даже про еду забыла. Да, для девушки два дня без душа — хуже испытания уроком физкультуры. Окончательно вытершись, простирнула белье и развесила все аккуратно на полотенцесушитель, как можно приличнее. Ну а что, я же здесь теперь живу! Куда мне постирушку свою девать?

Надела спортивные штаны, футболку, любимые махровые носки, намотала на голову из полотенца крендебобель и пошла с улыбкой на лице ужинать. Еще раз порадовавшись, что все у меня определенно складывается со знаком плюс!

Ой, я что, забыла на кухне свет выключить? И что это за звуки раздаются такие странные, как будто Фредди Крюгер вдоль батареи когтями ведет?

Оказалось, что не Крюгер и не забыла. В кухне стоял Сокольский, обхватив кастрюльку, с ложкой в руке, и, старательно двигая челюстью,

скреб этой самой ложкой о... о... о дно?! Я перевела взгляд на пустую сковороду. Рот сам собой открылся, да так и отвис, пока глаза наблюдали, как парень ест. А точнее самым наглым образом доедает ужин. Мой ужин. Мой!

— М-м, как вкусно, Чижик. А ты шустрая. Вот это я проголодался, сам не ожидал!

Н-не ожидал?

Я притопала ближе и с другой стороны заглянула в посудину, где еще недавно была моя самая вкусная на свете толчёнка, а теперь голой лысиной блестело дно.

— Ты... Сокольский, ты что, все сожрал, что ли? Все-все?! — лицо поднялось, и полные изумления глаза нашли глаза Сокола — темные и бессовестно-наглые.

Парень натужно сглотнул и напрягся. Медленно отставил пустую кастрюлю на плиту.

— А что тут есть-то? — насупился. — Тут вообще было на один зуб.

— На один?! Это же был мой ужин и завтрак! Я два дня нормально не ела. Ты что, совсем обалдел? Жадина!

— Это ты! Я тебе свою ванную уступил, а тебе яиц жалко? Я не виноват, что ты тут пришла и на весь дом распахлась!

— Я?!

— Ну хорошо, твоя еда!

— Вот именно, что моя! А теперь что я, по-твоему, есть должна? Кожуру от картошки?

Парень пожал плечами, пряча руки в карманы спортивных брюк. Бросил сквозь зубы, раздувая ноздри.

— Приготовь чего-нибудь. Откуда я знаю! Это же ты пакет из магазина притащила!

М-да, очень по-мужски, ничего не скажешь!

Я почувствовала, как у меня задрожал подбородок и выступили слезы.

— Сокольский, ты, наверно, думаешь, что я горы деньжищ зарабатываю? Да я сегодня на такси недельную зарплату спустила, на продукты — еще одну, а мне на дорогу в универ надо и вообще как-то жить. Но дело даже не в этом. Дело в том, хотя ты этого, скорее всего, не поймешь, что я просто хотела есть! И ты мог бы мне хоть половину оставить! Единоличник!

Кажется, щеки Сокольского покраснели.

— Да ладно тебе, Чиж, оно само съелось. Не реви. Возьми вон мою вермишель. Хм, если хочешь.

— Не хочу. Сам ешь свою гадость.

— Почему это гадость? — Сокол искренне удивился. — Там даже со вкусом ветчины есть.

Вот теперь в жуткой обиде вздрогнули губы.

— Издеваешься?!

Я прошла к пакету с продуктами и достала пять картофелин. Вымыв сковороду, принялась их чистить над мойкой с намерением поджарить. Ничего, пусть вредно, но все равно наемся до отвала!

Парень не уходил, и слова вырвались сами.

— Только попробуй слопать! Пристукну!

Я хотела показать лишь кулак, честно, но случайно в руке оказался зажат ножичек для картошки, и получилось так угрожающе, что сама испугалась. Ой!

— Дура! Свалилась же на мою голову! — рявкнул Сокольский и утопал, громко хлопнув дверью ванной комнаты, а я вздохнула. Она самая и есть. Это ж надо было так вляпаться!

Картошка жарилась, душ за стеной шумел, и я почти успокоилась, присев на стул у стола. Подперев щеку кулаком, задумалась о бабе Моте и своей комнатухе в ее квартире, о том, как нам с ней было уютно и хорошо, когда на хозяина вдруг снизошло озарение. Я его даже обозвать про себя как следует всеми прозвищами не успела.

— Это что еще такое?! — раздалось рычание. — Что за пупсы, нафиг?.. Черт! Она и труселя свои здесь развесила?!

Я замерла. Труселя были синие в белый горох и такие, знаете, ну, после десяти стирок. Зато модель бикини, с красивой кружевной оторочкой. Вообще-то очень даже симпатичные, так что с брезгливостью в голосе Сокол явно переборщил. Но не успела я испугаться за свое потрепанное добро, как оно уже прилетело мне в голову и повисло на макушке. Точнее, на крендебобеле.

— Чтобы я ЭТО в своей ванной комнате больше не видел, ясно?!

— А где же мне сушить белье? Мне, между прочим, не только ЭТО стирать надо, а кое-что еще!

Я так и обомлела, когда дверь снова отворилась и Сокол, весь в мыльной пене, высунулся из-за нее, сверкая широким плечом и крепким голым бедром. Еще чуть-чуть и можно будет сказать, что я видела не только его упругий зад, но и перед. Вот не хотела, а женское начало тут же одобрительно ахнуло и затрепетало. Офигеть, ну и красавчик! Тьфу! — трезво возразило сознание. — Ну и индюк!

— Что-о-о?! — рыкнул, отплевываясь о пены. — Ты хочешь сказать,

Чиж, что я еще и лифчики твои отвратные созерцать должен?! Обойдешься!

Сказал и хлопнул дверью — я только успела глазами моргнуть.

— Почему это отвратные? — возмутилась в тишине. Встав со стула, протопала к двери и заявила погромче: — И ничего не отвратные! Не хуже, чем у твоих подружек!

Душ не включался, парень молчал, и я проговорила обиженно, зная, что он услышит.

— Знаешь, Сокольский, уйду я от тебя, наверно. Не протянем мы три недели. Не смогу я заниматься на полу, питаться вермишелью и исчезать по твоему желанию вместе с вещами в никуда, как человек-невидимка. У меня тоже нужды и гордость есть. Можешь не верить, но это так.

Подбородок снова задрожал. Ведь плюну и уйду, а где ночевать буду?

Эх, Фанька-Фанька. Придется тебе таки топать на вокзал.

Задвижка на двери щелкнула, и показалось угрюмое лицо Сокола.

— А если я тебе почку отдам, еще раз такую же яичницу приготовишь?

— Сдалась мне твоя почка.

— А как насчет полки? Под вещи в шкафу?

Это предложение было уже куда интереснее, и я, утерев нос мокрыми труселями, всхлипнула:

— Годится.

Ой, кажется, картошка горит!

Подушки у Сокольского оказались просто огромные. Мягкие, пуховые, как у бабушки в деревне. Вообще-то спать на такой — одно удовольствие, недаром я утром в университет проспала. Покрутив по очереди обе в руке, парень одну нехотя протянул мне, — ага, видно после яичницы совесть замучила. Но когда я притащила ее на диванчик в кухню, то поняла, что спать-то мне, собственно, и негде. Убрала подушку — место появилось улечься на бочок. Положила — исчезло. Я обняла подушку и прижала к себе — спать хотелось ужасно, время пришло позднее, но расстаться с удобством не было никакой возможности. Хоть бери и, правда, на пол ложись. Ну что за невезуха!

Сзади послышались шаги.

— Не дури, Чиж. Я тебя предупреждал, что спать в кухне паршиво. Мне-то все равно, а тебе мучение. Три недели точно не выдержишь. Ляжешь в комнате на матрас — хоть выспишься нормально, там ковер теплый. Друзья ночевали — не жаловались.

— Нет уж, — брякнула упрямо, — я лучше здесь.

— Ну, как хочешь, — дернул плечом Сокол и ушел. Вернулся с пледом в руке — бросил на диванчик. Снова ушел. А я выключила свет и улеглась. Укрылась. Притихла.

Через пять минут сполз плед. Еще через десять — поползла вниз подушка. Нет, ну кто придумал кухонные диванчики кожей оббивать? Я старательно все подтянула к себе, сгребла руками, и перевернулась. Теперь съехала попа. Вновь подушка. Ааа! Зачем делать плед таким большим! Вывод: надо чем-то жертвовать. Но вот не сном же?!

Ай, к черту и плед и подушку! Чихать я хотела на удобства! Люди в старину вообще в пещерах спали и ничего! Главное, спали же!

Стало прохладно. И рука под головой затекла. А больше всего раздражает бухтение телевизора. Жаль, что у Сокольского не две комнаты. Э-эх, как бы я сейчас хотела попасть к бабе Моте...

А Сусанночка-то с дочкой так и не пришла.

ТЬфу! Вспомнится же на ночь глядя нечистая!

Проснулась я сидя в обнимку с подушкой и упершись лбом в кухонный стол. Зубы от холода отстукивали громкую чечетку — все же декабрь на дворе, а я в тонкой футболке. Да и уснула с мокрой головой. Три часа ночи, вокруг тишина, а у меня сна ни в одном глазу — прекрасно! 1:0 в пользу дивана! Ни за что больше на эту пыточную дыбу не влезу! Делать нечего, вспомнив о словах Сокольского, укуталась с головой в плед, схватила подушку, и в полной темноте на цыпочках стала красться в комнату. Искать предложенный парнем надувной матрас, ага.

Шаг, еще шаг. Рукой по стеночке — мац-мац. Кажется, Сокол достал матрас с антресоли и оставил у кресла на полу, там я его и нашла. А вот насос к нему — нет! Зубы тут же заскрипели от досады. Ну и дурындище ты, Фанька. Теперь полночи самостоятельно легкими дуть!

Делать нечего. Не снимая плед, расселась на полу по-турецки, отстучала чечетку от холода, и приступила... Очень уж хотелось хоть пару часов нормально поспать!

Клац-клац! — зубами. Глубокий вдох и глухой выдох в матрас: а-фууу! Снова клац-клац-клац! И выдох: А-фууу-у-у... Подумаешь ночь! Да люди ночью и не такими странными делами занимаются!

— Кто здесь?! — за спиной спросонья как-то уж слишком обеспокоенно выдохнул Сокольский. И так он это выдохнул — растерянно и с придыханием, ну чисто тебе наивный детсад, что тут же захотелось побезобразничать. Благо опыт соседства с младшим братом имелся богатый. Ну я и сказала со всем раздражением не выспавшейся вредины. В

полной темноте, низким скрипучим голосом замогильного Бугимена:

— Это я! Злой голодный Барабашка-а-а! Пришел забрать твою жи-и-изнь! — И посмеялась деревянно, как Буратино из глиняного кувшина: — А-ха-ха-ха! Открой тайну золотого ключика-а-а-а!

И зубами клац-клац!

Повисла пауза. Клянусь, длинной в минуту. Я даже сама испугалась — а вдруг я своей шуткой взяла и поспособствовала у Сокола остановке сердца? Вдруг за горой мышц оно у него хрупкое и трепетное, как у воробышка. Господи, меня же тогда точно отправят на Колыму! И вообще, кто из нас двоих по слухам неуравновешенный псих?

Парень завис. Потом осторожно вскинул голову. А потом... кубарем скатился с кровати и нашел мою шею.

— Анфиска, твою мать, убью!

Кхе-кхе-кхе-е-е!

— А что я-то? Я тут сижу никого не трогаю, матрас надуваю — сам предложил! А ты меня пугаешь из-за спины! Кто здесь, кто здесь! Как кукушка-дрыстушка!

— Я пугаю?!

— Ты! — в таких случаях, главное, держать лицо, даже если дышать нечем. — И так же понятно, что я! Или ты и вправду подумал Барабашка?

— Чиж-ж...

И не успела я возмутиться, что этот боров навалился на меня (точно ведь без штанов!), как он уже хватать матрас в руки и давай дуть!

— А...

— Рот закрой!

— А...

— Кляп вставляю!

А! Ыыы! Пф-ф!

— Ну и пожалуйста!

Спать легли молча. Посопели в унисон драконами в нос и отвернулись каждый к своей стене, только одеяла хлопнули.

Прелесть! Раздолье! А плед-то вовсе и не большой! Подушечка-а-а... Интересно, когда мы с Сокольским разъедемся, получится ли у меня выменять ее на какой-нибудь важный орган тела? Например, аппендикс? А может, и правда, забрать у Сокольского почку, а потом так бац: вот вам наше великодушное за подушечку! — и вернуть!

Ум-м-м...

Утром, проснувшись, прошмыгнула в туалет, в ванную, затем на кухню. Задержалась там немного — с утра все показалось неожиданно

уютным и знакомым, даже диван. Как странно! Немного посуетилась у плиты и ахнула, когда заметила, что стрелка настенных часов перевалила на восьмой час. Надо спешить! Еще предстояло причесаться, одеться и добраться в университет!

У двери в спальню неожиданно остановилась. Утро в декабре позднее, но наступает неумолимо, и за последний час в комнате заметно посветлело. Я решила вспомнить о вежливости (точнее о том, что Сокольский спит голышом) и постучать. Громко. Да и, елы-палы, вставать уже пора! Сколько можно дрыхнуть!

— А?! Что?!

— Это я. Мне бы вещи взять. Можно войти?

Ну, он и тугодум. Или утро на всех соколов так действует?..

Раз ковбой, два ковбой, три ковбой... Может, взять ружье и по уткам пострелять?

— А что тебе мешает? — наконец сонно отозвался парень. — Ночью ведь вошла.

— Так ночью темно было.

— И что?

— А сейчас уже утро. Вдруг я войду, а у тебя там из-под одеяла торчит что-то неприличное? Еще вопить начну. Впадешь в коматоз — не откачают!

Вообще-то я имела ввиду совсем не то, о чем вы подумали. Нет, честно. Мне и первого раза хватило! Хотя вот когда сказала, то сама подумала о том же самом и прикрыла глаза ладонью. Ну и дурындище! Вот ляпнула, так ляпнула! Хорошо, что Сокол, кажется, еще не проснулся.

Нет. Проснулся. Пробухтел сердито.

— Ничего у меня не торчит. Точнее, когда надо — так очень даже... Блин, Чиж, ты что несешь с утра пораньше? Не выпалась?

— Если честно, — виновато вздохнула, — не очень.

— Оно и видно. Заходи уже, мелочь! — привычно рыкнул. — И можешь не мечтать увидеть меня нагишом, я перед тобой сверкать задом больше не намерен!

Ух, осчастливил. Горе-то какое! Так и захотелось показать Сокольскому язык.

— Вот и хорошо!

— Боюсь, набросишься и искусаешь.

— Чего?! — мордаха сама выглянула из-за угла, а за ней и ноги притопали. Брови, в ответ на смех Сокола, съехались к переносице. — Ты! Совсем опупел?! Уж лучше вечный коматоз, чем... чем... Понял!

И не заметила, как оказалась возле кровати. Парень, закидывая руки за

голову, вопросительно изогнул дугой темную бровь. Пришлось отвернуться и вспомнить, что я пришла в комнату за вещами, а не за тем, чтобы тарашиться на всяких остроклювых дятлов. Как на мой взгляд, так незаслуженно симпатичных. Но прежде чем уйти, все равно задержалась на пороге.

— Яичницу не приготовила, зато приготовила мясные гренки. С тебя, Сокольский, к вечеру батон, молоко, и, — наставила на острьяка палец, — ветчина. И еще. Раз уж ты нагло слопал мой ужин, я у тебя взяла пакетик чая. Надеюсь, ты не против. Ну, пока.

— Пока.

Вот теперь ушла. Интересно, до начало занятий в университете сорок минут, а парень в постели. Как он умудрится не опоздать-то? Хотя, у него вроде как машина имеется?

Только выпорхнула из подъезда, как чуть не влетела в руки еще одного пернатого.

— Анфиса? Доброе утро! Уже убегаешь?

Передо мной, как царь горы под ручку с лешим, стоял Сокольский-папа с Сусанночкой. Клянусь, при виде меня у женщины дернулись челюсти.

Ну и рань! Чего они тут спозаранку забыли-то?

— Д-доброе! Василий, э-э... — я застыла на месте, глупо моргая. Черт, как же его отчество? Карлович? Константинович? Ведь если сейчас ошибусь — спалю Соколу контору нафиг! Я же с папой вроде как сама мечтала познакомиться, а тут... Николаевич? А может, Денисыч?

Сусанночка, видя мое замешательство, победно сверкнула глазками и показала акульки зубки.

Ай! К чему мелочиться! Мы же по легенде почти что родственники! Пусть папа с сыном сами разбираются, а чиж акуле на зуб так просто не дастся!

— Здравсьте, дядя Вася! — я снова, как прошлым вечером, лучезарно улыбнулась мужчине. — Да, убегаю. В Университет!

Лицо Сокольского-старшего не дрогнуло. Совсем как лицо сына, когда я его за задницу щипала. И по уху не врезал — значит, переживет. А вот его будущей женушке моя коммуникабельность точно костью в горле встала. Вон, даже закашлялась, бедная. Пришлось похлопать женщину по спине.

— А вы к Артему? — задала не самый умный вопрос, но неудобно было просто взять и уйти.

— К сыну. Решили вот заглянуть перед отъездом.

— Ага! Передавайте привет, а то я уже соскучилась по Артемке —

жуть! — по-свойски подмигнула. — Так я побежала? На учебу опаздываю.

И по тротуару, по улочке трусцой к остановке. Но как только дверь подъезда за гостями закрылась...

— Алле?

— Сокол, это я! Скорее прячь матрас под кровать! К тебе делегация!

— Кто?

Содержательно.

— Они!

— Сколько?

— Двое! Илоночку где-то потеряли.

— Понял! Спасибо, Чиж! — и отключился. А я выдохнула: кажись, пронесло!

Людей на остановке толпилось много. Район новостроек оказался большим, транспорт ходил исправно по расписанию, но я все равно чуть не опоздала на пару, по привычке пропуская вперед школьников и родителей с малышней. Когда прибежала в универ, сдала вещи в гардероб и нашла аудиторию — преподаватель уже стояла на кафедре и выговаривала группе за плохо написанную лабораторную работу по экономической информатике.

— Чижик!

Не успев юркнуть за парту, я подпрыгнула, уколотившись о лед голубых глаз.

— Да, Полина Викторовна?

— Анфиса, в чем дело? Тема работы была «Бизнес-приложения, как основной компонент информационных систем», а у тебя что? Разве это схема управления? Где вводные данные и способы обработки? Ты у меня всегда на хорошем счету, мы с тобой разговаривали о подготовке проекта на область. Где вывод о бизнес-процессах?

Зарецкую на потоке боялись все. Не преподаватель — снежная королева информатики, требовательная и до ужаса циничная. Как этой молодой женщине двадцати шести лет от роду удавалось держать своих студентов в железной узде — оставалось загадкой. Наши девчонки сходились во мнении, что весь секрет заключался в ледышке вместо сердца и хватке дементора, и пусть я с ними была в корне не согласна, под ледяным взглядом мне тут же, как страусу, захотелось спрятать голову в песок. Уверена, остальным студентам — тоже.

— Так это, Полина Викторовна... в тетради все.

— Вот именно, что все, Чижик. Не густо. У других результаты еще

хуже. А мне нужно, чтобы из вас получились лучшие аналитики и специалисты, способные, если и не решать сложные управленческие задачи, то хотя бы иметь четкое представление, для чего нужны программные системы и продукты. Я понимаю, что на горизонте маячат праздники и каникулы, что вы устали, но впереди контрольные и сессия. Соберитесь!

Ну, мы с Уляшкой и собрались. Всю пару просидели как мыши в анабиозе, внемля словам Снежной королевы факультета, слушая про инновационные технологии в экономике, конспектируя и боясь лишней раз шелохнуться. Молчали как рыбы подо льдом, хотя к окончанию пары терпение подружки иссякло, и темные глаза Уляшки уже всю стреляли в мою сторону.

— Ким, давай потом! — я подхватила девушку под руку и потащила по коридору. Впереди ждала «любимая» в кавычках физкультура и нам предстояло добежать через улицу и два соседних корпуса до главного спортзала университета. — У нас с тобой на все про все десять минут, а еще хорошо бы переодеться!

— Фанька, пощади! — взмолилась подружка. — Я сегодня спать не могла, всю ночь вертелась. Меня же от любопытства разорвет!

— Не разорвет! — мы обе, хватая в гардеробе куртки-пуховики, рассмеялись.

— Ну, Фа-ань!

— Ладно, любопытная Варвара, — сдалась я, — спрашивай.

Мы вышли из корпуса и сбегали по припорошенным свежим снежком ступеням с крыльца. Поспешили с другими девчонками из группы по тонкой аллейке к спортзалу, теряясь в хвосте.

— Ну и как прошла первая ночь в квартире Сокола? — Уляшка, следом за мной с разбега проехала по длинной полоске льда, снова пристроилась рядом и наострила ушки.

— Вообще-то вторая, — уточнила я.

— Ой, точно! Так как прошла? Надеюсь, Сокольский тебя не обижал? Как ни крути, Фань, а квартира — его территория, стоило переживать.

Я неопределенно пожала плечами, очень уж хотелось подразнить Ульку.

— Что, обижал? — испугалась подруга.

— Ну, если не считать того, что я его сначала чуть не пришибла сковородкой, потом угрожала ножиком, а потом он меня чуть не задушил — то ночь у нас прошла вполне по-деловому, — поспешила я ее успокоить. — Выжили оба!

У Уляшки отвисла челюсть. Даже с шага сбилась. Пришлось остановиться и помочь подруге захлопнуть рот.

— Снежинок нахватаешь, Ким, и застудишь горло. Идем!

Но выражение лица у Улянки всю дорогу было такое чудное, как у Винни-пуха, когда он заглянул в бочонок с медом и не обнаружил там последний — смесь растерянности и ужаса, и мне ничего не оставалось, как выложить все начистоту. И про бабайку, и про акульку улыбку Сусанны, и даже про дядю Васю.

— А теперь переживай тут, как там Сокол справится без меня. Он, конечно, тот еще утконос, но сделка есть сделка, так что я постараюсь отложить обиды на три недели. Ему сейчас с этой Илоночкой точно не позавидуешь!

— Офигеть! Ну, ты, Чижик, и влипла!

По пятницам физкультура у групп ТЭФ-1 и ТЭФ-2, в которой мы учились, проходила с четвертым курсом. Обычные пары, обычных студентов, когда парни бегают по полю спортивной площадки, гоняя мяч, а девчонки жмутся в уголке или рассеиваются по периметру со скакалками в руках. А то и вовсе сидят, болтая ногами на невысоких трибунах, пока их тренер решает важные вопросы по учебной части в неизвестной атласу географии.

Но сегодня все тренера были на месте, близился конец полугодия, и четыре десятка девчонок согнали в угол, где висело два каната, пытаясь подбить на сдачу норматива. А до потолка метров шесть. Или семь. Неужели десять?! В попытке измерить высоту у меня ожидаемо закружилась голова.

Еще со школы не люблю этот спортивный снаряд. Терпеть не могу! Он всегда вызывал во мне приступ паники и немоты, вызвал и сейчас. Уж лучше через козла попрыгать, поплавать, побегать наперегонки с секундомером, но только не канат. Зная о своем страхе, тихонько поползла в сторону.

Какой там!

— Хорошо, Ким! А теперь Чижик! Где Чижик?! Чижик, быстро на канат! Пошла! Не заставляй людей ждать!

А... Э-э... Мама! Делать нечего, полезла с дрожью в ногах. И, знаете, все бы ничего. Пока глаза были закрыты, так у меня очень даже получилось забраться наверх, но как только открыла... Зал оказался маленьким, а я и вовсе букашкой — испуганной, жалкой, и страшно одинокой, смотрящей на мир людей с высоты.

Вон Ульяшка, следит восхищенным взглядом за качающим пресс Мальвином. Вон наши парни, чуть в стороне, обороняют футбольные ворота от Сокола, который как всегда уверенно рассекает поле с мячом в ногах. Слишком быстрый, слишком верткий и слишком спортивный, чтобы этот мяч кому-то отдать. Вон наши девчонки — отсюда видно, как они шушукаются и строят глазки ребятам, а вон и тренер... Смотрит на меня и почему-то подозрительно активно машет руками.

О-о-ой! Взгляд уперся в пожелтевший потолок. А-а-ай! Снова скользнул вниз.

— Чижик! Анфиса! Ты чего там застряла? А ну слазь!

Поздно. Я уже повисла на канате, вцепившись в него зубами, как дикая мартышка на лиане. И ни туда, ни сюда.

— Чижик! Кому говорят — слазь! Вниз давай!

— Чижик, прекрати валять дурака!

— Чижик, это что еще за новости?!

Не-а. Я себя знаю. Сначала горло онемееет, потом руки, затем спина, а потом меня в полубессознательном состоянии всем педсоставом вместе с ректором снимать будут! С помощью уговоров и команды пожарных! Надеюсь, хоть в этот раз никого не покусаяю.

Не покусала, но стыда набралась — на весь мой век хватит.

— Это просто кошмар. Надо мной теперь весь факультет будет ржать.

— Да ладно тебе, Фань, — поспешила успокоить верная Улька, шагая рядом по улице. — Главное ведь, что цела осталась! Подумаешь!

— Понимаешь, я была уверена, что со мной такое больше не повторится. Это же не школа, я должна повзрослеть. А здесь какие-то глупые страхи! — я в отчаянии сжала руки в кулаки. — Где он только взялся, этот чертов канат! А еще тренер — чего молчишь? Чего молчишь? А я не могла ничего сказать. Вообще ничего! Неужели с ним никогда не бывало ничего подобного? Чтобы горло свело и ни звука!

— Тебя парни хотели снять, но он не разрешил.

— А вот это правильно, — не могла не согласиться. — Уж лучше пусть ржут надо мной, чем обвиняют в чем-то тяжком. Эх, — грустно вздохнула, — такое было настроение хорошее и на тебе. Весь день насмарку!

Сейчас только одно могло поднять нам с Ульяшкой расположение духа, и мы, не сговариваясь, направились в буфет. Душить червяка калорией, ага. И, знаете, неожиданно придушили, разговорившись с Наташкой Крыловой, занявшей вместе с нами столик. Точнее, Ульяшка

разговорила, а я в самый неподходящий момент сунула нос. И как всегда причина оказалась в приснопамятной троице.

— Девочки, а вы знаете, — Наташка умяла кусок сосиски в тесте и заметила тоном соседки-сплетницы, — оказывается, у Мальвина девушка есть.

— Правда? — тут же охнула Ким, чуть не выпустив из рук стаканчик с горячим чаем, и заметно приуныла. — Да?

— Правда. Только он ее никому не показывает. Оля Грачева сказала Тимофеевой, а та уже мне. Вроде как у Грачевой с Мартыновым было что-то, и он ей по секрету признался, что занят. Теперь Грачева ревет. Ее по слухам еще весной Сокол отшил, а теперь и тут непруха. Они же у нас с Анисимовой первые красотки факультета, и вдруг в таком пролете.

Ким напряглась, поглядывая в сторону Мальвина, который сейчас сидел в компании друзей и какой-то девчонки. О-па! Уже в компании двух девчонок! Им бы еще одну и будет всем братьям по серьгам! А так непонятно кому достанется внимание и главный приз красотки Анисимовой — Лешему или Соколу.

Ну а нам да, на только и дай языки почесать. Чего еще в буфете делать-то?

— Интересно, а почему не показывает? — спросила Ульяна.

— Не знаю, — пожала плечами Наташка, — вроде бы она учится в другом городе и сильно занята.

— А может потому, что ее и нет вовсе — девушки? — хмыкнула я. Не очень-то мне понравилось, что подружка расстроилась. — Или она такая страшная, что и показать стыдно?

— Ты что! Там по слухам модель с ногами от ушей и журнальной внешностью! — возмутилась Крылова моему неверию. — Грачева бы Тимофеевой врать не стала!

— Грачева, может, и нет, а вот Мальвин — запросто.

Ульяшка совсем сникла, и я погладила ее руку.

— Уль, ну перестань. Да кто ее видел? У него этих девушек — вагон и маленькая тележка! Вон как у Лешки твоего! Не хватало еще верить всяким слухам!

Глава 5

— А вдруг он свою девчонку от друзей скрывает? Боится, что уведут? — предположила Наташка.

— Тогда грош цена такому трусу и таким друзьям! И вообще, нашли о ком говорить!

Но когда мы с Ульянкой вышли после занятий к остановке, она все равно сказала, словно мои слова нуждались в ответе.

— Ты вот бурчишь, Фанька, а парни они все скрытные. Между прочим, мой Лешка до сих пор не знает, что ты у Сокола живешь.

— Как это? — удивилась я. Уж кто-кто, а Леший была уверена, что в курсе нашей сделки с Сокольским.

— А вот так. Сегодня утром спросил у меня, как у тебя дела и нашла ли ты общагу. А еще — не сильно ли тебе от Сокола досталось? Хорошо, что я догадалась соврать. Так что Артем даже с друзьями не очень-то откровенничает.

— Ким, так это же совсем другое! — развела я руками. Неужели Ульяшке не понятно? — Это он не меня скрывает, а на себя любимого и свободного не хочет тень бросать! Я вообще смотрю, он себя не соколом, а орлом мнит. А так плевать хотел, я ему помогаю или кто-то другой, лишь бы цель достичь. Потому и молчит, что неважно. А Мальвин придумал удобную отговорку для глупых девчонок и пользуется. Все равно ведь клюют. Я вообще не понимаю эти игры-загадки. Что это за парень, который за спиной своей девушки смотрит на другую? Или прячет. Или вообще — стесняется, — вроде бы старая обида, а сердце все равно больно сжалось. — Как по мне, так это последнее дело! А значит, и не любовь вовсе!

Ну вот, сколько раз обещалась себе молчать, а снова разошлась. И настроение окончательно опустилось за отметку «ни к черту». Так и расстались с Ульяшкой до понедельника — каждый с мыслями о своем, а я поехала на работу. Как-то неудобно было к Соколу на квартиру заезжать, чтобы переодеться и покушать, решила терпеть до сна. Поездку домой из-за бывшего я отложила на утро, впереди меня ждал длинный пятничный вечер, когда бар гудел и оживал как никогда, и я твердо знала, что Тимуре моя помощь не будет лишней.

— Привет, Фань! Ты рано сегодня! — окликнул меня бармен, как только я вошла в зал и направилась к подсобке. В помещении было пусто,

появление завсегдатаев только ожидалось, и Сашка привычно возился с бутылками с выпивкой, выставляя их в нужном порядке и наполненности на стеклянную витрину.

— Привет, Саш! Не поверишь, по работе соскучилась!

— Рассказывай, красавица, — парень засмеялся, и я невольно улыбнулась в ответ, снимая шапку и расстегивая пуховик. Все-таки приятно, когда тебя называют красавицей, пусть и говорят это сто раз на день любой особе женского пола. — Уже неделю без выходных. Завела бы наконец парня, глядишь, и скучать не пришлось.

— Уж кто бы говорил...

— Так я тебя жду, Фань! А ты у нас объект жутко несговорчивый. И вообще — кусачая недотрога.

— А ты не трогай, и я не буду кусаться.

Вот так с улыбкой и вошла в подсобку. Спрятав вещи в шкаф, переоделась. Если на смене был Александр, значит и Райка крутилась где-то поблизости. Обычно официантка глаз не спускала с симпатичного темноволосого парня в тесной черной футболке и татуированной от плеча до запястья рукой, вот и сейчас, что-то бросив ему на ходу, вбежала за мной следом.

— Привет, Фанька! А ты разве не уехала к родителям? Сегодня же пятница? — выпалила в две секунды.

— Завтра, — я неопределенно махнула рукой. — Да и деньги нужны.

— Вот и отлично! Поможешь со столиками? Сегодня вечер ожидается просто феерический! Наши играют за полуфинал с болгарами, на первой линии обороны Самойленко, так что Тимур ждет полный бар. А тут еще Ромка задерживается, и я одна на весь зал!

Это была не очень хорошая новость, обслуживать клиентов я не рвалась, но и не отказывалась, а вот домой предпочитала уходить пораньше. Все же бродить поздним вечером по городу девушке одной — мало приятного, а бар часто работал за полночь, и официанты покидали заведение последними. Ну да делать нечего. Сами знаете, не студенту перебирать харчами и заработком. Я пообещала Райке помочь, понадеялась на щедрых клиентов и принялась за работу.

Сначала я помогала дяде Жоре — нашему повару, готовить на кухне нарезку. Потом мыла посуду. Потом обнаружился дефицит туалетной бумаги, и я, как самый младший сотрудник бара «Маракана», сгоняла в ближайший супермаркет и притащила целую коробку. Снова сгоняла за освежителем воздуха. Потом терла столики, натирала пепельницы, поливала цветы, проверяла меню. А потом мы с Райкой покурили на

крыльце. Точнее она покурила, а я так, рядом постояла. Но с удовольствием! Потом мы, как две вышколенные гончие, носились по залу, встречая клиентов.

— Здравствуйте! — грудь вперед и улыбка в пол лица. — Рады вас видеть в нашем кафе-баре «Маракана»! Будете делать заказ?..

— Здравствуйте! Первый раз у нас? Рады видеть... — И через полчаса: — Вам повторить?

— Здравствуйте! Пиво? Конечно! Для вас большой выбор. И закуски! Одну минутку...

Весь вечер бар заполнялся людьми, а к началу матча и вовсе набился под завязку. Еще немного и от болельщиков будет не протолкнуться.

— Тимур, ты как хочешь, а я до полночи не останусь.

— Анфиса, не канючь. Я тебя отвезу.

— Не ври, сколько раз уже отвозил. Сейчас наши продуют, и ты с горя с дядей Жорой напьешься!

— Да ни за что! Типун тебе на язык! «1:0» — еще ни о чем не говорит. Впереди второй тайм!

— Значит, выиграют, вы на радостях выпьете, а я у тебя тут сдохну!

— Плачу вдвойне!

— То есть к моим трем копейкам еще три? Очень смешно, Тимур! Не-а, я домой хочу.

— Ладно, молодежь, живи. Рома звонил, вроде обещал скоро быть.

Райка. Откуда только взялась?

— Фа-ань! — подлетела из зала. — Куда пропала? Не успеваю! Обслужи компанию за шестым столиком! У меня два заказа горят!

— Видишь, Чижик, что творится? Еще один столик обслужишь?

— Тимур, десять вечера уже...

— Ну, Фанечка-а... Ты же знаешь, как тебя клиенты любят. Так и быть, оплачу вам с Раей такси.

— Ыыы, хорошо!

Уже на полпути чуть не споткнулась, заметив за нужным столиком Сокола в компании незнакомых девушек и парней. Станным образом, в приглушенном свете зала вся компания выглядела немного старше обычных студентов. Или это я не привыкла разглядывать Сокольского вне универа? Или тому причиной футбольный матч? Неважно. Сейчас на парне была рубашка под цвет глаз, модная челка падала на глаза... ах, да, на коленях сидела девушка. Скажите, пожалуйста, какая неожиданность.

А впрочем, мне-то какое дело? Главное, помнить об уговоре. До него бы я Сокола вообще в упор не заметила, ну, вы понимаете.

Подошла, выпятила грудь, растянула губы в профессиональной улыбке и спросила: чего, собственно, господа желают? Оказалось пива, креветок, легких закусок, тройку коктейлей для девушек... и победу в сегодняшнем матче. Ничего необычного. Пообещала выполнить! Сокол ожидаемо и бровью не повел. Отлично! Молча пошла обслуживать заказ.

Через двадцать минут наша команда забила гол, и бар взорвался криками! Мы с Райкой снова как гончие понеслись между столиками.

— Вам что-нибудь принести? А вам? Конечно, есть! Буквально две минуты! Ура-а-а...

Еще через десять минут нашим футболистам опять улыбнулась удача, счет стал «1:2», и красotka слетела с колен Сокола. Кажется, парень и сам не заметил, как смахнул девушку с рук, вслед за друзьями вскочив с места. Вот она любовь страшной силы! К футболу, ага! Я в этот момент как раз проносила к соседнему столику пиво и чуть не уронила поднос, когда девица «выпала» из-за стола. Чтобы замять неудобный момент, бросила полупьяно через плечо.

— Чего смотришь? Один «Лонг-Айленд» принеси! И скажи бармену, пусть льда кладет меньше! Не люблю, когда на мне экономят! Надеюсь, не придется ждать полчаса?

Я постаралась поторопиться. Вспомнила отвергнутую Ольку Грачеву и вдруг жалко девчонку стало. Дуреха, на что надеется? Видно же, что она парню нафиг не нужна. Так же, как подружки его друзьям. Хотя, может это я в этой жизни чего-то не понимаю? И это у меня все плохо, а у них отлично? Молодые, здоровые, спаринг-секс, все дела. И разошлись довольные, как в море корабли, каждый к своему фарватеру. Эх...

Сашка был занят под завязку. Над стойкой бара висела плазма, толпился народ, так что пришлось, не дождавшись бармена, сделать коктейль самой и очень постараться не испортить. В баре неожиданно стало так тихо и напряженно, что даже я замерла.

Ясно. Последние минуты матча, опасная игра у ворот, напряженный момент... Кажется, сейчас будет взрыв.

Взрыв. Урааааа! Наши победили! Блииин, ну зачем так орать?

Я лихорадочно трясла шейкер и улыбалась клиентам. Вот только обнимать меня не надо, и тискать тоже! Интересно, я сегодня домой попаду? Надо было соглашаться с Тимуром не только на такси, а еще на кило черного шоколада и неделю оплачиваемого отпуска.

Когда вернулась к шестому столику, девица снова вылезла к Соколу на колени и хихикала, он лениво потягивал пиво из бокала, а его друг подзывал меня рукой.

— Вы что-то хотите? — вежливо спросила у парня, поставив перед девушкой на стол коктейль. Скалиться уже не было никаких сил.

— Хочу. Двойной «Ржавый гвоздь» и тебя, малышка. Может, присядешь? — парень раздвинул ноги, подмигнул, и хлопнул себя ладонью по паху. — Покатаю.

За столом раздались смешки.

Ну, началось. Все ясно. Кто-то здесь явно перебрал. Вот почему не люблю задерживаться до закрытия и обслуживать поздних клиентов. Среди них всегда найдется какой-нибудь идиот, который обязательно испортит настроение.

Я постаралась ответить в духе персонала модного заведения, — то есть, крайне вежливо. А вот «выкаты», глядя на гнусную ухмылочку незнакомого типа, расхотелось совсем. На случай неожиданной активности посетителя, работники всегда могли рассчитывать на вышибалу Толика. Так чем я не работник?

— Спасибо, не думаю, что мне будет удобно, сидя у тебя на коленях, обслуживать других клиентов. Тем более, на чем там кататься-то? — привстав на носочки, я заглянула за столик. — На ржавом гвоздике? Если честно, и того не вижу.

Видимо, я сказала что-то смешное, потому что компания рассмеялась. На Сокола я не смотрела.

— Ой, наприсишься, девочка... — парень не выглядел расстроенным. Совсем напротив. Дернув на плечах куртку, наклонился ближе. — Люблю строптивых. Хочешь поиграть?

— Макс, кончай, — вдруг равнодушно отозвался Сокол. — Не заводи девчонку.

— Ну, с такой, может, и кончу. Поздно, Тёмыч, я уже отчалил навстречу своему счастью! — И снова мне: — Это ведь ты сегодня в спортзале вскарабкалась на канат? Хорошо смотришься снизу, малышка, я заценил!

И заржал. Вот же козел! И другие заржали! Так и захотелось их всех чем-нибудь крепко огреть! Я даже папку для заказов выудила из подмышки и стиснула перед собой в руках. Ну, кто первый?

Видимо, не только я почувствовала неладное, потому что подруга Сокола вдруг заканючила:

— Артем, я устала и напилась. Рассчитайся за нас с официанткой и пошли отсюда! Давай к тебе? В прошлый раз мне все понравилось. Как насчет того, чтобы вдвоем отметить выход в полуфинал? Я уверена, котик, нам с тобой пора уходить.

Что?! Уходить? Уже? То есть.... А как же я?! Возникший перед глазами знак вопроса затмил собой даже «котика».

Пришлось прижать папочку к груди и бочком, бочком, подтопать к парочке ближе, пока остальная компания продолжала развлекать себя смехом. Пробубнить как бы между прочим, но заметно погромче:

— Вот-вот. Официантка тоже человек, и тоже очень хочет домой.

— Ну вот, видишь! — тут же отозвалась девушка, которую, кажется, я опрометчиво поспешила жалеть.

Сокол взглянул на меня, я на него. Снова на меня — я ответила тем же. Сверкнула глазами: мол, лишишь спального места, остроклюв — убью! Потом воскрешу, и еще раз пристукну. Сковородкой, с которой ты мою ветчину сожрал!! Не я первой скрепляла сделку рукопожатием.

— Не получится, Зая, — парень развалился на стуле. — Не сегодня. — И девицу с рук — брынь на соседний стул, а сам мордахой к друзьям. Типо — отвали, черешня, у нас тут вообще-то футбол!

Но если бы в жизни все решалось так просто, у меня обязательно была бы своя комната, а Сокольский не боялся бы ранить отца. Вот и Черешня сдаваться не собиралась. Ну еще бы! Я бы на ее месте тоже обеспокоилась такому внезапному охлаждению к своим прелестям. Девчонка была яркой раскраски — высокая и симпатичная, чего уж там.

— Это почему же? — повисла на руке Сокола, хлопая того по плечу. — Ну же, Артемка, не ломай кайф, — скусил мордочку, — я неделю ждала! Что случилось-то?

Парень заюлил. Ломать кайф ему и самому вряд ли хотелось, особенно, когда перед глазами усиленно «дышал» бюст, который скромницы обычно прячут в высокое декольте, но лично меня этот факт ни капли не волновал! Уж я-то точно не собиралась после такого длиннющего дня гулять бездомной дворнягой по зимнему городу!

— Вика, солнце, не могу, извини! — как от души оторвал. — Совсем забыл. Сестра в гости приехала, ночует у меня. Боюсь, не поймет.

— Старшая? — выдохнула девушка. Неужели с уважением, или мне показалось?

— Да какой там, — Сокол в ухмылке растянул уголок рта. — Мелочь троюродная, сопливая. Школу закончила, а все никак с пупсами не расстанется. Спит в пижаме с Мики Маусом и плюшевых носках.

Что? Да откуда он зна...

— Навязалась мне на голову, теперь не выгонишь.

— А если ее на кухне запереть? — оживилась Вика-Зая. — У тебя же там диван есть?

— Не получится, — вздохнул «братец». — Она у нас того, — покрутил ладонью у виска, — лунатик. С красными глазами барабашек по ночам ищет, как Ван Хельсинг нечисть. Может и в окно сигануть, если на ночь к кровати за косу не привязать.

— Ненормальная, что ли? — впечатлилась подруга.

— Ну, зачем же. Так, с придурью немного. И, главное, это не лечится. Разве что осиновый кол...

Рррр...

— Р-расплатитесь! — вдруг рывкнула я. Вот сама от себя не ожидала. Схватила ручку, сделала с холодной миной подсчет и брякнула чек на стол. — Я закрываю заказ и ухожу!

— Почему? — Девушка странно покосилась, а Сокольский, гад, заулыбался крокодилищем. Полез в карман за деньгами.

— Потому что у меня работа вредная!

— Столько хватит? — великодушно отвалил официантке «на чай». И добавил, запустив руку с купюрой в мой карман: — Вот держи еще, мелочь, на молоко!

Что-о?!

Ну все! Шутки кончились. Вот вернусь домой — спалю вражине хату дотла!

Глава 6

— Анфиса, ты куда?

— Все, надоело! Я увольняюсь!

— Ясно, — кивнул Тимур. — План перевыполнен, победа за нами, пора вызывать такси? — сгреб деньги с барной стойки в карман и растянул с Сашкой улыбку на двоих.

— Именно! — и почему я сегодня так всех веселю? У меня что, на лице сидит клоунский нос? Или брови сползли на щеки?

— Только попробуй, Санчос! — наставила палец на бармена, с серьезным видом протянувшего мне чупа-чупс. — Сам за туалетной бумагой бегать будешь, понял! На костылях!

— Так я ж из чувства солидарности, Фань! Врачи говорят — глюкоза при стрессах полезна. Слопаешь, глядишь, снова человеком станешь.

— Да идите вы! — развернулась, махнув хвостом.

— Фаня, ты что? Уже домой? — окликнула в спину Райка, когда я, рассекая лбом толпу, как ледокол «Октябрь» воды Антарктики, натянув шапку и пуховик, проплыла-пропыхла мимо девушки к выходу.

— А черт его знает! — бросила честно. — Вроде как домой, а вроде и нет.

— Как это?

— А вот так! Разве у Чижики может быть хоть что-то, как у нормальных людей?

Сказала и хлопнула входной дверью, отодвинув с дороги вышибалу Толика. Хорошо хоть не ногой.

— Р-раступись!

Но как только оказалась на парковке, оглянулась и увидела вокруг себя темную снежную ночь, неожиданно сдулась как шарик и вздохнула, роняя сумку с плеча. Вдруг ужасно захотелось оказаться дома рядом с мамой.

Вот они! Шашечки!

— Э-э-эй!

Автомобиль мигнул фарами на взмах моей руки и подъехал ближе.

— Машину заказывали?

Я кивнула. Попробовал бы Тимур не заказать при такой-то кассе. Вот сейчас такси меня отвезет, а потом уже и Райку по месту назначения доставит, все равно ведь в разных районах живем.

— Конечно! — уверенно влезла в салон и притихла. Как только

назвала адрес и за окном замелькали дома, фонари, и желтые зрачки светофоров, раззевалась не на шутку, как сонный кашалот. Ох, до чего же спать хочется! Кажется, гораздо сильнее, чем палить Сокольскому хату. Он, конечно, бабник и гад (такой же, как его дружки!), но матрас у него зачетный, да и квартира уютная. При мысли о подушке в груди приятно защемило, как у Горлума при виде кольца Всевластия. Моя прелесть! Вот сейчас приеду, приму душ пока хозяина нет, и каааак завалюсь спать до шести утра! Потому что в семь-то у меня уже автобус!

А еще есть хочется — жуть! Надеюсь, про молоко Артем пошутил. Потому что если нет, то... Ладно, потом подумаю, что я с ним такое страшное совершу!

— Переулочек Федосеева, девушка. Приехали.

Я зашевелилась. Уже? Надо же, чуть не уснула. Дернула за ручку — заперто.

— С вас за проезд.

— Чего? — опешила.

— Обычный тариф плюс десять процентов ночных. Итого... — и бац сумму! Озвучил, значит.

— А разве Тимур не договорился, что сам оплатит?

Мужик обернулся и глянул косо. Ну и типчик! Волан-де-Морт с усами!

— Кто такой Тимур?

— Ну, Тимур! Хозяин кафе-бара «Маракана»! Откуда вы меня подобрали. Он сказал, что вызовет такси.

— Вызов был, оплаты не было. Конечный адрес действительно не тот, что был в заказе, но кто вас, ночных пассажиров, поймет. Первый раз, что ли.

— Ну вот, видите...

— Так, девочка! Только не пытайся меня развести на деньги! — и этот рычит. Развернулся и кулачище на спинку сидения хрясь! Брови к переносице хмысь! И ни одного сомнения, что зло проснулось. Жаль не знаю заклинания, как материализовать волшебную палочку, а то бы защищалась. — При муже или жене один адрес называете, мне — другой, а я с вами всеми играть должен?

— Да я правду говорю! — попробовала объяснить подозрительным писком. — Хотите, позвоним ему прямо сейчас? Он точно...

— Не хочу! Я с тобой полночи по городу кататься не собираюсь, мне работать надо! Так, уважаемая, будем расплачиваться? Или я вызываю подмогу? Учти, у нас контора солидная, все по-серьезному. Не понравится, могут и накоматылять, не посмотрят, что в юбке. Вас — молодых да наглых

только так и нужно жизни учить!

Ну и дене-ек. И почему я не удивляюсь своей бестолковости? Ведь действительно села и не спросила. Так кто же мне виноват?

— Не надо никого звать, я расплачусь, — потянула сумку на колени и полезла за кошельком.

— Во-от. Другое дело.

— Зря, что ли, целый вечер впихивала на празднике чужой жизни, — вздохнула. — Как раз заработала.

— А вот это меня уже не интересует.

— Кто бы сомневался.

Пока шла к подъезду и поднималась пешком на седьмой этаж, все думала: интересно это только я одна такая невезучая на весь белый свет Чижик или еще похожие дурищи есть? Так хочется хоть кому-нибудь поплакаться в жилетку, чтобы тебя выслушали и пожалели. И я поплакала немножко, как настоящий оптимист, пока никто не видит. Нет, правда, утерла кулаком слезы. В конце концов, я же живой человек, а они все надо мной смеются. Даже таксист.

Не стала я лезть под душ. И ужинать не стала. Просто разделась, надела любимую пижаму с Мики Маусом, плюшевые носки, достала из-под кровати матрас и улеглась спать. Утро вечера мудренее, чем не про Фаньку сказ? А Сокол, ну что Сокол. Не быть нашему прЫнцу Иванушкой-дурачком — вон каким красавчиком развязным в баре сидел в обнимку с принцессой-лягушкой. Такие даже в сказках высоко летают. Надеюсь, хоть свет догадается не включать, когда вернется, довольно с меня издевательств.

Подумала, и тут же уснула, коснувшись щекой подушки.

* * *

Сокол

— Вика, зая, посмотри на парочку за соседним столиком и на нас. Улавливаешь разницу?

— Хм, не очень. А что?

— А то. Они по жизни вместе, а мы — нет.

— Не понимаю. Артем, ты к чему ведешь?

— К тому, что в прошлый раз у нас с тобой проблем не было, а сегодня, кажется, будут.

— Ты такой смешной... — и снова эти кокетливые ужимки, которые я

терпеть не могу.

— Да неужели? И почему я считал тебя понятливой? Ты весь вечер лезешь на меня, как будто страдаешь от чесотки, а я единственное средство спасения. Я говорил, что не люблю этого? Солнце, тебя что, трахнуть некому? Я уже сказал «нет», хватит меня уламывать, я не девочка.

— Что?!

Слава Богу, с колен вскочила и руки с шеи убрала.

— Извини, заяц, но квартиру искать не стану — устал как черт. А из романтики холодных подъездов уже вырос, не вставляет.

— Да я думала ты сам не против!

— Да вроде нет. Был. Слушай, Вика, мы же взрослые люди, давай не будем играть в игру «этот бамбино мой». Ну, не случилось на этот раз, случится в другой. Не я первый, не я последний. Хочу то, хочу это — с такими капризами не ко мне, сама понимаешь. Я тебе показал разницу.

— Придурок! — сказала зло, но тихо. Значит, завтра сама позвонит.

Пришлось встать, остановить, и приобнять за плечи.

— А вот теперь прощаемся. Потому что я, Зая, могу и вспылить. Ясно? Ушла. И подругу забрала. Макс обиженно дернул губой.

— Не понял. Сокол, ты чего? — спросил удивленно, разведя руками. — Какого черта?

Если бы я сам знал. Вдруг достала и все.

— Нахрена ты вообще баб позвал, Титов? Договорились же футбол смотреть.

— Так скучно вроде, Тёма, без девочек, не? Раньше ты не был против совместить приятное с полезным, так почему сейчас обломался? У меня вообще-то на Светку были планы.

— Твои планы, Макс, сейчас штаны порвут. И не только на Светку. Вали, догоняй! Может, на троих сообразите, а я домой, — сняв куртку со спинки стула, потянулся к бокалу с пивом и одним махом допил. — Пока.

Чертов день! Пиво, друзья, отличный футбол, но даже в баре не получилось расслабиться. Еще эта Чиж. Откуда только нарисовалась? И что за дурацкое место работы для такой девчонки? Не помню, замечал ли я ее раньше в «Маракане»?

Пока пробирался к выходу, случайно зацепил плечом незнакомого парня. У того из рук выскользнул бокал. Упс. Бывает. Качок поднял голову:

— Эй, ты! Смотри, куда прешь, мудак! Здесь приличные люди отдыхают, а не всякая...

Пришлось врезать. Сильно. И еще раз. Вмешались друзья, но Макс помог. Вроде полегчало. Сейчас бы я, пожалуй, не отказался наклонить Заю

даже в подъезде.

— Только не за руль, Сокол, не дури, — остановил друг, когда вышли на улицу, я вытер снегом костяшки рук и шагнул к машине. — Возьми тачку. Кажется, мы и правда с тобой сегодня перебрали. Ну, бывай!

— Шеф, свободен? Переулок Федосеева.

— И ты тоже? — удивленно обернулся усач, заводя мотор. — Только что чудачку одну туда отвез. Представляешь, сама зелень сопливая, а туда же, платить не хотела. Придумала какого-то Тимура, но я-то свое стряс до копейки. Надеюсь, с тобой мы сразу договоримся об оплате вперед?

В квартиру вернулся поздно и сразу почувствовал, что Чиж дома. Странное чувство, незнакомое, как будто стены ожили. Зашептали, зашелестели при моем появлении, что я больше не один. Может, именно об этом чувстве говорил отец, забрасывая меня вопросами о моей девчонке?

Точнее, о моей девушке. Смешно. Как вспомню это чудо на канате... Чуть не убил Лешего, когда узнал откуда оно в моей квартире взялось. До сих пор на заднице синяк, кому рассказать — засмеют. Но как же вовремя и удачно. Лучше уж Чиж, чем будущая сводная. У Сусанны хватка железная, своего не упустит. А у отца больное сердце в анамнезе, и куриная слепота с дурью к хищной бабе. У каждого своя жизнь и лучше бы сгладить углы.

Я разулся, снял куртку и вошел в комнату. Чиж уже спала на матрасе. Свет мягко падал на свернутую клубком девчонку, и вдруг подумалось, как быстро она освоилась в чужой квартире. Как будто уже жила здесь. Так почему меня это факт не задает? Где знакомое раздражение при виде ночных гостей? Сколько раз я сам взащей выгонял своих приятелей, желая остаться один? Неужели все дело в чертовой Илонке?

Да, именно. Я вспомнил, как однажды в отцовском доме она пришла ко мне в спальню и скривился. Тогда я был пьян, сейчас — тоже. Но недостаточно пьян, чтобы, улегшись в постель, еще раз не спросить себя: какую чертову игру я затеял?

Нет, определенно, чтобы избежать глупых мыслей, пора спать.

Ночью снился подъезд и Зая. Неважно, какая из них, я все равно не видел лица. Вот только волосы у Заи были непривычной длины и мягкие на ощупь. Не помню, чтобы трогал такие. И голос отдаленно чей-то напоминал.

Когда проснулся утром, зимнее солнце светило в комнату, а постель Чижа была убрана. На этот раз стены снова подсказали мне, что я в доме один. Странно. Я не спросил девчонку, чем она намерена заниматься в выходной день. Но если решила не надоедать хозяину, так это же отлично!

Откинув одеяло, поплелся на кухню. А вдруг Чиж и сегодня что-

нибудь приготовила? Вчера мы с отцом в три счета умяли гренки на зависть Сусанне, и желудок требовал повторить праздник.

Нет, пусто. Лишь записка на кухонном столе и деньги.

«Засунь свои чаевые в ***ницу, Сокольский, вместе с осиновым колом! Сам покупай молоко, понял! И батон!»

А внизу рожицы. У меня даже глаза полезли на лоб от такого художества.

Что за...

Чего?!

* * *

Чиж

В субботнее зимнее утро в любом дворе любого городка жизнь начинается чуть позже обычного. Вот и в этот выходной день в родном дворе дома родителей стояла относительная тишина, и к подъезду я кралась, как к городской черте полевая мышь. Не отсвечивая в окна соседей физиономией и низко натянув шапку на глаза.

Причиной такого странного поведения с моей стороны был бывший парень — сосед по лестничной площадке и первая любовь. Точнее тот факт, что в эти выходные он тоже гостил у родителей и сейчас находился поблизости. Чтобы с ним не встретиться, я была готова на любые уловки, даже стать Человеком-Невидимкой или Бетменом влететь в окно. С меня с лихвой хватало наших встреч в университете и многозначительных взглядов «Вернись, я все прощу». И если в большом городе мне казалось, что факт расставания для нас обоих очевиден, то в родном городке память бывшему со странным постоянством изменяла, и он снова и снова донимал меня встречами и выяснением отношений. А вернее сказать — доставал «настоящим чувством», которое по его твердому убеждению, три ха-ха, всегда принадлежало Анфисе Чижик.

Я вошла в подъезд, взбежала на носочках на третий этаж и заскреблась в знакомую дверь ключом. Войдя в родной дом, притворила дверь за собой, и только когда щелкнул замок, негромко окликнула родителей:

— Ма-ам? Па-ап? Вы где? Это я!

В прихожей вкусно пахло едой, на кухне негромко бубнил телевизор... Скинув с плеч пуховик и сбросив сапоги, я отправилась навстречу запахам.

— Анфиса! Дочка! Ну, наконец-то приехала! Иди скорее ко мне, моя девочка, я тебя обниму! — выдохнула мама, встречая меня крепким

объятием с поцелуем. Развернув перед собой, в две секунды ощупала и осмотрела на предмет целостности и вновь прижала к себе.

Как же я люблю возвращаться домой!

— Привет, мам!

— А щеки-то, щеки какие с мороза холодные! Фанечка, ты замерзла? Где твой шарф? Почему так легко одета? Ты что похудела? А ну-ка свитер подними! Конечно, и футболку не поддела! И глаза блестят. Ты случайно не заболела, доча?

— Да не-е! — я засмеялась и сама крепко-крепко обняла маму. Неважно, что я чувствую в душе и вообще, что за кавардак творится в жизни. Мам нельзя огорчать, им за нас вдвойне больнее. Если у нас на сердце трещинка, то у них — разлом. Если царапинка, то у мам — живая рана. Вот побуду рядышком, напитаюсь любовью, а потом снова пойду в большую жизнь оптимистом. Мамы они умеют все по полочкам расставлять.

— Фанька, ты чего? — удивилась родительница, посмеиваясь. — Соскучилась? — в детстве я вообще висела на ней как паук. Да и на отце тоже.

Я кивнула:

— Еще как! Ма-ам, а чем так вкусно пахнет? — прищурила один глаз, заглядывая в любимое лицо. — Неужели ватрушечки?

— Они самые, твои любимые. Хорошо, Фаня, что ты с утра позвонила. Я на рынок сбегала и вот... уже скоро испекутся. А пока давай-ка садись, покушай с дороги. Федя еще вечером суп с клецками на ребрышках приготовил. Как знал, что ты приедешь.

Ум-м-м. Люблю ребрышки! И папку люблю!

Руки вымыла, села за стол и заработала ложкой, как стахановец. Чаф, чаф. Нет, ну правда же есть хочется!

— А где папа-то?

— Да с Юрой уехали на рыбалку. Клев у них, видите ли, сезонный! Ну, ничего, к обеду вернутся. А к ужину, может, и рыбка будет.

Мама нахмурилась, я тоже.

— Фаня, там к Юре с Диной сын приехал. Звали нас с отцом на чай, но мы не пошли.

— Я знаю. Он мне звонил.

— Ты смотри, — мама неприятно удивилась, а я чуть не укусила себя за длинный язык, — сколько времени прошло, а все никак не отвяжется. Может, дочка, мне с Диной еще раз поговорить? Как думаешь?

— Нет, мам, — я легко отмахнулась. — Брось! Не хватало еще вам с

папой в наши дела лезть. Сами разберемся, подумаешь! Уже не дети.

С родителями бывшего родители дружили много лет. Вместе в дом заселялись, вместе детей в школу-сад водили, жили дверь в дверь. С нашим расставанием дружба между семьями поостыла. (Да что там, было время, когда упала до точки замерзания!) И все же сейчас отношения с соседями родители старались поддерживать приятельские. Да и кажется мне, что обе семьи еще в тайне на что-то надеялись, но я эти надежды старалась категорически не замечать.

Ребрышки оказались такими вкусными, что я даже косточки погрызла. Мама как раз достала из духовки румяные ватрушки и смазывала их маслом, когда я встала из-за стола, подошла и крепко обняла ее со спины. Поцеловала плечо сквозь халат.

— Маму-уся.

Мама сразу напряглась.

— Фаня, у тебя точно все хорошо? — покосилась озадаченно. Провела ладонью по волосам. — Какая-то ты расстроенная.

Я постаралась изобразить непринужденность.

— Все просто отлично, ма! Учусь, работаю. Да я у тебя вообще умница!

— Ох, Фанька...

Мама засмеялась и сунула мне в рот кусок ватрушки. Я с удовольствием схрумала.

— А как там Матильда Ивановна поживает? — спросила. — Кстати, все никак не найду время списаться с ней в одноклассниках. Она мне ссылку на новый турецкий сериал обещала дать, а нашей бабе Фисе — особую схему для вязания. Бабуля Роберту свитер вяжет на день рождения, только это пока секрет!

Господи, до чего же я врать не люблю.

— Да нормально поживает. Йогой занимается, в театр с подругами ходит. Не скучает! — И поспешила перевести стрелки на рельсах маминого внимания, пока та ничего не засекала. — Мам, а как ты посмотришь на то, что я возьму и перееду в общежитие?

— В общежитие? — мама, конечно, удивилась. — Студенческое?

— Ну, да, — пожала плечами. — Знаешь, там весело. И вообще другая жизнь...

— Анфиса, у тебя что, появился парень?

Я даже рот открыла. То ли от удивления, а то ли от страха, что мамин рентген-луч все-таки засек неопознанный пернатый объект в опасной ко мне близости.

— Да нет. С чего ты взяла?

Теперь мама пожала плечами. Смутилась слегка.

— Не знаю. Наверно, потому, что ты у нас взрослая совсем стала, самостоятельная. Возьмешь вдруг, выскочишь замуж, а мы с Федей и не заметим.

Я снова полезла к маме тискаться. Вот люблю обнимашки, хоть хлебом не корми!

— Ой, мам, перестань! Нужны они мне все — изменщики! Я вас люблю!

— Так не все же, Фаня, изменщики-то! — мама даже возмутилась за сильный пол. Ну, еще бы не возмутиться при нашем-то папе однолюбе. — Есть и нормальные парни. Вон, Оксана Сусликова, твоя одноклассница, с Женей Прохоровым третий год встречаются и вроде дело даже к свадьбе движется. Да, не красавец с лица, но душой... Ты бы, может, обратила внимание на нормальных-то ребят. Ты же у нас девочка симпатичная.

Это мама меня жалеет. Все переживает, что я в душе по бывшему сохну, но ей не признаюсь. Подозревает незажившую рану. Мол, гордо страдаю, потому третий год и не встречаюсь ни с кем. Да нужен он мне! По нему тут пол района сохнет, вырастили родители «лебедя». Нет уж, не тот у меня характер — в любви страдать. Да, было больно, очень больно, но вырвала с корнем и забыла. На грабли пусть другие наступают, а я свое в лоб уже получила. На всю жизнь урок запомнила.

А что касается Женьки с Оксанкой... Как по мне, так Сусликова та еще капризная мымра. Я б на месте Прохорова ее уже в каком-нибудь цветнике бурьяном закидала. Капризная и ревнивая до жути. А вот Женька действительно хороший парень, правда, скромняга и молчун.

— Мам, ты сейчас говоришь, как наша баба Фиса.

— Да? А что баба Фиса говорит?

— Говорит, что нечего молодой девчонке жить со старухой Матильдой. Что мне с молодежью гулять надо, на танцульки ходить, а не с бабками на кухне семки плевать. Что скисну как простокваша во цвете лет и через год буду носки на спицах вязать, как она.

— Это наша бабушка такое говорит?!

— Наша!

Я засмеялась и мама тоже. Значит, вопрос с общежитием можно считать решенным. Хорошо. Приеду, первым делом еще раз наведаюсь к коменданту, напомним о себе, а то девчонки из агентства что-то молчат.

— Фаня! Фаня приехала! Фаня!

Мелюзга, младшие сестренки ураганом промчались по квартире,

вскарабкались на колени и повисли на плечах. Заглянули бесхитростно в глаза, тиская шею.

— А что ты нам привезла?

— Да, что ты нам привезла?

— Что?

— Что?

Вот так всегда, как все двойняшки в два голоса.

— Девочки! — осадила сестренку мама. — Как не стыдно! — сказала с упреком. — Анфиса домой приехала, к своей семье, это мы должны ее встречать и угощать!

Но, конечно, я кое-что привезла девочкам. Два киндера и брату — апельсин. Чем богаты, как говорится.

— Фаня! Фаня!

— Да я это, девочки. Я! Только не вопите так громко, — попросила, — у нас же стены тонкие! Соседи услышат.

Но разве малышню утихомиришь? Слопали киндеры и давай жаловаться:

— Фаня, а нас Робик обижает.

— Да, обижает.

— Не играет с нами.

— Совсем не играет.

— И папе помогать не хочет!

— Не-а, — и мордашки такие обиженные, как у двух мопсиков.

Не удержалась, погладила обеих по волосам. Смешные зеленоглазки, всклопоченные, в пижамах. Совсем как я когда-то. Хотя из пижамы-то я до сих пор не выросла.

Посмотрела на маму.

— Мам, Кубик-Рубик там что, совсем зазнался, что ли? Чего это не помогает, не поняла?

Мама только рукой махнула.

— Ох, Фаня, эти мальчишки... У Роберта сейчас возраст сложный. Его от компьютера краном не оттащить. Какой там помогать! Уроки из-под палки. С девочками гулять не заставишь. За хлебом и то послать проблема. Одни игры на уме!

— Что? Да какой там возраст! Так, — встала из-за стола, — я пошла! Что еще за новости!

— Куда? — вскинулась мама.

— Куда?

— Куда? — запищали девочки.

— В детскую, — свела брови, как Карабас-Барабас и щелкнула сестренку по носикам. — Поздороваясь с братом!

В спальню крались, как настоящие партизаны — на цыпочках, друг за дружкой по стеночке. Только остановились у дверей, девчонки тут же запрыскали смехом. (И почему все люди так любят делать гадости? Даже маленькие?) Пришлось повернуться и погрозить смешарикам пальцем.

— Тихо мне, жужжалки! Если сорвете операцию по воспитанию Робика — останетесь без няньки! — девчонки послушно закрыли рты ладошками.

А Кубик-Рубик подрос. Я не видела младшего брата три недели, но все равно соскучилась. В детстве я так любила играть с ним. Куда только не водила — и в садик, и в школу. Любуясь братом, осторожно убрала со лба отросшую челку, погладила затылок. Вот умеют же мужчины спать — беспробудно. Пусть и такие безусые. Точно ведь за мой компьютер уселся, как только родители уснули, и просидел до утра. А теперь отсыпается.

— Кошка, — тихонько позвала Николашку. — Давай сюда барби. Всех, что найдешь. Только тихо! Мышка, — обернулась к попискивающей от предвкушения гадости Мишель. — Тащи своего медведя, который с соской и во-он тот розовый бант. Будем нашему Робикку фотосессию делать!

— Фань, а если он рассердится? — спросила Николь, но ей тут же ответила сестра. Таким же заговорщицким шепотом.

— А если рассердится, мы папу позовем! И папа нас защитит!

Господи, и чему я только детей учу? А ведь старшая сестра должна быть младшим во всем примером.

Ай! Сколько того детства! Зато будет что вспомнить!

Малышня отреагировала молниеносно. Запыхтела, завозилась, отыскивая игрушки. Глядя на их старания, я подняла вверх большой палец.

Кубик-Рубик крепко спал, расплющив щеку о подушку и рыбкой открыв пухлый рот. Осторожно, работая как настоящий щипач-карманник, я вставила в рот брата соску, прицепила на волосы бант, подняла руку и всунула подмышку плюшевого медведя. Приподняв одеяло, уложила в ряд барби. Композиция получилась — просто зашибись, и у меня слезы текли от еле сдерживаемого смеха, когда отщелкивала брата на фотоаппарат телефона.

Как всегда гениального комбинатора подвела команда. Эх, профаны! Но я и сама больше не могла молчать, и когда Робик открыл сонные глаза, мы с малышкой хохотали как сумасшедшие. Какие там тонкие стены и соседи? Кажется, нас слышали все!

— Если... если... если не будешь помогать родителям, Кубик-Рубик, и

гулять с девчонками, я вот это — покажу всем! В ...в...в... аххаха... контакте!

И бац брату картинку-сюрприз под нос. Девчонки только соли подсыпали:

— Хахаха!

— Ма-ма! — ух и кабанчик! Спрыгнул с постели — пол вздрогнул. Протопал рюмсающим топтыгиным к маме на кухню, забыв снять бант. — Мама, Фанька дура!

Глава 7

— Мама! — ух и кабанчик! Спрыгнул с постели — пол вздрогнул. Протопал рюмсающим топтыгиным к маме на кухню, забыв снять бант. — Мама, Фанька дура!

— Ну, все, — ударили с девчонками по рукам, — теперь можно уезжать со спокойным сердцем. Такой компромат — закачаешься! Будет родителям помогать как миленький! И вам сопли утирать!

— Мы большое!

— Да, мы большие!

— Да кто бы сомневался!

Через полчаса мы с Робиком помирились, и я уже тискала брата за пухлые бока. А мелюзга так и вопила до вечера, вцепившись в меня жадными паучками — Фаня то, Фаня это. А я рисовать хочу, а я — смотреть мультики. Только папа и смог всех успокоить и уложить по спальным местам.

А потом мы с родителями пили чай на кухне, разговаривали, и я делала вид, что не замечаю бесконечных входящих звонков от неизвестного абонента, терзающих мой онемевший телефон. Разозлившись, и вовсе отключила средство связи и пошла спать. Но бывший не был бы бывшим, если бы не догадался по визгу и смеху смешариков, что я дома, и не знал, как меня достать.

Только пришла в детскую и улеглась на своем диванчике — стал настукивать монеткой в стену, так, как мы перестукивались, когда были детьми. Да и позже, когда детьми уже не были.

Тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук. Тук.

Тоже мне радист, блин! А главное ведь знает, что я помню все наши стуки и понимаю, о чем он «говорит».

Тук. Тук. Тук-тук-тук.

Черт! Да что ж ты не уймешься-то!

Прокравшись из спальни в прихожую, накинула куртку и вышла на лестничную площадку. Сказала хмуро, убедившись, что дверь за спиной заперта.

— Чего тебе?

— Привет.

Я промолчала. Здраваться с бывшим у меня давно пропало всякое желание.

Ничего, проглотил. Влез плечом между мной и дверью, оттеснил к стене. Ну-ну. Знаем, проходили.

— Анфиса...

— Достал! — не удержалась. Если бы могла, так и топнула бы ногой. — Еще раз спрашиваю: что надо? Зачем стучишь?

Не понравилось. Напыжил плечи, сунул руки в карманы джинсов, перекатился с хмурым видом с носков на пятки и обратно. Заиграл бицепсами.

Хорош, не спорю. Красавчик, и за фигурой следит. Только вот не ёкает внутри ничего. Умерло.

— Почему со мной не поехала? Я ждал.

— Не захотела, — ответила честно. — Да и с чего вдруг? Я что, должна?

— А почему бы и нет? Мы же соседи, знаем друг друга сто лет. Да хоть по старой памяти...

— Вот именно, что сто лет. Только, помнится, это факт не помешал тебе отказаться от меня. Так что сейчас, спрашиваю, понадобилось?

— Анфиса, перестань, — улыбнулся кротко и обаятельно — прелесть, а не парень. — Сама ведь все понимаешь. У мужчины должно быть в жизни время, когда он предоставлен сам себе. С этим просто нужно смириться и все. Это — не навсегда!

Ну и хитрец. Да уж, догадаться не сложно. Еще бы к самосознанию и стыду воззвал. И простил бы снисходительно дуреху бестолковую.

— Не-а, не понимаю. Не хочу понимать, с подобной жизненной фигней не ко мне. Но знаешь, я без претензий. Как подумаю, что могла уехать в другой город, другой университет и никогда не узнать, какой ты, продолжать безоглядно верить — так в дрожь бросает. А сейчас мы чужие люди и точка!

— Фаня... — вот же гад, еще и руки тянет! Пришлось отступить.

— Отстань, а? По-хорошему прошу! Ну, сколько можно? У тебя своя жизнь, у меня своя. Забыто все.

— А если я скажу, что нет? Что я по-прежнему верю в наше будущее?

— Если ты так скажешь, то я отвечу, что поздно, и даже смеяться не буду. Потому что уже не смешно.

— Фаня, я виноват, — шаг вперед, и еще шаг. — Остался год, а я понимаю, что надоело. Пресытился. Скучаю. Все равно таких, как ты, нет, и дальше — только хуже. — И рукой по волосам провел, ласково так. Еле сдержалась, чтобы не ударить.

Сволочь. Достучался таки. Разбередил душу. И не хотела, а сердце

сжалось в старой боли предательства, даже слезы выступили. Выдохнула задушено, выдавая себя.

— Если пресытился, значит, было вкусно?

— Не без того, — ну, хоть честно. — Но кто не ошибался? Не всем быть такими сильными, как ты.

— Я? А что я? — от удивления нашла в себе силы улыбнуться. — О, я Геракл! Да! Каждый раз, когда тебя вижу, мышцы прокачиваю. Снова и снова повторяю, что не стоишь ты моего огорчения и плевать хотела!

— Но я всегда о тебе помнил, Чижик. Всегда! Если бы ты только захотела, я бы...

— Что? Ну что «ты бы»?.. — посмотрела бывшему в глаза. — Нужен ты мне такой использованный, как... как... — захотелось сказать вот совсем грубость, но не смогла.

— Фанька, скажи, — прижал грудью к стене, задышал часто, — у тебя ведь нет никого? По-прежнему никого?

— Не твоё дело.

— Нет, моё, — ответил упрямо, как всегда. И такой серьёзный, вроде он мне одолжение делает. — Моё!

— Что? Хочешь на двух стульях усидеть? И рыбку съесть и... сладкий пряник?

— Хочу быть с тобой, дура. И буду! Только попробуй с кем-нибудь шашни закрутить, ты меня знаешь...

Ну вот, и этот обзывается. Может, я и правда не в своём уме? Иначе почему стою здесь и разговариваю с тем, кого столько раз клялась обходить стороной? Но сейчас он заикнулся о кое-чем важном для меня, и я напряглась. Да что там, меня так в жар бросило, что чуть не уронила красавчика на пол, когда отталкивала от себя.

— Только попробуй! Никогда не прощу!

— Фаня...

— И парень у меня есть! И личная жизнь! И он... он в сотни раз лучше тебя, понял! Верный и надёжный! — Эх, где бы ещё такого найти? Но главное ведь бравада? А горечь потом проглочу. — Я ему даже снюсь каждую ночь! Потому что как меня встретил, так и жить без меня не может! Не то что ты!

Смотри-ка, бывший прямо лицом побледнел — артист! Дернул губами:

— Вы спите?

— Нет, кино смотрим. — И добавила зачем-то: — Про барабашек и бурагино!

— Ты... Ты... — навис фонарем, сверкая глазами. Упер кулаки в стену.

— Ну, давай, скажи, что я? Или кто я?

Не сказал. Успокоился, выдохнул, волосы растрепанные с глаз убрал. Заулыбался ехидно.

— Не умеешь ты врать, Чижик. Нет у тебя никого. Я бы почувствовал. Ты моя, Фанька...

Вот верите — слов для ответа не нашла. Только кукиш увесисто под нос сунула и дверью за спиной хлопнула.

Хрен тебе, а не Фанька!

Прошла мимо родительской спальни, постояла, послушала, как похрапывает папка, и вернулась к себе. Забравшись в постель, притихла. Сон никак не шел, в голове крутились разные мысли, вспоминалась юность и первые поцелуи... то, как я была счастлива когда-то — глупая, влюбленная в соседа-мальчишку школьница, и снова отчаянно захотелось реветь. Да что там реветь — выть! Неужели действительно нет на свете любви — верной и настоящей? Теплой, солнечной, надежной? Неужели чтобы стать счастливой нужно прощать и понимать? Жертвовать во имя чужой прихоти? А как же я? Как же мое сердце? Ведь оно чувствует и болит.

Всхлипнула раз, всхлипнула два... Если сейчас не почитаю чего-нибудь про любовь — точно разревусь и окончательно разуверюсь в этом чувстве. Утерев нос, решила плюнуть на соседа и включить телефон. Там у меня книжечка-е-ек — тьма! И половина о любви! Я как раз не дочитала сцену схватки капитана Джона с Кривым Биллом за жизнь своей возлюбленной — прекрасной маркизы Габриэль. Красотку едва не похитили пираты, когда сегодняшним утром междугородний автобус затормозил у дома моих родителей.

Всхлип. Всхлип. Э-эх... Еще раз вздохнула, включая *кулридер и нужную закладку.

«...Противники схлестнули шпаги, рассекли воздух, и благородная сталь зазвенела от напряженной схватки, развернувшейся на капитанском мостике «Пегаса». В паруса бил ветер, нос шхуны рассекал высокие гребни волн и все, что осталось у измученной Габриэль — это надежда, что Бог не оставит их с Луизой, и раненый капитан победит исчадие ада. Предводителя пиратов и самого страшного человека в море — Кривого Билла.

Внезапно противники замерли, и бедная девушка увидела, как белоснежную рубашку капитана окрасили алые пятна крови.

— Джон! — упав на колени, вскричала Габриэль, и...»

Тю-ю, я разочарованно заморгала, увидев входящий звонок. В такое-то время суток? Пришлось сесть в кровати и спросить шепотом:

— С-сокольский?

— Ну, наконец-то! — облегченный выдох, и вместо приветствия: — Ты где, Чиж? Почему телефон в отключке? Сбежала? Мы так не договаривались! — и голос, главное, такой сердитый, что сразу захотелось возмутиться.

— Вот еще. Не дожدهшься!

— Тогда где? Ты время видела? Почему не дома?

— Не твое птичье дело! — Да, невежливо, но Сокол, после выходки в кафе, на вежливое и не заслужил.

— Я в «Маракане», если что. И тебя здесь нет.

Ну и логика у этих мужчин! Никакой фантазии. А может, я в Тайланд рванула или еще куда. Сам-то наверняка с друзьями в баре сидит. Субботний вечер, девочки, все дела. Кажется, вчера я ему здорово планы расстроила. Даже странно, что обо мне вспомнил.

— Конечно, нет! — ответила не менее сердитым шепотом. — У меня вообще-то выходные и личная жизнь! Имею право!

— Да? А чего тогда реवेशь, если личная жизнь? Чего шмыгаешь в трубку? Не клеится? Эй, ты там что, не одна?

— Слушай, Сокольский, — пропыхтела возмущенно. — Ты еще бинокль в телефон сунь! Вот точно «совсем офигел» — это про тебя. Не много ли личных вопросов в половину первого ночи?

— Значит, одна. Была бы с кем-то — трубку не подняла.

А чего мы такие довольные, интересно? Злорадуем? Мало он мне вчера свой трофей длинноногий демонстрировал, так решил и здесь укусить, везунчик. Незаметно для себя сползла с дивана и встала посреди спальни, уперев руку в бок.

— Да какое тебе дело вообще? Шерлок, блин! Да ты радоваться должен, что меня нет! Такая возможность уделить внимание Заям! Лучше бы моментом воспользовался, принц дятлов, пока сестра-лунатик в бегах за нечистью! А то смотри, я сделку прерывать не собираюсь! Мне жить негде!

— А раньше ты не могла сказать про личную жизнь? Договаривались же предупреждать! Хоть бы телефон включила, три часа названиваю в глухую рельсу! — и запоздалое: — Кто-о?!

Я почему-то промолчала, а Сокол выдохнул. Сказал уже спокойнее.

— Значит так, Чиж — ты будешь сегодня в квартире или нет? Ты права, у меня на нее планы. Краткосрочные.

— Нет.

— Отлично. Где ты? И смотри не ври. Меня интересуют «рабочие моменты», а не твоя личная жизнь.

— Я у родителей. Приеду послезавтра утром. Могу с автобуса сразу на учебу, чтобы тебе глаза не мозолить. Так что увидимся только в понедельник вечером. Точнее — днем. В баре же выходной...

— Все сказала? — и снова усмешка из голоса пропала. Интересно почему?

— Все. А что?

— А то! У меня в квартире были гости. Точнее гостья. Я уезжал по делам, а когда вернулся — все пропахло духами Сусанны. Наверняка воспользовалась ключами отца. Я ей матов по телефону нагнул, только толку-то? Ясен пень прошерстила по углам. Она была, а тебя, Чиж — не было! Я с кем сделку заключал?

— Так я же...

— Так я же, — передразнил меня Сокол (вот же гад!) — Обиделась, да? Картинки глупые вздумала рисовать? Еще одна истеричка, терпеть таких не могу!

— Знаешь, что?

— Что?

— Вот если бы ты оказался сейчас рядом, Сокольский, я бы тебе с целью мозги поправить так в ухо двинула, чтоб ты не встал! Без всяких истерик. Лучше скажи, что от меня нужно. Хорошо, я приеду завтра вечером.

— Утром. Ты должна быть у меня утром, желательно к шести. У отца завтра дела в городе, он с пяти утра на ногах, так что с подачи Сусанны, как пить дать к восьми заявится с проверкой. Похоже, у них там в отношении меня разработан настоящий план «Барбаросса». И сама понимаешь, против тех доводов, которыми обрабатывает отца Сусанна, мне крыть нечем. А ты, помнится, за порядком следить обещалась и функцию девушки выполнять — так вперед к обязательствам, Чиж! Я срач не люблю и отец — тоже!

Чего?! Снова села на диванчик. Чтобы не разбудить брата, прикрыла рот ладонью.

— Ты с ума сошел? Мне же автобусом добираться больше двух часов! Если сяду на тот, который отправляется в половину шестого утра — в городе буду к восьми. Потом к тебе от вокзала добраться еще полчаса. Сейчас почти час ночи. Сокольский, ты надо мной издеваешься, что ли? — изумилась.

Пауза и глухое, очень мужское:

— Нет.

— А мне почему-то кажется, что да.
— Хорошо, Чиж, я сам тебя заберу, только не ной.
— То есть? — притихла у трубки. — Как это? — винтики в голове затормозили.

— Очень просто! Сейчас приеду. Называй адрес.
— Постой... Куда приедешь? Ко мне в Гордеевск, что ли? — спросила оторопело. Ну и шутки у Сокола. — Ты что, пьян? — усомнилась в трезвой мысли парня.

— Если бы. Как тебя встретил, так хрен знает, что в моей жизни творится!

— Эй, вообще-то я тут ни при чем!
— Да-а?! А кто ко мне в постель зайцем пробрался? Таращился на мой зад?

— Ты! Пф! Да знаешь что!..
— Что?
— Ничего! А как же твои краткосрочные планы? — усовестившись, решила снизить обороты. Как ни крути, а уговор есть уговор. Сама виновата.

Сокол вздохнул. Я вот прям почувствовала, как крепко он меня уважает. Мог бы, задушил от силы чувств.

— А мои планы, Чиж, — прорычал недовольно, — останутся на твоей совести. Так я еду?

— Постой, а-а что я родителям скажу?
— Не знаю. Придумай что-нибудь.
— Я не могу, — закачала головой. — Они же у меня нормальные люди. Если скажу, что вот прямо сейчас возвращаюсь в город — тому должна быть веская причина, ты же понимаешь.

— И что предлагаешь?
— Хм, не знаю. Может, все-таки отложим твой приезд до утра?
— Слушай, Чиж, давай честно. Мне за тобой ехать на чертовы кулички — вот вообще не улыбается. Но если я лягу спать — то вырублюсь. Точно до четырех не дотяну. Или я еду за тобой прямо сейчас или разрываем договор и можешь не возвращаться.

— Что?
— Что слышала. Ариведерчи, Зая. Ключи с Лешим передашь. — И главное голос ровный такой. Точно назад не пустит.

Я встала, потом села. Снова встала. Походила по комнате туда-сюда, пока Сокол терпеливо ждал моего ответа.

Нет, ну я так не играю! Это нечестно! Что за шантаж вообще? Да у

меня у самой из-за него все наперекосяк! И зачем я только с ним связалась?

— З-записывай, остроклюв! — шепотом рассердилась в трубку. — Так и быть, еду! И я тебе, Сокольский, не Зая!

В родительской спальне продолжал похрапывать папа, когда я тихонько пробралась в коридор и затопталась у порога, приоткрыв дверь.

— Ма-ам! — еле слышно позвала, но мама уже и сама выглянула. — Чего не спишь, дочка, — с зевком спросила, запахивая на груди халат. Направилась вслед за мной на кухню. — Слышу из детской бу-бу-бу бу-бу-бу... Роберт вроде как спит. По телефону с кем-то говорила?

— Ну, вообще-то да.

— И что там? Если не секрет.

— Да не-е... Какой там секрет. Мам, понимаешь, тут такое дело...

Мама мигом напряглась. Даже сонные глаза тут же распахнулись.

— Спокойно! — я взяла маму за плечи. — Все живы-здоровы, я не беременна, из университета не выгнали, так что никаких жизненных катаклизмов!

— А-а, — выдохнула родительница. — А что случилось-то?

— В общем, я уезжаю. Так получилось.

— Куда? — мама растерянно заморгала.

— В город.

— Когда?

Я посмотрела на циферблат настенных часов.

— Скоро. Думаю, часа через два или около того. Сколько вообще нужно времени легковой машине, чтобы до нас добраться? Из города?

— Ну, где-то так. Стоп, Фаня, как уезжаешь? Ночью?! Куда? Одна?! Погоди-ка, — мама меня решительно отодвинула, — я сейчас Федю разбужу...

— Нет! Мам! — я поймала мамину руку. — Только не папу! Не надо его будить! Ты же знаешь, папа меня точно не отпустит! А мне вот как надо, — для убедительности полоснула себя ладонью по шее. — Он сейчас придет и будет ждать!

Русая бровь озадаченно приподнялась.

— Кто «он»? — спросила мама. — Фаня, значит, я была права, и у тебя действительно появился парень? — догадалась. — Вы что, живете вместе? В общежитии?

Я виновато сглотнула и качнула головой. Вот так вопрос. Когда от мамы — так на засыпку.

— Нет, в... в квартире.

— Одни?

— Угу, — кажется, я покраснела. Во всяком случае, взгляд скользнул за мамино плечо и зацепился за цветастую бабочку-декор на тюле.

— Давно?

— Ну... э-м-м...

— Анфиса?

Вот если вы когда-нибудь ввалили родителям, то вы меня поймете. Нет ничего хуже, чем юлить перед родным человеком. Это как голыми ступнями на углях танцевать. Но ведь бывают случаи и правды не скажешь!

— Два дня уже. Он там... у него... понимаешь, без меня не получается... не может... я уехала, а он вот позвонил... а я тут... говорит, приеду сейчас... дурак, конечно, но жалко... будет у подъезда ночевать. Вот, — и опустила взгляд на мамины тапочки, не зная, чего еще к своему жалкому монологу добавить.

Стало тихо. Подозрительно тихо. Я осторожно взглянула на маму. И как только нашла зеленые загоревшиеся глаза (ага, не зря папа маму колдуньей называет), тут же захотелось стукнуть себя ладонью по лбу. Она же у меня романтик! Весь книжный шкаф забит папиной учебной литературой и мамиными любовными романами. Сейчас точно навообразит себе не пойми что и потребует Сокольского в гости — знакомиться. Даром, что темная ночь. Ну, я и дурындищце...

— Ма-ам, только не вздумай его к нам звать! Он ни за что не пойдет, слышишь! Тем более сейчас!

— Почему? — спросила удивленно. Ну вот, говорю же. Наверняка уже мысленно подсчет продуктов в холодильнике делает. Что там есть вкусненького гостя угостить.

— Он очень, просто ужасно стеснительный!

— Худенький, наверно? — вдруг ошарашила меня догадкой мама, как-то разом погрузнев.

Наверняка бывшего вспомнила. Здесь я ее винить не могла. Каждой маме хочется, чтобы обидчику ее дочери провидение утерло нос, и на горизонте ее любимого чада появился уверенный в себе, сильный и красивый соперник. Чтобы не стыдно было соседям показать! Собственно Сокольский-то под все эти пункты очень даже подходил. Если бы не одно очень важное «но». Сделка.

— Почему это? — растерялась я.

— Потому что в гости ходить стесняется. Значит, по жизни скромный, ненавязчивый парень. Подумалось вдруг...

— Ну, наверное.

— А ты его любишь, Фаня?

Вот это вопрос! Поймалась рыбка! Пустым ответом не обойдешься. Пришлось закусить губы и спрятать взгляд. Говорю же, стыдно врать.

— Он мне нравится. — И чтобы не разочаровать маму добавила: — Очень. Не могу я его одного на улице оставить, обещала...

— Стало быть, точно решила ехать? Мне волноваться не надо?

— Ну что ты, мамулечка! — обняла маму. — Нет, конечно! Извини, что так получилось! Он меня не обидит, не бойся! — вот тут точно не соврала. Уж в чем-чем, а в отношении своей безопасности в Сокольском я была уверена. Все-таки три ночи вместе в одной квартире провели.

Когда я оделась, и мы выпили чай с ватрушками, мама начала свои обычные сборы меня в дорогу. Засуетилась на кухне, выворачивая закрома. Кто приезжал к родителям, тот поймет, как это у мам происходит.

— Это тебе маслище, Фаня — постное и сливочное возьми. Это колбаска, сыр... А вот я для тебя две баночки сгущенки купила и икорочку трески, ты любишь. Чай, кофе — нечего на ерунду в городе тратиться. Ватрушки тоже все забирай...

— Мам...

— Ничего! У меня полкило творога киснет, я утром еще испеку.

— Спасибо.

— Слушай, Анфис, какая же я балда! — спохватилась мама. — Ты же на машине вернешься! Давай консервации дам?

— Что? Нет, мам...

— Давай! Почему это нет? Вам же не в руках нести, у тебя теперь парень есть, он и поможет! — заулыбалась. Эх, точно с утра папе и бабе Фисе первой новостью расскажет. — Я всего-то по паре баночек! Огурчики, помидорчики, варенье... Ой, слушай! Нам же бабуля двух петушков зарубила! Возьмешь одного?

— Э-э, не...

— Бери! Я тебе сразу и на супчик овощей соображу. Как приедете — так и сварить! Еще маме спасибо скажешь!

В общем, когда Сокол через полтора часа подъехал к дому, я стояла у подъезда окруженная банками и сумками, в которые добавилась пара полотенец, постельное белье, овощерезка, турка, кастрюля для супа, три кило крупы и новые папины тапочки. И о последних не спрашивайте «зачем» — не знаю! Когда попыталась оказать сопротивление, получила в ответ — бери, Фаня, не спорь!.. Ну и мама, конечно, стояла рядом, напрочь отказавшись спрятаться. Правда, как только парень показался из машины, сделала пару тактичных шажков назад.

— Кхе-кхе! Анфис! — шепнула в затылок и за косу — дерг! — Ты

своему-то скажи, чтоб не боялся меня! Не кусаюсь, мол, ну и... дальше сама знаешь! Ох, доча, кажется мне, что у вас все серьезно! Не помню, чтобы ты так о ком-то беспокоилась!

— Угу.

Ночь стояла глухая, снежная, у подъезда горел фонарь... Я почувствовала затылком, как распахнулись глаза родительницы, когда красавчик Сокол попал в поле ее зрения. Выступил в круг света в дорогом прикиде уверенного в себе мажора, рассекая ночь широкими плечами и спортивной фигурой. Чуть не заскулила от отчаяния, по-новому оценивая ленивую походку парня. Эх, Сокол-Сокол. Спортивки, что ли, старые не мог надеть и ватничек потертый? Мама же теперь точно к тапочкам еще чего-нибудь сообразит!

— Ого! — приблизившись ко мне, вытаращил глаза. — Чиж, это что, все твое?! — отпустил удивленный смешок. — Шутишь?

Если бы! Я молча уставилась на Сокола, он — на меня. Я на него — Сокол напрягся. Пришлось нахмурить брови, стрельнуть в сторону мамы глазами, и придать взгляду пущей выразительности. Ну и?

Нет, вот точно дятел. Стоит, смотрит. Еще минута и провалит же операцию, ко всем чертям!

— С-сокольский, блин! — скорее прошипела, чем произнесла. Тихо, сквозь зубы. — Соображай!

Ну, слав-те-хосподи, догадался! Кашлянул в кулак, зыркнул на родительницу, подошел и, склонившись к лицу, чмокнул в щеку:

— Привет. — И вежливо маме: — Здравствуйте! Извините, что так поздно побеспокоил. Соскучился. Надеюсь, вы Анфису не ругали? Каюсь, это я во всем виноват. — И руку маме жмяк: — Артем, приятно познакомиться!

Ну вот же, может, когда хочет! И неважно, что время неподходящее, главное — искренний порыв, улыбка, и честные глаза! Прямо от сердца отлегло. Теперь можно и уехать спокойно, а до завтрашних папиных телефонных расспросов еще дожить нужно!

В машину загружались молча — хорошо, что получилось списать на смущение. С родительницей попрощались и даже подождали, пока на кухне зажжется свет. Зная свой двор, искренне понадеялась, что местный Мюллер — баба Шура видит десятый сон, а не зырит шпионом в окно. Отъехали. Когда оказались на загородной трассе, я, наконец, выдохнула.

— Ну, Сокольский, ты даешь! С ума сошел? Такого приключения в моей жизни еще не было!

— Я даю? — удивился парень. — Да ты не меньше моего даешь, Чиж!

Хоть бы предупредила, что мама будет встречать и чего от меня хочешь. Чувствовал себя последним дураком!

— А мог бы и догадаться, если такой умный! Чуть глаза не окосели! Или ты думал — я одна буду ночью стоять на улице? Скажи спасибо, что встречал не папа. Тогда бы ты точно одним рукопожатием не отделался! Пришлось бы соврать, как сильно ты меня любишь, раз уж примчался, а я пошла.

— Ничего бы не случилось с твоим папой. Мой новость съел и твой бы проглотил!

— Возможно. Только знаешь, ты все-таки парень, не забывай. Сказал отцу, мол, бросил-разлюбил, завяли помидоры, с тебя и взятки гладки. Зачирикал себе дальше. А моему за меня переживай. Да что я тебе объясняю, Сокольский? — сама себе изумилась. — Ну, тебя! Ты же деревяшка бесчувственная, все равно не поймешь! — и отмахнулась, отворачиваясь.

— Знаешь что, Чиж?

— Что?

— Пристегнись! — рыкнул парень. — И скажи спасибо, что не придется спозаранок в автобусе толкаться! Я, между прочим, еще ни за кем вот так не мотался ночью, как за тобой, по городам, наматывая километры. И мамам дураком не скалился!

— Так тебе же вроде надо? Разве нет?

— А тебе?

Мы посмотрели друг на друга сердито и отвернулись каждый к своему окну. Уставились он в лобовое, а я в боковое.

— Чиж? — позвал Сокол немногим погодя, когда немного успокоившись, поглядывая, вновь нечаянно встретились взглядами.

— Что?

— Слушай, а чем это ты так пахла?

— Когда?

— Ну, тогда, когда я тебя в щеку... — парень хмыкнул, но я уже и сама догадалась. — Как будто теплой ванилью?

— А-а. Ватрушками, наверно, — ответила.

— Ватрушками? — Сокольский странно моргнул, замолчал, а потом, глядя на дорогу, сглотнул.

Тоже мне. Чем это он, интересно, в «Маракане» весь вечер занимался? Раз уж спиртное не пил, так хоть бы перекусил чего посытнее перед дорогой.

Я отстегнула ремень безопасности и потянулась к заднему сидению.

Добравшись до сумки, нащупала ватрушку и протянула парню.

— Держи.

Когда увидела, как быстро он ее съел в два укуса, полезла за следующей.

— Вку-усно!

— Еще бы! — ни капельки не удивилась. — У меня мама так готовит, что ух... Пальчики оближешь!

— А там много осталось? — поинтересовался Сокол. — В сумке?

— Ну, штук десять есть. А что?

— А можно еще одну, Чиж. Правда, очень хочется.

— А не лопнешь, деточка?

— Не-а, даже от двух не откажусь! Хочешь проверим? — и улыбка такая многообещающая. Хитрая даже. Вот же лис!

Проверять не стала, а ватрушку дала. Да пусть ест на здоровье, жалко, что ли! Захочу, еще испеку. Кухня есть, печь тоже, подумаешь! Мы с мамой привыкли на нашу большую семью тазиками готовить. Вновь устроилась удобнее на сидении и выдохнула. Вдруг подумалось: ну, еду и еду, будь что будет, чего переживать?

Видимо, мысли Сокола тоже крутились на схожей орбите, потому что парень вдруг спросил:

— Слушай, а твои что, действительно подумали, что у нас все всерьез?

— А то! Иначе бы ни за что не отпустили. Сам же видел, сколько мама сумок собрала. Даже тапки новые сунула для тебя.

— Тапки? — брови Сокольского поползли вверх.

— Ага. И знаешь, — я засмеялась, — хорошо, что я тебе призналась раньше, чем ты увидел подарок, а то бы точно пришлось краснеть! Глупо, но это же мама, понимаешь?

Сокольский не рассмеялся, и не ответил. Молча отвернулся к дороге и продолжил себе рулить. А я задумалась: хм, может я затронула что-то личное и колючее? Глубоко спрятанное? Папа-то у него есть, почти мачеха — тоже. Не хватает родительницы, но, кажется, спрашивать сейчас о ней — не самый удачный момент.

— М-да, неважно будет выглядеть, когда разъедемся, — наконец отозвался. — Если захочешь, я с твоим отцом сам поговорю. Объясню все как есть, а ты подтвердишь.

Я представила себе этот разговор. И бедного папу, который в любых словах услышит от парня одно — возьмите свою дочь обратно, не подошла-с! Так он и станет меня слушать!

— Лучше не надо. Да, ладно, — отмахнулась, — не переживай,

придумаю что-нибудь. Скажу, что ты оказался жадиной или изменщиком. Последнее точно сработает.

— То есть как это? — Сокол неожиданно напрягся. — Почему сразу изменщиком?

— Потому что «не сошлись характерами» прозвучит слишком взрослому и для объяснения причины ссоры совершенно не сгодится. Не та формулировка. А вдруг мои захотят нас помирить? Они могут. А чем тебе причина-то не подходит?

— Не знаю, — Сокол крепче сдвинул руль. — Не нравится. Не по-мужски как-то.

— Да-а? — я даже удивилась. — А мне казалось наоборот. Ты же сам говорил, что спишь с кем хочешь и когда хочешь. Сам типо выбираешь.

— Сплю. Без обязательств и обещаний, а это другое.

— Вроде как честно? — догадалась я.

— А по-твоему нет?

— Хм, не знаю, — пожала плечами. Что я знаю о подобных отношениях? Да почти ничего. Только то, что они не по мне. Не по душе Анфисе Чижик. — Сокольский, — решила спросить, — ты что же, ни с кем не встречался? По-настоящему, если так рассуждаешь?

— Нет.

— Никогда?

— А зачем? — Я растерялась с ответом, а парень продолжил. — Попытки, конечно, были — еще в школе, но скучно. Все эти девчоночьи ревности и вешанье на шею — не по мне. Я свободу люблю, и, если хочешь знать — одиночество. А внимания мне и так в жизни хватает, не жалуюсь.

Внимания Соколу хватало с лихвой каждый день, сама была тому свидетель. И неважно, что он забыл уточнить «женского». Все равно от своей правоты стало неприятно и грустно.

— Понятно.

— Что тебе понятно, Чиж?

— А то и понятно, — вздохнула, — что подходит причина, говорю. Так что и выдумывать больше ничего не нужно. Стоит только взглянуть на тебя, и сразу все ясно. Вчера одна, сегодня — другая, завтра — третья. Таня, Оля, Анфиса... Какая разница, Сокольский? Ты и твои дружки все такие. Так что для папы ответ вполне сгодится. Не переживай.

Спорить со мной Сокол не стал, отвернулся, и я замолчала. Видимо, не больно ему эта тема была интересна. Включил радио погромче, чтобы за рулем не уснуть, сделал кондиционер теплее, уставился на дорогу, так молча и прикатились в город. Когда остановились у подъезда и выгрузили

сумки-соленья, парень недовольно заметил, приказав стоять у машины, подхватив на спину сумку, а под бока бутылки с огурцами.

— Такое впечатление, Чиж, что я тебя с приданым в дом привез. Глупость какая-то, — тряхнул головой, и потопал в подъезд. — Ну, ничего, — обронил хмуро, — осталось две с половиной недели потерпеть и жизнь наладится...

Я надеялась, что жизнь наладится немногим раньше, а потому ничего не ответила. Дождалась, пока Сокол вернется, помогла ему донести соленья и, к своему удивлению, устало выдохнула, вдруг оказавшись «дома».

Время было раннее — первые минуты шестого, за спиной осталась бессонная ночь, и тягучая зевота одолевала, как никогда. Но дела не ждали, как и уговор, и я тут же к ним приступила, помня о своей части сделки. Разделась, умылась, разгрузила сумки, расставила по местам мамин продпаяк и завозилась у плиты с кастрюлей...

— Чиж, ты убирать вообще собираешься, или как? — Сокол недовольный нарисовался на пороге кухни. Для разнообразия уже в футболке и спортивках. Зорко оглядев свою территорию, сунул кулаки в карманы. — Что-то не вижу рвения. Не хочу, чтобы Сусанна нам кости мыла, пока ты у меня живешь. И вещи свои убери в шкаф, просила же полку! До сих пор учебники на полу лежат.

Скажите, пожалуйста, какой грозный. Так и захотелось по носу щелкнуть. Давно ли он эту полку освободил? Ой, что-то мне подсказывает, что кому-то не мои учебники, а не съеденные ватрушки жить мешают! Вон как на тарелку с горкой косится.

— А ты есть хочешь? — задала встречный вопрос.

Сокол даже не задумался.

— Ну, думаю, можно.

Кто бы сомневался!

— Отлично! А если хочешь, тогда не стой столбом, а возьми нож и разделай петушка! Вот! — водрузила подмороженную тушку на стол и придвинула к себе парня. — Птица домашняя, откормленная, бабуля постаралась. Мне одной точно быстро не справиться. А я, так и быть, берусь за уборку!

И ушла себе в гостиную, оставив Сокола с ножом в руке. Лично у нас в семье разделкой всегда занимается папа, чего это Сокольский отлынивать должен? У него руки вон какие сильные, не то что у меня! Пусть скажет спасибо, что не перья обципать заставила!

Через двадцать минут Сокольский наконец справился. (Что-то долго. Надеюсь, он там петушка не на фарш порубил?) Я как раз вытянула из

тумбы обнаруженный пылесос и почти закончила бороться с пылью, когда парень снова нарисовался рядом.

— Чиж, и чего с ним дальше делать? — спросил очень озадаченно и по-мужски.

— Так суп вари!

Последовавшее за моими словами гробовое молчание я расценила правильно и заметила уже не так бодро (а то ведь действительно вышвырнет на улицу, как зарвавшегося щенка, и куда пойду?):

— Сокольский, ну хоть картошку почисти? Мне же тут, правда, совсем немножко осталось убрать!

Интересно, вы когда-нибудь задумывались над вопросом: к сколько годам человек «обыкновенный» начинает относиться к сну не как к удовольствию, а как к вещи бесспорно нужной, для здоровья полезной, но немного назойливой? Нещадно съедающей бесценное время?.. Помнится, в детстве я наспаться не могла. Вот только сладкий сон поймаю, слюну пущу, как мама уже будит: Анфиса-а! Пора вставать в детский сад!.. Анфиса-а, опоздаешь в школу!.. Анфиса-а (в телефонном режиме), у тебя первая пара, дочка, не забыла?.. Я всегда ждала выходных, как дети ждут день рождения! С огромной надеждой поспать! И всегда удивлялась, почему маме с папой на эту надежду начхать? Особенно папе! Просыпаясь в будние дни на работу в шесть утра, он в выходные на рыбалку — запросто встает в четыре. Где логика?.. Вот и отец Сокольского в этот воскресный день позвонил в дверь квартиры сына аккуратно в восемь часов утра, как последний и обещал. К этому времени успев проехать на автомобиле к городу не один десяток километров. Так что на кухне мы с Соколом сидели сонные как жмурики, изрядно уставшие, но зато сытые и довольные. И знаете, что делали? Ни за что не догадаетесь! Мы резались в шашки!

Именно! Ну, а чем еще заниматься двум молодым студентам воскресным утром в отдельной квартире?.. Во-от! Только в шашки и играть!

— Твой ход, Чиж.

— А я вот так!

— Срубил.

— Что-о? Так нечестно! Ты меня специально отвлек!

— Меньше будешь зевать. Теперь я...

— Х-ха! Это ты проморгал! У меня дамка!

— Как? Подожди...

— Все, Сокольский! Считаю, что ты продул! Это тебе за твой подлый

фук! Нет его в правилах!

— Размечталась, Пыжик! Есть!

— Нет, нету!

— Нет, есть!

Трееень!

Трееееееень! — в дверь позвонили. Сокол отодвинул шашки в сторону и взглянул на меня.

— Отец! — коротко сообщил. — Спорим, Чиж, он и Сусанну с собой привез!

Азарт игры крепко держал обоих за грудки.

— А спорим и Илоночку! Если продуешь, в следующий раз мусор тебе выносишь!

— Идет!

— По рукам!

Ура-а! Я выиграла!! Чуть не запрыгала от собственного везения, увидев, что Сокольский-старший привез с собой не только Сусанну с Илоночкой, но и знакомый чемодан!

Вот так гости! Все трое, заметив меня, дружно открыли рты. Представляю, как они удивились моей неуместной радости, но не извинятся же за нее, в самом-то деле!

— Э-э, доброе утро, молодежь, — бодро, но немного растерянно поздоровался «папа», глядя на мою улыбку. — А вы, что же, все еще вдвоем? — удивленно поинтересовался.

Вот же ёжки-матрёшки! Опять забыла у Сокола отчество родителя спросить. Заметив, как недовольно зыркнул на гостей парень, словно собрался их гнать взащей, высунулась вперед и отрапортовала:

— Здравсти, дядя Вася! Конечно, вдвоем! Думаю, нам с Артемом рано еще третьего заводить! — ткнула Сокола локтем в бок и засмеялась...

Странно это, я вам скажу, смеяться в одиночестве. Особенно, когда на тебя смотрит четыре пары колючих глаз. Пришлось сделать вид, что страдаю коклюшем. О-кхо-кхо-кхо-о-о!

— О, Илонка, привет! — поздоровалась с девушкой, как со старой знакомой. Но только потому, что Сокол, кажется, надумал ругаться, и пришлось спасти ситуацию. — Классная у тебя карманная сумочка! Не потеряется! Да вы проходите, проходите, — самонадеянно пригласила гостей в квартиру, — а мы вас ждали.

— Ждали? — удивился «дядя Вася».

— Откуда ты взялась? Тебя же вчера здесь не было? — удивилась Сусанночка.

***CoolReader** — компьютерная программа для чтения электронных книг в различных форматах.

Глава 8

— Мама, мне что, чемодан снова вниз тащить? — уже не удивилась, а просто возмутилась Илоночка. И, знаете, я на нее за это возмущение даже не обиделась. Еще бы, кому понравится такую дуру-бандуру на своем горбу туда-сюда таскать!

Эх, промахнулась Сусанна с ориентировкой на местности и разведданными для доченьки. Не такой простой птицей оказался Сокол, а с сюрпризом-Чижиком под крылом. А мы — Чижики — свою территорию за фук не сдаем! То есть, я хотела сказать — спальное место! Так что хоть и проснулись красотки спозаранок и нафуфырились как положено, а пропуск по имени Василий не сработал!

Я взглянула на Сусанночку и ее дочь. Перехватив цепкие взгляды, брошенные родственницами на парня, и себе покосилась на Сокольского. Неужели Сокол, и правда, такой завидный вариант, что мама с дочерью готовы на все, даже на такое наглое вторжение, чтобы его заполучить? Вот такого — буку, грубияна, и многолюба? Который еще чуть-чуть и, судя по поджатым губам и неприветливому молчанию, нецензурно пошлет их за азбукой в Тмутаракань?.. Видимо, да, раз уж девочки так приуныли. Этих двоих в недалёковидности не заподозришь. Но ничего, не все комару кровь, а падишаху халва, в любом спорте надо уметь и проигрывать!

Войдя в роль девушки Сокола, повернулась к парню и провела ладонью по крепкому плечу. (Ого! Ничего себе рельефчик!) Нежно так провела, ну, вы понимаете. Отработала на зрителя, так сказать.

— Артем, ты чего молчишь? — с укором спросила. — Почему папу в дом не приглашаешь? Ты же сам говорил, что приедет, что дела в городе. Дядя Вася, — обернулась к гостю, — да вы не топчитесь на пороге! Подумаешь, рано! Да кто в такое время в выходной отдыхает? Это же — воскресенье! Проходите, у нас для вас и тапки есть!

— Для меня?! — кажется, мужчина не поверил. Иначе с чего бы так оторопел.

— Ну, да. — И тык обувку гостю под нос. Ерунда дело — переломиться и подать.

— Илон, а ты чемодан-то в дом не тащи! — запротестовала, наглея. (А что? Они с мамашей первые начали!) — Вот здесь на коврик и оставь! Все равно скоро вниз спускать! А то у меня тут банки-соленья, еще разобьешь. — И показала на стройный ряд баночек, выстроенный

шеренгой в прихожей. — Не хочу маму расстраивать, она для Артемки так старалась. Он же у нас жуть как огурчики любит и варенье черничное!

— Ты смотри, какие удобны... Маму? Чью маму? — влезая в тапки, открыл рот дядя Вася.

Я пожала плечами, удивившись:

— Мою, конечно!

— Артем, — мужчина, нахмутив лоб, потребовал ответа от сына. — Не понял. Вы что же, разве знакомы?

Сокольский не подвел. Ответил уверенно, глядя с хозяйской ленцой.

— Конечно. Это же Анфисина мама, отец, соображай. Я думал, ты еще в прошлый раз меня услышал. А вы надолго? — наконец-то соизволил подать голос. — А то у нас с Анфисой планы личные, на двоих. — И хватить меня за плечо к себе, прижал к боку. А я что, я послушно затихла. Я же здесь вообще на птичьих правах!

Папа откашлялся, Сусанночка промолчала, а Илонка так грустно и тяжело вздохнула, услышав о планах, что захотелось бедняжку хоть накормить на дорожку. Тем более, что бедняжка, кажется, и сама не была против чего-нибудь съесть. Первой учуяв запах бульона из петушка, посмотрела тоскливо в сторону кухни, глотая слюну.

— А вот как примешь, сын, так и задержимся. Гляжу, расхозяйничались вы здесь, молодежь!

Задержались гости ненадолго. Суп ополовинили (дядя Вася старался за двоих), петушка оглодали, а вот горку ватрушек умяли подчистую! Я когда последнюю булочку Илонке к чаю подсунуть захотела, ее у меня Сокол спер! Сlopал, засранец, красиво у сводной на глазах, и сказал невежливо — ну все, мол, гости, вам пора. Задержались! Мне еще Анфису по программе город-кино выгулять надо.

Ему. Меня. В кино. Ржачь! Чуть вареньем черничным не подавилась. Так и оскалила народу синие зубы. Гы-гы! Если бы Сокольский не глянул строго, как Дракула на бестолковую нечисть, честное слово, сдала бы контору! А так снова пришлось коклюшем прикрываться.

Когда за гостями закрылась дверь, мы с Соколом дружно выдохнули. Спать хотелось ужасно, на посуду было плевать, и парень озвучил очень дельную и своевременную мысль:

— Ну что, Чиж, позицию отстояли, чемодан спустили, теперь можно и по постелям?

Я радостно кивнула — вот это ночка! Расхохоталась, держась за бока.

— По постелям! — и стартанула с Сокольским с места наперегонки в надежде первой занять свое спальное место!

Конечно, первым управился Сокол — просто плюхнулся спиной на кровать и раскинул руки. Делать нечего, пришлось завистливо показать парню язык и нырнуть за своим матрасом. Вот же жук хитрый! Расстелить, как следует на матрасе мамину постель, взбить подушку, задернуть шторы, и даже пробежать в ванную комнату и обратно уже в пижаме, грозно крикнув Сокольскому: «Отвернись!»

— Да больно надо, Чиж. На что у тебя там смотреть? На мультяшных мышей?..

— Вот и не смотри!

— И не буду.

— Заметано! Мои мыши, мне нравятся!

— Да пожалуйста... — на том и затихли, отвернувшись каждый к своей стене. Уснули в пару мгновений, мирно укрывшись одеялами, на этот раз без всяких хлопков.

Спали мы с Соколом долго — целый день и часть вечера. Пока на улице совсем не стемнело. Наверно, я бы еще и дольше спала, если бы меня не разбудил звук работающего телевизора и бубнеж хозяина квартиры. А точнее — тихое чертыхание парня под специфический голос комментатора.

Я хоть и привыкла спать, укрывшись одеялом до кончика носа, а все равно глаза открыла. Сложно не открыть, когда в двух метрах от тебя работает полутораметровая плазма, на стадионе шумит народ, а Сокольский сидит почти что над головой, сложив ноги по-турецки и, кусая ногти, ругается междометиями, как трубочист.

— Да... давай.... справа, справа обходи... нет, рано... вот сейчас пас, ну!.. Твою мать, Корелли, как можно было мяч потерять?! *запикано* Макаронник чертов! Такой голевой момент просра... *запикано*!

Я села на матрасе и потянула одеяло на плечи.

— Чиж, тут чемпионат Европы показывают — полуфинал, так что мне не до сна. Прости, что разбудил. Я этот матч месяц ждал!

— Да нормально все, — зевнула. — Валяй, смотри, — отмахнулась, сонно уставившись в экран. — А кто играет?

— Италия с Португалией.

— Ого!

— То-то же! Восьмая минута первого тайма, так что болею за своих!

Своих на поле стадиона «Стад де Франс» в Париже точно не было, и я сонно поинтересовалась у Сокольского — просто, чтобы быть в курсе, что вообще вокруг меня происходит?

— Да? А кто у нас свои?

— Сборная Италии, конечно!

— А-а...

— Черт, Чиж, когда-нибудь я тоже с ними сыграю на одном поле, вот увидишь!

— Ага.

— Ты что же, мне не веришь? — и такая сила вопроса в голосе, что даже об игре забыл.

— Ну... — Честно? Верилось с трудом. Где мы, и где Рим, понимаете, да? Мало ли, чего там Соколу приснилось намедни. Но ответила, конечно, совсем иначе в серые, полные острого ожидания глаза. — Верю. Могу даже за Португалию поболеть для равновесия, Сокольский, хочешь? Если продуешь, смотри, тебе и посуду мыть, — предупредила. — А то мне без резона не интересно за «своих» португальцев болеть.

— Идет!

Снова ударили по рукам.

Нет, ну что с людьми азарт делает! И не заметила, как втянулась в ход игры и вылезла к Соколу на постель. Но факт есть факт. Через полчаса, я уже сидела на кровати рядом с парнем прямо в пижаме и тоже разговаривала бранными междометиями.

— Ай! Ой! Только не гол! Пожалуйста, только не... Го-о-о-ол! Ура-а-а!

Серьезно? Гол в ворота итальянцев?!

В перерыве сбегала на кухню сделать чай и вновь прибежала к телевизору. Всучив Соколу в руки его кружку, забралась в кровать с ногами и приготовилась «болеть» дальше. Игра была напряженная, счет сравнялся «1:1», и, клянусь, я чувствовала, как у меня скрипят зубы на последних минутах второго тайма, так мне хотелось выиграть полуфинал вместе с португальцами... У Сокола зубы просто крошились.

Когда раздался финальный свисток и комментатор озвучил счет, я кричала и танцевала, прыгая по комнате, вместе со стадионом! «2:1». Два один в пользу Португалии! Ураааааа! Захотелось станцевать бразильскую самбу и что-то раскрутить над головой и я, схватив с кресла футболку Сокола, запрыгала, двигая попой:

— Оле-оле-оле-оле! Португальцы молодцы-ы! Оле-оле-оле-оле! Итальяшки-и... и-индюки!

Попа все еще вертелась в ритме самбы, футболка летала, но ноги уже остановились и улыбка пропала, когда взгляд неожиданно наткнулся на побледневшее лицо Сокольского, сейчас словно высеченное в камне — острые скулы, подбородок, твердая линия рта, и горящие жаром обиды глаза. Парень рывком поднялся с кровати и вырвал из моих рук футболку.

Смяв ее в комок, отбросил в стену и грозно навис сверху.

— Индюки, говоришь? — сверкнул серыми как сталь глазами под темными бровями. — Такие, как я?! — прорычал. Ого, зверь, а не птица! — Да, Чиж? Ну, давай, изобрази на рисунке дураков с фингалами, как ты умеешь! Всю команду индюков вместе со мной! Сообща и посмеемся!

— Я? Я не! — убедительно мотнула головой.

— Что ты «не»?

— Никогда!

— Чего никогда?

— Всегда и везде! — сказала, как отрезала.

Этому приему меня научил папа. Называется «глупый постовой». Кто не знает в чем соль, объясняю. Если попал в затруднительную ситуацию, на любой вопрос, заданный в лоб, надо отвечать четко и уверенно. Все равно что, главное, не молчать! В свою очередь игре папу обучили его ученики, спасаясь от двоек, ну а он, рад стараться — дочь. И работает прием, я вам скажу! У любого учителя спросите. Рука не поднимется такому «постовому» кол влепить! Вот и сейчас Сокольский, глядя на меня, озадаченно заморгал и отступил, оценивая ущерб, нанесенный его рыком, моему мозгу.

Я решила не мучить человека. Вдруг совестно стало за свои танцы на осколках чужого поражения. Действительно, у итальяшек загублен полуфинал, крах надежды, а я тут самбу танцую на нервах фаната... Грустно вздохнув, спросила:

— Что, мне идти посуду мыть, да? Я могу.

— Живи, мелочь. Обойдусь без сопливых!

— А чего это я сопливая? — на всякий случай утерла нос. — И ничего не...

Но Сокольский уже отодвинул меня в сторону, развернулся и пошагал в прихожую, а там и на кухню. Показав широкую спину, хлопнул дверью. Ну и что теперь делать?

Выключив телевизор, поплелась следом.

— Эй! Ты где?

Парень — ну, надо же! — мыл посуду, и я, помедлив, пристроилась в шаге сбоку. Похлопала осторожно по плечу, чтобы знал, что Чижик здесь, а то он как робот-машина — на лице ноль эмоций. Попробуй такого без тактильного контакта понять.

— Сокольский, ну чего ты? Обиделся, да?

— Ничего. — И дальше моет посуду, поигрывая перед глазами гладкими бицепсами. Но не могу же я уйти просто так!

— Не расстраивайся, слышишь. Да подумаешь, продули! В следующий раз обязательно выиграют! Я тебе точно говорю! Италияшки же они ух какие упрямые!

— Прекрати, Чиж. Иди спать.

— А я не хочу! Мне еще задания в универ учить.

— Тогда иди... и учи!

— Ну, и пойду!

— Дуй! Ветра тебе в шлюз! Развела тут детский сад — успокой соседа! Не нуждаюсь!

Ну, и зачем, спрашивается, мочалку-то бросать? Рычать зачем? Теперь весь кафель над мойкой в пене.

— А ты не веди себя, как маленький! Игра есть игра! Надул щеки пупсом, губы трясутся, того и гляди заревешь!

— Что?! — тарелка из рук в мойку — брынь, хорошо, что не разбилась. — Трясутся?! — Сокол снова навис сверху, засверкал глазами. — У меня?! — изумился.

— Ну, не у меня же? Вот так о подбородок варениками шлеп-шлеп! — И показала, как Кубик-Рубик у мамы в детстве игрушки выпрашивал. Изобразила наглядно.

— Так! Знаешь что, Чиж-ж... — палец Сокольского уткнулся в мой нос. Закачался у лица угрожающе.

— Что? — на всякий случай тоже решила надуть грудь колесом. А что, ему можно, а мне нет? — И можешь не выгонять! Все равно мне идти некуда! — сообщила, а то вдруг Сокольский забыл.

— Тогда придется запомнить, П-пыжик! У меня ничего и нигде не трясется! Ничего! Нигде! Ясно?!

И снова палец к моему носу — на! Для уяснения важности момента.

Э-эх, пришлось за него цапнуть зубами. Не спрашивайте зачем. Сама не знаю, как так получилось.

Мы замерли, уставившись друг на друга. Сокольский с распахнутыми глазами, и я — с его пальцем во рту. Глядя на мои губы, парень неожиданно сглотнул.

Вода из крана продолжала литься... В тридцатый раз отозвался вибровонком телефон... Кажется, пора действовать, а то что же мы вот так стоим почти минуту, как истуканы, ничего не предпринимая?

Я выплюнула изо рта «гадость» и скривилась.

— Тьфу, оказывается пена такая горькая, как рыбья желчь! А в человеческой слюне полно вирусов! Лучше промой руку, Сокольский! А то превратишься в лунатика, будем вместе в полнолуние Барабашку искать, —

подставила ладонь парня под воду и отошла на пару шажков, озадаченно закусив губы. Как-то мы странно с ним «притерлись».

Сокол ничего не ответил, отвернулся и принялся дальше мыть посуду. Заработал подхваченной губкой, катая на плечах мускулы, еще больше превратившись в гранитного буку.

— Сокольский? — никогда не умела долго молчать.

— М?

— Ты на меня уже не обижаешься?

— Нет.

Но он обижался, я это видела, и уйти не могла. Еще этот палец! Черт меня дернул за него укусить! Не стану рассказывать Ульяшке о своей промашке, а то, чего доброго, подруга покрутит указательным у виска. Я бы на ее месте точно покрутила.

— Знаешь, если честно, мне тоже итальянцы нравятся, — решила признаться. — В следующий раз не буду против тебя болеть. Лучше вместе, договорились?

— Перестань, Чиж, — отчеканил Сокол, принимаясь за мамину кастрюлю. — Это всего лишь игра. Будут новые матчи.

— Но у тебя пропало настроение, и мне это не нравится!

— Наплюй и не парься.

— Не могу! А хочешь, я блинчики испеку? С черникой? — предложила. — Или печенье? — заглянула в глаза. — Ты ведь купил молоко? Потому что если не купил...

— До чего же ты докучливая, Пыжик! — чертыхнулся в сердцах Сокол, вновь бросая мочалку... — Как пиявка! Да, купил я твое молоко! Купил!

Тю! Я плюнула, махнула в повороте растрепанной косой и ушла. И дверь от обиды хлопнула! Походила, побродила по комнате... и вернулась. А и пусть докучливая! Пусть пиявка! Может, я сама блинов хочу! Да пусть не ест, кто его заставляет-то? Вот сейчас ка-ак приготовлю горку самых вкусных блинов — пышных, в дырочку, и умну за обе щеки! А Сокол пусть пыжится себе дальше! Губешками трясет. Подумаешь, индюком обозвала! Да индюк вообще благородная птица!.. Э-э-м, кажется.

Блины ели вместе, поглядывая друг на друга. И даже пижама с мышами не смущала — вполне себе приличная пижама, надо сказать. Я просто в какой-то момент о ней забыла, а потом и рукой махнула. Сокол вон тоже передо мной в домашних трениках ходит и ничего. Это он в универе пижон мажористый, а дома просто симпатичный парень.

Хм, я сказала симпатичный? Не верьте. Я на такие мелочи внимания

не обращаю. Показалось!

— Чиж, кто это тебе без конца названивает, а ты не отвечаешь?

— Да так, — пожала плечами. — Дятел один. Извини, не могу надолго телефон отключить. Вдруг мама позвонит, или папа. Они у меня не любят, когда дочь в недостижимости. Нервничают. Жаль дятел этого не понимает.

— Твой парень?

— Нет, ты что! Больше нет.

— А мне почему-то кажется, он так не считает.

Я равнодушно вздохнула и сбросила очередной входящий звонок. Где он новые номера-то берет? Штампует их, что ли? Только за один вечер с четвертого наявливает как заполошный.

— Да пусть как хочет. Он для меня пустое место. Не хочу о нем говорить.

— Хочешь, я отвечу? Скажу, чтобы отстал. Если не дурак — поймет, а если не поймет — встречусь, объясню расклад подробнее.

Я представила себе этот разговор и со смешком покачала головой.

— Нет, спасибо. Как ты себе это представляешь, Сокольский? А если в университете узнают? Или друзья? Это же сразу ляжет пятном на твой статус звезды-одиночки! Не стоит. Сейчас родителям перезвоню и отключусь, а то достал уже, сил нет!

Со стола убрала сама и расселась на кухне с учебниками штудировать экономику. Спать не хотелось, шестеренки в голове крутились исправно, и час занятий над разбором лекции пролетел с пользой. А за ним и второй незаметно прошел. Я как раз дописывала домашний материал на тему «методы и инструменты экономических исследований», когда Сокольский появился на пороге кухни практически одетый, с курткой в руке, и вдруг сказал:

— Собирайся, Чиж, нам пора.

— Куда, — удивилась я, отрывая взгляд от конспекта и вскидывая голову. — Ты что, — испугалась, — меня выгоняешь?

— Нет, — хмуро ответил Сокол и ушел. Как я люблю такие мужские молчанки. — У тебя есть пять минут, а то опоздаем! — крикнул из прихожей и вышел за дверь квартиры. Хлоп! А я открыла рот. Чего?

Ничего себе! И что это все означает? Может, он решил меня в снегу повалить — в отместку за любимых итальяшек? Или вернуть назад маме с папой — не подошла-с! Тогда хорошо бы вернуть и баночки. Родительнице на будущую закатку!

Оделась я быстро, но Сокол соврал — времени у нас оказалось предостаточно. Мы даже успели проехать по набережной и центру, и

заскочить в макдональдс на горячий кофе. А потом... а потом был попкорн. Он оказался свежим, ароматным, теплым и очень вкусным. А вот фильм — страшным. Я все время вжималась в кресло и косилась по сторонам. А в конце даже вскрикнула, когда после всех перипетий героев в ночном сумраке, поглотившем город, вновь вспыхнули алым глаза неубиваемых зомби.

ААА! Черт бы побрал эти 3-Д очки!

Уже дома, когда вернулись и легли спать, завозилась, подтягивая одеяло к подбородку, и призналась:

— Хорошо, Сокольский, что ты рядом, а то бы я после такой жути одна всю ночь тряслась.

— Зря, Чиж. На полу тебя быстрее кошмарики найдут. Уах-ха-ха! К тебе ползет черная рука!

— Вот же дурак, — обиделась, но ноги на всякий случай поджала, и нос под одеяло спрятала.

Утром проснулась рано. Сокольский еще спал, и в университет я убегала в отличном настроении — сон после ночной прогулки оказался крепким и без кошмаров. На тарелке в кухне остались лежать три блинчика, и как бы мне ни хотелось за первым съесть и второй, я решила, что Сокол все же больше меня, да и не избалован, по всему видать, домашней готовкой... ай, да пусть лопают на здоровье. Обойдусь!

Ульяшка в выходные гостила у бабушки и занятия в понедельник пропустила. По расписанию у нашей группы последней парой значилась политология, но преподаватель заболел, в «Маракане» был выходной — и домой я вернулась неожиданно рано. Не спеша управилась на кухне, убралась, сбегала в цветочный киоск за горшком с фикусом (мне отчаянно не хватало зелени), прихватила по скидке цветущую герань, и засела за домашку. Просидела, усердно готовясь к сессии, до позднего вечера, штудировав макро и микроэкономику, и когда уже укладывалась спать, удивилась, что Сокол так и не вернулся. Возникла мысль даже позвонить парню, но другая мысль, более взрослая и здравая, вовремя отрезвила. Что он маленький передо мной отчитываться? Да кто я ему вообще такая? С тем и уснула.

Уже ночью я, кажется, слышала, как в замок входной двери скользнул хозяйский ключ, но открыть глаза не было никаких сил.

Проснулся Сокол злой. Свесил ноги с кровати, взъерошил руками волосы, и уставился на меня воспаленным взглядом, как будто я ему во сне две пятки отдала. Нахмурился с утра пораньше, демонстрирую челку

дельтапланериста, отвратное настроение и бесстыже-красивую спортивную грудь.

— Э-э, доброе утро, — на всякий случай отозвалась, пробегая мимо, а то этот красноглазый полудемон чего доброго придушит — вон какие ручищи, а я не то что пикнуть, даже понять не успею в чем причина. — Ты чего, Сокольский? — спросила.

— Издеваешься? — рыкнул Сокол в ответ хриплым от сна голосом.

Пришлось притормозить и удивиться.

— Я?!

— Ты!

Тю. Не поняла.

— Да что случилось-то?

Сокол не ответил. Только чертыхнулся грубо сквозь зубы, обмотался простынею, и ушел в ванную полоскаться. А я, хорошо, что была к моменту одета и собрана, схватила сумку, пожалала плечами, и рада стараться сбежала от беды подальше в университет.

Вот и пойми этих парней. Позапрошлой ночью смеялся и пугал черной рукой, а сегодня — здрасти-приехали, снова бука букой. Хорошо, что во время учебы почти не пересекаемся, а то бы я весь день об обиде думала. Зато бывший одолел. Звонить перестал, но весь день лез на глаза с разными подружками. Ну и где тут, спрашивается, логика? Кому и что он пытается доказать? Что он нужен всем, а значит, само собой и мне тоже?!.. Вот же дятел. Но хоть не приближается, и то хлеб. Этот умник всегда соблюдал дистанцию. А еще наверняка дураком себя при всех выставить боится. Я ведь, если допечет, и в тридешатое послать могу, не посмотрю на его компанию. Как имидж-то подобный конфуз переживет?

Ульяшке о своих воскресных приключениях рассказывать не стала. Подружка у меня натура романтическая, впечатлительная, из тех людей, которые в месте пробела все нужное домысливают сами, и я решила лишний раз не терзать ее воображение рассказом о поездке Сокола в Гордеевск, знакомстве с мамой, и ночном походе в кино. Ну, пошли и пошли. Подумаешь! Я-то знаю, что просто от скуки и за компанию, но разве Ульянке объяснишь? А вот о том, что прошлым вечером самостоятельно хозяйничала в чужой квартире — похвасталась. Подружка даже взгрустнула разочарованно, оставшись без подробностей. Но вдруг удивленно открыла рот, завидев компанию Сокола в шумном университетском буфете.

Я как раз откусила кусок маковой булочки, собираясь проглотить и запить сдобу горячим чаем, когда подруга дернула меня за рукав свитера.

Да так сильно, что кусок булки выпал изо рта и булькнул в чашку.

— Блин, Ульян! С ума сошла? — возмутилась, поднимая на Ким глаза. — Я же могла подавиться!

— Потом, Фанька! — Ульяшка легко отмахнулась, наклоняясь ближе. — Он посмотрел на меня, вот только что! Отпад!

— Кто? — я недовольно сморщила нос, выуживая из чашки ложкой булочку. Как я уже сказала, Ульянка была девушкой очень впечатлительной.

— Мальвин! Мальвин на меня, представляешь!

— И что? — моим пессимизмом можно было раскрашивать серые будни шахтеров. — На кого он только не смотрит. В первый раз, что ли? Их тут полно, таких глазастых.

— Представь себе! — возразила подруга. — Он сделал вот так! — Ульянка старательно раззявила рот и подмигнула. — Мальвин мне улыбнулся! Когда это он на меня обращал внимание, Фань? У меня же Лешка, как цербер!

Мне это не понравилось, и я удивленно обернулась. Посмотрела на столик, за которым, развалившись на стуле, сидел Сева Мартынов по кличке Мальвин, и нахмурилась. Парень, заметив к себе интерес, улыбнулся мне и подмигнул.

Сокол сидел тут же, рядом с поглощающим пиццу Лешим, и вовсю любезничал с Леркой Анисимовой. Или это Анисимова с ним любезничала — неважно. Я все еще помнила слова Наташки Крыловой.

Мальвин закинул челку на бок и снова уставился на Ульянку — она просто цвела.

— Ульян, перестань, — пришла моя очередь дернуть девушку за рукав. — Не ведись, плюнь!

— Не-а.

— Забыла про Ольку Грачеву? Тоже хочешь реветь в три ручья?.. Блин, Ким, ну что ты в Мартынове нашла? Посмотри на него, он же бабник недоделанный! Смазливая рожа, а за ней и нет ничего! Мы же его с тобой каждый день с новой девчонкой видим! Уж лучше бы, ну не знаю... лучше бы ты в Сокольского влюбилась, чем в этого индюка!

Ульянка обиделась.

— Чем лучше, Фань? — спросила, моргнув темными глазками. — Вот объясни мне, Чижик, чем? Мальвин хоть милый, а Сокол... Да он вообще в сторону таких как мы не смотрит! Не того полета птица. Ему грубо отфутболить девчонку — раз плюнуть! Даже Анисимову! Все равно ведь прибежит, если позовет. А ты потом мучайся чувством неполноценности всю жизнь. Ты хоть в курсе, Фанька, что он в университете долго не

задержится, его какой-то клуб хочет на контракт — Лешка сегодня утром проговорился. Вот уж кто точно улыбаться за просто так не станет, не то что Мальвин, а ты говоришь... И характер у Сокола — не мне тебе рассказывать. Зазнайка и сноб, вот!

Я внезапно почувствовала укор совести из-за того, что не все рассказала подруге. О сеансе ужасика, например. Просто знала, что за нашей с Соколом прогулкой в кино ничего не стояло. Даже дружбы, не говоря о симпатии. Возможно, так не бывает, и все-таки случилось. Просто в какой-то момент образовалась вот такая странная компания — ночь, город, двое, и не самый модный кинотеатр. Почти пустой зал. Чувство вины после проигрыша итальянцев и моих победных танцев на прaxe чужой надежды.

А еще... Ульяна, конечно, моя подруга, но не привыкла я все рассказывать. Особенно, если болит. Уж лучше вычеркнуть и забыть. Не было этого в моей жизни, и все тут!

Чем Сокол лучше, хоть убей, я ответить не могла. И даже почему о нем сказала — не знала. Не о шестом же чувстве упоминать, когда сам-то в него с трудом веришь. Если бы сказала: тем, что не пытается со мной играть и заиграться — я бы польстила себе. Как будто я ему нужна, когда вокруг первая красотка Анисимова вьется. Такая даже Мальвину не по зубам, сразу видно, кто в компании верховодит, без всяких улыбочек.

— Ничем. Он ничем не лучше, Ульяш, ты права.

— Мартынов тебе просто не нравится, так и скажи!

— Так я и говорю.

— Или ты считаешь, Чижик, что я ему не подхожу?

— Перестань, Ким...

— А может, он просто не любил никогда — Мальвин? А может, его никогда по-настоящему не любили? Вдруг он узнает меня ближе и ему никто не будет нужен? — Ульянка даже на щеках покраснела от волнения. — Чижик, что ты вообще можешь о нем знать?!

Я посмотрела на подругу и поняла: если сейчас смолчу — рассоримся. Хотя мы и так скорее всего рассоримся, потому что мнение менять я не собиралась.

— А мне, Уль, и не нужно знать. Я не слепая и печать на лбу «козел» — вижу издалека. Только одни ее видят и обходят стороной, а других она ослепляет. Как улыбка, которой ты так хочешь верить. Извини, но, кажется, твой брат уж слишком увлекся пиццей. Так бы и дала Лешему по башке! Чтобы не только в нее ел, но еще и по сторонам смотрел!

Глава 9

Когда уже после занятий сбегала с крыльца учебного корпуса — снова заметила Сокольского и Анисимову. Оба стояли возле машины парня и ворковали. Точнее, красотка Анисимова ворковала, поправляя белоснежными пальчиками смоляные пряди на плечах модной шубки, а Сокол позволял девушке расточать на него флюиды. Улыбался кривенько и довольно. На секунду нахмурился, когда меня увидел, и отвернулся.

Ну, конечно! Я с пониманием хмыкнула, отводя взгляд — тайна же! И потопала себе ровным шагом мимо парочки на работу в кафе, размахивая сумкой и разглядывая птичек на ветках. А потом и побежала вприпрыжку к автобусу.

— Э-э-эй! Меня подождите!

Часов в шесть вечера раздался звонок — в баре сидели первые посетители, Тимур привычно выговаривал Райке за опоздание, а мы с Сашкой усердно и до скрипа натирали бокалы, дружно заполняя последними дубовую барную стойку-держатель, когда на экране моего смартфона высветился номер Сокольского.

— Алло. Чиж, ты?

— Я, Сокол. Птичий рядовой Чижик у телефона.

— Смешно, — ровным тоном отозвался парень. — Ерничаете?

— Вообще-то работаю, — уточнила. — А что?

— До сколько? Хочу знать.

В голову сразу полезли странного толка мысли, будоражащие девичье воображение. А чего это он интересуется?

— Сегодня закончу не очень поздно. Думаю, к девяти освобожусь. — И снова повторила: — А что?

— Задержаться сможешь? Ты просила предупредить при случае. Предупреждаю. Задержись, Чиж, очень надо.

Тьху ты! Улыбка сама собой потухла. И чего я, спрашивается, вообще ощерилась? Но уговор есть уговор, сама предложила. Да и понимать нужно: взрослый парень, я тоже не детский сад, чтобы мне на пальцах объяснять зачем надо.

— Хорошо, — согласилась. — Только недолго, Сокольский. На улице холодно! — заметила парню на всякий случай, а то вдруг он из своей машины не вылезает. Морозец за окном как раз крепчал, и мерзнуть под

подъездом совсем не хотелось.

— Отлично. Долго и не понадобится, — успокоил Сокольский. — В начале десятого буду в квартире, минут двадцать накинь на прогулку, и можешь топать домой.

И отключился, а я представила, как томно и пылко ждет встречи с Соколом знающая себе цену Лерочка. Небось стоит с пloyкой у зеркала, поплеывая на реснички, красотка разэтакая!

Рабочий день в «Маракане» прошел спокойно, посетителей было немного, и мы с Райкой даже успели посмеяться над новой порцией анекдотов, которыми как всегда щедро сыпал Сашка. Сегодня на бармене была черная футболка с черепом на груди, татуировка на предплечье выгодно подчеркивала тугие мускулы, и новая стрижка с наголо бритыми висками заставляла Райку просто исходить вздохами, и виснуть на моем плече, прожигая парня взглядом.

— Ой, Фанька, какой же он все-таки классный — Сашка! Так бы и съела! Третий год вместе работаем, а я, считай, ничего о нем не знаю. Один раз только поцеловались по пьянке, а потом он сделал вид, что ничего не помнит. Не знаешь почему?

Почему Сашка отморозился, я, конечно, точно не знала, но догадаться могла. Райка была девушка симпатичная, с округлыми формами, которые ни от кого не прятала, но обидчивая и жуткая собственница. Дай ей парень малейшую надежду на продолжение поцелуя — тут бы и закончились его спокойные дни в баре и холостяцкая жизнь. Так что Санчеса (как бармена называли его друзья), я понять могла. Но девушке посочувствовала — женская солидарность, знаете ли, это сила. Повздыхала заодно с Райкой, попускала на Сашку слюнки, и, сдав Тимуру свою кассу, без пяти минут девять потопала с копеечной зарплатой домой.

Морозец на улице не только окреп, он вздумал кусаться. Я пропыхтела паровозом мимо остановки, спрятав нос в шарф, с опаской оглядываясь по сторонам, пропыхтела мимо еще одной, прежде чем, наконец, села в автобус. Доехав до переулка Федосеева, сошла, и заскочила в супермаркет. На три копейки, что лежали в кошельке, не очень-то разгуляешься и, походив, побродив между торговыми прилавками, решила прикупить к позднему ужину пачку пельменей и шоколадку (ха! что еще надо человеку для счастья-то?). А прикупив, направилась к дому Сокольского. Села, выдохнув облачко пара, на скамейку у детской площадки, прижала покупки к груди и стала ждать.

Машина Сокола стояла у подъезда, в комнате было темно, но в окне кухни горел мягкий боковой свет. На силу воображения я никогда не

жаловалась и тут же живо себе представила кухонный гарнитур, чашку, фикус на подоконнике, горячий чай с молоком, и тихо бубнящий спортивными новостями телевизор, развлекающий своих жильцов из комнаты...

Минута, две, десять... Я посмотрела на часы... Уже прошло на десять минут больше отведенного мне времени, парень не перезвонил, и я с чистой совестью потопала к подъезду. Холодно же сидеть на лавочке!

Проскочив мимо Мюллера, что торчала в окне, как постовой у Биг-Бена, юркнула к лифту и поднялась на нужный этаж. Подойдя к знакомой квартире, потопталась на коврике, и приложила ухо к двери. Как опытный врач стетоскопом искала лучшую слышимость.

За дверью было тихо, и я не на шутку испугалась — заснули они там, что ли? Если так, то мне не позавидуешь. Мысль о ночлеге на улице вмиг прогнала смущение и страх, и я позвонила. Мы так не договаривались! Никто не ответил — точно уснули, и я уверенно нажала на кнопку звонка еще раз. Что я им тут индюк на морозе жир стогнать? Да я сейчас вообще как возьму и сама открою! Своими ключами! А лучше — ногой!

Но дверь открыл Сокольский — взъерошенный и злой.

— Ну что, успели? — шепотом спросила, прижимая сумку с пельменями к груди, постукивая озябшими в сапогах пятками друг о друга. — Уже полчаса прошло!

— Успели, — огрызнулся взлохмаченный Сокол.

— Вот и хорошо! — я занесла ногу над порогом.

— Успели бы, твою мать, если бы ты не пришла!

Чего? Это что же, прозвучал намек типа топать гулять дальше?!

— В смысле? — что-то я в последнее время совсем несообразительная стала, особенно в разговоре с важными птицами. — Тебе что, пару секунд не хватило, что ли? — спросила участливо, поправляя сползшую на глаза шапку. — Времени же было вагон!

— Я тебе что, Чиж, машина, чтобы в семь секунд разогнаться? — возмутился Сокол. Говорили мы с ним шепотом. — Мне настроиться нужно, ясно?

Вот это признание. Даже смешно стало.

— Ой, не смейся, — я заулыбалась от уха до уха. Захихикала, глядя на хмурого парня, отстукивая зубами чечетку от холода. — Тоже мне пианист! Еще скажи, гы-гы, нотную партию разучить! А может ты этот, как его — виолончелист? И забыл струны канифолью смазать? Чему там настраиваться-то, Сокольский? У тебя же все на одно лицо. Чпок-чпок и готово! Ай!

Меня тут же схватили за капюшон и вздернули. Неласково. Ну, все, доигралась, Фанька! Сейчас убьет! А если не убьет, так выгонит к чертям собачьим и куда я пойду на ночь глядя?

— Ой, Артем, извини! Там просто холодно, и я замерзла, — проканючила. Даже шапку поправлять не стала, что сползла на глаза. — Ты что, раньше не мог со своей Анисимовой встретиться? Так не честно!

— Чпок-чпок?! — Сокол притянул меня ближе. Встряхнул слегка, сдернув шапку на затылок. — Я тебе что, Чиж, штопор для винных бутылок? Совсем страх потеряла?!

— Так ты же сам сказал... — проямлила.

— Ты тоже сказала — соображай, помнишь? Соображай, Чиж, когда надо! Нам с тобой еще жить вместе!

— Не вместе, а у тебя, — нагло возразила, встречаясь взглядом с серыми глазами. — Видишь, я запомнила.

— Что там? — неожиданно задал вопрос Сокольский, показывая подбородком на сумку, но я поняла.

— Пельмени. Если честно — первый сорт.

Сокол скривил губы, а я возмутилась. Развела руками, чуть не выронив сумку:

— Ну, извини, на высший не хватило! Я же большую пачку покупала, для крокодила! И вообще, я тебе что, йог в десять вечера готовить? Лопай молча и спасибо скажи!

И надула губы, чтобы знал, что я свое время тоже весьма ценю и уважаю.

— Чиж-ж...

Ой, дурище! Тут же втянула голову в плечи и зажмурилась, чувствуя что пережала. Сейчас точно спустит с лестницы как вшивого кота, которого добрые люди приютили, а он — наглая морда — всю сметану сожрал, еще и угол пометил!

Не спустил. Распахнул дверь шире и втащил за капюшон в квартиру. Шепнул в ухо, прижав к себе:

— Брысь на кухню! И чтобы тихо сидела, как мышь! Дай мне две минуты...

Я никогда не была жадиной и две минуты дала. Дала бы и больше, тихонько прокравшись на кухню, раздевшись и поставив кастрюльку на огонь, но больше не потребовалось. Только услышала удивленный девчоночий писк из прихожей, а следом за ним и рык Сокола. Короткий и равнодушный.

Вот же чурбан! Даже как-то обидно стало за Анисимову.

— Что же ты за парень такой, Сокольский, что свою девушку до дома не проводил? — не сдержала замечания, когда Сокол, захлопнув за гостьей дверь, вошел на кухню. — Тоже мне джентльмен! Уж лучше бы я еще погуляла, чем так. Как она теперь до дома-то доберется одна ночью?

Парень и бровью не повел. Расселся на стуле, расставив ноги. Взглянул на меня остро. Разжал нехотя твердо сжатый рот.

— Во-первых, Лера на машине. Доедет, не в первый раз. Во-вторых, Пыжик, я не джентльмен, что за странные мысли в твоей голове? В-третьих, она не моя девушка. Иногда спим, иногда нет. Не больше.

Иногда... чего?

— Ого! — не смогла сдержать удивления, открыв рот. Вот это признание. — Я и не знала, что у вас так серьезно!

— Чиж, не пори чушь! — вспыхнул Сокол. — Какое нахрен серьезно? Ты о чем? Бредней романтических перечитала?

— Но как же... Ты ведь ей улыбался, я сама видела.

— И что такого? — удивился парень. — Как, так? — чуть прикрыв глаза, скривил улыбку.

— Ну, да, — я растерянно высыпала пельмени в кипящую воду.

— Это я показывал, что внимательно слушаю и заинтересован. На этом все.

— То есть, она тебе что, даже не нравится?!

— Почему? — Сокол встал, взял ложку, и запустил в кастрюлю, помешивая. — Нравится, — признался.

— А...

— Пельмени мне тоже нравятся, особенно с голодухи, — заметил с ухмылкой. — Но люблю я мясо на костре. Улавливаешь разницу, Чиж? Ел бы его и ел каждый день всю жизнь. Только так не бывает, вот и приходится довольствоваться первым сортом.

— А-а, — с пониманием вздохнула.

— То-то же. Давай уже есть твои пельмени, что ли! А то заморишь меня голодом!

Морить Сокола голодом не входило в мои планы, и я щедро поделилась с ним шоколадкой. Когда вкусно поели, рассмеялась, заметив на шее парня яркую цепочку засосов.

— Ой, ну вы даете! — не подумав, ткнула пальцем. — Что это у тебя? Не знаю, Сокольский, как насчет разницы, но вот Анисимовой ты, похоже, как то мясо на костре. Очень вкусный! Хорошо, что я вовремя домой пришла, не то бы быть тебе заживо слопанным!

Но судя по горящему взгляду Сокола, перспектива быть обглоданным

Анисимовой, не показалась ему такой уж непривлекательной.

— Знаешь, у меня когда-то с бывшим тоже вот так получилось, — призналась. — Ох, и ругалась же мама, когда увидела! Думала ремень в руки возьмет, чуть не отшлепала! Заставила неделю дома в шарфе ходить и кашлять при папе для конспирации, чтобы ничего не заметил. Мы же с бывшим соседи, живем дверь в дверь, запросто оба и получить могли... Слушай, Артем, — спохватилась, — а твоя мама где? Такое впечатление, что ты давно живешь один.

— Так и есть, — сухо ответил парень.

— Неужели умерла? — испугалась догадке, глядя в серые острые глаза Сокола.

— Не знаю.

— То есть? — я даже рот раскрыла от удивления, услышав ответ. — Как это не знаешь? Вообще ничего не знаешь о маме?!

Как вообще такое может быть?

— Да. Давай не будем, Чиж...

— Подожди! Как это не будем? — я поднялась с места и застыла, разволновавшись. Задышала с трудом от духоты. — Ты серьезно, Сокольский? Но ведь так нельзя! Надо обязательно узнать что с ней! А вдруг она жива, и ты...

Но Сокол уже дернул меня за руку, усаживая на стул. Сказал сердито, отпустив запястье:

— Сядь Чиж и успокойся! — Посмотрел хмуро, словно раздумывая признаться или нет. — Жива она, просто я о ней знать не хочу, вот и все. Теперь понятно?

— А...

— Потому что нет!

— Но...

— Пятнадцать лет назад сбежала от отца на юг по большой любви. Надеюсь, сейчас счастлива.

— А как же...

— Я был непослушным ребенком, а муж на тот момент — недостаточно известен и богат.

— А где...

— Возвращалась двумя годами позже, но прощения не просила. И давай на этом считать твой вопрос закрытым!

Точка!

— Ну, ладно. Если ты так считаешь... — мне ничего не оставалось, как растерянно пожать плечами и согласиться.

Я как-то разом сникла и загрустила, сообразив, что своим любопытством невольно затронула болезненное место Артема. От неловкости заозиралась по сторонам. Вздохнула тяжело: посуду помыть, что ли? А то как-то уж очень совестно сидеть под прямым взглядом Сокола. Мало того, что свидание парню испортила, так еще и на старый мозоль каблуком наступила.

— Чего ерзаешь, Чиж? — хмуро спросил Сокольский, когда я встала и заглянула в пустую кастрюльку на плите, где одиноко лежал один пельмень. — Не наелась?

— Почему? — обернулась, удивившись. Перебросила косу на плечо. — Наелась.

— А вот я — нет.

И глазюками под темными бровями — клип, клип! Мышцами под тонкой футболкой заиграл на нерве. Красавчик, конечно, чего уж там. Руки красивые, мужские. Губы тоже. И не хотела, а засмотрелась. Бедная Анисимова, понятно почему в прихожей протестующее пищала. Такую девушку прокатить со свиданием не каждый сможет.

И снова не сразу поняла, о чем он. А сообразив, смутившись, виновато развела руками.

— Ну, извини, Сокольский. Я же не специально, ты сам сказал. Если хочешь, я завтра вообще ночевать не приду. Поищу что-нибудь на ночь. Может, Ульянка к себе пустит, правда там Лешка, сам знаешь... — и посмотрела на засосы.

Сокольский медленно отер шею рукой. Вот хоть убей — не могу чувствовать себя виноватой. Сразу хочется сделать для обиженного человека что-нибудь хорошее. Но мысль не успела сформироваться. Звонки вызова на наших телефонах раздались практически одновременно. Мы, не сговариваясь, нажали сброс.

— Бывший?

— Анисимова?

И оба:

— Угу.

Звонки повторились, мы снова сбросили. И уставились друг на друга. Эх, сказать бы сейчас что-то шибко умное. Но на ум пришло только:

— Вот бы сейчас мороженого! — странная мысль, согласна. Зачем только брякнула?

— Мороженого? — Сокол не на шутку удивился. — На улице минус десять, Чиж. Ты серьезно?

Я пожалала плечами. А почему бы и нет?

— Не знаю. Захотелось вдруг, — призналась. — Знаешь, я ужасно люблю есть мороженое и смотреть старое кино. Сегодня по второму каналу как раз в программе сеанс ретро-фильмов, будут показывать «Мистер Питкин в тылу врага», было бы здорово посмотреть.

— Мистер... кто? — переспросил Сокол.

Я изумилась от догадки и тут же растянула улыбку, вспомнив любимый папин фильм.

— Сокольский, — прыснула смехом, — ты что, не смотрел знаменитого мистера Питкина? Никогда?!

Парень неопределенно повел плечами.

— Нет. А что, должен?

— Конечно! Ты что, там же от смеха на пол ляжешь! Обожаю старые комедии! Слушай, — чуть ли не затанцевала на месте. Еле сдержалась, чтобы не сложить в умоляющем жесте руки на груди. — А давай вместе посмотрим! Можно? У тебя такая плазма здоровенная, никогда на такой не смотрела черно-белые фильмы! А, Артем? Пожалуйста...

Ну, вот. Встал, молча развернулся и ушел. Хорошо хоть кухонной дверь не хлопнул.

Вот всегда ты так, Фанька! Сначала ляпнешь, не подумав, какую-нибудь ерунду, а потом жалеешь — зачем только сказала?

Я вздохнула и посмотрела на кастрюльку с пельменем — теперь Сокольский на меня точно обиделся. Сгрэбла посуду со стола в мойку и включила воду. Заскребла, заплюхала грустно пенной мочалкой, наводя чистоту. Снова вдруг подумалось о сумках.

Но ведь если бы хотел выгнать — уже выгнал бы, разве нет? Да и уйти он мог вместе с Анисимовой, раз уж на то пошло. Ночь впереди темная, длинная, для продолжения игры с засосами самое то.

Словно в ответ на мои мысли, Сокол нарисовался на пороге кухни в куртке и ботинках. Сгрэб со стола телефон, застегнул молнию, сунул руку с ключами от машины в карман. Я почему-то застыла, оглянувшись.

— Говори, Чиж, какое любишь.

— Чего?

— Мороженое, говорю, какое любишь? И список сразу напиши, что еще купить — не люблю в должниках ходить. Про молоко я помню.

Я так и заморгала. Глупо, конечно, но это же Сокольский, сами понимаете.

Видимо, я бы так еще долго стояла, глядя на парня и впустую спуская воду в слив, если бы он не рыкнул устало:

— Чиж-ж, не тани.

— Фи...фисташковое с шоколадной крошкой. А ты... правда, что ли?

— Правда. Что еще с тобой делать?

— А...

— Диктуй дальше.

— Мясо? — спросила. — Ты сказал любишь. На костре не обещаю, но могу попробовать в духовке с картошкой. Хочешь?

Не ответил. Ушел.

Ну и характер! Сам же просил «диктуй»!

А когда вернулся (если честно, я уже заждалась; даже в окно поглядывала несколько раз) — прорычал недовольно, выкладывая продукты на стол:

— Пыжик, издеваешься?! Я за твоим мороженым полгорода объездил, если не весь город! Насилу нашел!

Пришлось в который раз виновато промямлить:

— Так это... Купил бы любое и все.

А потом мы смотрели мистера Питкина и дружно ржали. Точнее, я хрюкала от удовольствия, лопая вкуснящее мороженое, снова забравшись с ногами на хозяйскую кровать, а Сокол смеялся, валяясь рядом. И, кажется, когда ночью засыпали, он на меня уже ни капли не обижался. А вот когда проснулся, а точнее — проснулись...

Офигеть! Вот это сон! Я отбросила одеяло к ногам и села на своем спальном матрасе. Протерла кулаками глаза, оглянувшись в сторону кровати. Чтобы Чирик оказалась на такое способна?! Чтобы я... чтобы он... чтобы мы вот так вот?! Насупив брови, уставилась на подлого ловеласа Сокольского. Тот, лежа в кровати и закинув руки за голову, тоже сердито сверкал в мою сторону глазами.

Вот же... Сокол! Подлая птица! Такое вытворять с Чириком! Да кто ему разрешал вообще! — возмутилась, пыхтя сопелками. Встала, кутаясь в одеяло, и не думая приглаживать свои вострепанные густой копной волосы. — Да я даже бывшему себе сниться не разрешаю! Никогда! А этот... И как только пролез! И главное, хочу, говорит, паразит! Ты моя. А я тоже хороша — ромашка безотказная, разлеглась звездой и глазками моргаю, пока мне перышки ощипывают: любит — не любит.

Ну, дуре-еха! Никому не поверю, ни за что! И не полюблю! Даже во сне!

Снова зло зыркнула на парня, и утопала в ванную, хлопнув дверью. Но уже через минуту выглянула в коридор. Быт штука странно отрезвляющая, особенно быт бедной студентки. Ко сну, знаете ли, не имеет никакого отношения!

— Сокольский, можно я твой шампунь возьму? У меня закончился!

— Нет, — рык-рык. А ему-то, интересно, за что на меня злиться?

— Жлоб!

— Я все слышал!

— А я все равно возьму! — уже упрямо себе под нос, выдавливая на ладонь лужицу из дорогого тюбика и намыливая голову. — Все равно четыре штуки пропадают! Как мои блины лопать — так он первый. А как шампунь, — проворчала, — так не дам. Жадина! Вот возьму и отучу жадничать! Смылю все нафиг, будет потом моими пупсами бюджетными голову мыть!

Чай пили вместе, но молча. Одевались честно по очереди. А после — разбежались. Уже на остановке заметила, как шустро вывернула на проспект серебристая «тойота» Сокола, и умчалась вдаль.

Подумаешь, какие важные птицы мимо летают! Не подступиться. Ну, ничего, чижики тоже с крыльями. Птицы негордые, конечно, зато они и в автобусе прекрасно себя чувствуют...

— Девушка, чего встали? Не видите — я с чемоданом! Не загораживайте проход!

— Сумку отдайте!

— Ой, вы мне ногу отдавили!

— Мужчина, как вам не стыдно! Здесь женщина с ребенком! Уступите место!

— Побойтесь Бога, уважаемая! У вашего ребенка уже усы растут! И борода!

— Вот нахал! Это мы к Новому году роль Бармалея готовим, плохо умылись... Митька, ну получишь от отца вечером по заднице!

— Ма-ам, фломастер не отмывается!

— Извините, вы на следующей выходите? А вы? Давайте местами меняться, мне выходить.

— Да я бы с радостью, но здесь не повернуться.

— На диету сесть не пробовали, милочка? Такие буфера только чартерным рейсом и перемещать!

— Уж кто бы говорил! На себя посмотри!

Фу-ух! Остановка! Свобода чижикам! Выдернув сумку, побежала к универу.

Два дня я Сокола почти не видела. Днем после учебы забежала домой и возвращалась из «Мараканы» к девяти вечера, к десяти засыпала, а он — и того позже. Судя по развешанным на сушилке в ванной спортивным вещам и подчищенным с голодухи кастрюлькам — пропадал на тренировках. А

может, гулял с Анисимовой или не только гулял. Во всяком случае в пятницу, когда Сокол к двадцати трем так и не приехал, я решила не огорчаться, а взять и хоть раз порадоваться по-человечески своему одиночеству. Ну и что, что у меня нет личной жизни, в отличие от некоторых, зато я сегодня зачет на отлично сдала!

Спать не хотелось и, надев пижаму, запрыгала по комнате, танцуя под музыку в телефоне. Подумалось вдруг о Соколе: «Пятница — день ночных свиданий и горизонтальных подвигов. Точно не придет ночевать. Ура-а-а!» А напрыгавшись, включила плазму, нашла любимый сериал, и побежала на кухню за баночкой джин-тоники, пакетом сухариков и соленых креветок. Ничего, с Сокольского не убудет, а мне тоже нужно расслабиться — завтра валяйся-спи-не-хочу! Пусть лучше котлеты с толченой лопают, они полезнее!

Только пришлепала с подносом в комнату и расселась в кровати как падишах — уставившись в огромный телевизор и сложив ноги по-турецки, хлебнула джин-тоники, закинула в рот сухарики и сунула следом за хвост пару креветок, как тут же известным рингтоном затренькал телефон.

Ну, кто там еще такой поздний-то?

— Аво? — спросила в трубку, хрустя вкусняшками.

Оказалось Сокольский.

— Чиж, привет. Ты дома или до сих пор в «Маракане»? — непонятно к чему спросил.

— Дома, конечно, — удивилась вопросу, — а фто? — грызь, грызь.

— Я в клубе с друзьями. Скорее всего, пробуду здесь до утра. — «За кадром» красочно раздался смех «друзей» — разноголосые женские смешки. И самый звонкий смех — Лерочки Анисимовой.

Понятненько. Настроение сразу ухнуло вниз. Ну и зачем надо было отчитываться-то?

До меня вдруг дошло.

— Слушай, Сокольский, — напряглась, заглотив креветки, спрятала сухарики за щеку, — ты же не хочешь сказать, что сейчас намекаешь мне уйти? Вообще-то ночь на дворе, если ты не заметил, — даже испугалась такой перспективе. — И холодно.

— Не говори ерунду, Чиж! Живи.

— Просто я подумала... Постой! А зачем тогда звонишь?

Сокол промолчал, и я пожала плечами. Ладно, не хочет отвечать, не надо. В конце концов, он тут всему хозяин, может и поволноваться за свое имущество.

— Тогда окей. Развлекайся там, а я тут барабашек покараулю,

договорились? — улыбнулась. — И мороженое доем! Прикинь, Сокольский, как тебе со мной повезло!

— Да уж, обзавидуешься, — выдохнул парень. Ну и чего голос такой нерадостный? Вон как «друзьям» рядом весело! — А ты что там делаешь, Чиж? — подозрительно спросил, прислушиваясь.

— Я-то? Так это... — подобралась в постели, прижимая баночку с джин-тоником к груди, — экономику учу. Понимаешь, заданий тьма-а-а...

— А что это у тебя за звуки странные на заднем плане? Не моя плазма шумит?

В сериале герой как раз преодолевал водопад, спасаясь от плохих ребят с пушками.

— Не-е-е, ты что! — вскочила и запрыгала на одной ноге в сторону пульта. Че-ерт! Чуть не рассыпала на ковер кровати. Да что ж такое-то! — Это соседи! Совсем обнаглели в полночь фуметь! — из-за щеки не вовремя выскочили сухарики и скользнули на язык. — Сейчас ф стену пофтучу!

— А чего у тебя речь такая несвязная? П-пыжик, ты там случайно не мои кровати лопаешь, мелочь?!

Ого, знакомый рык!

— Мгм-мням, нет! — протолкнула в рот чужую вкусняху и быстренько отключилась!

Вот же Кашпировский блин! И как догадался? Но плазму сделать потише так и не успела, когда в дверь позвонили. По ночному осторожно...

Трень-трень!

Хм. Уставилась в сторону прихожей. Кого же там черти принесли?

* * *

Сокол

— Свободны, ребята! Тренировка окончена! Артем, задержись.

— Да, Олег Борисович.

— Ты не забыл о моем предложении, сынок? Время не стоит на месте, я и так долго ждал. Если хочешь открыть сезон игрой в новом клубе — переводись на заочный. Условия ты знаешь. Будешь доволен и даже больше.

— Я подумаю, Олег Борисович.

— Ты мне нужен, Артем. Я добивался этого контракта десять лет, пять человек из команды мои воспитанники. Новый клуб — большая ответственность для всех, я хочу видеть тебя своим игроком. Основным

игроком, у меня на тебя большие надежды в перспективе ближайших лет. Хватит валять дурака с учебой, парень! Пора вплотную заняться спортивной карьерой! Если твой отец этого не понимает и до сих пор препятствует...

— Все нормально, тренер, с отцом я сам поговорю.

— Ну, как знаешь. Но ответ мне нужен в самое ближайшее время!

— Хорошо. Я вас услышал.

— Отлично! Кстати, тренировка закончилась. Тебе не пора домой?

— Нет.

— Ты смотри... И откуда только силы берешь? Надеюсь, на допинг не подсел? Смотри мне, Сокольский, не вздумай! Знаю я вас, шельмецов... Мне доказывать ничего не нужно.

— Не волнуйтесь, Олег Борисович. Обхожусь без добавок.

— Питание? Неужели нормализовал по-человечески?

— Хм. Да вроде как.

— Вот и хорошо! Молодец! Вижу, что в отличной форме. Так держать!

Ну, бывай...

— До свидания...

Мяч гонял еще с час, отрабатывая угловой. Когда зашел в раздевалку, а следом в парилку — застал только пару ребят, самых упорных. Разговаривать не хотелось, перебросились всего парой фраз. Затем долго стоял под душем, подставляя тело контрастным струям, стараясь не впускать в голову лишние мысли.

Первым позвонил Сева, а за ним и Макс.

— Сокол, сколько можно тренироваться? Бутсы собьешь! Давай к нам! Пятница на дворе, два дня не виделись, ты совсем там озверел со своим футболом? Пиво стынет, друг, — Макс заржал, — и девочки тоже! Кстати, здесь тебя кое-кто жаждался.

В разговор вклинился Леший.

— Темыч, это правда, что ты выставил Лерку из квартиры? Она мне сейчас на тебя жалуется. Ай-яй-яй, Сокол, быть таким хамом. Придется приехать пожалеть девушку, не то Сева пожалеет, ты его знаешь. Или я.

— Где вы?

— В «Бампер и Ко» у Рыжего. Мы здесь надолго. Компания Игната подвалила, так что ночь обещает быть веселой.

— Сейчас буду.

Глава 10

В клуб ехать не хотелось, к друзьям — тоже. Хотелось, мать твою, домой и спать! И это особенно напрягало. Так же, как мысли о Чижики и непонятная реакция на девчонку, очень похожая на раздражение, которое я до конца не мог понять. Слишком много квартирантки стало в моей жизни — ее вещей, смеха и зеленых глаз. Теперь я знал, кого наклонял в своих снах и кто с готовностью прогибался, отвечая. В чьи мягкие волосы запускал пальцы, наматывая на кулак, открывая шею для ласки, которую в жизни терпеть не мог. Это больше всего выводило из равновесия и злило, так же, как вид гибкой девчонки по утрам. Ее стройных ног, открытой улыбки и губ — очень подвижных и нежных. Глаз с живым настоящим светом, в которые хотелось смотреть.

Чертов голод! Я не привык давать своим Заям имена. Всегда умел забываться, забудусь и сейчас. Чижики не создана для игр, это я знал наверняка, иначе бы на вторую ночь снова оказалась в моей постели и факт, что после этого — на улице. Я не всегда брал то, что предлагают.

Тело хотело разрядки, физической близости. Мне стоило давно забить на сны и вылечиться реальностью. Сам не пойму чего ждал. Эти мысли помогли, отрезвили, и в клуб я приехал с готовностью уделить Лерке внимание. В конце концов, закончить то, на что мы оба надеялись этим вечером. Об извинении не думал, и о непринятых звонках девушки — тоже. Она и без того хорошо меня знала. Знала, что вряд ли когда-нибудь услышит объяснение. Мы изначально не шли дальше секса и коротких встреч, так зачем что-то менять, если такое положение дел устраивало обоих?

Как всегда по пятницам клуб был забит под завязку, на танцполе гремела музыка, у входа курил народ, так что друзей в мареве дыма, а затем полумраке многолюдного зала нашел не сразу. Макс первым заметил меня и подозвал к сдвинутым столикам, на которых уже стояла выпивка и за которыми сидела компания Игната Савина, фронтмена довольно известной в городе рок-группы «Suspense», и незнакомые девчонки — по одной на коленях у Лешки и Севы и еще у парочки ребят.

Знакомая картина. Эти бойцы выходного дня, как всегда позиций не сдавали. Лерка сидела рядом с Титовым, смеялась какой-то шутке парня, и заметно обрадовалась, увидев меня. Я тоже ей улыбнулся. В коротком платье с открытым плечом девчонка выглядела просто отлично.

— Привет, народ! — поздоровался, отбирая из протянутой руки Макса бокал с коктейлем, отпил из него и вернул другу. Утер губы, рассматривая компанию. — Смотрю весело у вас тут. Сразу видно, что вечер задался.

Музыка в зале резонировала басами, и Игнату пришлось повысить голос.

— А чего скучать, когда жизнь бьет ключом? Рвем свое, Артем. Привет! — парень протянул руку, а следом за ним поздоровался и его барабанщик — Ренат Беленко, по кличке Белый. Эти два друга еще со школы были не разлей вода. Я познакомился с Белым в первый год учебы в универе — вместе играли в футбол за университетскую команду и, хоть наши пути разошлись, мы поддерживали приятельские отношения.

— Здоров, Пеле*! — отозвался Ренат. — Говорят, тебя можно поздравить с первым контрактом? Что, целы бутсы или сбил на мохер, набивая мячи Борисычу? — он рассмеялся шутке.

И этот туда же. Пришлось огрызнуться.

— Не поверишь, Белый, упрел, так старался. Спецом подмахивал.

— Да ладно тебе, Сокол, не обижайся. Мы же за родину болеем, за своих. Поддержим, если что. Я всегда говорил, что ты везунчик!

Спорить не стал. Сдернул с плеч куртку, усаживаясь за стол.

— Вижу, нужный градус настроения на грудь уже взят, — заметил парню, улыбаясь — Макс, твою мать! — обернувшись, «причесал» друга по затылку. Тот, рассмеявшись, развел руками.

— Темыч, да чего ты взъерошился-то? — возмутился. — Мы ж по дружбе прониклись! Здесь где-то Квашин из твоей команды. Подошел с новостью, мы уважили. Сказал, что тренер забирает тебя с собой. Ну и отметили, само собой!

— Вам бы повод, — даже не удивился. — Рано отмечать и поздравлять рано. Еще не известно, вытянет ли Борисович клуб, и кто останется с ребятами. Придет время — отметим.

— Но бутсы-то сбил? — заржал Леший. Девчонка на его коленях — коротко стриженная блондинка с разноцветными прядями — захихикала.

Я нехотя признал.

— Сбил.

— Вот и выпьем за новые! Скинемся для друга. Сокол, да ты расслабься, не грузись! Который день не в себе. Бери пример с друзей. Лерунь! — Лешка окликнул Анисимову, — кажется, кто-то говорил, что заждался...

— Говорил. Если бы ты еще помнил, Ким, что по секрету, — девушка рассмеялась. Посмотрела на меня, поднимая тяжелые ресницы. — А он,

мальчишки, не напрягается. Правда, Артем?

Лерка. Подошла и села на колени. Спросила на ухо, обвивая руками шею: — Как дела?

От девчонки пахло духами и алкоголем, и самым главным запахом — обещанием. Я притянул ее в ответ, чувствуя, как в довольной усмешке разъезжаются губы.

— Сейчас, Зая, когда ты рядом, гораздо лучше.

Мы выпили и послушали о планах Игната. Вот-вот должен был выйти первый официальный альбом рок-группы «Suspense», у ребят появился промоутер, свой клипмейкер, и все заметно волновались, готовясь к серьезной пиар-компании в масштабах страны. Парни пригласили поддержать их выступление в модном клубе города «Альтарэс», которое обещало пройти в следующие выходные, и все согласились.

— Конечно, будем, Игнат, Белый! О чем речь! — заверил музыкантов Макс и громко предложил перекур.

Лерка, словно только этого и ждала, соскочила с колен и потянула меня на танцпол. Увлекла в толпу, призывно оглядываясь через плечо. Прижалась к груди, снова повиснув на шее, позволяя обнять ее за талию и привлечь к себе.

Слов не было, была музыка, полутемный, мигающий в свете фэйерболов, в цветных вспышках стробоскопов и лучах лазеров танцпол, были взгляды и движения — ясные и понятные. Руки сами легли на задницу и сжали упругие ягодички. Прошлись по спине, позволяя девушке почувствовать мое тело и желание. Лерка улыбнулась и, танцуя, прижалась крепче, потираясь бедрами. Горячие губы задышали на щеке, скользнули по подбородку...

— Артем...

— Сокол, дай ключи от квартиры! Через час верну! — Леший. И где только взялся! Нарисовался рядом и дернул нервно за плечо. — Темыч, выручай! Такую девчонку мировую цепанул! Очень надо!

Ну, раз надо... Послушно полез за ключами в карман, едва ли думая о друге, но вовремя очнулся, вспомнив и Чиже.

— Нет, Леший. Не могу. Отец с ночевкой приехал, извини.

— Че-ерт! — Лешка едва ли не взвыл. — Какого... твою мать! Ладно, пойду с Максом попытаю счастья. Может, хоть он не такой зануда!

— Это правда? — выдохнула Лерка на ухо, когда друг исчез в толпе. — Или ты отказал, потому что сегодня мы, возможно, останемся у тебя?

Соврать ничего не стоило. Для того, чего хотело мое тело — не

требовался дом. Мы не раз обходились машиной, обойдемся и сегодня. Сейчас мне нужен был секс, без разговоров и прелюдий. Желательно с повтором. Для прелюдии вполне хватило и этого танца. А вот «останемся» — прозвучало из уст девушки ново и неприятно царапнуло.

В отличии от Мальвина или Лешки, задушевные беседы никогда не были моей сильной стороной и Лерке о том хорошо известно, иначе бы не искала встречи в клубе. Намекая на возможное «а поутру они проснулись» — моя подруга сегодня явно забылась. К тому же для утра у меня уже имелся Чиж. Нет, все что мне нужно — быстрая разрядка и спать. Никаких чертовых разговоров.

Вспомнив легкую и подвижную девчонку, хохочущую на моей кровати, крадущуюся по утрам в ванную в смешной пижаме «домысли все сам» — невольно отодвинул Лерку от себя.

— Правда. Дома отец. Но это не помеха для нас, ведь так?

— Артем, я звонила. Почему не отвечал? — Лерка крепко обвила шею руками, ластясь под музыку кошкой. Запутала пальцы с длинными ногтями в моих волосах. — Может, хоть сейчас объяснишь, когда я тебя наконец поймала, что это было в прошлый раз? — требовательно спросила. — Извини, Сокол, но я себе цену знаю, и не привыкла вот так заканчивать вечер.

Я тоже ко многому не привык. В частности, вот к таким допросам.

— Уточни, Зая, — пока еще вежливо попросил.

Лерка нервно рассмеялась и повторила мои слова, копируя тон.

— Застегивай лифчик и уходи, тебе пора. Я устал! Артем, согласишься, — обиженно скусила губы, — это было слишком грубо даже для тебя. И потом неотвеченные звонки...

Жаль, что в Анисимовой я ошибся. Она все-таки спросила.

— Зая, я сегодня не настроен на подобные разговоры. У меня был сложный день.

— Только не говори, что снова устал.

— Как черт.

— И не будешь против, если я уйду с Максом?

Я улыбнулся. Широко, продолжая тискать призывно посмеивающуюся брюнетку за задницу. Похоже, подобные разговоры ее заводили. Что ж, для себя я уже решил, что этот раз станет нашим последним.

— Лера, не стоит со мной играть, — сказал честно. — Я тебе не мальчик «поди сюда». Ты можешь уйти с кем хочешь, я тоже. Разве что-то изменилось и у нас друг перед другом появились обязательства?

— Ну...

— Скажу откровенно: не думаю, что Макс рискнет уйти, но ты можешь попробовать. Будет жаль с тобой попрощаться.

Я отпустил девушку, глядя на нее с усмешкой. Рядом танцевали незнакомые девчонки, и на секунду я поймал одну из них за талию. Привлек к себе, спросил как зовут... но все равно не запомнил. Ай, к черту! Какая разница! Ей тоже плевать на мое имя!

Лерка снова оказалась у груди. Легко оттеснила соперницу.

— Сокольский, — несильно толкнула ладонью в плечо, привлекая к себе внимание, — я всегда говорила, что у тебя ужасный характер! Ну почему ты не вышел у мамы с папой похуже лицом, а? Тогда бы с тобой было намного проще! — то ли пошутила, а то ли посетовала в сердцах. — Просто не хочу повторения последнего вечера, так понятно? Отец — это хорошо. Но, может, заедем ко мне? — предложила, играя у виска черными прядями. — Родители как раз уехали с ночевкой на дачу. М-м? Квартира не проблема, если ты об этом. Главное, доехать, — снова засмеялась. — Но мы оба знаем, что живу я отсюда очень близко...

Ну, наконец-то.

— Поехали.

Когда вышли из клуба и подошли к своим ребятам, услышал от Мартынова знакомое название бара и остановился. Рядом привычно над шуткой Титова смеялись девчонки.

— Сева, что случилось?

Мартынов растерянно, с беспокойством вертел в руке телефон.

— Да вот, знакомый только что позвонил. Возле «Мараканы» после хоккейного матча произошла потасовка болельщиков. Вроде как ничего серьезного, полиция уже всех разогнала, но сам факт! Обидно, — Сева растянул улыбку и сплюнул. — Я же первый фан хоккея, как мог такую заварушку пропустить? Сдернуться туда, что ли, как думаешь?

Я тут же забыл о Лерке. Сам не понял, как отошел в сторону, выдергивая из кармана куртки айфон и набирая номер, в ожидании ответа нервно отсчитывая про себя порядок цифр.

Девчонка ответила. Слава Богу! Постарался спросить как можно спокойнее.

— Чиж, привет. Ты дома или до сих пор в «Маракане»?

— Дома, конечно, — услышал знакомый голос. — А фто?

Кажется, я ее удивил, но после ответа и шумного выдоха, это показалось уже неважным.

— Я в клубе с друзьями. Скорее всего, пробуду здесь до утра...

Сам не знаю, зачем продолжил разговор? Просто захотелось. Два дня

молчали, толком не виделись, может, поэтому? Странное оправдание. Такое же нелепое, как мгновенное желание оказаться рядом с Чижом. Почти нестерпимое — почувствовать ее тепло и увидеть удивительно-домашнюю и свою в моем доме, как будто в нем и не было никого кроме нее. Желание тем более непонятное, что я как мог пытался от него сбежать.

Я видел девчонок нагими с шестнадцати лет, знал ласки подруг постарше и опытнее, а меня влекла застегнутая наглухо до горла пижама с мышами. Смешно же, кому рассказать.

Что, к чертовой матери, со мной происходит?!

Возможно, станет легче, если снова стану жить один?.. Наверняка. Вот почему мне не нужны долгие встречи и отношения. Только короткое, яркое удовольствие и секс. И ничего больше. До сих пор я отлично справлялся со своей жизнью.

Я обернулся к компании, пряча телефон в карман. Лерка стояла возле Макса и смеялась, друг обнимал ее рукой за талию. В дорогой шубке, распахнутой на груди, виднелось голое плечо красивой брюнетки, открытое глазам парней.... Сейчас ее хотели многие и она это знала. Многие, но только не я.

Возбуждение прошло. Схлынуло так же быстро, как и накатило. Мне больше не хотелось брать то, что мог взять любой. От представленной картины стало тошно, а ведь когда-то сам не брезговал многими вещами. Мы встретились взглядами, и я прочитал в карих глазах девушки вызов. Да, я снова оставил подругу по удовольствию без объяснений, и сейчас она ждала, что на этот раз именно я сделаю первый шаг и подойду. Даже помня о моих словах насчет Макса.

Не подошел. Но оставил ей ее порцию гордости. Пусть. Пора заканчивать этот вечер. Для меня он сегодня слишком затянулся.

— Чиж, привет. Почему ты здесь? Что случилось?

Я вошел в квартиру и бросил ключи на полку в прихожей. Снял куртку, обувь, и уставился на девчонку, которая виновато топталась возле меня, встретив на пороге.

Это что-то новенькое — вот такой заискивающий, даже нашкодивший взгляд. Я заинтересованно поднял бровь, стараясь не смотреть на чертову пижаму с мышами. Таковую Чиж я еще не видел.

— Привет, Сокольский! — Чиж ответила шепотом, подступая ближе. Подняла ко мне лицо и виновато шмыгнула носом, приминая пальцами у горла воротник. — Э-э, понимаешь, тут такое дело... — неуверенно начала и вдруг затанцевала на носочках. — Ты меня, конечно, прибьешь, Сокольский, когда узнаешь, что я натворила! — неожиданно выдохнула. —

И правильно! Но прежде чем это случится, хочу чтобы ты знал: я не смогла ее прогнать! Никак! Я хотела, честно-честно, — тихонько затараторила, хлопая ресницами. — Но она вдруг расплакалась и сказала, что ей больше некуда идти. Сегодня некуда, — развела руками, — понимаешь? Совсем!

Я напрягся, перебирая в уме всех бывших подруг. Ни одну из них я никогда не оставлял на ночь.

— Постой, — остановил лепет девчонки. — Кто «она», Чиж? Что-то не пойму.

— Так Илонка, конечно! Твоя сестра!

— Моя... кто? — изумился. — Да какая она мне нахрен... — но взорваться возмущением не успел. Чиж тут же накрыла мой рот ладонью.

— Тихо! Ты что раскричался, Сокольский? — строго шикнула. — Совсем ку-ку? Она же услышит!

— То есть «не смогла прогнать»? Она здесь, что ли? У нас?

— Ну да! — Чиж виновато вздернула плечами. — Да я понимаю, Артем, что сглупила. Говорю же, прибьешь! Но ты позвонил — я уже спать собралась, а тут звонок в дверь. Веришь, даже сковородку в руки взяла — вдруг воры? Или ты решил пошутить.

— Я?

— А может рассердился, что креветки твои слопала и решил напугать! — доходчиво объяснила. — А тут она. Меня увидела и на тебе, здрасьте-приехали — давай реветь. Я ее уже и накормила, и чаем напоила. Кстати, — девчонка вдруг осеклась и скользнула по мне серьезным взглядом, — ты сам-то когда ел? Там на кухне котлеты есть и картошка. Огурчики мамины. Не мясо на костре, конечно, но Илонка лопала будь здоров! Да, так вот, — продолжила рассказ. — Я ее напоила, говорю: может тебе такси вызвать? У меня есть немного денег. А то сейчас Артем придет, рассердится. Вы же с ним, мол, не очень ладите. А мы с тобой типо пара, вот и наплела ей про шуры-муры, как договаривались. А она снова в слезы. Не надо, говорит, такси. А то примчится мамаша с дядей Васей и всем будет только хуже. А так Илонка утром вернется домой и расскажет, что у нас тут с тобой настоящая любовь-морковь. Представляешь, Сокольский, — изумилась Чиж, — похоже у вашей Сусанночки совсем крыша съехала! Без конца твердит дочери, что ты будущая знаменитость и в тебя надо вливаться руками и ногами. Совсем сбрендила, да?

От такого потока информации я онемел. Потянулся было к телефону, шагнул к комнате, и если бы не Чиж, схватившая за руку и утащившая в кухню, точно бы обматерил отца с его сукой. Вышвырнул недосводную вон.

— Артем, потерпи до утра, а? — попросила девчонка. — Пожалуйста! Кажется, Илонка не шутит. Жаль человека, когда у него такая расчетливая мамаша. Выдумала тоже... — Метнулась к плите и тарелкам, вздыхая: — А я больше никогда дверь открывать не буду. Никогда! Одни неприятности тебе со мной!

Я оглядел девчонку со спины. Остановил взгляд на пятой точке. Проклятые мыши...

Выдумала, значит. Глядя, как Чижик шуршит на кухне, не сдержался, улыбнулся зло.

— А вдруг это правда, Чиж?

— Что? — она удивленно оглянулась.

— То, о чем твердит Сусанна, — ответил холодно, прямо встречая зеленый взгляд. — Вдруг я и правда будущая знаменитость? Разве не стоит впиваться руками? Здесь и сейчас?

Чижик застыла. Повернулась. Моргнула растерянно. Закусила губы и снова распахнула их — сочные и нежные без всякой косметики. Снова сомкнула. Ответила не без надежды, расцветая на щеках румянцем:

— А как же любовь, Артем? Без нее разве можно?

* * *

Чиж

Ох! Вот это я наворотила дел на ночь глядя! Дернул же меня черт открыть дверь! Теперь по собственной глупости оказалась между молотом и наковальней. И пусть наковальни в прямом смысле слова здесь не было, как только впустила Илонку в квартиру, присутствие Сусанны прочувствовала с лихвой! Ноги едва ли не тряслись, когда Сокол вернулся. Стоял молча, вскинув брови, слушая мой виноватый лепет...

Договорилась. Вот про любовь зачем-то брякнула. Смешно и наивно, и как всегда не к месту сказано. Эх, Фанька.

Парень посмотрел мрачно и развернулся. Потопал в комнату. Должно быть проклял свою бестолковую квартирантку на веки вечные. Эх, ну еще бы — на пустом месте так подвести!

— Сокольский, ты куда? — трусливо окликнула. Ой, сейчас и сводной достанется!

— Да ничего я ей не сделаю, Чиж! — прочитал мысли. — Отматерю как следует и выдам пропуск с предупреждением на выход!

— Э-э, Артем...

— Утром, так и быть, Пыжик! — привычно рыкнул. — Утром!

Я все еще чувствовала вину перед Соколом, поэтому никак не уходила из кухни, мозоля парню глаза, пока он ужинал. Ждала с чашкой чая, когда вернулся из душа в одних боксерах и босиком. Снова уселся рядом, решительно отодвинув ко мне, щедро предложенный ему кусок шоколадной плитки.

— Сама ешь.

— А ты?

— Не хочу.

Конечно, я старалась не смотреть на парня и все такое. Сlopала шоколад, но это трудно, скажу вам «не смотреть». Сокол был чистюлей, красавчиком, и пах, как те самые парфюмированные странички в модных журналах под грифом «Косметика для мужчин». О гладких бицепсах и тугих кубиках пресса — вообще молчу. Захотелось пальцем попробовать бугорки на «настоящестъ», так влекли взгляд. Только слепой и не заметит. В общем, сложно сидеть рядом с таким парнем и не таращиться. Хорошо, что он дует себе на чай и не замечает моих косых взглядов. Ой, чувствую, увидит его сейчас Илонка — голопузого и голоногого, и снова разревется.

Что-то она притихла в комнате, сидит как мышь. Только плазма и бормочет музыкальными треками. Правда, что ли, Сокольский пропуск на выход выдал? А то он может. Вон как мальчишкам в университете от него достается.

Задумавшись, шумно вздохнула. Сокол поднял глаза. Какие они у него сейчас темные — серой радужки почти не видно. Острые, как угольки.

— Доверчивая ты, Чиж, — сказал мягче, чем я могла ожидать. — Тебя вокруг пальца обвести — раз плюнуть. А если моей недосводной сестре здесь понравится? Что будем делать?

Что делать я не знала, но тут же придумала.

— Не понравится! Мы ее тут, на кухонном диванчике спать уложим — к утру сама сбежит! Я ниже Илонки и то еле-еле разместилась, так мучилась. Вот увидишь, завтра снова будет ночевать в своей съемной квартире назло Сусанне!

Постелила. Сняла с кресла подушку и плед. Пока ходила в душ плескаться-умываться-расплетаться, снова обнаружила девушку возле Сокола. Точнее, топчущуюся на пороге комнаты.

— Анфиса, я только шоу досмотрю и уйду!

Пришлось отвести гостью на кухню за руку, выключить свет, захлопнуть дверь и попрощаться.

— Извини, Илон, у нас с Артемом ночь и интим, сама понимаешь. Так

что спокойной тебе. Крепкого сна и все такое...

Фух! Выдохнула. Вот это вечер! А, помниться, как хорошо начинался...

Когда вернулась — Сокольский уже улегся в постель и теперь лежал, едва прикрыв крепкие бедра одеялом, как заправский атлет не обращая внимания на декабрьский вечер и прохладу квартир, уставившись в телевизор и закинув руки за голову. Он часто засыпал гораздо позже меня, и я привыкла к бурчанию техники над головой. К тому, что он рядом и все спокойно.

Просить не пришлось — сам сделал звук тише. Оглянувшись в сторону кухни, прислушалась, подождала минут пять, прикрыла дверь и, сдвинув кресло к стене, полезла за матрасом. Вытащив последний на середину комнаты, развернула простынь, взбила подушку, достала из шкафа одеяло и только-только приготовилась лечь... даже ногу занесла в сладком предвкушении скорого сна... Как вдруг весь наш с Соколом придуманный маскарад чуть не лопнул мыльным пузырем!

Дверь бесшумно отворилась, скрипнул порог, и в комнату ужом проскользнула Илоночка. Здравсьте вам!

— Какой кошмар! Это пытка, а не диван! Мне на нем никак не уснуть! — капризно сообщила и, ойкнув, удивленно уставилась на пол.

— Анфис, а что это вы тут делаете? — выждав неловкую паузу, с подозрением спросила, выхватив взглядом Сокола. — Матрас на полу?! Это еще зачем?

Я вмиг увидела картину глазами гостьи и себя с Сокольским на разных спальных местах. Сердце предательски дернулось зайцем. Действительно — зачем?

Вы думаете я нашлась, что ответить? Фигушки! Как стояла с занесенной ногой, так и прожевала что-то невнятно-хмурое, вроде:

— Мы то? Так мы это... того... в общем... хотели...

Тонкие брови блондинки взметнулись вверх.

— Хотели?

Господи, да что ж придумать-то! Хоть бери и затылок чеши! Но Илоночка предпочла догадаться сама. Растянула рот в улыбке, скользнула ужом ближе и, крепко стиснув мои плечи, прижала к себе. Охо! Ну и силищи у недосводной в руках! Сказала с радостным трепетом:

— Для меня, да? Анфиса, ты решила, что мне здесь будет гораздо удобнее, так ведь? Я на кухне не могу! Никак одна не могу! У меня ноги с дивана сползают и холодильник гудит!

— Э-э...

— Спасибо! С вами мне будет гораздо лучше!

— Ну...

— И кино! Мое любимое! Обожаю «Перевозчика» и Стейтема! — Илонка едва не запрыгала от радости, отступая назад. Распахнула увлажнившиеся глаза. — И вы с Артемом. Оба такие милые — Пусик и Мусик! Спасибо, что не выгнали на улицу!

А? Чего?

Оббежала меня, и юрк под одеяло на матрас, одеялом накрылась, и голову на подушку — плюх!

Я сглотнула комок в горле и захлопала ресницами, чувствуя, как киснут губы.

Э-э-эй! А как же я?! На мою подушку «плюх», между прочим! И на мой матрас! И неважно, что на самом деле они Сокольского, что здесь все — его, сейчас чувствовала душой — моё!

Я растерянно, с тоской уставилась на девушку.

— Да ты тоже ложись, Анфис! — Илонка довольно захихикала. — Я с вами кино посмотрю, а потом усну. Не переживай, я так крепко сплю, что меня пушкой не разбудишь! Хотя никто и не пробовал, конечно, но если бы решился, уверена, у него бы ничего не получилось! — радостно сообщила и замерла под одеялом, зыряка с любопытством в нашу сторону.

Э-эм, лечь? Я нерешительно переступила с ноги на ногу, заправляя за ухо прядь волос. Извиняюсь — куда? Не на кухню же топать, на освободившееся спальное место, вопреки легенде? У меня же здесь вроде как пара. Ответ напрашивался сам собой, и я со страхом обернулась к Соколу. Глянула на парня... он тоже, не отрываясь, смотрел на меня.

Вот это влипли! И главное, я сама ему помешала отправить Илонку на выход. Сама упросила Артема оставить дочь будущей мачехи до утра. Как-никак — родня. Но я же не думала, что все так обернется. И что теперь делать? Вон как гостя смотрит, ожидая увидеть воссоединение любящей пары на спальном ложе и доложить матери.

Взгляд скользнул по твердым губам Сокольского, сжатым в прямую линию, и спустился ниже. Остановился на голой груди. Нет, это невозможно! Но голос шепнул: «А как же сделка? Будь добра отработать роль! Между прочим, Илонка завтра уйдет, а тебе жить негде! И потом, ты обещала».

Так-то оно так, обещала. Но вдруг он меня оттолкнет? Ведь если честно, по уговору — мне предстояло не только лечь, но и в некоторой степени, раз уж по легенде я любимая девушка Сокола, проявить к нему знаки внимания.

Одна кровать. Одно одеяло. Одна подушка. Один симпатичный, но не очень вежливый парень, по которому сходит с ума полфакультета девчонок. А если вызвать на откровенность тихонь и заучек, так и весь факультет. Эх, знали бы они, что я собираюсь сделать, порвали бы Чижику на шелковые лоскутки.

Я выключила свет и нерешительно шагнула вперед. Плазма в полстены прекрасно справлялась с ролью светильника, продолжая освещать комнату и постель. Закусив губы, обернулась к Илонке — та по-прежнему счастливо улыбалась. Отвернувшись от девушки, снова посмотрела на Сокола...

Черт! Соображай, Фанька, что делать!

Но соображалка подсказывала только одно...

Хоть бы не прибил после, за все сюрпризы вместе взятые. Потому что на этот раз, чувствую, хоть я и бегаю быстро, просто «у-ух!» — все равно догонит и заключает.

Кусая губы, подступила ближе к краю кровати. Глядя Соколу в глаза, медленно опустила на постель колено, коснулась ладонью простыни, и застыла... Надеюсь, не оттолкнет. Смотрит остро, не моргая, как будто не верит. Но ведь наверняка догадался?

Догадался. Сглотнув ком удивления, нервно дернул желваками, стягивая в сторону одеяло. Завел руку за голову, переместил затылок, сдвигая ближе к краю подушку... Неужели для меня? Я постаралась не смотреть на «каменный» живот с темной полоской волос и низко сидящие боксеры. Не давая себе больше времени для сомнений, скользнула на кровать, потянулась к Соколу и невесомо коснулась губами плотно сомкнутых губ.

— Спокойной ночи, Пусик, — сказала для Илоночки, нежно погладив ладонью висок парня, и еще раз чмокнула его в щеку. — Надеюсь, этой ночью тебе приснюсь именно я.

Пожелала, и улеглась быстренько рядом с Сокольским, сама от себя в шоке. Чтобы не было так мучительно стыдно за содеянное, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза.

Ой, мамочки! Вот это я офигела! Сама поцеловала Сокола! Зато обещание выполнила и узнала, что он не только для глаз приятен, но и вообще... мягкий и не колючий. Если бы еще плечо не упиралось в горячую грудь, а бедро в... не знаю куда, но тоже горячее, я бы представила, что пингвин, и живу на льдине — так хотелось остудить пылающие щеки и стучащее зайцем сердце. Хорошо, что гостье не виден мой стыд.

Где-то внизу недовольно крикнула Илонка. Кхым. Покашляла в

кулачок. Кха-кха. Отозвалась просительно:

— Ребята, вы не будете против, если я тут под одеялом разденусь. Хоть юбку сниму! А то что-то жарко.

— Только попробуй! — рявкнул Сокол. — Лежи, чтобы я тебя не слышал, поняла!

Я тоже лежала, чтобы он меня не слышал, тихо-тихо, кожей чувствуя присутствие парня. Наверно, было бы неплохо его обнять, но смелости на это не хватило — вон как сестре ответил грубо, еще и мне перепадет. Только почувствовала вдруг резкий вдох, как натужно развернулась крепкая грудь...и сразу за ним выдох. Почему-то странно-мучительный.

Я открыла глаза и подняла лицо. Серые глаза блестели слишком близко.

— Че-ерт, Чиж. Ну и что мне теперь со всем этим делать? — тихо спросил Сокольский. — Что делать с тобой?

— Со мной? Ничего, — ответила так же тихо. Предположила неуверенно: — Может, спокойно спать?

— Спокойно, значит?

Я кивнула, чувствуя теплое дыхание Сокола. Лежать с ним рядом, так же, как жить, несмотря ни на что было приятно и уютно, хоть и непривычно.

— Да.

Только собралась закрыть глаза, как рука Артема уверенно легла под грудь и почти со злостью вздернула меня вверх, разворачивая и прижимая к нему. Я не успела охнуть и толком ничего понять, только заметила как голова и плечи Сокольского оторвались от подушки и парень навис сверху, когда почувствовала на себе его губы.

Требовательно и легко Сокол раскрыл мой рот, прижал собой к кровати, и скользнул языком так глубоко и яростно, словно хотел выпить, что от неожиданности и полноты ощущений у меня замерло сердце и перехватило дыхание. Отпустив на короткий вздох, снова приник к губам, сжимая пальцами спину, целуя уже куда протяжнее и нежней, но оттого не менее настойчиво в своем желании.

Наказать? Доказать? Я не могла понять, только силилась вздохнуть, когда он, наконец, меня отпустил. Сердце, ухнув в пропасть, забилося как заполошное. (Вот это поцелуй! Не знала, что такие бывают!) Замер надо мной, так же как я тяжело дыша. Глядя в мои изумленно-распахнутые глаза, провел языком по своим зубам, как настоящий вампир, и склонился к уху...

— А вот теперь, Чиж, спи спокойно, — негромко рыкнул не без раздражения. — Если у тебя получится!

Если у меня что?!

— Сумасшедший!

Получалось у меня с трудом, — тело горело, в висках стучало и близость парня ощущалась по-новому остро — каждой клеточкой кожи, — а вот у Сокола, кажется, дела со сном обстояли и того хуже. И зачем я только со страху повернулась к нему попой?.. Не успела шмыгнуть носом, как тут же почувствовала...

— Лежи спокойно, Чиж, и помни о физиологии и рефлексах. Я, твою мать, ничего с собой сделать не могу!

Но как бы тяжело Соколу ни было, руку с талии не убрал. Только поднял выше, под самую грудь, прижимая к себе. Задышал носом в волосы. Чудак! Под одеялом Илоночке все равно ничего не видно!

* * *

Сокол

На исходе ночи. Ранним-ранним утром.

— Илона, просыпайся. Давай, одевайся и тихо мне! Если Чижа разбудишь — клянусь, пожалеешь! Такси уже ждет. На этот раз плачу я, но это в первый и последний раз — запомни! Анфисе спасибо скажи, что взяла с меня обещание. Если еще раз с Сусанной выкинете подобную херню — пожалееете, что имеете ко мне хоть какие-то отношение. Поняла?

— Артем, но я действительно...

— Не ври! Я тебе не мой отец.

— Тогда почему? Откуда взялась эта любовь?

— Не надейся, что отвечу. Хотя, пожалуй, отвечу — не твое дело, поняла? Ну все, пошли, тебе пора!

* * *

Чиж

Просыпаться не хотелось. Категорически не хотелось! Позади осталась учебная неделя с домашкой и зачетами, с ранней беготней, и тело помнило, что сегодня суббота месяца декабря, за окном минус десять, а значит можно вдоволь поспать. Вот я и спала, и еще спала, и еще... странно-долго, нежась в тепле и уюте пасмурного утра, и, скорее всего, спала бы дольше, если бы вдруг кто-то не простонал мне в ухо. Тихонечко,

но весьма чувственно:

— М-м-м... — так, словно ему очень хорошо.

Я зевнула и приоткрыла глаз. Закрыла. Кажется, сознание проснулось, а вот я — нет. Упрямо кышнула его прочь, возвращаясь в сон, но оно преподленько подсуло мне картинки прошлого вечера. Я, Илоночка, Соколовский, кровать... поцелуй.

Поцелуй? Сама себе ответила с удовольствием: «О да-а. Да еще какой!» Полночи потом уснуть не могла, так все горело. Ну и дела...

Стоп. Соколовский?!

Глаза мгновенно распахнулись, и я отрезвевшим лемуриом уставилась в потолок. Осторожно повернула голову... Точно, он! Лежит, красавчик, рядом. Родной и вросшийся, словно сиамский близнец, оттого и тепло так. Нифига себе! Дышит размеренно, едва заметно. Спит глубоко, спокойно, сомкнув веки и чуть приоткрыв губы... Ох, и красивые они у него — губы-то, вовсе не такие твердые и упрямые, теперь я знаю. Требовательные, конечно, ну так я и виновата сама, заигралась с огнем. Едва не обожглась, так жаром полыхнуло! Брови и ресницы темные, пушистые, потому и кажется сероглазый взгляд таким острым...

Ну вот, и не хотела, а снова невольно залюбовалась Соколом. В голове красной табличкой вспыхнул знак «Осторожно, Фанька, опасно для жизни! Не лезь — убьет!». Нахмурилась — такой может. Если и не убить, то истыкать сердце иголками будь здоров, уж я-то знаю. Только бы не напридумывать себе на глупую голову лишнего с того поцелуя «на публику», хватит с меня и бывшего!

Сокол лежал, обхватив мои плечи рукой, закинув на меня ногу, как будто спал так с Чижилом каждую ночь. Я попробовала пошевелиться. (Это сколько же мы так лежим, назло Илонке, как два голубка?). Стыдливо убрала пальцы, накрывшие мужскую ладонь, и подвинула попу в сторону. Соколовский тут же, все так же глубоко и тихо дыша, запротестовал. Точнее, рука парня запротестовала, упрямо притянув к нему. Мало того, видимо, пошевелившись, я побеспокоила сон Сокола, потому что он вдруг во сне недовольно рыкнул и прижался ко мне бедрами. Сделал недвусмысленное движение, от которого у меня не только зажглись в животе искры, но и вспыхнули огнем щеки. Снова простонал: «М-м-м», и задышал шумно, шевеля волосы на шее. Зарылся носом под ухо, и не думая меня отпускать.

Мамочки! Я же сейчас задохнусь! Не то от нехватки кислорода — так сжал, а не то от стыда и кое-чего еще! И главное, тело мое и не думает возмущаться такому наглому рукастому поползновению парня. Ему, что интересно, все нравится. Я почувствовала, как уха коснулся горячий и

влажный язык. И если честно, еще кое-что почувствовала...

Ой! Пальцы Сокола, скользнув под пижаму, легли на живот и поползли вниз...

Напрочь забыв о спящей на полу Илонке, я возмутилась. Заерзала в бесполезной попытке освободиться, прогоняя язычки пламени. И плевать, что недосводная подумает, сейчас бы в себя прийти. Табличка с предупреждением отчаянно замигала ярко-красным.

— Э-э-эй! С-сокольский, ты что, сдурел?! Сейчас же убери руки, это же я — Фаня!

Рука мгновенно исчезла. Фух. Глаза Сокола открылись и уставились в меня утренним, пронзительно-серым взглядом. Оценив обстановку, изумленно моргнули.

— Чиж?

— Проснулся? Я. А ну отодвинься! — грозно приказала. — Отодвинь от меня свою физиологию, слышишь! Говоришь не машина, чтобы в семь секунд разогнаться? Да ты еще не проснулся, а уже на предельной скорости! Чуть не протаранил! Больше мне сказки про канифоль не рассказывай, когда отправишь на морозе гулять! Я теперь знаю про твой настрой! Бабник!

Сказала, и тут же вспомнила про Илоночку. Громко ойкнув, села, виновато прикрыв рот ладонью. Осторожно оглянулась...

Ну что за непруха! Неужели гостя все слышала?

К счастью, матрас на полу оказался пуст. Обвела комнату взглядом — вчерашней гостьей и не пахло. Странно.

— А где Илонка? — обернулась к Соколу. Тот тоже уже поднялся и теперь сидел в постели, утирая лицо ладонями, сверкая голым мускулистым торсом.

— Ушла, — хрипло ответил.

— Куда? — изумилась я.

— Тебе не все ли равно, Чиж? — привычно рыкнул. — Домой. Остальное меня не волнует.

— Когда?

— Я время не засекал, если тебе интересно, — отчеканил равнодушно.

— Но... а как же тогда мы? — растерялась. — Если Илонка ушла, чего лежим вместе? О-обнявшись?

Бровь Сокола изогнулась, а следом за ней по мне скользнул удивленный взгляд.

— Мы? Не знаю. Я вообще-то спал, Чиж, и вряд ли себя контролировал. Это ты ко мне пришла, если помнишь.

Помню, еще как помню. Разве такое забудешь? И как Илонку впустила, и как уложила спать. И как сама устроилась рядом с парнем, с пожеланием ему присниться.

Выдохнув, стыдливо сползла с кровати, одергивая пижаму.

— Ты же знаешь, что я хотела как лучше, — виновато призналась. — И оказалось, что мне негде спать. Не на улицу же идти? А ты, Сокольский, взял и чуть меня не съел. Хоть бы предупредил...

— Ты тоже не предупредила, когда вздумала нежничать, — получила справедливый упрек в ответ. — Я тебе что, Железный Дровосек, вхолостую дрова рубить? Думаешь, мне легче, Чиж?

— Нет, — согласилась, — не думаю. Я, конечно, перегнула, но тебе не может быть все равно, кого целовать, Артем. Это не правильно.

Сокол встал с постели, прикрывшись одеялом. Видимо, рефлексy скорости так и не сбросили, отказываясь тормозить, и парень предпочел стоять снеговиком. Улыбнулся холодной, колкой усмешкой.

— Тебе что, не понравилось?

Я заморгала, покрываясь румянцем. Горячим, пятнистым, прямо от скул. Таким, что не скрыть от чужих глаз. Дыхание сразу же стало прерывистым, совсем как во время ночного поцелуя. Кажется, даже губы вспухли, вспомнив напористое прикосновение, и тут же под взглядом Сокола раскрылись. Пришлось их покусать и отвести глаза. Отступить на всякий случай подальше.

Ну вот как можно быть таким самоуверенным? Ни капли не сомневающимся в себе? Так и захотелось ответить: «Бе! Фу! Конечно же, не-ет!», но вместо этого ответила предельно честно, как чувствовала:

— Дело не в этом.

— А в чем, Чиж? — не остался в долгу с вопросом Сокольский.

— В том, что я тебе даже не нравлюсь. Так почему вам все равно с кем? Тебе и таким как ты? Все равно кого целовать и... и не только целовать. Разве так можно?

И пока парень не обсмеял мой ответ, чувствуя, что сейчас разревусь, под видом обычного утреннего «переодеться», взяв свои вещи из шкафа, ушла в ванную комнату. А там — умывшись — сразу на кухню, освободив хозяйину душ. Уже по привычке приготовила кофе на двоих и сделала бутерброды.

— Сахар вот-вот закончится, — зачем-то сказала, когда Сокол появился рядом. Сел завтракать, мрачно буравя меня взглядом. Значит, все же испортила ему настроение, хм-м. Привычно сердито пилинькнул телефон. Даже смотреть не стала, зная от кого сообщение. Десяток

сообщений. «Где ты?» «Почему тебя нет у Матильды?» «Ты что, не соврала и у тебя кто-то есть?» «Ты моя, поняла!». И снова «Где ты?», «Фанька, ответь!» и так по десятому кругу. Как и всегда субботним утром. Ничего, к вечеру забудет за развлечениями и новыми подвигами про бывшую любовь. Не хочу о нем думать, не хочу вспоминать. Потому что тоже были поцелуи, а кроме них обещания, так окрылявшие глупое сердце. Тогда я верила, что они для меня одной. Что весь его мир для меня.

В голову пришла мысль, от которой невольно улыбнулась сквозь грусть. А ведь действительно не соврала бывшему, когда отвечала, что сплю с парнем, что он у меня есть. Теперь вот даже совестить себя за вранье не могу. Пусть не мой, но рядом. Хотя, наверно, после моих слов уже и закончилось все — наша тайная сделка. Пришло время собирать чемоданы.

Я допила кофе и отставила чашку в сторону. Посмотрела на стол, где на тарелке одиноко лежала половина последней котлеты, упрямо оставленная для меня Соколом.

— Я не хочу, Артем, правда. Возьми.

— Я тоже не хочу.

— А что хочешь?

— Поверь, тебе лучше не знать, Чиж.

— Мне кажется, я догадалась. Наверное, хочешь, чтобы я ушла? Совсем?

— Тебе неправильно кажется.

— Но как же мой прокол с Илоной? Ты же сердишься на меня, я знаю.

— А как же условия сделки?

— Так ты меня не гонишь, что ли?

— А что, похоже на то, что гоню?

Я растерялась, смущенно уставясь на свои руки. Задавая вопрос, я старалась не смотреть на Сокола, будучи уверена в том, что это мой последний завтрак в его квартире, и сейчас не знала, что сказать. Мне по-прежнему было некуда идти.

Сокол сказал сам, вставая из-за стола и сгребая в мойку посуду.

— Ты не поверишь, Чиж, но таким как я тоже не все равно с кем, — произнес резче, чем следовало. — Или не всегда все равно. Черт! Я еще не знаю наверняка, но, кажется, это не так...

Глава 11

Сокол

Но это так. Твою мать! Это всегда было так, и никогда за свои желания я не испытывал стыд. Все равно с кем, лишь бы телу нравилось. Красивые девочки, ни к чему не обязывающие свидания. Секс, секс и еще раз секс. К взаимному удовольствию обоих, короткий, без обязательств, всегда с холодным подходом на трезвую голову. Одна Зая, другая, третья... Они всегда находились сами и позволяли выбирать. Все предельно честно с самого начала, никаких обещаний и чувств. Почему к чертовой матери сейчас все должно быть по-другому?!

Чиж... Анфиса Чижик... Фанька. Мой непрощенный суетливый жилец, чудом попавшая в квартиру и за неделю превратившая ее в дом, в который хочется вернуться. Рассказали бы мне о том еще месяц назад — не поверил. О том, что буду с кем-то делить жилье — не поверил. Я и присутствие друзей-то с трудом выношу, а тут...

Не охотница на Сокола, как другие. Легкая и непосредственная девчонка, живущая в мире других ценностей — скорее приманка для него, интересная и живая. Добыча в опасной близости, к которой просто не подступить, потому что честно и четко обведены границы. За ними — не до игр и взаимных встреч-удовольствий, можно сломать. А что дальше? Разве у такого как я есть ответ?.. Нет. Все понимаю, так какого же черта снова и снова думаю о той, кого раньше не замечал. О хорошенькой зеленоглазой Чижик с нежными губами и открытой улыбкой? Со стройными лодыжками и тонкими запястьями, которые так и сверкают из-под пижамы, раздражая и зля? Почему вчера так опротивела Лерка, когда увидел ее рядом с Максом? Рядом с собой — готовую и ждущую внимания? Ведь я хотел ее, совершенно точно хотел, и она готова была идти...

Почему ответил нет, когда Чиж спросила уйти ей или остаться? Все можно было бы решить парой слов и забыть. Вернуть свою привычную жизнь до девчонки. Можно, если бы тело уже не болело ею, а я сам окончательно знал чего хочу, а чего нет. Не видел страха отказа в ее глазах. Не смотрел на нее — спящую — каждое утро, с неохотой признаваясь себе, что видеть ее мне нравится. Вид длинных волос, разметавшихся по подушке и щекам, нравится. Нравится, твою мать! Как нравится то, что она пахнет пупсами и моим шампунем, ходит на цыпочках по утрам, боясь меня разбудить, суется рядом, носится с пылесосом или лопает,

улыбаясь, свой шоколад, все время подсовывая мне лучшие кусочки. Не потому что хочет прийтись по душе, а просто потому, что по-другому не умеет, я уже успел ее узнать.

Вот и вчера игра со мной Чижу не удалась. Ни к черту из нее притворщица. До последнего был уверен, что не решится, признается недосводной в нашей сделке. Когда все же робко потянулась ко мне, насилу сдержал при себе руки. Опешил от такой смелости и осторожного прикосновения губ. Но все равно смог, сдержался бы, если бы не ладонь, ласково огладившая щеку. Горячий взгляд зеленых глаз, блеснувших в полутьме, и слова, одним обещанием выкрутившие нутро: «Надеюсь, этой ночью тебе приснюсь именно я».

Жестоко.

Чуть не взвыл, схватив девчонку и подмяв под себя: «Чиж, ты и так мне снишься каждую ночь, и это чертова мука!»

Ей понравилось то, что случилось после — моей мелкой провокаторше, пусть и случилось неожиданно. Я слышал, как стучит ее сердце, когда дал возможность вздохнуть. Нам обоим понравилось. Что до меня, так чуть крышу не сорвало, так захотелось девчонку. Впервые почувствовал каково это, когда от желания ломает кости, выбивает дыхание и хочется брать. Еще и еще, досыта, потому что запах и нежность Чижа пьянит, а вкус близости хорошо знаком. Если бы не боялся ее напугать — вышвырнул Илонку в шею и не отпустил.

Впрочем, я и так не смог отпустить девчонку, испытывая острую необходимость ощущать рядом, как только она сама пришла ко мне. Долго смотрел на нее в темноте, вспоминая картины из сна, сдерживая руку, чтобы не коснуться груди и не прижаться самому. Спрашивая себя — так ли нужна мне эта игра в новое, незнакомое прежде чувство собственника? В ее парня?

Ответ я не знал, но точно знал одно: если бы я на самом деле оказался парнем чижики, она была бы сейчас подо мной или на мне, и определенно мы были бы одни в квартире.

Точно помню, как выпроводив недосводную, вернулся в кровать и отодвинулся от девчонки, желая наконец-то успокоиться и уснуть. Лег на спину, закинув руки за голову, твердо намереваясь к утру протрезветь от ее близости и вкуса губ. А когда проснулся... Черт! Про скорость, это Чиж верно заметила. Держа ее в руках, я совершенно точно не намерен был тормозить.

Это все голод. Проклятый голод и недотрах. Кажется, у меня не было секса чертову уйму времени — с тех пор, как Чиж проснулась в моей

квартире. Надеюсь, сегодняшний вечер вернет прежнего Сокола к жизни и избавит от глупых мыслей, что отвернули вчера от Лерки. И все решится быстро и просто, как решалось всегда.

Да, определенно, требуется закончить вечер так, как он заканчивался не раз. Но это позже. А сейчас я обещал кое-кому встречу и был намерен сдержать обещание...

Я стопорнул автомобиль на перекрестке и тяжело отер лицо ладонью. Дождавшись сигнала на поворот, свернул в проулок, промчался улицей, и остановил «Тойоту» у кованых ворот красивого двухэтажного коттеджа из красного кирпича, с фигурным портиком и белыми колоннами у входа. Меньше, чем у отца, но куда пафоснее с виду. Звонить по телефону не стал — я знал, что Лука уже ждет меня, — но дверь для пацана распахнул. Он тут же, выскочив из ворот с рюкзаком за спиной, без шапки, промчался тротуаром и скользнул внутрь салона, раскрыв рот в дерзкой мальчишеской улыбке.

— Привет! — радостно выдохнул, обнимая за шею, встречая меня таким же восторженным взглядом, каким встретил однажды шесть лет назад, когда впервые увидел после возвращения матери из Южного Китая. Сейчас брату было двенадцать и ничего не изменилось.

Впрочем, я тоже любил его.

— Артем, как здорово, что ты приехал! Я ждал! Представляешь, Даршит купил мне новый плеер со сменным усилителем и суперскими наушниками. Хочешь покажу?! Звук зашибись, отвечаю, ты в таких еще не слушал! Я сам выбирал!

Мальчишка полез за подарком очередного мужика матери в рюкзак, сбросив его со спины, но я уже схватил последний и кинул на заднее сиденье.

— Потом, Лука! Пристегнись, — приказал, выруливая на дорогу и направляясь к центру города. Сейчас я хотел убраться отсюда подальше.

— Ну, Артем, чего ты? — возмутился мальчишка. — Что я, маленький...

Не маленький. За последний год вон как вымахал, почти до плеча старшему брату дорос, но еще и не подросток.

— Кому сказал! И шапку надень. Куда мать смотрит?

Она смотрела в окно — все еще яркая тень на таком же ярком фоне. Надо же. Я старался не думать, сколько времени ее не видел. Сегодня прогнать мысль о ней оказалось достаточно легко.

Лука не растерялся. Послушно щелкнув у бедра ремнем безопасности, сказал со смехом.

— Мать смотрит на Сандхира — друга Даршита. Мужик из Бомбея и у него свой фармацевтический завод. А еще яхта и куча денег! Он у нас тоже будет новый завод покупать, она мне сама рассказала!

— Интересно... — но интересно ни к черту не было. Скорее наоборот — тошно, как от Лерки.

— А еще сказала, что стала старой, и ее все уже порядком достало, — неожиданно признался Лука. — И мужики — тоже. Знаешь, — он вдруг притих и совсем по-взрослому вздохнул, — она пьет, когда Даршит не видит. Один раз даже валялась на полу, а потом просила никому не говорить.

Это была не новость. Точнее, не та новость, которая оглушает и заставляет за нее зацепиться. Лет пять назад отец помещал Алису в частную клинику, и я думал, она смогла справиться.

— Артем, — глаза брата, так похожие на мои, заглянули в лицо с робкой надеждой. — Может, расскажешь ему, а? Я боюсь за нее.

Мои пальцы крепче обхватили руль.

Ему. Человеку, который дал брату фамилию, помогал бывшей жене деньгами, и на этом, пожалуй, все. Я уже был достаточно взрослым, чтобы помнить их ссоры с Алисой. Помнить, как мать уходила — просто в один день исчезала без предупреждения, — затем возвращалась. Всегда каялась, клялась в любви... проклинала, и снова исчезала. На месяц, на два, на годы... отучив меня плакать и ждать. Бесконечно-долго ждать и выискивать глазами в толпе ее — маму.

Однажды она вернется с известием о ребенке, снова появится на пороге нашего дома еще красивее и ласковее, чем прежде, но отец не поверит. В прошлом простоватый парень Василий впервые не примет назад свою Алису, напьется, разобьет машину и попадет в больницу с сердечным приступом и переломом плеча. Душевной и физической болью, наконец, зачеркнув прошлое.

А я, верил ли я тогда и сейчас, что этот шустрый остроглазый мальчишка, точная копия своей матери — сын моего отца?..

Я думал об это не раз, но каждый раз, вспоминая Луку, понимал, что мне плевать. Как только увидел брата — плевать на выбор родителей и их жизнь. Алиса смогла подкупить меня, дав мальчишке имя моего лучшего друга, который погиб в детстве на моих глазах, и это я тоже не мог ей простить.

— Ему? Лука, может, уже назовешь его отцом? Какая к черту разница, если он за тебя платит? Он не такой уж плохой мужик...

— Нет, — мальчишка упрямо дернул губами и отвернулся. — Ну и что,

я его не просил! Ты тоже не зовешь Алису матерью. Никогда, даже при мне. И я не стану.

— Ладно, скажу, — я выехал на проспект и взял направление к «Макдональдсу». Один раз в месяц, иногда чаще, мы вместе обедали в какой-нибудь кафешке, после — гуляли или ходили в кино. Это было самое малое, что я мог дать Луке, как старший брат, и он всегда ждал наших встреч. — Это ведь она попросила тебя рассказать мне, да? — не составило труда догадаться. Для интриг Алисы Лука был еще мал и доверчив.

По короткому взгляду, брошенному на покрасневшие щеки брата, понял, что оказался прав.

— Хорошо, скажу, — повторил. — Но не рассчитывай особо на помощь отца, Лука. Он собрался жениться на своей Сусанне, так что не думаю, что ему есть дело до Алисы.

— Плохо.

— А как же этот ваш — Рашид? — спросил мальчишку, когда он вновь вздохнул, — Совсем слепой, что ли? Расскажи ему, может, поможет?

— Даршит — он индиец. Не могу, Артем. Мама говорит, что если Даршит узнает — он ее сразу бросит. Он и так на ней никак не женится, хотя обещал. А еще она думает, что у него на родине есть семья. Потому что дядя Даршит становится слишком дерганным, когда она спрашивает его о свадьбе. А мне кажется это потому, что он маму не любит. Ну, по-настоящему не любит. Иначе зачем бы ей пить, а ему уходить, ведь так?

— Много ты понимаешь, мелкий. В жизни по-всякому бывает.

Похоже, я озадачил брата. Сейчас, когда Чижик по-прежнему не выходила из головы, а тело помнило тепло девчонки, совершенно не хотелось думать о матери. Но мальчишка хмуро смотрел на дорогу, и я чувствовал, что ему необходим этот разговор. Хоть с кем-то поговорить о ней.

Кому как не мне было о том знать.

— Не знаю. Мне просто кажется, что это неправильно. Артем?

Глаза брата снова с восторгом смотрели на меня. Честное слово, если бы Лука был щенком — у него бы сейчас вилял хвост, и стояли торчком уши. Я усмехнулся ему, поглядывая на дорогу.

— Ну что еще, шкет? Опять что-то придумал?

— Ага! — мальчишка кивнул, качнувшись на сидении в мою сторону. — А давай жить вместе! Только ты и я! Представляешь, как будет здорово!

— Нет.

— Ну, Артем! — руки брата вцепись в мой рукав и задержали. —

Давай, а? Будем сколько хочешь играть в Дарк Соулс и мочить зомби! Я же знаю, ты любишь! — он сложил пальцы пистолетом и стал «стрелять» по машинам: — Или играть в стрелялки! Пах! Пах! Ты уже играл в последнюю версию Бателфилд? Видел, какие у них танки?! Скажи, круто!

— Нет.

— А я все равно к тебе сбегу!

— Только попробуй, Лука! Я тебе не Рашит. Всыплю по заднице, и выкину на улицу.

— И все ты врешь!

— А ты проверь!

Лука обиделся и отвернулся. Засопел носом в стекло, ковыряя пальцем серый пластик консоли. Этот разговор повторился не впервые, но почему-то именно сегодня я решил брату ответить честно:

— Думаю, ты нужен Алисе. В этом все дело.

Мальчишка тут же повернул лицо, забыв обиду. Захлопал недоверчиво длинными ресницами.

— А ты?

Я ничего не ответил, продолжая вести машину, и он спросил снова:

— Артем, ты же не жил с ней, откуда тебе знать: кто ей нужен, а кто — нет?

— Ну, почему же. Жил. Когда-то давно. Но я был ужасным ребенком — вредным и непослушным. Таким всегда достаются отцы и ремни. Ты, Лука, не такой. Алиса тебя любит.

— И снова врешь! Как будто я по-прежнему маленький, чтобы это съесть! Когда-нибудь ты обязательно мне все расскажешь, слышишь!

Я пожал плечом, останавливая машину на парковке возле «Макдональдса». Когда-нибудь — не сейчас, возможно, и расскажу.

— Выходи, шкет! — оскалился на правах старшего брата. — Раскричался тут.

— И шапку надевать не стану, не проси! Ты сам без шапки, а я что — рыжий?

Пришлось все же дать «не рыжему» по затылку и дернуть за ухо. Догнав за парковкой, схватить со смехом в охапку, достать шапку из кармана и натянуть на нос. А после — отстреливаться от снежков, прилетевших в спину.

— Пошли уже есть твой Биг-мак, мелкий! — легко поймал хохочущего мальчишку за капюшон и притянул к входным дверям в ресторан. Выбил из рук снег. — А то доиграешься! Отвезу назад к твоему Рашиту!

— Не отвезешь! Чур, мне два! И МакШейк с МакФлури! И вообще,

Артем, ты обещал, что мы пойдем в кино. Давай возьмем билеты на последний ряд?

— Что? Дорости сначала до последнего...

Когда привез Луку — мать вышла к воротам и смотрела, как брат неохотно выбирается из машины ей навстречу. Я не ждал — подойдет ли она, окликнет своего старшего сына? Как всегда высадил мальчишку и уехал, сорвавшись с места. Но сегодня не думал о ней, как прежде. Не чувствовал, что остаюсь один. Тут же забыл, как только отъехал от дома с белым портиком и колоннами. Мне впервые оказалось не больно прикоснуться к ее жизни.

Домой заезжать не стал. Уже было около семи вечера, мы с Лукой провели остаток дня в игровом клубе, и ребята уже ждали в баре и доставали звонками, заказав столик в «Маракане», собираясь вместе посмотреть чемпионат по боксу, поиграть в бильярд, да и вообще с пользой провести время.

Я не знал, уедет ли Чиж домой, останется в моей квартире или выйдет на работу к Тимуру, но когда увидел ее в баре, показавшуюся из кухни с большим подносом полным закусок в руках, чуть встрепанную от субботней беготни — решил, что так даже к лучшему. Да, к лучшему — держать чижику перед глазами в поле моего привычного мира, чтобы выбросить из головы. Она права: мне все равно с кем, и даже все равно где. Я хорошо помнил зачем сюда пришел и как намеревался закончить вечер. И в этих планах не было зеленоглазой девчонки с вопросом «А как же любовь?», как не было места глупым пупсам и пижаме с мышами в моем мире. Только друзья, футбол, выпивка в меру и секс.

Компания оказалась в глубине бара, возле одного из бильярдных столов, и даже в толпе посетителей я легко нашел Севу, Лешку и Макса. Последние как раз разыгрывали партию в «Американку», толкаясь и привычно дурачась между собой. И хоть для девчонок еще время не настало, Макс уже не скучал, поглядывая по сторонам.

— Оба-на! Нарисовалась птичка! Давай к нам, Сокол! Сюда! — окликнул меня, пропустив момент, когда Леший ударил кием шар и тот, перейдя центральную линию стола, коснулся противоположного короткого борта и мягко скатился в лузу.

— Есть! Второй за мной! — радостно сообщил.

Я подошел к друзьям и пожал протянутую Мартыновым руку.

— Привет, Сокол. Поздно ты.

— Которая по счету партия?

— Уже шестую разыгрываем. — Сева кивнул в сторону парней. —

Чувствуешь, кто сегодня снова будет платить за выпивку? — спросил, запуская пятерню в волосы, отбрасывая со лба длинную челку. — Что сказать, не везет Титову, — усмехнулся. — Полировать кий, это тебе не баб клеить. Здесь сноровка нужна.

— Точно! — с готовностью отозвался Леший и заржал, опуская кий на кисть левой руки и примеряясь для нового удара. Недолго думая, я подошел ближе и хлопнул друга по плечу. — Артем, твою мать! — услышал возмущенное в ответ. — Какого...

Но мы оба знали «какого», и почему я не мог смолчать.

— Леший, ну ты жук! Кончай топить Макса, я видел, там был отыгрыш.

Если у Лешего и была совесть, то она мертвецки спала. Впрочем, как всегда.

Ким сделал невинное лицо, блеснул черными глазами, и почесал затылок.

— Правда?

— Точно. Сева свидетель. Так что дай человеку нормально отыгаться, если не хочешь сам получить по шарам.

— А пусть не пялится по сторонам! Какого черта!

Но эту партию Макс все равно проиграл, и мы с Мальвином встали за стол. Разбили пирамиду и разыграли «Американку» вничью. Следом еще одну.

— Ребята, вы что, сговорились, что ли? — возмутился Лешка, вертя в пальцах пустой бокал. — У меня сейчас скулы сведет от скуки! Давай уже на победителя, мать твою! Я что сюда зевать пришел? Кто дальше платит?

Я опустил левую руку на сукно, вскинул локоть и наклонился над кием, поднимая подбородок... Прицелился... Платить я не привык, проигрывать — тем более. А уж Мальвину... Когда дело касалось азартных игр или девчонок, Севе никогда не удавалось обойти меня. Улыбка сама скользнула на лицо, предвкушая партию на победу и халявное пиво... но тут же сползла, едва перед глазами, в другом конце бара, мелькнула стройная фигурка Чижики. Взгляд сам нашел девчонку, с длинными волосами, завязанными в хвост, остановившуюся с бланком заказа возле столика с незнакомыми парнями, и зацепился за пальцы одного из них, опустившиеся на белую рубашку и сжавшие плечо...

— Черт! — Кий мазнул по сукну, впустую отогнав шар, а я выпрямился, чувствуя, как натягивается спина.

Чиж вежливо сняла с себя чужую руку и отступила, продолжая принимать заказ. Белобрысый незнакомец, мотнув толстой шеей, со смехом

отвернулся к друзьям.

— Сева, чтоб я сдох! — отозвался Лешка где-то рядом. — Ты видел, как красиво Сокол промазал? Давай, дружище, сделай Тёмыча и, клянусь, я сам вытрясу из него бабки!.. Эй, Мальвин, ты на кого там пялишься?

Мартынов, кажется, тоже отвлекся и не увидел моего промаха. Подняв на друга глаза, я с заминкой передал ему кий, поглядывая за плечо.

— Девчонки в бар зашли, — Сева мотнул головой в сторону входа. — Симпатичные. Вроде я раньше был с одной, но точно не помню. Макс, ты их случайно не знаешь? Не хотелось бы сейчас лишних сцен...

Он положил кий на пальцы, наклонился над столом, примерился к удару... шар со стуком врезался в бортик, пройдя мимо лузы.

— Черт! — в свою очередь выругался Мальвин, отбрасывая деревянный шест на стол. — Сегодня не наш день, Сокол, — засмеялся, глядя на меня. — Предлагаю ничью! Вместе и выставимся! Ты как?

Я пожал протянутую руку.

— Идет.

— Да что это с вами, парни? — изумился Макс. — Сокол, я тебя не узнаю — когда это ты соглашался на мировую? Ну, девочки, ну знакомые... Сева, ***дь!? Бьют — беги, дают — бери! Какое, нахрен, раньше? Не помню, чтобы ты из-за девчонок парился! А насчет подруг — не знаем мы, знают нас, ясно? Главное, что это обещает всем нескучный вечер, на остальное плевать! Какие сцены? Я сам тут Отелло в два акта сыграю, если надо! Только покажи кого душишь?

— Ладно, Макс, не заводись, — Лешка обнял друга за плечи, увлекая к нашему столику, который мы обычно занимали. Обернулся, показывая большим пальцем в сторону бара. — Мы с тобой по-любому в выигрыше! А эти лузеры пусть ставят выпивку и чего-нибудь закусить. Не знаю, как ты, а я жрать хочу!

— Согласен!

У освещенного бара сидело уже много народу, помещение «Мараканы» постепенно заполнялось завсегдатаями, и Чиж тоже крутилась возле темноволосого бармена — крепкого парня с татуированной рукой, подхватывая бокалы и разнося их к столикам. Я все не мог отпустить ее взглядом. Что-то в этой сцепке событий мне определенно не нравилось. Но вот что...

Я проследил за тем, как девчонка подошла к компании белобрысого и остановилась, оставляя заказ.

— Хорошо, я сейчас... — собрался было направиться к бару, но Мартынов уже опередил меня, остановив за локоть и хлопнув по спине.

— Я сам принесу всем выпить, Артем. Ты лучше вон ту официантку поймай, — кивнул в сторону пробегающей мимо грудастой брюнетки в короткой юбке, — пусть, наконец, обслужит нашу парочку счастливиц. Мне кажется, она к таким неровно дышит. Тебе что взять?

— Водку с тоником.

— Пиво?

— Сегодня нет. Не люблю, ты знаешь.

— Как скажешь. Тогда ребятам по одному и чуть позже повторить?

— Годится.

Кафе-бар «Маракана» — был известен в городе, как место сбора болельщиков. Не только футбольных фанатов, но и вообще любителей мужских видов спорта. Сегодня здесь все ждали бокс, и я не был исключением, хотя из-за тренировок бывал в баре не так часто, как друзья. Но знал о нем давно и он мне нравился — атмосферой и хорошей компанией, тем, что я всегда мог получить здесь все, что хотел. Нравился. До сих пор. Сегодня я непонятно почему чувствовал в себе раздражение.

— Сокол, привет!

— Артем, привет!

Взгляд нашел знакомых ребят, и рука поднялась в коротком приветствии. Я давно привык к тому, что рядом всегда находился тот, кто меня знает.

— Привет.

Все столики в зале оказались заняты, и официантку удалось поймать не сразу. Предложив меню и записав заказ, брюнетка убежала, оставив Макса с тоской смотреть ей вслед, а Лешку присвистнуть.

— Вот это буфера! Парни, вы видели, как она красиво пуговицу расстегнула? Даешь порно-размер в общепит! Горячая штучка!

— Для чаевых старается. Я думаю, здесь подсобки жаркие, вот и упрела бедная. Но я бы с такой тоже кое-что попробовал, — Макс хохотнул и толкнул меня плечом. — Сокол, чего молчишь?

Сказать было нечего, официантка осталась мной незамеченной, как и буфера. Сейчас я наблюдал, как Мартынов прошел вдоль бара, мимо сидящего за стойкой народа, и остановился за спиной Чижа. Наклонившись к девчонке, что-то сказал, заставив ее обернуться, — наверняка спросил о выпивке. Официантов в зале не хватало, и вид у чижика был заметно-взъерошенный и уставший. Кивнув, она собралась уходить, но Сева остановил ее за руку, поймав запястье.

Я сглотнул тугую слюну, внезапно понимая, что в помещении стало душно.

Макс, проследив за моим взглядом, нахмурился.

— Вот и я о том же, Тёмыч. Что-то Сева не торопится возвращаться к друзьям с бухлом. Мне кажется, или он клеит эту малышку, испытывая наше терпение? Смотри, как уши наострил. С каких это пор его интересуют домашние девочки, а? — удивленно заметил.

Я смотрел, как Чиж зашла за стойку к бармену, сняла с держателя бокалы и стала наполнять их выпивкой. Справившись, выставила перед Мартыновым в ряд. Смешала для меня коктейль и поставила тут же...

— А тебе-то что, Титов? — ехидно отозвался Лешка. — Завидуешь, что не твой ржавый гвоздь обкатают? Так Сева у нас мастер по части произвести впечатление, не то что ты. Ездит по ушам — не подкопаешься.

— Ты за свое хозяйство пекись, Ким. Зато я честный. Не рассказываю каждой второй после того, как трахнул, что у меня дома есть девушка и как я по ней скучаю. Но эта малышка вроде не промах. Видел ее в университете с твоей сестрой. Думаешь, поведется?

Я продолжал наблюдать за Чижиком. Бокалы стояли, но Сева не спешил уходить.

— Точно, Анфиса Чижик. Нормальная девчонка, не из тех, кто на один раз. Не помню, чтобы замечал ее с кем-то. — Лешка отпустил смешок. — Зная от Ульки, как она относится к таким, как я и Мартынов — не думаю. Но Сева у нас парень способный, своего не упустит. Впрочем, я его насчет сестры и ее подруги честно предупредил, чтобы губу не раскатывал. Сказал, что вмешуюсь.

— Лучше бы твоя Улька по мне сохла, — вздохнул Макс. — Глядишь, я бы исправился.

— Лучше бы ты заткнулся, Титов, и не напрягал. Она тебя еще со школы терпеть не может, кажется, говорил.

— Много ты, Леший, понимаешь. Девчонки непредсказуемы, как моя жизнь: сегодня терпеть не может, а завтра — люблю-не-могу. Все меняется, старший брат, и тебе однажды придется смириться. Факт.

— Однажды — возможно. Но если это будешь ты — я тебя кастрирую! Без обид! Сокол свидетель.

Я даже не взглянул на друзей и не вступил в перепалку. К таким стычкам все давно привыкли.

— Значит, Сева там на бабки жметесь? — высказал Макс догадку. — Думаешь, за скидку торгуется?

— Уверен. Ты бы тоже жался, если бы сейчас выставлялся. Так что никаких домашних девочек в ночных барах, только выпивка и бокс. А там как карты лягут. Кстати, что насчет ваших общих знакомых? Кого он там

увидел у входа?

Чижа отвернулась и вышла из-за стойки, оставив Мартынова стоять с подошедшими к нему девушками. Кто-то из зала окликнул девчонку, и она с озадаченным видом прошла мимо. Лишь на секунду, кажется, сбилась с шага, заметив меня.

— Вот и все, — протянул Лешка, наблюдая за другом. — Три пива и один «Лонг-Айленд». Ну, и какого черта он там торчит? Сева, мать твою, двигай сюда! — окликнул приятеля, махнув рукой. Обернулся к возвращающемуся Чижику. — Анфиса, привет!

— Привет, Леш...

На меня не взглянула, как будто мы не знакомы. Но не только я провожал ее взглядом.

— А все равно девочка хороша, — хмыкнул Макс, откинув плечи на высокую спинку стула, — все на месте и задница ничего. Я бы к такой разок прижался.

Сам не заметил, как поймал его за воротник и дернул к себе. У Титова от изумления взлетели брови.

— Сокол? Ты перепил?! Или недопил?! А может, не спустил? Какого... Я замер, а он рывком сбросил с себя мои пальцы.

— ...черта, друг?

Мы встретились глазами. Если бы я знал. Ответа не было, но кулак упрямо не хотел разжиматься.

— Сокол, хватит, — по-своему расценил мой порыв Лешка, вскочив со стула и встав между нами. — Да, эта та девчонка — Фанька! Но я же тебе уже объяснил — с твоей квартирой случайно вышло! Извини! Клянусь, Макс не в курсе!

— Леший, я о чем-то не знаю? — тут же отозвался Титов. И такого я его тоже знал, уже без оттенка юмора в голосе.

— Да. Потом объясню.

— Водка с тоником, — а это уже сказал я, заставив себя опустить руку, но глядя на друзей в упор. Мне хватило секунды, чтобы тело звенело, и сейчас я пытался укротить вспыхнувший во мне гнев.

— Что? — переспросил Леший.

— Три пива и водка с тоником. Сева! — крикнул навстречу оглянувшемуся Мартынову. — Двигай поршнями! И этих двух подруг, что с тобой, давай сюда! Черт! — вспыхнул, разворачиваясь к залу спиной. — Черт!

Чиж

— Ромка, хватит курить! Совсем офигел? Иди в зал к клиентам! Это ты тут, между прочим, официант на полной ставке, а не я! И не отвлекай от работы дядю Жору! У нас еще шесть салатов на пятый столик. Сейчас уйду, будете с Райкой одни весь зал обслуживать! Она тебе быстро покажет, как по совести чаевые делить!

— Фанька, ты не понимаешь, мы празднуем победу! Дай тебя обниму...

— Что? Да иди ты! Сейчас как дзызну! Папкой с меню по темечку! Ай, да что с тобой, Савельев, говорить...

И дверью на уличное крыльцо — хлоп! И прижалась спиной к холодному металлу хоть на минуточку. Потому что устала, потому что мыслей в голове — рой. Потому что сердце до сих пор не на месте.

Вот это рабочий вечерок — укачаешься. Чувствую себя осликом, катающим китайскую малышню на американских горках. Ну, сколько раз я себе буду обещать одно, а делать другое? Когда разучусь входить в положение других? Когда Тимур просил задержаться, я твердо сказала, что уйду в десять вечера. И вот, пожалуйста, на часах уже половина двенадцатого, в баре толпа людей, а я все еще в «Маракане», ношусь между столиками как угорелая вместе с Райкой, помогаю Сашке, и даже представить не могу, когда этот день для меня закончится.

Грустно и обидно. И бросить друзей нельзя. Именно сегодня обидно, а почему — не знаю.

Все, это точно в последний раз! Завтра же скажу Тимуру! Иначе без вариантов придется искать другую работу — спокойную и никак не до полуночи. Просить я не стану, а возвращаться домой каждую рабочую смену на такси, потому что в это время уже не ходит транспорт — для меня непозволительно. Какой смысл тогда вообще работать?

Уф. Хочу кушать, пить, домой и спать! Очень хочу!

И подушку хочу — большую и мягкую, и одеяло, и чтобы тихо и тепло...

На ум пришла квартира Сокола, и не только квартира. Это же надо. До сих пор щеки краснеют, как вспомню горячую ладонь на животе и губы за ухом. Уже тысячу раз прокрутила в голове все события ночи и утра, а так и не смогла понять: почему не прогнал? Я бы приняла его решение.

Конечно, я сразу заметила в баре друзей Артема и его самого. Все

думала: куда он пропал? Ждала, когда ушел, что вернется. Вдруг я его обидела? Даже наверняка обидела. А он не пришел.

Ну почему иногда так сложно позвонить? И это я говорю о себе. Вертела телефон, сбрасывала звонки бывшего, а нужный номер так и не набрала. Не смогла набрать. Почему?

Я не должна была говорить ему то, что сказала. То, что думала. Это сердце сказала от обиды за первую любовь. Хорошо хоть не посмеялся со слов глупой Фаньки.

Сегодня Сокол снова отдыхал с друзьями и снова в компании девчонок. Все, как всегда. Правда, на коленях у него никто не сидел, и чужие руки Зай не лежали на крепких плечах. Даже не отвечал, когда с ним, заливаясь смехом, кокетничала симпатичная миленькая блондиночка. Я принесла девушкам коктейли и слышала, как она рассказывала интересный анекдот. Было видно, что Сокол ей нравится, очень нравится... Пальцы с алыми ноготками осторожно касались рукава темной рубашки, которая ему очень шла, а ресницы игриво поднимались. Я вдруг представила, что он ее целует. Блондинку. Вот прямо сейчас целует так же, как целовал меня. Неважно, что хотел проучить... И ушла. Потому что от этой мысли вдруг стало на душе неприятно и больно.

Я старалась, очень старалась не смотреть на Сокола и просто работать, но взгляд сам снова и снова находил парня. И всякий раз натыкался на серые глаза. Внимательные и хмурые. Кажется, он сегодня вообще не пил. Так неужели до сих пор злился?

Я отняла плечи от двери и направилась в барный зал. Боксерский матч закончился полчаса назад победой чемпиона в третьем раунде и народ ликовал. Бой получился коротким, и судя по крику и свисту посетителей, расположившихся перед плазменными телевизорами, — зрелищным. Еще немного и толпа станет расходиться. Пришла пора последних коктейлей и заказов. А значит, Райке с Ромкой будет легче и мне можно, наконец, уходить домой. Интересно, ходят ли на Федосеева дежурные автобусы?

И что дома есть покушать?

И точно ли Сокол не передумал, чтобы я возвращалась?

Но, конечно, помня об уговоре, при его друзьях я не решусь такое спросить. Мы по-прежнему с ним знакомые незнакомцы.

Я вышла в зал и удивленно уставилась на Сашку, голова которого была повернута в сторону входной двери. За те четыре минуты, что меня не было — зал заметно опустел. Странно.

— Саш, а где народ? Что случилось? — спросила у бармена. — Не может быть, чтобы все так быстро разошлись.

— Нет, конечно, — оглянулся парень. — Там драка, Фанька, и, кажется, серьезная! — сообщил с блеском в глазах. — Только что двое здесь сцепились, но вылетели на улицу. Само собой и народ выкатился следом — у нас же бокс на повестке дня, ты забыла? Я бы и сам посмотрел, но бар не могу оставить.

— А-а.

— Слушай, Чижик! — схватил за руку Сашка. — А давай ты присмотри, а? — заглянул в лицо. — Я только на секунду! Выгляну, посмотрю что там и как, и обратно! Ладно?!

Я осмотрела зал — компании Сокола видно не было. Их девчонок — тоже. Наверняка всей гурьбой вышли поглазеть на драку и заодно подышать свежим воздухом.

Пожала плечами, соглашаясь.

— Ладно.

«Маракана» был известен в городе, как спортивный бар, и я знала, что иногда здесь случались разного рода стычки. Хотя Тимур как мог старался обеспечить заведению и его посетителям спокойную атмосферу, но недопониманий и вспышек все равно не удавалось избежать. Одно радовало — дежурная бригада полиции реагировала быстро и слажено, и обычно все конфликты удавалось замять на корню.

— Только недолго! — встав на место бармена, крикнула в спину Сашке. Вытерла полку, убрала использованные бокалы, выставила в стойку новые, проверила спиртное и даже успела обслужить супружескую пару, смешав в шейкере «Пина Коладу», когда сердечко неожиданно екнуло.

Глава 12

За стеной бара на улице раздалась сирена, и я, как лиса на дичь, повернула нос по ветру. Посмотрела в сторону входных дверей, медленно задвинула подальше бутылки со спиртным и вышла из-за барной стойки в зал, чувствуя в душе проснувшееся беспокойство.

Да где же там Сашка! Обещал же, что всего на секундочку!

— Девушка, а где бармен? Мне бы еще коньячку плеснуть.

— Что? Ах да, сейчас...

— Какие у вас глаза красивые, всю жизнь бы смотрел! И пальцы, как у п-пианистки, — и все это не вполне связной речью. Оно и понятно — суббота, народ отдыхает. — Вы, случайно, не свободны сегодня после работы? А то бы мы могли пойти... э-э, пойти... — В этом месте предложения у подобных клиентов часто возникают трудности с фантазией. Действительно, куда можно пойти с незнакомой девушкой глухой ночью? Но этот выкрутился. — П-погулять? А? На звезды посмотреть?

— Спасибо. Случайно, нет.

— Ну, извините...

Сашка вернулся минут через пять вместе с Тимуром. Обменявшись словами, парни разошлись по сторонам, а следом в двери потянулись и посетители, возвращаясь с морозной ночи в уютное тепло бара.

— Ну, что там? — не выдержала я, встречая бармена вопросом. Потопала хвостиком за черной футболкой. — Что, правда, драка, Саш? Серьезная?

— Да уж, не покурить вышли! — непонятно ответил Сашка и растянул рот в довольной улыбке. Зайдя за дубовую стойку, налил в бокал минеральной воды и залпом опрокинул в себя. — Мордобой вышел не хуже, чем в день хоккейного матча! — сообщил веско, отставляя минералку в сторону. — Правда сегодня один за троих успевал. Сначала с качком сцепился, потом с его друзьями, потом снова с качком, когда тот оклемался... А там уже и ребята подросли.

— Какие ребята? — я удивленно моргнула.

— Друзья спортсмена, конечно! — хмыкнул Сашка, свысока взглядывая на непонятливую меня. — Налетели на компанию белобрысого, пока эти двое разбирались, ну и вье... объяснили, в общем, взгляд на проблему по-мужски. Ясно и доходчиво, понимаешь, Фань?

— К-кажется.

— Говорят, этот качок сегодня весь вечер девушек задирает, вот у парня одной нервы и сдали. Шустрый черт! В секунду дела вытащил борова из-за стола, я и понять не смог что к чему, когда сцепились. Слышал, конечно, что этот парень — зачинщик — безбашенный малый, а теперь еще и увидел. И все же зря Тимур полицию вызвал. Сами бы все на месте замяли, не в первый раз махач разнимать. А теперь журналюги снова напишут о «Маракане», что здесь неспокойно. Как пить дать!

— Брр! Холодно! — Сашка повел широкими плечами под тонкой футболкой и потер ладони. — Фань! — позвал, хотя я и так во все глаза смотрела на него, пытаясь ухватиться за некую мысль, неясной картинкой вырисовывающуюся в голове.

— А?

— Шла бы ты домой, и так задержалась сегодня. А хочешь — в подсобке отдохни. Часа через два Тимур закроется и развезет с Толяном всех по домам, м?

Но я уже смотрела в зал, в сторону входа, отворачиваясь от парня.

— Хорошо, Саш...

Сначала вошли девчонки — кажется, блондинка хныкала. За ними показалась компания парней — их столик я сегодня обслуживала и потому запомнила. А следом вошли Мартынов, Лешка и темноволосый друг Сокола, в распахнутой настежь рубашке. Самого Сокола видно не было, и я заволновалась, внезапно ощутив неприятный холодок в груди.

Подождав немного, обошла вокруг столика друзей, которые все никак не хотели рассаживаться, о чем-то негромко споря, и, не выдержав, вышла на улицу, где вопреки ожиданиям все оказалось знакомо и обычно: ночная тишина города, высокие фонари и в сторонке — отдельные курящие парочки. Сокольского по-прежнему нигде не наблюдалось.

В тонком хлопке я сразу замерзла, невысокие каблук легки туфель утонули в свежеснеженном снегу... Взяв себя в руки и выдохнув, упрямо попрыгала к стоянке — захотелось убедиться: на месте ли машина парня. В конце концов Артем мог просто уехать, не должен же он докладывать Чижику о каждом своем шаге? Увидев метрах в пяти под кряжистым тополем знакомую серую «Тойоту» — остановилась от пришедшей в голову мысли. Да, машина Сокола здесь, и, возможно даже, что парень тоже. Но вдруг он в этой машине не один? Ни для кого не секрет, что возле бара иногда случалась и личная жизнь, а я тут бегаю полуголой газелью, заглядывая в окна.

— Фаня? Ты что здесь делаешь?

Лешка. Подошел незаметно со спины, заслонив собой обзор бара, и развернул за плечи.

— Я? — испуганно пискнула, под черным взглядом чувствуя себя настоящей преступницей, пойманной на горячем. — Так это... Ромку ищу, нашего официанта, — нашлась, что сказать. — Тимур ругается. Скоро конец смены, а он где-то запропал. А мне уже домой пора уходить.

— Раздетая? Ты серьезно, Фань?

— Еще как! Да я убегаю уже! На секундочку выскочила! — махнула рукой в сторону входа. Оббежав парня, остановилась, поднимая к нему лицо.

— Леш, а что тут случилось-то? Мне сказали — была драка?

Леший поджал губы и сунул руки в карманы брюк.

— А ты не видела?

— Нет. Я в подсобку уходила.

— Была, — кивнул в ответ. — Сам не пойму в чем дело. Сокол сегодня как с цепи сорвался. Ни с того, ни с сего подрался вдруг с каким-то белобрысым качком. Для Артема не впервой, конечно, но не помню, чтобы я видел его таким злым. Мне кажется, мы с Максом и Севой больше сдерживали его, чем разнимали драку.

— С-сокольский? Артем?! — изумленно выдохнула.

— Ну, да, — невесело усмехнулся Лешка. Взглянул вдруг с присущей ему ехидцей. — А чего ты удивляешься, Фанька? Ты-то его успела узнать. Наверняка знаешь, каким придурком он бывает.

Я смущенно пожала плечами. Пролепетала неуверенно:

— Да нет. Не так, чтобы очень...

О моем утре в квартире Сокола, после того как дал ключи, Лешка не спрашивал, а я и не спешила ему рассказывать, что у нас сложилось и как. Только от Ульяшки знала, что она наплела брату с три короба. Мол, живу в общаге на общих хлебах и баста, не твое, Ким, дело!

— И чт-т-то теперь? — сама спросила, стуча зубами в прыжках на месте (правой-левой, левой-правой). Мороз здорово кусался за щеки, попу и все мягкие части тела.

— А теперь обоих увезли в участок. Пришлось сказать ментам, что это качок спровоцировал драку. Сама понимаешь сразу разобраться сложно. Наши слова, против слов ребят белобрысого. Пока поверили, а завтра будем дальше решать, что делать. Все равно теперь Сокола до утра не вытащить.

— К-к-какой уж-жас! — на самом деле ужаснулась я. Значит, не зря почувствовала неладное. И как теперь быть?

— Ну, беги уже, Чижик! — не выдержал Лешка. — Замерзнешь!

Сейчас машину Артема проверю и тоже внутрь.

— Ага!

Я метнулась к бару, залетела в зал и кинулась на кухню. Покрутившись возле дяди Жоры, сунула руки под горячую воду и хлебнула из кружки повара обжигающий чай. Извинившись за грубость, хлебнула про запас еще раз. Забежав в подсобку, вмиг переоделась — натянула джинсы, сапоги, шапку, пуховик, и на ходу повязывая шарф, заглянула за зарплатой к Тимуру. Запихнув в сумку кровные, грозно пообещав, что работаю так последний раз, выскочила на улицу... и снова угодила в руки к Лешему.

Похоже, друзья Сокола уже успели рассчитаться и выйти из клуба. Девчонки стояли тут же — красивые и гибкие, переминаясь на высоких каблуках. Двое из трех — с тонкими сигаретами. Я отвернулась — блондинка по-прежнему выглядела очень расстроенной.

— Стой, Фанька! — выдохнул в лицо Лешка. — Домой?

— Ага, — кивнула. — Наконец-то закончила смену. Ну, пока! — чуть не пролетела мимо, но заметив на согнутом локте Мальвина знакомую кожаную куртку Сокольского, замешкалась, вскинув растерянный взгляд на парня.

Кажется, меня не правильно поняли. Причем оба друга. Сейчас под фонарем на лицах друзей были хорошо заметны следы потасовки, особенно сильно досталось темноволосому Макс, которого не так давно мне самой хотелось хорошенько огреть, и я снова ужаснулась, представив насколько сильно в драке мог пострадать Сокол.

Ненавижу драки. Ну, что за народ эти парни! Двадцать первый век на дворе, люди собрались лететь на Марс, изучают чудеса молекулярной физики и доказывают теории квантовой телепортации, передают информацию на расстояния в тысячи километров с помощью простых электронов, так неужели же нельзя все решить мирным путем?! Да и не такая уж и красавица эта блондинка! Подумаешь, пухлые губки и грудь торчком! Парням же не расскажешь, что дело в белье и волшебных инъекциях! Наверняка из-за нее сыр-бор, других-то девушек я этим вечером рядом с Сокольским не видела. Хотя... — вздохнула своим мыслям, — может, для него она и красавица.

Друзья как раз говорили о том, как выручить Сокола и нужно ли дежурить возле участка, когда я на них налетела.

— Чижик, останься, — предложил Лешка. — Сейчас подъедет такси, подкинем тебя к дому. Нечего ночью одной по улицам бегать.

— Спасибо, Леш, но я спешу, — поторопилась отказаться. Остаться в их компании хотелось меньше всего.

— Я провожу Анфису, — вдруг вызвался Мальвин. — Все равно в такси всем места не хватит, а время разъезжаться. Куртку я Соколу в участок по пути закину, надеюсь передадут, — сказал, шагнув ко мне и опустив руку на плечо.

— Не надо! — почти выкрикнула. Получилось упрямо и по-детски. Ай, ну и пусть! Зато руку сбросила. Леший заговорил о своем:

— Не стоит по пути, Сева. Хрен его знает, кто там дежурит в участке. Куртка дорогая, утром к восьми привезем. Думаю, после всего нашему Соколу не мешает остыть. Фань, точно не надо? — уже уточнил у меня.

— Да, — снова уверенно кивнула. — Не переживай, я не первый раз в это время домой возвращаюсь. И потом, меня этот... как его... парень ждет. Там, за углом! Подальше! — Махнула рукой в сторону центрального проспекта, и ка-ак припустила от «Мараканы» бегом, только пятки сапог и замелькали.

Ну и приставучие же у Сокола друзья!

Если честно, в начале первого ночи центр города неплохо освещался, вполне себе бодро проезжали машины, сновали редкие пешеходы, и шагать быстрым шагом зимним городом, срываясь на бег, оказалось не так страшно, как неудобно. Центральное отделение полиции находилось от «Мараканы» рукой подать, всего в двух кварталах, и я почему-то была уверена, что найду Сокол именно там.

Зачем я шла его искать? Что собиралась сказать при встрече? — на эти вопросы как всегда у Фани Чижики ответа не нашлось. Наверно, чувствовала, что по-другому не могу, а потому постаралась просто не думать.

На повороте в полутемную улочку меня окликнули какие-то ребята, и я снова засверкала пятками, держась за шапку, обещая себе, что этот поступок — если и не первый глупый поступок в моей жизни, то уж точно самый последний! Что если я сейчас упаду — то стану кричать громче сирены на машине, что увезла Артема, и тогда, может быть, меня тоже заберут в участок, где оставят до утра. Глупые мысли, согласна, но о чем только не думается, когда голову больше занять нечем!

Не знаю, чего я ожидала от отделения общественного порядка большого города, наверное, того, что даже в зимнюю ночь здание окажется освещенным и распахнутым настежь для вящей радости всех за этим самым порядком обратившихся. Но массивная бронированная дверь с надписью «Полиция» оказалась заперта, а высокие окна плотно зашторены жалюзи. Но вот фонарь над широким крыльцом действительно светил ярко, освещая у входа пару полицейских машин и двойку черных псов,

дремавших у стены.

Завидев меня собаки вскинули голову, встали на лапы и с любопытством потрусили навстречу.

Ой, мамочки!

Я постучала в дверь. А заметив кнопку звонка — поторопилась позвонить.

— Э-эй! Откройте! Слышите?!

Треееееень!

Интересно, пять секунд тишины — это много или мало? Для того, кто вот-вот начнет волноваться, что ему не отвечают? Я решила, что много, особенно для девушки, возле которой присели два пса бандитской наружности, и затарабанила вновь.

— Э-э-эй! Там есть кто-нибудь?! Да откройте же!

В двери что-то заскрежетало, ухнуло-стукнуло, и в брони распахнулось окошко. Из-за решетки выглянуло сердитое лицо мужчины в годах, мелькнули форменные погоны, и кричать тут же расхотелось.

Если бы не собаки, принявшие рядом со мной стойку «смирно», я бы при виде грозных усов и кустистых бровей точно бы коlobком скатилась с крыльца. А так только вздрогнула.

— З-здрасти.

— Старший прапорщик полиции — Семён Дюденко! — представился мужчина. — Чего тарабаним, гр-ражданочка? — прорычал.

Чего я тарабаню — я, конечно, знала. А вот как надлежит разговаривать с полицейскими при исполнении, да еще такими грозными с виду — не очень. До сих пор как-то не выпадало случая ознакомиться.

— По какому вопросу отделение беспокоим, говорю?!

— Извините, т-товарищ прапорщик. Мне необходимо найти человека. Очень нужно!

— Человека? — брови озадаченно дернулись. — Хотите заявление написать? Сколько времени прошло с момента пропажи? Сутки? Двое? Документы при себе есть? Какого пола пропавший? Мужчина? Женщина? Сколько лет?

— Мужчина. Молодой. К-кажется, двадцать один.

— И учтите, гр-ражданочка, что у нас тут не частный сыск, специализирующийся на отлове неверных мужей. Когда видели последний раз?

— Да нет! — я ахнула, сообразив о чем толкует полицейский. — Вы меня не правильно поняли, дядечка! Сегодня видела! Он здесь, у вас! Его только что привезли в участок после драки в «Маракане»! Ну, я и вот...

пришла. Понимаете?

Глаза прапорщика сощурились. Видимо, понимали меня не очень.

— Кем приходитесь задержанному?

Я моргнула. Следом еще раз. Выдохнула чуть слышно:

— Никем.

— Счастливо оставаться!

Окошко тут же закрылось. Закрылось! То есть совсем! Я растеряннохватила ртом воздух.

— Т-то есть как это счастливо? — пробормотала. — Э-эй! Товарищ прапорщик! Товарищ Дюденко!

Открылось. Кустистые брови нахмурились.

— Нет, я прихожусь! — затараторила, боясь, что мужчина вновь исчезнет. — Очень даже прихожусь! Мы живем вместе, и вообще давно...

— Жена?

— ...знакомы. Чего?

Я икнула. Еще раз. Глаза под строгими бровями буравили насквозь, и ответный кивок получился медленным, но о-очень убедительным.

Коленки мелко задрожали, сумка с плеча поползла вниз, и один из псов, обнюхивая, ткнулся носом под ягодицу. Я со страху прижала руки к животу.

— Ой!

— В положении?! — рывкнул вопросом прапорщик Дюденко.

— Д-да!

— Оставайтесь на месте, гр-ражданочка! — и окошко вновь закрылось.

Чего? Это чего я только что сказала? Я ошарашено захлопала ресницами и от ужаса сказанного погладила пса по голове. А сообразив, что натворила, прилипла грудью к двери, да так и ввалилась в помещение участка остолбеневшей Снегурочкой.

— Фамилия?

— Чья? — сумка оказалась прижатой под самой шеей, а голоса не оказалось вовсе. Я старательно откашлялась.

— Задержанного!

— С-сокольский Артем.

— Есть такой. Бытовая драка без отягчающих. Протокол задержания оформлять будем, или как?

— А?

Мужчина сунул большие пальцы за пряжку ремня и воззрился на меня, как кот на глупую мышь. Даже ус дернулся.

— Это я спрашиваю «а?». Сидят голубчики у дежурного по отделению до выяснения обстоятельств драки. Потом в изолятор временного содержания определим, до прихода следователя. Ну так как, гражданочка? — Прапорщик Дюденко нетерпеливо выдохнул. — Раз уж нашли, будем за мужа штраф вносить? Или оформляем благоверного на семь суток, чтобы не буйствовал?

— А-а! Сейчас! — догадалась я. Кивнув, завозила с сумкой, отыскивая кошелек. — Вот, возьмите! — протянула деньги. — Я уплачу штраф! Не надо на семь! Пожалуйста...

Выгребла наличность и проводила кровные тоскливым взглядом. Завтра даже шоколадку будет купить не на что! И хлеб. Э-эх! Вот она какова, оказывается, цена семейной жизни!

Дверь в приемную оказалась зарешечена, а за ней — человек в форме. Прежде чем проводить меня к дежурному, прапорщик подошел к коллеге, попросил журнал и что-то бодренько в нем записал.

— Распишитесь! — положил ручку рядом с документом. — Пройдемте! — Взяв за локоток, повел длинным коридором.

— Стоять! — скомандовал у приоткрытых дверей, и я послушно застыла, снова прижав сумку к груди под самой шеей.

— Ага!

Закусила губы и затаилась, глядя, как полицейский входит в комнату. Не выдержав, трусливо заглянула в щелку.

— Пр-прапорщик Дюденко! Задержанные, кто из вас Артем Сокольский?

— Ну, я, — услышала знакомый голос, прозвучавший отнюдь не вежливо.

Ну, слава Богу! Значит, жив-здоров!

— Без «ну», молодежь! А то погну! — рявкнул усач. — Ишь ты! Дома жена в положении, девчонка совсем, а он тут вздумал по барам шататься! Порядок нарушать!

— Что?

— Не чтокай мне, Сокольский! Не в школе за партой! Встать! К тебе пришли.

— Кто?

— Жена! Которая в положении! Быстро же ты за дракой о ней забыл! Эх, парень, — мужчина понизил голос до отеческого, отчего он зазвучал еще обиднее. — Не бережешь ты свою половинку. Ночью одну по городу бегать заставляешь. Стыда у тебя нет! А еще мужик!

— Чего?! — взревел Сокол, вскакивая со стула... Тот загрохотал по

полу.

Ой! Кажется, пора вмешаться!

— П-привет! — я осторожно выглянула из-за спины Дюденко и неловко улыбнулась. Ну, все! Сейчас прибьет!

Помахала ошарашенному парню рукой: мол, хау ду ю ду! Зис из я — Фанья! Подбирай уже челюсть с пола, Сокольский!

— Э-э, ты как, Артем? — проблеяла кроткой овечкой. — Кажется, мне разрешили тебя забрать.

— Тебе? Меня? — изумленно выдохнул Сокол.

— Ага! — кивнула и на всякий случай подвинулась ближе к дядьке-усачу. Сглотнула слюну. — Правда, здорово?

— Чиж-ж... твою мать!

На стуле у соседней стены завозился белобрысый бугай, и только взглянув в сторону второго задержанного, я сразу узнала в нем парня из бара, заигрывающего со мной этим вечером. Грубо заигрывающего. Последний раз, когда я подошла к его столику, он отпустил пошлую шутку в мой адрес и задел юбку, бросив вдогонку гадкий комплимент насчет стройных ног. Пришлось всерьез пригрозить хаму, что пожалуюсь охране, и уйти в подсобку искать запропавшего Ромку.

Да, я сразу узнала обидчика, несмотря на то, что лицо у блондина заметно опухло, а из носа и разбитых губ текла кровь. Но как он мог пересечься с Сокольским, когда в баре было столько людей? Да и с чего вдруг, если блондинка все время находилась рядом с Артемом?

— Слушай, извини, — отозвался бугай, обращаясь к Соколу. — Я же не знал, что она твоя девчонка. То есть жена. Да еще и того... — блондин обвел рукой живот, — при интересе. Я бы никогда! Но ты тоже хорош. Кто же жену в положении заставляет работать в баре, где полно здоровой пьяни? Что ты за мужик такой...

Честное слово, я не успела моргнуть, как Сокол уже метнулся к белобрысому, вздернул того со стула за грудки и прижал к стене.

— Лучше заткнись! — рявкнул, натянув жилы на шее. — Заткнись, если не хочешь сдохнуть! Плевать, я и сесть могу, ясно?!

И только прапорщик Дюденко спокойно спросил:

— Я так и не понял. Отзываем претензии? Жалобы друг на друга есть?

— Нет, — покачал головой бугай. — Нет, товарищ начальник. Недоразумение вышло! Готов накатить штрафную. Э-э, то есть, уплатить штраф родному муниципалитету! Простите, девушка. И ты, парень, прости...

Глава 13

— Значит, жена?

Мы стояли с Сокольским на ступеньках крыльца отделения полиции и оба смотрели на дорогу. Всего пару секунд назад за нашими спинами захлопнулась тяжелая бронированная дверь участка, оставив наедине с зимней ночью, в ярком свете фонаря, поблескивая морозными гранями, кружили снежинки... Я честно не знала, что сказать, наблюдая, как мягко они ложатся на широкие плечи парня.

— Стоило всего одну ночь, Чиж, провести с тобой в обнимку, как у тебя оказались на меня все права. Сам себе не верю.

Я вздохнула: как будто я верю. Хорошо хоть не спрашивает, зачем вообще пришла. И не кричит. Стоит, сунув руки в карманы брюк, дышит глубоко грудью, и вроде не злой совсем, а растерянный, что ли.

— Так я же не специально, Артем, — виновато буркнула. — Случайно вышло. Чужому человеку в отделение не попасть, прапорщик спросил, я и сказала, что мы живем вместе. Ну, а он... в общем, он сам догадался.

— И что ребенок имеется? — хмыкнул Сокол.

— Еще нет! — возразила, имея в виду, что усач говорил только об интересном положении, а вовсе не о ребенке.

— Еще?! — парень спустился со ступеньки и повернулся ко мне, изумленный ответом.

— То есть, я не это хотела сказать! Точнее, все не так!

Артем вдруг рассмеялся. Громко и от души. Было холодно, пар шел изо рта, но парень хохотал. Красиво так, я даже заслушалась. Вот чего-чего, а услышать от Сокола открытый смех — ну никак не ожидала.

— Ты чего, Сокольский? — осторожно спросила, смутившись.

— А ничего! — он вдруг подступил ближе, взглядывая мне в лицо. Поднял темные ресницы, рассматривая в свете фонаря серым взглядом так внимательно, словно видел впервые. — Чиж, что происходит? — негромко спросил. — Со мной происходит? Чем я заслужил такое счастье, как ты? Откуда ты на меня свалилась, и я больше ни о ком думать не могу?! Вот такая глазастая, в дурацкой пижаме с мышами?

И ведь даже не обидишься. Действительно свалилась. И все-таки в горле защипало. Я тут за ним в полночь по городу бегаю, по участкам разыскиваю, а он меня «счастьем» обзывает. Еще бы в кавычки взял. Лучше бы сам головой думал с кем связываться, а с кем — нет.

— Нормальная пижама, мне нравится, — насупившись, ответила. — Из Гордеевска свалилась, сам знаешь. Вон, даже с мамой успел познакомиться. И сказки мне не рассказывай, Сокольский! Видела я сегодня в баре, как ты ни о ком не думал. Блондинка твоя, кстати, очень расстроилась, когда ты пропал.

— Она не моя, не выдумывай, Чиж. Я даже ее лица не помню.

— Неважно. Твое-то она точно запомнила. Ты вообще чего драться вздумал ни с того, ни с сего? Зачем этого бугая задел? Сидел себе спокойно, вот и сидел бы! Пил свой коктейль с друзьями! А вдруг бы он тебя покалечил?

— Смешная ты, Чиж... — Артем улыбался, а мне вот было ни капельки не смешно. Ну и что, что на лице не заметны следы драки, так не каждый же раз так везет!

— Ну, так посмейся, — чуточку рассердилась. — У тебя хорошо получается! Кстати, я не шучу, Сокольский — девчонкам понравится. Одна толпа по пятам ходила, а теперь — две будет! Станешь как султан перебирать — Олю не хочу, Наташу хочу! Я вообще не пойму: почему ты дома спокойный, а с людьми — взрывчатка? — вернулась к теме нынешней ночи, разматывая на шее шарф. — Хоть бери и доказывай всем, что это не так! А если бы мне не поверили и тебя не выпустили? А если бы твой отец узнал? Ты же сам говорил, что у него сердце больное. А тут ты в изоляторе! Такой гордый и такой дурак! Сесть он готов, видите ли!

Наконец-то до Сокола дошло, нахмурился. Выдохнул, не веря услышанному:

— Что?

— Что слышал!

Дотянувшись руками до парня, намотала шарф вокруг голой, упрямой шеи. Ну, конечно, вон на рубашке и пуговиц не хватает. Задира!

— Еще и раздетый! И как теперь домой идти?

Сокольский тут же разматал шарф и вернул назад, сверкая глазами.

— А тебе обязательно работать в месте, где каждый придурок может схватить тебя за плечи и кое-что предложить? Ты время видела, Чиж? Почему еще не дома?! Или тебе нравится, когда тебя за юбку дергают? По улицам ночью одной ходить — нравится?!

— Чего? — так и ахнула. Это он сейчас на что намекнул?

— Нет, не нравится, — ответила не менее сердитым взглядом, прыгивая со ступеньки. Вздернула подбородок. — Мне совсем не нравится. Но у моих родителей, чтобы ты знал, кроме меня имеются еще две младшие дочери и сын. Им и без моей учебы забот хватает. А я сладкое

люблю, жить без него не могу! А когда мне работать, если я учусь? И где? Ты думаешь найти работу на несколько часов легко? Еще и зарплату чтобы каждый день платили? Между прочим, Сокольский, ты тут умничаешь, а я все, что сегодня заработала, вместе с чаевыми, отдала прапорщику Дюденко в уплату штрафа. Просто потому что одному парню захотелось подраться! И денег у меня больше нет. Так что я даже не знаю, как нам теперь домой добраться!

— Не захотелось, а за дело! — упрямо возразил Сокол. — И будь ты, Чиж, на самом деле моей женой, да еще в положении, я бы тебе сейчас так высыпал, чтобы по участкам и барам не бегала! А белобрысого убил!

Нет, ну до чего же упрямый! Почему все мужчины думают, что они вправе решать за своих женщин? Если эти женщины их, конечно.

Да и причем здесь я вообще?

— Не обольщайся, Сокольский. Будь ты моим мужем, ты бы у меня вообще фиг в баре сидел, да еще в обнимку с блондинкой! Только бы на меня смотрел и любовался! Но это ведь не про тебя, верно?.. Наденешь шарф?! Последний раз спрашиваю! — поджав губы, протянула к нему руку. — А то плюну и уйду! Сам себя будешь лечить!

— У тебя денег нет и идти некуда. А я никогда не болею.

— Как будто у тебя есть. Я видела твою куртку у Мальвина.

— Ключей от дома и машины нет, телефона — тоже, а вот бумажник есть. Предпочитаю деньги всегда держать при себе.

Сокол взял шарф и медленно повязал его вокруг шеи, не спуская с меня глаз. Оглянувшись на дорогу, внезапно поймал мою ладонь и с криком: «Бежим, Чиж!», сорвался с места.

— Ой!

А впрочем, я не была против. Давно бы так! Но скорость включила, увидев, что полицейские псы увязались следом. Так и прибежали вполне себе дружной гурьбой к проспекту. А там уж и телефон Сокольскому дала, чтобы вызвал такси.

Удивительно, что у него голос от холода не дрожит, я бы уже давно превратилась в ледышку.

— Диспетчер ответила: ближайшая от нас машина находится в районе трех-четырёх минут, — сообщил Артем, возвращая телефон. — Так что ждем, — он поежился в плечах, пряча руки в карманы, а подбородок в шарф.

Я снова участливо вздохнула. Шапку ему свою натянуть, что ли? Смотреть же жалко. Так ведь не наденет с меховым помпоном. А три минуты на морозе — это целая вечность. Запросто не то что ангину,

обморожение заработать можно.

— Сокольский, ты только не подумай ничего такого, ладно?

— Какого?

— Ну, что я к тебе пристаю там или еще чего. Мне просто больно на тебя смотреть.

Я расстегнула пуховик и подошла к Артему. Прильнула к спине, обнимая парня под грудью. Уткнулась носом в рваный шов рубашки.

— Чиж, ты чего?

— Ничего. Не могу видеть, как ты мерзнешь, вот и все. А так нужен ты мне, бабник, триста лет и...

— ... и три года, — вздохнул Сокол, закончив за меня. — Я помню.

— Точно!

— Ладно, не буду, — пообещал и, отвернувшись к дороге, положил руки поверх моих.

Так, я не поняла: кто кого греет? И почему у него ладони такие горячие?

Диспетчер не ошиблась в расчетах, в машине оказалось тепло, и мы бы доехали до переулкa Федосеева в два счета, если бы Сокол не попросил водителя остановить такси у круглосуточного супермаркета.

— Притормози на минутку, шеф.

— Я быстро! Только сахар куплю! — бросил мне через плечо, распахивая дверцу, и исчез в магазине, оставив растерянно смотреть ему вслед.

Сахар, какой еще сахар? О чем это он? Но вспомнила (когда мы оказались дома и Сокол пошел отогреться под горячий душ, а я разобрала пакет и нашла на дне любимые шоколадки), о чем сама говорила Артему сегодня утром.

Я честно хотела только присесть на кровать. Посидеть у телевизора, пока остывает чай. Я даже вздохнула, подумав о том, что хорошо бы переодеться и достать матрас... а дальше... а дальше ничего не помню.

Трееень! Трееееень!

Не слышу. Никаких посторонних звуков, я сплю. Никаких звонков в дверь. Никаких тревожных голосов. Ничего. Это сон. Всего лишь сон, а во сне чего только не привидится. Вот и сейчас чудится, будто дядя Вася где-то далеко глухо окликает сына: «Артем!», словно тот заблудился в лесу. А на самом деле здесь только мое храпящее воображение, собственно я, и самая мягкая в мире подушка — по-особенному уютная тихим воскресным

утром.

Или не тихим?

В замочной скважине беспокойно заскрежетал ключ, задергалась дверная ручка, и кто-то громко постучал в дверь. Напуганный звуками, сон съезжился до неясной точки и вдруг исчез вспышкой, а я распахнула глаза.

— Артем, ты дома? Где ты, сын, отвечай!

А распахнув, взвилась на кровати. На кровати? Снова? Ох, ладно, потом разберусь! Заметалась взглядом по комнате в поисках Сокола. Вот же он! Спит красавчик на полу, выставив на обозрение точеную спину! На моем матрасе! А там папа, между прочим, пришел и сейчас увидит улики нашей фиктивной договоренности во всей красе!

— Сокольский! Артем! — позвала шепотом, в панике сползая к парню. Дотянувшись до плеча, похлопала по нему ладонью. — Просыпайся!

— А? Что? — Сокол перевернулся на бок и сонно провел по лицу рукой. — Чиж... — невнятно пробормотал и снова уткнулся носом в подушку.

— Артем, ты дома? Сынок, ты здесь? — дверь в квартиру открылась, и на пороге послышался топот ног и возня.

— Да Сокол же! — захлопала всерьез. — Хватит дрыхнуть! Там твой папа пришел, а ты тут спишь на полу! Просыпайся!

— А?

— Вот же непонятливый! Прячь матрас под кровать, если не хочешь, чтобы нас застукали! И быстро ныряй ко мне! — задвигалась попой к стене, откидывая одеяло.

Ой, а джинсы-то мои где? Одни колготки с труселями. Уф, хоть свитер на месте, — успокоилась, цапнув себя за рукав. Об остальном тоже позже подумаю!

Сокол в один момент вскочил на ноги и ловким движением спрятал матрас — вот что значит спортсмен! Прыгнув в постель, недолго думая, поймал меня и прижал к себе. Я даже рот открыла — вот обниматься-то зачем? Но слыша беспокойные шаги дяди Васи в коридоре, затихла, уткнувшись носом в теплую шею. Очень теплую, я бы даже сказала — горячую. Все еще мягко пахнувшую гелем для душа.

Чтобы удостовериться: не показалось ли, прижалась к ней губами, услышав в ответ жаркий выдох.

— Анфиса...

— Да нет его здесь, Василий Яковлевич! Я же говорю, что ключи у меня! Только что Лешка позвонил из бара — машина Артема по-прежнему на стоянке. И ночью охранник его не видел. Но не волнуйтесь вы так, он

точно не мог пропасть в никуда!

— Какой-то бред про жену. Может, они там косяки конфискованные курят, в этом своем отделении? Откуда? Мы же Сокола как облупленного знаем!

— Да фанатка, точно! Я вчера в баре ребят из футбольной команды видел, любой из них мог запросто инфу о драке в сеть слить. Вот и прибежала какая-нибудь дура спасать. Странно, что возле подъезда чисто.

Я оцепенела. Эти голоса мне были знакомы. Вскинув голову, впиалась в Сокола онемевшими пальцами. Если дядю Васю я бы еще пережила, то его друзей... О, нет! Мне же в университете проходу не дадут, дай только слухам разлететься, что спала с Соколом! То есть, не спала, но кто поверит-то?! Изживут или обсмеют, это как повезет, но в покое точно не оставят! А как же учеба?!

И зачем они только пришли! Наверняка, не обнаружив утром друга в участке — бросились на поиски, а тут я — готовый к экзекуции трофей.

— Мапочки! — сама не заметила, как прошептала. — Что же сейчас будет?!

Артем словно очнулся. Отпустив меня, вскочил с постели.

— Стоять! — хрипло рыкнул (точно заболел!), вылетая в коридор, заслоняя плечами проем. — Вы что, совсем охренели?! Я не один, а вы толпой! На выход все, быстро! Какого черта Макс? Сева? Еле боксеры успел натянуть! Вы бы еще в кровать залезли!

— Артем! — возмущенно ахнул дядя Вася, не без облегчения. — Ты как с отцом разговариваешь?!

— Пап, давай на кухню. Сейчас все объясню.

— С тобой все в порядке, сын?

— Конечно, не переживай. Жив-здоров! Зря парни позвонили, прости.

— Ну, это не тебе решать!

— Темыч? Это ты зря наезжаешь, мы как бы не чужие, переживаем.

— Я понял, Макс. Но сообщить не мог, сам понимаешь.

— Понимаю. Кстати, вот твои вещи — куртка и телефон. А что насчет инфы? Василий Яковлевич кремень, не колется. Мы о чем-то не знаем? Кто она? Не помню, чтобы с кем-то заставлял тебя с утра, иначе бы не вошел, извини.

— Да, Сокол! Ты как дома-то оказался? Мы были уверены, что хрен тебя утром из участка вытащим, а ты здесь ночь с девчонкой кувыркаешься! Красавчик!

— Нормально оказался, как все. С качком разошлись без претензий. Надеюсь, он свою ошибку понял. А ключи у соседей храню, на всякий

пожарный, так что пришлось людей разбудить.

— А что насчет...

— Нет, не жена и не беременна, Сева, если ты об этом. Прапорщик попался юморист, неудачно сострил. Но она важнее остальных для меня. Так что без обид, парни — знакомить не стану, это личное.

— Ладно, — долетело до меня удивленное, — умываем руки! Тебе виднее, Сокол. В любом случае главное, что все обошлось!

— Да.

Послышался шум шагов в направлении двери и голос темноволосого друга Артема, Макса, спросил (мне показалось, что парни уже переступили порог):

— Слушай, я не понял, ты вчера зачем мне врезал? Только не говори, Темыч, что случайно промазал, когда целился в белобрысого. Я не дурак.

— Не скажу.

— Значит, за дело?

— Значит.

— Ну, тогда ладно, — неожиданно ответил. — За дело можно и получить. Только в следующий раз, друг, попробуй разложить претензию по нотам, а то ведь я могу и обидеться. Ну, пока, Сокол! До свидания, Василий Яковлевич! Извините, что сдернули!

— До свидания, ребята! Спасибо, что позвонили. Артем, я все еще жду...

Ушли! Слава Богу, ушли! Я подскочила с кровати и забегала по комнате в поисках джинсов, пока Сокол в чем был, так и ушел объясняться на кухню к отцу. Брюки нашлись в шкафу, но передумав, я схватила со своей полки домашнюю одежду, еще пару необходимых вещей, и набралась наглости прошмыгнуть в ванную комнату. Быстренько приняла душ и перед выходом громко выдохнула, внутренне уже готовая к чему угодно.

Оказалось, что не ко всему.

Сначала Сокол отказался верить, что у него горячка (не так, чтобы очень, конечно, но и без внимания не оставить).

— Послушай, Артем, ты бы оделся. Мне кажется, у тебя температура.

— Тебе кажется, Чиж. Я никогда не болею. — Вот же упрямец! Спортивки надел, а футболку отказался!

Потом дядя Вася — ах, да! Василий Яковлевич! — самым серьезным образом стал допытываться у нас насчет шутки с женитьбой. Не расписались ли мы тайно? Не супруги ли? Ему, лично отловившему прапорщика Дюденко при сдаче смены и побеседовавшему с усачом с глазу на глаз, тот юмористом отнюдь не показался. И не в положении ли я?

Потому что если в положении, то это все меняет. Что именно меняет, я, сами понимаете, постеснялась спросить, но вот Артем, кажется, отца понял. Зыркнул на меня странным взглядом и потупился, не собираясь особо ничего опровергать. Вернее, продолжил спокойно завтракать, уплетая только что сваренные мной макароны с сосисками, пока я краснея и бледнея уверяла дядю Васю, — ах, да! Василия Яковлевича! — что, конечно же, нет! Что мы с Артемом, как бы это сказать — очень осторожны и вообще не планируем детей в ближайшем будущем. Да мы и свадьбу-то не планируем! Что за ерунда! Зачем мы все о серьезном, на самом-то деле!

Но кажется, мне не поверили. Мужчина как положено отчитал сына, все время косясь на мой живот (на то место, где он был спрятан под столом). А потом и вовсе стал глуповато и загадочно улыбаться. А все потому что Сокол молчал. Один раз сказал нет, и затих, как будто этого хватило!

Ну, а после... После произошла крайне досадная неожиданность. Точнее, приятность, если бы не одно важное «но», даже два, сидящие сейчас в кухне. Да и сама кухня «если бы не».

— Что случилось, Чиж? — отозвался Сокол, глядя в мое побледневшее, а затем покрывшееся пятнами лицо, когда я, ответив на телефонный звонок, снова заглянула к мужчинам, вежливо попросив Артема выйти ко мне на секундочку. — Тебе плохо?

— Ну вот! — тут же крикнул в спину сыну дядя Вася и даже перстом махнул. — Я же говорил! Тошнит!

— Артем, ты меня убьешь!

— Чего это?

— Понимаешь, мне только что позвонил папа. Мой папа.

— И что? — удивился Сокол, уперев руку в стену. Мои глаза тут же отреагировали. По-моему, я еще никогда не рассматривала мужскую подмышку и соски так внимательно. — Ты уезжаешь домой? — выдохнул. Мне показалось, что с сожалением.

— Нет, — мотнула головой. — Хуже.

— Тогда что?

— Это они приезжают сюда в город. Мои родители, — я подняла взгляд. — Точнее, уже приехали! Я сказала, что ты заболел и сейчас не очень удобно, но они просят заглянуть к нам хоть на минуточку! А так-то у них свои дела! Ого-го какой важности! — точь в точь повторила за папой его слова, и сама им не очень-то веря.

Сокол натужно сглотнул — как я ему сочувствовала!

— Понимаешь, я знаю своих родителей. Они бы все равно приехали!

Но я не ожидала, что это случится так скоро! Надеюсь, что мама дольше сохранит втайне от папы то, что я теперь живу не в съемной комнате, а с тобой... Ой, и-извини, то есть у тебя! А теперь, когда у меня появился парень и папа об этом узнал... В общем, извини, Артем, — я приложила горячие пальцы к щекам и сама ахнула своему признанию, — я не смогла смолчать и назвала адрес. И уже очень скоро они все будут здесь!

— Офигеть!

— Ага!

— Все, это значит: мама и папа?

— Да.

— Ладно, Чиж. Не переживай, справимся. Маму я беру на себя.

— А еще брат!

— Х-хорошо.

Я вздохнула, чувствуя, как виновато съезжает взгляд. Эх, всем бы такие кубики, как у Сокольского! И почему у меня такой мягкий живот?

— И сестра. Две сестры.

— Ого, — ладонь Сокола упала.

Не то слово «ого».

Я обреченно закрыла глаза и тоже опустила руки по швам, готовая к самому страшному признанию.

— А еще бабуля.

— Чья бабуля? — растерялся парень, видимо, от озвученного масштаба моей семьи придя в ужас, и я выстрелила контрольным:

— Моя! И знаешь, хорошо хоть дедушка не приехал, у него по воскресеньям в клубе пенсионеров кружок йоги.

Надо отдать должное Соколу, он с честью выстоял. Сначала, вернувшись в кухню, как ни в чем не бывало, предупредил отца:

— Пап, тут такое дело... Сейчас к нам гости ненадолго заедут — родители Анфисы. Ты, пожалуйста, новость про интересное положение их дочери не озвучивай, ладно? Это не шутки. Мы пока не готовы к таким заявлениям, всему свое время. Да и неправда все. И про драку лучше не вспоминай, ни к чему людям знать, какой псих их Чижику достался.

— Хорошо, сын, но... Почему ты не предупредил? Я бы хоть подготовился, к-костюм надел. А сейчас что прикажешь делать?

— Пап, успокойся. Все неофициально. Люди проездом, только что позвонили. Никаких предложений руки и сердца, обычный визит родственников на чашку чая.

— Что? Родственников? Так, Артем, ты меня не пугай! Вы расписались с Анфисой или нет?!

— Пап, ты, главное, молчи, ясно? Все остальное я сделаю сам!

И ведь сделал же! Для начала надел футболку, потом спустился вниз к машине за передачкой. Потом еще раз. Потом заболтался с бабулей Фисой, которая наотрез отказалась подниматься в квартиру, но приехала с петушком и вязаными носками для «Фанькиного жениха», и тут же все это ему от всей души вручила.

— Держи, сынок. Чтоб в зиму ноги не мерзли, а гребень стоял, как у этого петуха! — важно пожелала, но вдруг, спохватившись, хлопнула себя по губам. Отвернувшись, полезла назад в машину — старенький папин микроавтобус, который он выкупил у школы три года назад. Отмахнулась, вместе со мной покрываясь пятнами стыда, как жираф.

— Ой, не слушай меня, сынок! Я не то имела в виду.

— Баб Фис!

— Хотя и то тоже! Ладно, Фань, я лучше в машине посижу, газетку вон читаю, а то снова брякну что-нить лишнее. Все привыкнуть не могу, что ты выросла. А жених мне твой понравился — хорош парень! Не тощий, высокий и взгляд не слащавый, как у бывшего предателя-ухажера. Ой, — виновато оглянулась, я снова что-то не то сказала, да?

— Да ладно, забудь, баб Фис...

Потом Сокольский по-взрослому познакомился с братом. Ну, а мелюзга сразу же восторженно уставились на «новенького», боясь вздохнуть. Попав в квартиру, скинули сапожки и побежали в комнату галопом «тихо сидеть», как попросил папа.

— Я первая!

— Нет, я первая!

— Ого, какой телевизор!

— Ого, какой!

— А можно нам мультики?

— Да, можно нам мультики?

И хором, когда Артем вручил брату пульт.

— Вот здо-орово!

А я повела родителей на кухню знакомить с Василием Яковлевичем. Он почему-то предпочел прятаться именно там. И тоже покрылся пятнами, не зная куда смотреть, то ли на нас, а то ли на пакеты с гостинцами в руках гостей.

— Анфиса, ну зачем же так официально-то? — смутился мужчина, поднимаясь со стула. — Лучше уж как привыкла — дядя Вася. Здравствуйте, — протянул папе руку, а тот, кашлянув в кулак, скромно поставил на стол торт и рядом с ним сироп от кашля, — Василий

Сокольский!

— Федор! А это моя жена — Надя, — ответил папа. — А это детям, — показал рукой на стол. — Анфиса сказала, что Артем простыл, вот мы и... Там, в пакете, апельсины и гранат, — зачем-то добавил. — Василий, вы нас простите, что заехали без приглашения. Мы только дочь увидеть и уже уходим. Мы в городе по делам, вот и заглянули. Понимаем, что бесцеремонно получилось, но не могли не удостовериться сами, что у Фани все хорошо. Не каждый день узнаешь, что у твоего ребенка взрослая жизнь. Не так-то просто это принять.

— Конечно, я вас понимаю, — кивнул дядя Вася. — Сам никак не привыкну, что сын не один живет, вот и получил сегодня от него нагоняй за то, что с утра ввалился и разбудил. Непросто, это вы, Федор, верно сказали. Но раз уж наши дети вместе и, кажется, у них все серьезно — будем привыкать? — хлопнув в ладоши, неловко рассмеялся. — А для начала давайте чай пить за знакомство! Только сироп — это вы зря. Артем у меня никогда не болеет!

А вот я думала иначе, глядя, как у Сокольского поблескивают в подступающей лихорадке глаза и размышляя о том, до чего же мужчины упрямые создания. Даже мой папа! Сколько лет обещает маме перестать рассказывать на семейных вечеринках историю о том, как он, будучи студентом и отправившись в одиночный пеший поход, поймал сома в двадцать килограммов весом и нес на себе сорок километров до студенческого лагеря, чтобы всех накормить. Но всякий раз рассказ повторяется снова. И снова мы с мамой молчим и не замечаем, что пять лет назад сом был на пять килограммов легче, а расстояние до лагеря значительно короче, но возраст придает вес даже историям.

— Если будете в наших краях, Василий — заезжайте в гости, сходим на рыбалку. У нас места знатные — воздух, озера! И Артема с собой берите! Фанька со мной все детство в походах провела! И рыбачить умеет, и костер знает как развести, и как палатку поставить. С соседским пацаном, помню, все соревновались, кто больше пескарей выловит, так дочка всегда спор выигрывала!

Мама внезапно закашлялась и напомнила, что пора бы уже и уйти. Папа согласился.

— У вас еще дети есть, Василий? — задал вопрос, благодаря всех за чай и гостеприимство. — Если да — приезжайте к нам всей семьей, будем только рады. У нас не заскучаешь!

Василий Яковлевич как-то напрягся, Сокол тоже. Ну и я за компанию: мало ли чего? Помолчал, покусывая губы, но все-таки ответил:

— Да, сын двенадцати лет. Лука. Ровесник вашему.

— Замечательно. Берите и его с собой. Роберт у нас со всеми общий язык найдет, а девчонки и подавно!

— Фань, почему отец Артема все время косился на твой живот, — заметила мама уже в прихожей. — Как он вообще к тебе относится?

— Хорошо относится, мам, не переживай!

— А мне показалось — легковесно. Он как-то странно улыбался, глядя на тебя. Как будто все несерьезно, или наоборот слишком серьезно и это его веселит. Он случайно не намекал на какую-то тайну, о которой мы с папой ни сном ни духом?

— Да нет конечно! — заверила маму. — Ты что?! Скажешь тоже!

А сама ка-ак покраснела как свекла под родным всезнающим взглядом! Вот это я завралась!

Еще бы дяде Васе не улыбаться! Наблюдая за тем, что вытворяет его старший сын! Нет, с виду-то все вполне прилично для двух влюбленных, но как по мне — так явный перебор! Не ожидала я такого от скупого на эмоции Сокола. И пусть Артем обещал, что справится с ситуацией, с таким подходом к делу я себе точно хроническую тахикардию заработаю!

Сначала он без лишних церемоний усадил меня к себе на колени, как только стало понятно, что четвертый и единственно-свободный в кухне стул придется занять кому-то одному. (Я вообще-то могла и постоять!) Потом убрал волосы с моего плеча и опустил на него подбородок. Уверенно положил руку на живот, прижав к себе, на мой удивленный и растерянный взгляд ответив невозмутимо приподнятой бровью. Снова провел рукой по волосам, улыбаясь гостям, запутав пальцы в длинных прядях.

Точно так же провокационно и спокойно я сама еще недавно поглаживала его плечо и грудь в присутствии Сусаночки и ее дочери. Но я же не думала, что подобные прикосновения могут напоминать покалывание иглами тока и ощущаться настолько ярко, словно ты остался без кожи и чувствуешь каждое чужое касание оголенными нервами.

Я то накрывала пальцами, то отпускала ладонь Сокола, лежащую на моем животе, ощущая, как под ней разгорается жар нашего сближения. Не до конца понимая, что тому причиной — горячая рука Артема, его усиливающаяся лихорадка, или моя реакция на это прикосновение и глупое женское воображение, способное воссоздать желаемую реальность из крупницы внимания.

Говорю же — тахикардия обеспечена! Еще бы дядя Вася не смотрел на мой живот и не строил глазки своим мыслям, когда я все время елозила попой на коленях у его сына, не способная найти себе место под рукой

Сокола. Артему ли не знать, как он действует на девчонок. Хоть бы пожалел — избавил от нежностей! А то страшно даже представить, как я себя почувствую, если его смелая ладонь вдруг накроет мою грудь? И...или что-то еще?

Тьфу, Фанька! Что за распутные мысли! Да еще в присутствии родителей! Об учебе думать надо! О сердце, которое уже однажды пережило боль предательства. О том, что если верить, любовь однажды обязательно тебя найдет, где бы ты ни был — настоящая и верная. Конечно, — даже наверняка! — парень вряд ли окажется красавчиком и сердцеедом, как Сокол. Ну, так и что ж? Я ведь тоже не с Венеры отлитая! Обычная девчонка!

Как только мама с папой спешно допили чай, я быстренько спрыгнула с колен Сокольского и сбежала в прихожую. Но он и там меня нашел, поймав и вполне прилично для родительских глаз прижав к боку. Так и спустились вниз милой парочкой. Так что справился с задачей Сокол, еще как справился. Вон, даже папа его на прощание приобнял.

— Рад знакомству с тобой, Артем, рад! Смотри, не обижай Анфису! Она у нас славная.

— Да, Федор Александрович, я это уже понял. Не беспокойтесь!

— Ты тоже ничего. Впечатляешь!

И это папа еще не в курсе, что Сокол у нас типа местная знаменитость — звезда футбола с мировыми перспективами. Даже не знаю, обнимался бы он сейчас с парнем, узнав, кто он есть на самом деле, или схватил дочь в охапку и увез домой, чтобы поставить в угол и покрутить у виска пальцем, обидно обозвав Сенькой*.

Странно, что дядя Вася промолчал. Вот уж кто гордится сыном и гадать не надо. Наверняка на этом сердечном моменте и играет Сусанночка, манипулируя мужчиной, когда предлагает свои варианты улучшения и обустройства жизни Артема.

А может, она права? И бледной красотке Илонке в самом деле место рядом с таким, как Сокол? И заживут они чинно, дорого и пристойно. Как Сусанночка! И никакого чумового нашествия родственников, только закрытые вечеринки, типа «White party», визиты по расписанию, и ужины в известных ресторанах исключительно в обществе людей соответствующего ранга и положения.

Да ну нафиг! А я все равно свою семью люблю! И они меня! Вот скажи им, что завтра Фанька бросит учебу и пойдет мыть полы в этот самый ресторан — разве они от меня откажутся? Отвернутся? Разве станут любить меньше? Нет. Так какого же мне рожна еще надо? Лучше пусть

приезжают, или я к ним, и все знают, что друг у друга есть! А перед Соколом я извинюсь, неудобно вышло. Может, приготовлю ему что-нибудь вкусненькое. Ну, а как еще неловкий момент замять?

Я подошла к машине и чмокнула брата в щеку, затем малышку Николь, — та, прыснув смехом, быстренько забралась внутрь салона. Поймала Мишель, но сестричка посмотрела на меня обиженно-ревностным взглядом и вдруг разревелась. Повернувшись к папе, превратилась в мопсика, растеряв за всхлипыванием четкую речь.

— Мышка, ты чего?

— Па-ап! А я тозе такого зе Артема хотююууу! Как у Фанькииии...

Я что-то такое подозревала, заметив, что последние минут десять Мишель стояла в коридоре и таращилась на Артема из-за двери кухни, но все равно растерялась. Вот тебе и сила мужского обаяния!

— Такого зе, — нижняя губа сестренки затряслась, — хотюююууу! И телевизиир!

А папа уверенно ответил, не обращая внимания на слезы дочери и на маленькие кулачки, утирающие мокрые щеки, поднимая малышку на руки.

— Будет! Обязательно будет! Еще больше и красивее, как Дед Мороз!

— Правда?! — ахнула хитрюга Мишель. — С подарками?!

— Ну, конечно! Разве я когда-нибудь врал?

Родители уехали, и дядя Вася тоже. У подъезда мы остались одни, и я повернулась к Соколу. Парень внимательно и хмуро смотрел на меня.

— Вот это утречко! Веселое вышло, да? — нарочито-бодро спросила, не зная, как себя чувствовать от неловкости: то ли плакать, а то ли смеяться.

— Да уж.

— Обиделся? — я тут же сдулась.

— С чего это?

Точного ответа не нашлось, и я пожала плечами. Просто было очень неудобно. От всего.

— Кажется, ты расстроился.

— Нет, — Сокольский вздохнул и сунул руки в карманы. Чуть склонил голову — все-таки он был гораздо выше меня. — Кажется, я думаю.

— О чем?

— О том, Чиж, что после всего, что между нами было, после петушка и носков твоей бабули, я, как честный человек, должен на тебе жениться.

Вот чего-чего, а услышать такое от Сокола я точно не ожидала. Даже волнение как рукой сняло! Значит, действительно не обижается. И я

расхохоталась. Совсем как он вчера. Рассмеялась в удовольствие, вдыхая полной грудью морозный воздух.

— Глупый ты, Артемка! Чтобы жениться, петушка мало. Не спасут носки. Надо любить, Сокольский, иначе всю жизнь будешь несчастен. А я хочу, чтобы ты был счастлив, — неожиданно призналась, чувствуя, что это правда. — Ты на самом деле совсем не такой, каким тебя видят другие.

— Хуже? — невесело усмехнулся парень.

— Лучше. Гораздо лучше! — А еще ты чистюля и от тебя потрясающе пахнет. Так офигительно, что у любой девчонки зайдет дыхание. Но об этом я ему, конечно, не скажу. Как не признаюсь в том, о чем иногда думаю, глядя на него.

Ой, похоже, я засмотрелась. Стряхнув смущение под серым взглядом, подошла ближе и приложила руку к горячему лбу.

— У тебя жар, Сокольский, и уже нешуточный. А при высокой температуре наш мозг продуцирует странные мысли. Пошли домой, а?

Глава 14

Мы почему-то молчали. Так было безопаснее, что касается душевного равновесия, для меня так точно. Странное молчание двоих в одной квартире после шумного утра. Только косились друг на друга исподтишка озадаченно, как будто что-то неуловимо менялось между нами, и мы оба этому удивлялись.

— Сокольский, вот почему ты такой упрямый, а? Я же вижу, что тебе плохо. Неужели так сложно...

— Чиж, перестань. Я отлично себя чувствую. Тебе все равно не удастся уложить меня в постель.

Ну вот, снова обменялись растерянными взглядами и отвернулись. Да что ж такое-то! Даже значение обычных слов видится двояким и волнующим! И вопросы странные задает воображение: а действительно бы не удалось? Если бы я, ну, вы понимаете, по-настоящему захотела его уложить?.. Как-то непохоже, судя по тому, как он меня обнимал и шептал «Анфиса», что я ему неприятна вот прямо до колик. До сих пор мурашки бегут по коже, стоит вспомнить, как он шептал мое имя. Ведь не почудилось?

Нет, не буду об этом думать. Не-бу-ду! Это всего лишь гормоны и ничего больше! Это всего лишь Сокольский, который любую девчонку сведет с ума одной лишь своей близостью. О заинтересованном сером взгляде вообще промолчу! Вон как блондинка вчера запала, чуть не ощупала всего. Так старательно хохотала, привлекая внимание. И ведь если бы позвал — пошла. Пошла с ним и, возможно, что даже в эту квартиру и в эту кровать, если бы в ней сегодня не спала самозахватчица Чижик.

Как всегда, детворе хватило полчаса, чтобы превратить гостиную Сокольского в игровую комнату. Я привела в порядок кресла, подняла голову и посмотрела на парня — он как раз прятал пылесос, склонившись к полу. Выпрямился. Над мелькнувшей полоской белья, на стройной спине показались ямочки, чуть выше ягодиц. И снова взгляд скользнул к развернутым плечам. М-да, не зря по Соколу девчонки слюнки пускают и бегут табунами на футбольные матчи. На него просто смотреть приятно, а уж если наблюдать за игрой капитана... Но я-то не любая девчонка. Я стойкая и сильная, и вообще — девушка с трезвым взглядом! Не хуже и не лучше других. Я та, которая уже обожглась, в один миг превратившись из единственной и особенной в череду прочих.

А еще мне известно, чем такая влюбленность заканчивается — слезами и горьким разочарованием. И делить свое — я ни с кем не умею и не хочу, иначе до сих пор была бы с бывшим. Нет, это точно не для меня. Так почему же кажется, что мы с Соколом все время ходим друг за дружкой, старательно делая вид, что случайно сталкиваемся лбами то в кухне, то в коридоре, то в комнате? А может, мне действительно только кажется?

Сокольскому на самом деле стало хуже — глаза покраснели и щеки тоже, но он упорно не желал признавать себя больным. Поговорил по телефону с тренером, потом с кем-то из друзей...

— Нет, на меня не рассчитывайте, сегодня не приеду. Не хочу. Машина пусть стоит. Да, увидимся... Кхэ-кхэ, — кашлянул в кулак и сам удивился: — Ч-черт.

Я решила сильно не мудрить, и, раз уж в наличии оказался бабусин петушок, а в квартире больной — сварила супчик. Да такой, что хоть снова гостей приглашай! Нет, правда, почему-то вспомнила об Илоночке.

— Артем, может, поешь? — оторвала внимание Сокольского от компьютера. — Я суп сварила.

— А ты, Чиж? Здорово пахнет.

— И я.

— Вкусно. Ты где научилась так готовить? Мне кажется, я ничего вкуснее не ел.

— Да ладно, — я даже покраснела. — Дома. Ты же видел, какая у меня семейка пожирателей-червячков. Один Робик чего стоит! — улыбнулась. — Когда девочки родились — первое время было очень трудно, мама почти не спала, вот и пришлось помогать. Так и научилась.

— Хорошая у тебя семья, дружная.

— Да. Тебя тоже отец очень любит, это сразу видно. Артем?

— Умг?

— Не знала, что у тебя есть младший брат, ты не говорил.

— Есть. Лука. Мы редко видимся, он живет с матерью. Наверно, я был бы не прочь его с тобой познакомить.

— С-со мной?

Сокольский поднял глаза, словно сам удивился тому, что сказал. Пожал плечами, отодвигая тарелку:

— Да. Он ревностно относится к моим друзьям, хотя никого из них не знает, но, думаю, ты бы ему понравилась.

Я посмотрела на часы, вставая из-за стола, старательно пряча за поспешностью движений охватившее меня смущение. Убрала посуду в

мойку, налила Соколу чай, и снова решилась сказать о том, что беспокоило меня сейчас больше всего, глядя, как лениво он тянется к чашке с напитком, как будто устал, и как потирает ноющую шею.

— Знаешь, Сокольский, я вижу, что ты упрямишься и, конечно, сам волен за себя решать, но тебе бы отдохнуть — вот прямо сейчас. Мне через час на работу, еще надо собраться, так что постараюсь побыстрее уйти и не мешать. Если бы ты еще измерил температуру, мне было бы намного спокойнее. А еще... можно я тебе с работы позвоню? Если ты не против?

— Ладно, — Сокол кивнул. — То есть, как с работы? — спохватился, вставая из-за стола. — С какой работы? Почему? — шагнул к дверям, загораживая проход. — Подожди, Чиж! Разве ты не работала вчера? А как же выходной?

— Работала, — я с удивлением уставилась на парня, вдруг выросшего передо мной. — Вчера была суббота, сегодня — воскресенье, а значит, у Тимура точно будут люди, — ответила. — Выходной день в «Маракане» понедельник, ты разве не знал? К тому же, денег-то у меня нет. А у родителей неудобно просить, вон они сколько нам всего накупили, понимаешь?

— Нет, не понимаю, — упрямо качнул подбородком Сокол. — Не понимаю, Чиж! А если там снова будет какой-нибудь придурок? Тебе что, вчерашнего мало?

Я растерялась, будучи не до конца уверена в том, что правильно поняла слова Артема. И почему он вдруг рассердился? Ведь он рассердился?

— Ты чего, Сокольский? — заморгала изумленно. — Там же люди и охрана. Если что, я сразу Толика позову. Или Сашку. Не в первый раз!

— Не в первый? — глаза парня распахнулись и заблестели сильнее прежнего. — Так, Чиж! — он опустился на стул и откинул затылок на стену. Поймал мое запястье, удерживая возле себя. — По-моему, ты права и я заболел. Точно заболел! Чувствуешь, какой горячий? — неумело приложил мою руку ко лбу, хмуря брови. — Можешь мне помочь? Прямо сейчас?

Помочь я могла. Мало того — хотела! Вот только второй раз замерить температуру губами — на это не решилась.

— Конечно, — я кивнула, ощущая тонкой кожей запястья, какая горячая у него ладонь. — А что ты хочешь?

— Не знаю. А что мне нужно?

— Где у тебя аптечка? Ну, лекарства там всякие: перекись, пластырь, бинт.

— Там, — Сокол кивнул в сторону маленького кухонного ящика, — внутри белый пластиковый контейнер. Стоп! Лучше не смотри! — предупредил, но я уже открыла короб, обнаружив внутри перекись, ватные диски и, собственно, начатую пачку презервативов. Все.

Что ж, на дворе далеко не благородный век, а мы живем не в тридесятom царстве, где о современных средствах контрацепции и защиты никто слыхом не слыхивал. Я на всякий случай проверила содержимое аптечки.

— Здесь ничего нет. Ни жаропонижающего, ни градусника, ни даже активированного угля. Сокольский, а у тебя горячка. Что будем делать? Судя по твоему внешнему виду — не все так плохо, но я не медик, чтобы правильно оценить ситуацию. А если у тебя пневмония? Вряд ли это грипп. Ты ночью здорово промерз.

— А что может случиться с человеком, если у него горячка?

— Он может сгореть. Не в буквальном смысле, но до летального.

— Вот! Точно, Чиж! И я могу?

— Артем, перестань! — я обернулась. — Ты серьезно, что ли?

— Еще как серьезно! Я знаю, что мне нужна помощь!

— Тебе нужен компресс? Голова болит? Вызвать скорую? Что?

— Все! Но ты, конечно, Чиж, можешь пойти на работу, а я потерплю. Нет! Никаких скорых, я передумал!

Я растерянно огляделась, размышляя как лучше поступить.

— Хорошо! Давай так, Сокольский. Я сейчас звоню Тимуру и говорю, что не выйду. Потом бегу в аптеку за градусником и жаропонижающим. А потом мы вместе анализируем ситуацию и решаем как быть, идет?

— Идет, — парень с облегчением выдохнул. — Возьми деньги в бумажнике. В прихожей. У тебя все равно своих нет.

— Знаешь, будет лучше, если ты сам, — я тоже умею своенравничать.

— Чиж, перестань, — усмехнулся моей ужимке Сокол. — Если бы я тебе не доверял, ты бы со мной не жила.

— У тебя не жила — ты хотел сказать.

— Именно. А вдруг я сейчас встану, и у меня закружится голова? Кажется, мне стало хуже. Я лучше здесь посижу, тебя подожду.

— Ну, уж нет! Лучше давай в кровать, а то позвоню твоему отцу! — пригрозила я, как будто знала номер телефона дяди Васи. Смешно!

— Ладно, Чиж, — Сокол поднялся и развернулся к выходу. Направился послушно из кухни в комнату, а я, несмотря на то, что так и не разгадала настроение парня, не смогла сдержать улыбки и бросила вслед:

— Вот видишь, Сокольский, сам идешь! А говорил, что мне не удастся

уложить тебя в постель!

Сокол застыл, обернулся через плечо и так взглянул на меня темно-серыми, острыми глазищами, как будто раздел донага, что я мигом оделась, нашла бумажник и, не помня себя от смущения, выскочила на улицу, щелкнув дверным замком. Хлоп! Сбежала с лестницы, только пятки засверкали!

Вот это я сказанула не подумав!

Снег. Снег. Повсюду снег. Он падал всю ночь и сейчас лежал куда ни глянь красивым, толстым покрывалом, выбелив город до девственной чистоты и как будто приглушив звуки. Я залюбовалась падающими снежинками, укрытой снегом детской площадкой, неспешно прогуливающимися людьми, и поспешила по расчищенной дорожке к супермаркету и аптеке. Сделав покупки, засмотрелась на новогодние украшения и витрины, но побежала назад, не забыв прихватить из аптеки все необходимое и травяной чай. Вошла в подъезд, села в лифт, вышла на нужном этаже... и вдруг на лестничной площадке столкнулась нос к носу с двумя малолетними девицами, которые старательно выводили на стене аэрозольным баллончиком с краской крупными буквами: «Сокол, я тебя хочу!»

Что? Я удивленно уставилась на надпись. Это же так по-детски! И...и глупо, наверно. Но разве я раньше не замечала эти письма? Просто не видела, кто именно их писал. Теперь знаю: две половозрелые фанатки, если судить по внешнему виду. Не очень умные, но очень деятельные. И, кажется, не на шутку рассерженные моим появлением.

Застыв столбом, даже не заметила, когда баллончик с краской угрожающе закачался перед лицом, а девчонки надвинулись на меня от стены.

— Ну и? Чего встала? — переглянулись. Им явно не понравилось, что их застукали за нелицеприятным занятием.

— Что надо, спрашиваем? Чего уставилась? Топай давай по Гринвичу, куда шла!

— Девочки, вы с ума сошли? — не удержалась от замечания. — Это же жилой подъезд, а не галерея художеств! Так нельзя!

— И что? Завидно?! Ты кто такая вообще? Полиция нравов? Активистка из ЖЭКа? Не надо нам мораль читать, поняла?! Не нуждаемся! Ты ничего не видела!

— Да! Вытаращилась она! Что хотим, то и пишем, тебя забыли спросить! Вали отсюда, здесь тебе не музей мадам Пикассо!

— Вообще-то мадам Тюссо, но не слышала, чтобы в знаменитом музее

была галерея наскальной живописи первобытных приматов. И я вообще-то уже пришла.

Перед глазами встала картина, как вот сейчас прохожу под носом этих двух воинственно настроенных фанаток к двери, вставляю ключ в замочную скважину вожделенной квартиры их кумира, и вдруг отлетаю к стене, когда они с криком: «Банзай!» врываются внутрь. А там Сокольский — больной, спящий и, может быть, даже раздетый.

Почему-то последний довод особенно убедительно прозвучал в голове. Ма-ахонкую ревностную мысль о том, что кто-нибудь еще кроме меня увидит Сокола домашним и полуголым, с кубиками пресса и ямочками над ягодицами, постаралась отогнать. Вот еще!

— И-или нет, — встревожено пробормотала под нос, отступая назад. — Ой, к-кажется, нет.

— Чего?! Офонарела, кошка драная?! Нас и так тут двое — пришла она! Юлька, лупи ее! Она тоже Сокола хочет!

— О-о-ой! — и снова пятки засверкали по лестнице со скоростью киношного Электроника. Да что ж такое-то! Я так и в самом деле в спортсменки подамся!

Выскочив из подъезда на улицу, метнулась к детской площадке и свалилась с разбега в сугроб, уткнувшись носом в снег и потеряв шапку. Узел из волос тут же рассыпался по плечам. Вскочив на ноги, оглянулась, но преследовательниц не увидела.

Вот дурочки полоумные! Детский сад какой-то с агрессивным уклоном! Я выплюнула изо рта снег и нахлобучила шапку. Но факт — что теперь делать-то?

Отряхнувшись, села на лавочку, заглянула в пакет — все покупки оказались в порядке, спасибо навернутому сугробу. Вздохнула грустно полной грудью, прижав пакет к себе. Через пять минут сидения на стылой скамейке попа замерзла, так что пришлось встать. Попрыгала вокруг горки на одной ноге, потом на другой.

— Каждый. Охотник. Желает. Знать. Где. Сидит. Фазан!

Звонить Сокольскому не стала. Мало ли, вдруг спит человек, а тут я — здрасьте-приехали, меня в дом не пускают! Да и смешно — вроде бы взрослая девушка, а каких-то пигалиц испугалась. А как не испугаться, если они на самом деле собрались меня отлупить! С одной бы я еще попробовала справиться, но с двумя? Тем более, что они, кажется, сами дикие как кошки. И озабоченные всерьез, как будто сейчас на дворе не декабрь месяц, а буйный март!

— На. Золотом. Крыльце. Сидели. Царь. Царевич. Король.

Королевич... Ыыы, холодно! — Я попрыгала дальше. — Сапожник. Портной. Кто. Ты. Будешь. Такой! — Ну когда эти мартышки выйдут уже? Полчаса караюлю!

В сумке отозвался телефон. Я посмотрела — бывший. В десятый раз сбросила звонок. Что-то он активизировался за последний час. Точно родители вернулись домой и встретили соседей. Телефон снова отозвался — даже смотреть не стала. Когда растрезвонился не на шутку, нажала на значок зеленой трубки, собираясь как следует ответить... Но услышала из динамика голос Сокольского.

— Чиж? Чиж!

— Ой, Артем, привет!

— Ты почему не отвечаешь? Ты где? — и голос такой: не то сердитый, а не то встревоженный.

— Я? На улице.

— На пути домой? Ты что-то долго.

— Нет. Стою под окнами.

Я подняла голову к дому, нашла седьмой этаж, и тут же увидела Артема, отдернувшего на кухонном окне тюль и прильнувшего к стеклу.

— Почему, Чиж? — мы встретились взглядами, и я помахала ладошкой.

— Артем, ты только не волнуйся и в голову не бери, ладно? — попыталась сказать спокойно. — И главное, не выходи! Ни за что не выходи из квартиры! Я немножко постою и приду! Ничего страшного!

— Что случилось? — ну вот, голос как будто провалился в глухоту. А я же, кажется, просила не волноваться.

— На нашей лестничной площадке толкнутся две девчонки — ну, те, которые надписи пишут на стене. И я не могу пройти! Стыдно сказать, но, представляешь, они меня чуть не отлупили, когда узнали, что к тебе пришла! — я отпустила неуверенный смешок, но получилось не очень. — Да ты не переживай! Не будут же они под твоей квартирой торчать до вечера? А вот если узнают, что ты дома — точно не уйдут! Я еще немного подожду и... Эй, Сокольский, ты куда? Ты слышишь меня? Артем? Да Артем же!

Не слышит. И телефон странно замолчал гулкой пустотой квартиры, не получив команды «сброс». Да и как Соколу услышать, если уже через две минуты он появился на улице с двумя разряженными пигалицами в руках. Распахнул дверь, вышвырнул их из подъезда и потопал ко мне — в наброшенной наскоро куртке, серьезный до немогу!

Девчонки оглянулись, ничуть не удивившись и не обидевшись такому

обращению с их фанатским обожанием и, отбежав в сторону, ревностно уставились на меня, сообразив к кому так уверенно идет Артем. И если там, на лестничной площадке освещение было не очень, то на улице в три часа пополудни — еще вполне себе приличное! Недолго думая, я отвернулась и натянула шапку до подбородка, понадеявшись, что Сокольский разберется, где у меня перед, а где зад. Ну, то есть спина.

Разобрался. Взял за руку, развернул и молча повел к подъезду. Я послушно засемила рядом, помахивая пакетом, отплевываясь от попавших в рот волос.

— Тьфу! Ой! — чуть не упала, запнувшись о ступеньку крыльца, но меня тут же поставили на ноги. Подтолкнули аккуратно вперед. И только когда за нашими спинами закрылась дверь лифта, Сокол холодно спросил:

— Что с тобой, Чиж? Ты меня стесняешься?

— Я? Нет! Ты что!

— Зачем тогда шапку на глаза надвинула? Я все видел.

Неужели он и в самом деле такой несообразительный?! Что значит «зачем»? Не может же ему быть все равно?

— Так это я потому, что не хочу, чтобы твои фанатки запомнили, кого именно ты сегодня к себе привел! Думаешь, Вике-зае или Лере Анисимовой будет приятно узнать, что к тебе бегают какая-то Фанька? А мне еще учиться с ними два года в одном университете и не хочется быть «следующей», понимаешь? И потом, ты же сам хотел, чтобы никто не знал про наш с тобой уговор. А так скажут, что была очередная Зая, да и все. Разве нет?

Сокол не ответил. Развернулся к дверям, дернув плечами, и молча вошел в квартиру.

— Эй, Артем... — растерянно пропищала в спину. — Ты чего?

— Я устал, Чиж, и хочу спать. Просто пообещай, что никуда не уйдешь. Я сейчас не в силах за тобой следить. И запри за собой дверь, пожалуйста. Звонок я уже отключил.

Ну, и чего рычать? Я же не виновата, что наткнулась на фанаток?

— Хорошо. А...

— Не хочу.

— А...

— Ты обещала.

Тю! Ну и как с таким разговаривать?

Вы думаете, он разрешил измерить ему температуру? Или приложить компресс?.. Фигушки! Ну и зачем я, спрашивается, в аптеку бегала? Разделся при мне до боксеров, залез под одеяло и отвернулся к стене —

только одеяло хлопнуло. Уснул. На матрасе уснул, между прочим! Как будто не про него кровать в его же собственном доме! Ну и что с таким упрямым станешь делать?.. Хорошо хоть теплый чай с медом согласился выпить, когда пообещала, что перестану с ним разговаривать. Так и проспал до вечера, а там и до утра.

Хотя нет, в полночь Сокол застал меня на кухне. Неловко получилось. Бывший засыпал сообщениями: «Фаня, ответь!» «Фаня, где ты?» «Фаня, у меня больше никого нет и не будет!» «Фаня, это неправда!» «Фанька, дура, ты моя!» — вот и накатило. Не сдержалась, ответила, чтобы снова послать к черту, а потом разревелась вдруг — тихонечко, по-женски, а тут Сокольский пришел — стоит, шатается на пороге кухни, но смотрит. Пришлось сделать вид, что мою посуду.

Не поверил. Не очень-то убедительно получилось, никакая из меня актриса. А кто бы поверил, когда в мойке и посуды-то нет, а телефон, как живой, все отзывается.

— Как ты? — спросила шепотом.

— Нормально. А ты?

— И я.

— Пошли спать, Чиж. Поздно уже.

— Да, поздно. А ты чего встал?

— Да так, показалось... Это для меня чай?

— Для тебя.

Ночь прошла спокойно, Соколу не стало хуже, как я опасалась, и легкий кашель, так и не начавшись, пропал. Кажется, организм парня и вправду отказывался болеть, но отдыха требовал, и Артем еще крепко спал, когда я утром убегала в университет.

— Анфиса! Пстой! — на крыльце учебного корпуса столкнулась с бывшим. Хотела было пройти мимо — не дал. Поймал за руку, выхватив из толпы, и остановил, оттеснив в сторону. — Нам надо поговорить!

Надо же, как осмелел. Заиграл желваками, хмуро глядя в лицо, поеживаясь под стильным ветром в воротник.

Я оглянулась, честно удивившись.

— Со мной? На глазах у всех? Что-то на тебя не похоже. А не боишься, что увидят, как ты тут с серой мышью топчешься? Я ведь тебя знать не знаю, могу отреагировать. Ты кто такой вообще?

— Фаня, перестань.

— Нет, не перестану. А ну отпусти, а то закричу! — на самом деле повысила голос. Сердце вдруг застучало испуганно: мало мне вчерашних слез и слов, так теперь еще и сам смотрит в глаза. И снова боль ворочается

в груди, встревоженная знакомым голосом, которому сердце когда-то верило. Памятью о том первом светлом чувстве, которое разбилось вдребезги, но осколки его все еще остались в душе и ранят. — Ты чего пристал?

— Ты знаешь «чего»? — ответил с раздражением. — Кто он? Я хочу услышать от тебя все! И мы слишком близко и давно знакомы, Чижик, чтобы я поверил в твою амнезию.

— Не знаю, — упрямо поджала губы, качнув головой. — Понятия не имею, о чем ты. Это ты дома для меня сосед, а здесь — пустое место. Кто ты такой, чтобы я отвечала? Я с тобой даже здороваться не должна — помнишь? Не я первая это начала.

— И не я! Я просил! — не сдержался, процедил сквозь зубы, но все же взял себя в руки, со злостью глядя в лицо. Прикрыл на мгновение глаза длинными ресницами, успокаивая взгляд. — Фаня, — сказал спокойнее, не отпуская крепко перехваченное сильными пальцами запястье. — Это намеренно, понимаешь? Весь мой игнор. Чтобы тебя не донимали вниманием, чтобы не заклевали. Ты была слишком простой девчонкой для этого города. Я не хотел, чтобы тебя обсуждали за моей спиной, говорили, что ты...

— Что? Ревнивая рогатая дурочка? Чтобы не жалели, ты хотел сказать? Или чтобы не устроили темную, когда ты вдруг соизволил бы обо мне вспомнить? Ты пользуешься популярностью, я заметила. Поздравляю!

— Хватит! — развернул к себе за плечи, не давая уйти. — Прекрати, Чижик! Я никогда о тебе не забывал. Никогда! Ни одной ничего не обещал, слышишь? Всегда знал, что буду только с тобой. Просто поверь, Фанька! Ты же меня сто лет знаешь!

И вновь взгляд так близко, словно время повернуло вспять, и мы с ним снова за нашим домом. Одни. Вечер, звезды, и наши губы — обветренные и чуть вспухшие от поцелуев. И его руки, пробравшиеся туда, куда пробираться нельзя.

Да, я все еще помню, но сердце больше не трепещет от предвкушения и не замирает в восторге от его близости. Этот парень однажды просто перестал быть моим.

— Не верю, — закрыла глаза, собираясь с духом. Ответила тихо и спокойно: — И признаний твоих не слышу. Перестань мне звонить, пожалуйста. Все давно в прошлом, и когда-нибудь я тебя прощу, обещаю.

— Фанька! — подступил ближе, пытаясь обнять. Заметил, как отшатнулась, испугавшись прикосновения. — Фанька?

— Осторожно, — предупредила, отступая. — Смотри, Заи увидят, —

так вы их называете? Хотя тебе все равно не привыкать, кого обнимать.

— Плевать мне на всех! Надоело! Я не виноват, что родился мужиком! Это все легко забыть. Все! Легко! Забыть! Слышишь, Чижик? — и после тяжелого выдоха: — Я тебя всегда любил, сколько себя помню. Давай просто вернем наше — ты ведь тоже все помнишь. Или начнем заново — один черт! Я согласен на все!

Студенты на крыльце стали со смешками оглядываться. Ладно, не так и страшно, здесь подобной картиной никого не удивить.

— Перестань, на нас смотрят.

— Пусть! — грубо дернул подбородком. — Кто он? Тот, другой? Не молчи, Фанька, скажи! Я хочу знать: кто он?!

Напрасно думал, что я не выдержу взгляд. Мне нечего стыдиться, кто бы что обо мне ни думал.

— Просто человек, с которым мне хорошо.

— Черт! — жесткий кулак бывшего врезался в стену, наверняка содрал с костяшек кожу. — Ты не должна была... — Выругавшись сквозь зубы, парень поднял голову, чтобы уверенно сказать: — Ты сегодня же с ним расстанешься и переедешь ко мне. Я помогу тебе перевезти вещи и сам с ним поговорю. Объясню популярно, а если не поймет...

Я продолжала смотреть на него.

— Что? Что будет, если не поймет?.. Почему ты уверен, что он так легко меня отпустит? Откажется, как однажды отказался ты?

— Что? — кажется, бывший растерялся.

— А ты сам? Сможешь сделать вид, что все хорошо? Забудешь?

Вдалеке показалась Ульяшка. Перебежала дорогу, сворачивая к широкой аллейке, и бывший отреагировал на мой взгляд. Коротко обернувшись, заслонил от подруги плечами. Закусил задумчиво краешек губы, чтобы через секунду усмехнуться. Я почувствовала, как в горле пересохло от догадки.

— Не смей! Только не она! Иначе я все расскажу!

— Почему же до сих пор не рассказала? Почему молчала? Боялась, что не поверит?

Нет, не потому. Но разве объяснишь?

— Потому что много чести, мир не вертится вокруг тебя. Потому что хотела забыть. Просто не замечать и не помнить.

— Не вышло? — он упер руки в стену по обе стороны от моей головы и склонился к лицу. Коснулся щеки губами, протянув влажную дорожку к уху.

— Давай поспорим, что я в три счета смогу ее переубедить, какая ты

черствая. Ты сама ко мне придешь, Фанька, — вдруг снова стал серьезен, — и я еще подумаю, простить твоё упрямство или нет. А насчет дружка... — оттолкнулся руками, отступая. — Я все равно его найду! Вот тогда и посмотрим, как он после разговора со мной от тебя «не откажется».

— ...Я не понимаю, как могла ошибиться в такой простой задаче? Я эти тесты дважды самостоятельно проходила и точно помню, что правильный ответ находился под пунктом «Б». Как могло оказаться, что я промахнулась? Разве само по себе внедрение информационных технологий в экономику не ведет автоматически к улучшению бизнес-процессов? Почему Зарецкая мне балл снизила? Я к ней скоро на пары ходить перестану! Терпеть не могу нашу Снежную королеву с её экономической информатикой!

— Само по себе нет, Уль. Только в сочетании с внедрением приложений, изменением самих бизнес-процессов, повышением квалификации сотрудников и совершенствованием управления информационными системами. Помнишь, мы проходили платформы? Программные системы, позволяющие разрабатывать приложения? Вот тогда Полина Викторовна и объясняла.

Мы собрали с Ким сумки, спрятали тесты с оценками и вышли из аудитории, где провели последние две пары. Тестирование я сдала на «отлично», но почти не помнила, в чем состояли вопросы и как на них отвечала. В мыслях было так же пасмурно и грустно, как на улице за окном, где все валил и валил рыхлый снег. И ни одного яркого лучика.

Нет, один лучик надежды все-таки был. В ответ на звонок домой мама заверила, что они с папой не назвали соседям фамилию Сокола. Просто обмолвились, что были в гостях у дочери и её парня. И что парень им очень понравился. Последнее папа повторил соседу дважды, и тут уж мама ничего поделать не могла.

Ульяшка догнала меня и взяла под руку. Прижалась плечом.

— Фань, ты случайно не заболела? Какая-то ты сегодня грустная. Вон, даже Зарецкая заметила и лишний раз тебя на лекции не дергала как обычно.

— Правда?

— Да. Ты не ответила на её вопрос, вот она и удивилась.

— Надо же. Я ничего не слышала.

После нашего последнего разговора несколько дней назад, Ульяшка все ещё немного обижалась, но заподозрив неладное с моим самочувствием, тут же обо всем забыла.

— Со мной все хорошо, Уль, не переживай. Просто погода не радует, вот настроение и подкачало.

— Бывает, — подруга охотно согласилась. — А как там Сокольский поживает? — спросила с живым интересом. Прошли выходные, и обмен новостями никто не отменял. — Не сильно досаждают вниманием? Картошку больше не лопает за двоих? — хихикнула. — Знаешь, Фань, я когда о вас думаю, все время представляю себе мистера и миссис Смит. Их разборку в доме. Помнишь, как в фильме Джоли разбивает китайскую вазу о голову Пита? Бах! А он ей такой, ни разу не раненый, — Уляшка забежала вперед, томно закусила губы и поманила меня к себе ладошками: — «Ну, давай еще! Иди же ко мне, малышка»! Ах, еще! И Джоли такая Пита затылком о стену — шмяк! Получай, дорогой! Вот это совместное проживание, я понимаю!

— Нет, все не так! — я поддержала игру. — Он ей сказал: «Давай, милая, иди к папочке!». А потом за милую получил затылком о шкаф!

У Ким замечательно получалось пародировать голоса и поднимать настроение, и мы вместе рассмеялись.

— Или вы уже с ним спелись, как Джинджер и Фред? А, Чижик? Помнишь фильм Фредерико Феллини в ретро-показе в позапрошлую пятницу? Кто кого подстрахует, дорогая? — Улянка картинно взмахнула ресницами и продемонстрировала танцевальное па с видимой поддержкой. — У-ля-ля, Фаня, не могу без тебя!

Неужели всего минуту назад я грустила? Вот что значит настоящий друг, который так же, как ты, обожает старое кино. Сейчас я смотрела на кареглазую девчонку перед собой и улыбалась. Подумаешь, что глупо и о своем! Это же Уляшка!

— Ну, что-то типа того.

— Да ты что, Фанька! Серьезно, что ли? — изумилась подруга, застыв на месте. — Я же пошутила!

Сбоку мелькнула высокая фигура темноволосого парня, отделившаяся от компании друзей. Проходя мимо, он сдернул с плеча Ульки сумку с длинными ручками и, ловко подхватив ее у пола, повесил девушке на шею.

— Ким, а ты, я смотрю, уже не такая деревянная, как раньше! Будет нужен партнер для танцев — зови!

— Титов... Придурок!

— Макс, не приставай к девушке. Она для тебя слишком хороша. Привет! — Мальвин. Прошел, улыбаясь, вслед за другом, сунув руки в карманы джинсов, обернулся и подмигнул обомлевшей Ульке. — Как дела?

— Ты видела, Фанька! — палец подруги указал за спину, а рот

открылся. Так и зависла в удивлении с сумкой на шее. — Ты это видела? Это он сейчас что? Мне?!

Настроение снова упало ниже некуда. Я подхватила подругу под локоть и потянула в сторону лестницы, подальше от зарвавшихся в своей уверенности парней.

— Тебе показалось, Ким! — твердо заверила. — Лучше скажи, о чем говорил этот Титов? — попробовала сменить тему. Я и раньше замечала шутки парня в сторону сестры друга, и сейчас хотела ее отвлечь.

Ульяшка сняла сумку, повесила на плечо и легко отмахнулась.

— Да ну его! Когда-то вместе танцевали на школьном утреннике. Лешка заболел, вот его и поставили со мной в пару. Так он меня уже тогда терпеть не мог! И в десять лет такой же дурак был! Фань? — произнесла, расцветая в улыбке. — А ты заметила, какой Мальвин сегодня красавчик?

Осталось только беспомощно вздохнуть.

Глава 15

— Дайте, пожалуйста, один чай с лимоном, один круассан и пирожок с картошкой! Фань, а тебе? — Ульянка протиснулась к прилавку с выпечкой, улыбнулась буфетчице и поманила меня рукой. — Выбирай скорей! Здесь уже почти все раскупили!

Я потеснила двух парней-второкурсников, нахально влезших вне очереди, и протянула кассиру деньги. Студенческий буфет — последнее место в мире, где люди вспоминают о вежливости, так что пришлось хорошенько поработать локтями.

— Эй, ты! Не наглей!.. Мне кофе и сосиску в тесте! Спасибо.

В буфете сегодня было не протолкнуться, столики оказались заняты, и мы с Ульянкой отошли к стене, где находилась длинная обеденная стойка, расположившись с горячими стаканчиками в самом углу.

Повесив сумку на плечо, я отпила кофе, откусила булочку и, прожевав, принялась объяснять подруге ее ошибку в сегодняшнем тесте. Через неделю предстоял экзамен у Зарецкой, предмет Ким давался трудно, и я по привычке старалась ей помочь не попасть в немилость Снежной королеве. Мне очень хотелось отвлечь Ульку от сторонних мыслей, но именно они снова и снова заставляли девушку поворачивать голову и коситься в обеденный зал в сторону столиков, за одним из которых несколько минут назад расположилась знакомая тройка парней. Только сейчас ее возглавлял не Сокол, а Титов.

— ... Все эти составляющие и обеспечивают успешное развитие экономики. И если ты, Уль, к экзамену не запомнишь основные компоненты информационных систем, то не сможешь ответить Зарецкой на элементарные вопросы. И тогда...

Ульянка смотрела в зал и улыбалась, не слыша меня. Поправила пальчиками волосы у виска, смущенно взмахнула ресницами. Я проследила за ее взглядом и увидела Мальвина, с интересом поглядывающего в нашу сторону. Челка парня падала на глаза, губы улыбались... На щеках подруги расцвел румянец.

— ... тогда ты будешь самой несчастной девушкой на свете, — беспомощно закончила, отвернувшись к стаканчику.

— Что? — Ульяна растерянно повернула голову в мою сторону. — Что ты сказала, Фаня?

Булочка с сосиской, едва тронутая, лежала на салфетке, и чтобы как-то

заполнить паузу, я откусила от нее кусок и принялась жевать.

— Извини, Чижик! Я все прослушала, да?

Я посмотрела на подругу, не зная как начать. Пригубив кофе, отставила его в сторону, не чувствуя ни вкуса, ни аппетита.

— Неважно, Ким. Забудь, — ответила. — Кому нужна эта экономическая информатика? Наплюй.

— Ну, Фанька! Чего ты? — подруга легонько толкнула кулачком в плечо. — Я же всего на секундочку отвлеклась! Слушай, — хихикнула, придвигаясь ближе, — я сама в шоке, но, кажется, мне не привиделось, и Мальвин всерьез обратил на меня внимание! Он снова мне подмигнул!

Я смяла стаканчик и вместе с салфеткой бросила в урну.

— Только на тебя? — не удержалась от вопроса. Сейчас в буфете по меньшей мере дюжина девчонок косились в сторону парней, и не заметить этого было нельзя. — Уверена, что пока ты со мной разговариваешь, он не улыбается кому-то еще? Это же Мартынов, Уль, если ты забыла.

— Вот так и знала, что ты это скажешь! — фыркнула Уляшка. Вслед за мной вскинув сумку на плечо, направилась к выходу, постукивая по паркету каблучками сапог. Сунула брату под нос нетронутый пирожок в салфетке. Все трое парней повернули голову в нашу сторону. — И, между прочим, Чижик, ты ошибаешься, — оглянулась, чтобы снова поймать на себе голубой взгляд Мальвина. — Он может быть очень милым!

— Может. Еще как может! Уль, — я остановилась в коридоре и потянула подругу к окну. Подождала пока мимо пройдут незнакомые девчонки, оставив нас одних. — Я должна тебе кое-что сказать. Точнее, рассказать.

— Что? — судя по мечтательному взгляду Улянки, она все еще находилась в буфете, и мне пришлось терпеливо подождать, пока мои слова, наконец, осядут в ее сознании. — Фань, — темные брови нахмурились, — ты какая-то слишком серьезная сегодня, сама на себя не похожа. Что-то случилось?

Еще нет, но запросто могло случиться, а мне этого совсем не хотелось. Я посмотрела на девушку и кивнула:

— Да. То есть, нет. Но может случиться, если я промолчу. Уль, — я взяла подругу за руку, не зная с чего начать. Попробовала с самого главного: — Если я попрошу тебя не обращать внимания на Мальвина, просто забыть, что он существует, ты мою просьбу услышишь?

Уляшка удивленно моргнула. В глазах по-прежнему светилась мечта.

— Фань, ты что?

— Если расскажу, что у Мальвина когда-то была девушка, и он ее

сильно обидел. Поверишь?

Подруга растерянно пожала плечами.

— Знаешь, было бы странно, если б не было, — ответила просто. — И что значит когда-то? — Ульянка усмехнулась. — Вообще-то, он и сейчас всем говорит, что она у него есть. Правда учится где-то далеко. Помнишь, как мы удивились, когда Наташка Круглова рассказала?

— Вот, видишь! — я ухватила за слова Крыловой. — По словам девушка есть, а он улыбается, подмигивает, и не только тебе. Уль, это же гадко!

Судя по выражению лица Ульянки, ей так не казалось.

— Чижик, но улыбка — естественная эмоция человека, вроде слез или смеха. Ну и что? Что я, по-твоему, не достойна улыбки, что ли?

— Да нет, Уль, — я сжала руку подруги, — я не о том. Вовсе не это хотела сказать!

Господи, как же сложно подобрать слова!

— Тогда о чем? — Ким заправила прядку волос за ухо и склонила голову. — Можно подумать, он мне уже свидание назначил. Смешная ты, Чижик! Я тебе скажу по секрету, — она оглянулась, словно этот секрет, и правда, мог соперничать интригой с тайной века. — Лешка проговорился: это у Мартынова защита такая. Тактика от назойливого внимания. А на самом деле никто из друзей его девушку не видел! А значит, ее и нет вовсе, понимаешь? Так что даже если он меня когда-нибудь и пригласит на свидание, что о-очень вряд ли, то я уж точно никого косвенно не обижу!

— А если тебя, Уль? Если он обидит тебя? Использует и забудет? Вот сейчас улыбается, пока ты ему не доверилась, а завтра пройдет мимо, как будто не знает. Ты же помнишь, как ревела Ольга Грачева. Как Лариска Бахмутова на втором курсе убивалась, что он ее не замечает. Я не хочу, чтобы на ее месте оказалась ты!

— Я тебя не узнаю, Фанька. Ты говоришь, как мои родители, которые любят нам с братом читать нотации. Такое чувство, что я стою на пороге большой жизненной ошибки, а ты пытаешься меня от нее уберечь.

— Возможно, так и есть.

— Чижик, ты серьезно? — Ульянка приподняла бровь. — Всему виной одна улыбка Мальвина? — девушка поджала губы и напряглась. — Фань, если тебя когда-то обидели, это не значит, что все парни плохие. Что Мартынов плохой, или мой Лешка. Почему за ярлыком «козел» ты ни в ком не видишь ничего хорошего? Не хочешь даже попытаться рассмотреть? Тебе ведь ни один не нравился? Никогда?

Я не нашлась с ответом, чувствуя, как онемело горло под

внимательным взглядом подруги. До этого мне даже в голову не приходила мысль, что я могу выглядеть черствым скептиком в ее глазах. Бездушной девчонкой, не способной запросто влюбиться. Мне казалось, что я «вижу» и «знаю», оттого и хочу предостеречь, но я не отказывалась от надежды. Это неправда.

Ульянка поникла в плечах.

— Как будто мне брата мало, а теперь вот ты. Фань, это же глупо! Еще вообще ничего не случилось!

— Со мной случилось, Уль. И с Мартыновым. Не сегодня и не вчера, но было! Это он — моя школьная любовь.

Рука Ульянки медленно выскользнула из моей.

— Что?

— Парень, о котором я тебе рассказывала, легко предавший меня — это Сева Мартынов, друг твоего Лешки.

— Мальвин? — Ульяшка побледнела. — Но как? — спросила растерянно. — Ты говорила, что он остался в твоём городе, и что вы давно не виделись.

— Говорила, — я опустила глаза, сжав кулаки у бедер. Смяла в пальцах резинку свитера, лишь бы снова не смять слова, оставив себе недосказанное. Вновь подняла голову, чтобы честно признаться. — Я действительно давно не вижу в нём того Севу, которым он был для меня. Ульян, это правда.

— И все-таки я не понимаю. Ты меня сейчас что, разыгрываешь? — попробовала отшутиться Уля. Улыбнулась несмело, не сумев прогнать изумление из глаз.

— Нет, ни капельки! — я качнула головой.

— А мне почему-то кажется, что да. Что ты сейчас все выдумала, Чижик, и пытаешься меня переубедить из какого-то непонятного мне упрямства. Фань, — Ульянка шагнула ближе и сама подхватила мою ладонь, — зачем ты все придумала? Он же к тебе даже не подходил никогда! Я помню!

— Подходил, когда никто не видел. Мартынов с самого начала не хотел, чтобы мы вместе учились, но я не понимала почему. Если бы я не приехала к нему и не узнала его в новом мире, где мне не нашлось места, мы бы до сих пор встречались. В некоторой степени он считает, что и сейчас хранит верность, не заводя длительные отношения. Только мне все равно. Я больше не та девушка, о которой он всем рассказывает.

— Ты? — карие глаза светились недоверием.

— Я понимаю, что звучит глупо. Что я не мечта здешних парней и не

звезда факультета. Все понимаю, Уль! И даже скажу, что не смогу тебе запретить, если ты меня не услышишь. Сева неплохой парень, и нам было интересно вместе, но... Он может не оценить, понимаешь? То, что ты самая лучшая, не оценит!

— Не понимаю, — покачала головой подруга. — Не понимаю, что с тобой, Чижик? Мне кажется, если бы Мальвин нас сейчас услышал, мы обе показались бы ему жалкими дурочками.

— Ты мне не веришь, Ким, да?

Улянка отступила, впившись пальцами в сумку.

— Извини, Фаня, не получается. Зато теперь мне открылось другое, — ответила девушка, — то, про что я никогда и подумать не могла.

Я похолодела от догадки. Все действительно вырисовывалось хуже некуда.

— Даже если все правда, — прохладно продолжила Улянка, — и у вас с Мартыновым действительно когда-то была школьная любовь... Все давно закончилось и забылось, Чижик, разве ты не заметила? И мне странно видеть, что ты живешь этими отношениями до сих пор, иначе сама попыталась бы кому-нибудь понравиться. Теперь мне понятны твои попытки очернить Мальвина.

— Уль, все не так...

— Ревность, Фанька, всегда выглядит жалко и смешно! Не думала, что ты на такое способна!

— Что?! Уля... Уля!

Но я уже осталась в коридоре одна растерянно смотреть вслед подруге.

— Ну что, рассказала?

Мартынов. Вышел из буфета в коридор, остановился передо мной, глядя в глаза.

— Не реви, Чижик, — провел рукой по волосам, — все будет хорошо, услышишь. Просто позвони мне.

Я пошла, а потом побежала по коридору. Понеслась птицей по ступенькам, через вестибюль...

— Ку-уда раздетая на улицу! — попала в руки дежурному вахтеру. — А ну-ка марш в гардероб за одеждой! Ишь, повадились они по холоду голышом на перекур бегать!

Нос намок. Мокрые щеки пощипывал мороз. Я медленно подбрела к остановке и села на скамейку. Вдохнула грустно, бросив рассеянный взгляд на дорогу: ну вот, пропустила автобус. Вновь хлупнув носом, смахнула непрошеную слезу варежкой. Посмотрела на нее — голубую с

вышитой белой пуховой нитью снежинкой, почему-то вспомнив о бабе Моте и ее сладких пирогах. И о том, что эти варежки Матильда Ивановна связала для меня в прошлом году в подарок к Новому году. Как она там с племянником? Нужно будет обязательно ей написать в «Одноклассниках». Что-то она редко стала туда заглядывать.

Сняв варежку, достала из сумки телефон. «Позвони мне» — слова Мальвина не выходили из головы всю дорогу, и я уставилась на его последнее сообщение — смайлик без улыбки и знак вопроса. Может, и правда позвонить?.. Может, действительно все дело в моей бездушности и глупости, и я своим упрямством усложняю всем жизнь? Скажу: «Привет, Севка Мартышкин! — как называла соседа в школе. — А знаешь что, приезжай! Плевать мне на всех твоих девчонок, ведь любишь-то ты меня!» И он обязательно ответит: «Да, Фанька! Тебя одну!». И у обоих радости полные штаны! И плевать, что всегда буду помнить о том, как он целовал другую. Как увидев меня, сделал вид, что не узнал. Ведь я сама виновата — зачем приехала? А так-то он, конечно, любит, — не стоит и сомневаться! А верных мужчин в природе и не существует вовсе. Нет их! Есть один уникум, и тот маме достался.

Тьфу! Не могу! Противно. И чувств никаких, кроме обиды. И то только потому, что забыть не дает. А вдруг Ульянка права, и я на самом деле больше не способна влюбиться? Никогда? Так и проживу всю жизнь одна, поливая желчью бывшего?

Но разве я о нем думаю? Разве хочу вот такой любви?!.. Нет, не хочу, иначе бы давно простила. Не хочу! Потому что знаю, когда любишь — не можешь без этого человека жить. И никто тебе кроме него на белом свете больше не нужен — ни на день, ни на два. Даже минута вдали кажется вечностью. Только твоя половинка, только он или она. Какие уж там чувства у Мартынова...

Сейчас позвоню ему и в последний раз все объясню! И пусть не звонит мне каждый раз с нового номера, больше ни за что отвечать не стану! И Лешему все расскажу!..

Что расскажу? — рука с телефоном упала на колени. — Что я тайная девушка Мальвина? Роковая Фанька? Три «ха-ха». Все равно ведь не поверит. Я и Сева Мартынов? Права Ульянка, действительно смешно.

Слеза скатилась к носу, и я смахнула ее варежкой. Сердце что-то прошептало, что-то очень важное, сдавив грудь...

Я набрала номер.

— Артем?

Сокольский ответил сразу, словно ждал звонка.

— Привет, Чиж.

— Привет. — Я позволила себе насладиться двумя секундами тишины, уютной тишины, в которые вслушивалась в дыхание парня. — Как... как ты себя чувствуешь? — спросила, в последний момент проглотив всхлип. — Голова не болит? Температура не поднялась?

— Нет. Все отлично. Я вполне здоров.

— Правда? — я снова поразились способности организма Сокола справляться с простудой.

— Правда. Чиж?

— М?

— Тебе плохо?

Кажется, я снова пропустила автобус.

— Нет, ты что! — помахала ладошкой перед глазами, прогоняя слезы, словно Сокол мог поймать меня на лжи.

— Чиж? — поймал.

— Совсем немного, — растерялась в ответ на молчаливое ожидание. И вдруг горько вздохнула, испугавшись, что если он сейчас отключится, я снова останусь одна. — Иногда у людей случаются трудные дни, понимаешь? — попыталась улыбнуться. Не получилось.

— И ты решила, что сегодня он — твой трудный день?

Я крепче прижала телефон к щеке. Решила ли я?

— Наверно.

Сокольский не отключался, и я тоже. Мы оба молчали в трубку, словно нам было что друг другу сказать, но что именно — не знали.

— Чиж, поехали домой, — первым отозвался Артем. — Холодно сидеть на скамейке.

— Да, — согласилась я, чувствуя, как тело пробирает озноб, и тут же, опомнившись, удивилась: — Что? Но как ты...

У дороги на обочине раздался сигнал, и я увидела серебристую «Тойоту» Сокола. Наверняка, я бы ее и раньше заметила, если бы не ушла мыслями в себя.

— Поехали, — повторил парень.

Я встала, вышла из-под навеса автобусной остановки и оглянулась на тротуар, где среди пешеходов могли оказаться знакомые студенты.

— А если кто-нибудь увидит? — спросила с сомнением, помня о нашем договоре, но Сокол не ответил, сбросив звонок, и я медленно подошла к машине. Заметив приоткрытую для меня дверцу, забралась на переднее сидение, чувствуя себя одновременно смущенно и неловко. То ли из-за близости университета, то ли из-за вида своих покрасневших глаз, а

то ли из-за встретившего меня серого взгляда.

Сегодня Сокол был весь в темном — черная куртка и водолазка, черные джинсы, и его взгляд, отразивший снежную белизну за окном, показался мне особенно острым и внимательным. Устроив на коленях сумку, я отвернулась к лобовому стеклу.

— Не нужно было останавливаться, Артем. Ты ведь знаешь: я привыкла к автобусам. Мог бы и проехать.

Сокол завел мотор и плавно сдвинулся с места. Тихо повел автомобиль, глядя на дорогу.

— Значит, не мог, — ответил сухо. — Ты сидела слишком долго, Чиж.

Слишком? Сколько? Я все-таки посмотрела на парня. Не очень-то уследишь за временем, когда ты расстроен и разбит. Задумчиво поднесла руки ко рту и подула на свернутые в кулаки ладони, ощущая, как от мороза покалывают пальцы.

— А ты...

— Я просто ехал мимо.

— Ясно.

Мы отвернулись к дороге и замолчали. На этот раз даже не поглядывали друг на друга, но я словно кожей чувствовала присутствие Сокола рядом, его мужскую ауру, как будто во мне натянулись и без того взбудораженные душевные струны, реагируя на сильную энергетику парня. Определенно, сейчас он выглядел вполне здоровым и как всегда уверенным в себе, в отличие от меня. Соколом, способным обжечь любую девчонку, даже не пустив в ход обаяние — первое оружие в арсенале Мальвина. В голове вертелись слова Ульянки: «Тебе ведь никто не нравился? Никогда?», и мысли, мысли... в продолжение нашей ссоры, и можно было ответить наверняка.

Нет, я тоже живая и могу чувствовать огонь и тепло, как ощущаю сейчас. Не очень-то я отличаюсь в этом от других девчонок. А ярлыки потому и навешены, что на месте доверия остался ожог. Мне так хотелось не обидеть Ульянку, уберечь от собственных ошибок, а получилось, что обидела.

Наши телефоны вновь отозвались практически одновременно. Сбросив звонок, я успела заметить в зеркале взгляд Сокола, оторвавшийся от меня. Он не смотрел на экран, когда решил ответить.

— Да? Привет. Нет, не приезжай. Почитай книгу, если скучно. Да, ни настроения, ни желания. Лера, не звони. Конечно, со мной все в порядке. Бывай!

И уже не смотрел на меня, когда внезапно спросил:

— Чиж, ты его любишь?

Мы ехали одни, нас окружала относительная тишина... Не стоило и гадать, о ком он спрашивал. Я снова сбросила звонок.

— Нет, — несмотря на удивление и окрасившее щеки смущение, ответить получилось уверенно.

— Тогда почему... — Артем не произнес слово «ревешь», но я догадалась и так. — Жалеешь о чем-то?

— Нет. Больше нет.

— Не хочешь говорить?

Я посмотрела на Сокола, и он перехватил мой взгляд. Отвернулся к дороге, дав возможность рассмотреть свой профиль — прямой, без тени улыбки на твердых губах. Кажется, я засмотрелась на них, поймав себя на неожиданной мысли, что странная у нас с ним близость получается в разговоре — уютная, что ли. Как со старым другом. И, пожалуй, я бы смогла ему ответить, если бы не одно «но».

— Это не потому, что жалею. Честное слово, не потому. Я давно хочу о нем забыть.

— Так забудь, Чиж.

— Не все так просто.

— Я помню, ты говорила, что вы соседи.

— Да, но не в этом дело.

— Значит, он любит? — глаза Сокола, яркие как никогда, снова нашли мои.

Я покачала головой, отворачиваясь к окну.

— Нет. Скорее играет в чувство, которое придумал для себя. Об этом чувстве можно вспомнить, когда удобно, а когда неудобно — стереть из памяти. Мы встречались со школы, и я верила, что это навсегда. Глупо, конечно, но по-другому я не умею. А однажды он легко обо мне забыл.

— Уехал, а теперь вернулся?

— Не совсем так, но очень близко. Больше я себя не обманываю. Так не любят. Разве можно любить и быть с другими? Разными? Мне это непонятно.

Я все-таки обернулась, смущенная собственной откровенностью — Сокол смотрел перед собой. Это не было прямым вопросом, и я не ждала ответа. Слова удивления сами вырвались из груди на одном дыхании, но парень не промолчал.

— Я не смогу тебе ответить, Чиж.

Что ж, надо признать — сказал честно. В конце концов, мы учились в одном университете, и я знала, сколько девчонок хотели быть с ним. А,

возможно, были. Я сама минуту назад слышала звонок одной из них и сама засматривалась на него издали из девичьего любопытства, как на парня, которого не заметить невозможно.

— Да, — вынужденно согласилась, — ты не сможешь.

— Не поэтому, — Артем догадался, о чем я подумала, и крепче сжал руль. Я обратила внимание на сбитые в драке костяшки пальцев и на крепкие запястья. Даже в таком простом движении он оставался собой.

— Тогда почему? — решила в свою очередь спросить.

— Не думаю, Чиж, что я когда-то любил.

Вот это признание. Исчерпывающе, да так, что я не нашлась, что сказать. Сокол сказал сам.

— Но полагаю, что нет. Мой отец очень долгое время был один, когда уходила и возвращалась мать. Я хорошо помню наше с ним одиночество. Иногда мне кажется, что он никого не любил так, как Алису. Мы всегда ее ждали, пока однажды не поняли, что не нужны. Прошло время, и он смог жить дальше. И ты сможешь, Чиж.

Я во все глаза смотрела на парня, которого еще недавно не знала. Неужели это тот Сокольский, самоуверенный и самовлюбленный тип, который думал, что я пробралась в его квартиру хитростью и которого я так опрометчиво пугала Барабашкой?

— Я уже живу, Артем.

— Я знаю, Чиж. — Он улыбнулся, и я внезапно почувствовала, что он не отпустил бы мои глаза, если бы не дорога. Если бы не дорога, я бы сейчас и сама смотрела в его.

Мне понадобились несколько минут молчания, чтобы признаться:

— Знаешь, никогда бы не подумала, что скажу это, но... Кажется, я рада, что однажды у Лешки оказались ключи от незнакомой квартиры, и я попала в твой дом. Если бы этого не случилось, я бы никогда не узнала какой ты.

Сокол сжал губы, и я не сразу поняла, что машина остановилась, а мы смотрим друг на друга.

— Какой, Чиж?

«Не знаю», — хотелось ответить. Серые радужки манили, но слова не удавалось подобрать. Артем снова первым нарушил молчание. Сказал без тени улыбки, задумчиво и слишком серьезно, чтобы в это нельзя было поверить.

— Я тоже рад, что это оказалась ты.

Что происходит? Вот прямо сейчас? Что происходит с нами? Такое чувство, что все вокруг вдруг превратилось в одну неясную тень и

сдвинулось куда-то на периферию внимания. Предметы, машина, да и сам день словно провалились в другую реальность, окутались дымкой, оставив нас одних. Серые глаза не отпускали, вбирали в себя, разжигая в груди полыхающие искорки. Я почувствовала, как тянусь к ним и моргнула, разрывая контакт. Отвернувшись к окну, тяжело дыша.

— Извини, Артем. По-моему, я говорю что-то не то.

Сокол вышел из машины и хлопнул дверцей. Обойдя «Тойоту», открыл дверь с моей стороны и помог мне выйти из автомобиля. Отобрав сумку, закинул ее на заднее сидение.

— Телефон? — требовательно протянул ладонь.

— Вот, — я послушно вложила в нее гаджет. Проследила растерянно, как он исчез в бардачке вместе с айфоном Сокола.

— Пусть здесь полежат, отвлекают, — объяснил свои действия парень, ставя автомобиль на сигнализацию.

— А разве мы не на Федосеева? — Район был центральный, не очень знакомый, и я удивленно взглянула на Сокольского.

— Нет, мы сейчас возле развлекательного комплекса Fiery Sky, иногда я прихожу сюда с Лукой или с ребятами из команды. Пошли, Чиж, — Артем нашел мою руку и крепко сжал, увлекая за собой. — Не нравится мне твое настроение. Заболеешь еще, а доктор из меня еще паршивее, чем повар. Даже градусник правильно ставить не умею, не то, что ты.

— Но, у меня же нет денег!

— Забудь! Я тебя приглашаю.

В развлекательном комплексе «Файри-скай» находился подземный паркинг, кинотеатр с тремя кинозалами, детский и взрослый игроленд, супермаркет, боулинг, каток, картинг-холл, сувенирные лавки и добрая дюжина кафе и небольших ресторанчиков — от итальянской кухни до японской, расположенных на верхних этажах большого центра. Развлечения для людей на любой вкус. Я слышала о нем, иногда проезжала мимо, но никогда не была внутри. Поэтому, оказавшись в высоком и просторном холле, закрутила головой по сторонам, разглядывая воздушные зеркальные эскалаторы, обилие света, новогодней мишуры и рекламы.

— Идем, Чиж! Нам сюда!

На этот раз мы не пошли в кино. Увидев игровой зал с настольными играми и напольными автоматами, Сокольский уверенно подвел меня к столам и купил время за одним из них.

— Ты играла когда-нибудь в аэрохоккей? — спросил, сбрасывая с плеч куртку и помогая мне раздеться. Запросто снял с меня шапку, сунув ее в рукав.

— Давно. Однажды с братом на море. Между прочим, тогда я выиграла!

— Уверен, что ты и сейчас покажешь класс. Бери битую и шайбу. Начинай!

Вот так просто?

Легко сказать! Сначала я все время «мазала», не успевая следить за шайбой, потом запускала ее в воздух, выбирая жуткие углы для отбоя, а потом смеялась. Не уверена, что играла правильно, но Сокол не жаловался и мне, в конце концов, удалось забить гол — себе.

— Так нечестно! Человека с такой реакцией, как у тебя, невозможно обыграть!

Артем улыбался.

— Хорошо, Чиж, обещаю отчаянно зевать и смотреть по сторонам!.. Гол! Ура! Чиж, один ноль в твою пользу! Осталось забить шесть очков, и ты меня сделаешь по-настоящему!

— Даже не сомневайся!

Конечно, по-настоящему я его сделать не смогла. Зато в шутере — стрелялке от Half-Life — простояв больше часа наизготовку возле напольного автомата, держалась молодцом и наравне с Соколом подчистую уничтожила в секретной лаборатории всех монстров.

— Хорошо смотришься с пистолетом, Чиж! Лара Крофт* отдыхает!

— Спасибо, ты тоже ничего, доктор Гордон Фримен*!

— Ну что, еще по разочку?

— Давай!

Передохнуть Сокольский не дал. Подхватив куртки, взял за руку и вновь утянул за собой. Остановился вдруг как вкопанный, увидев у стены широкий батут, огороженный сеткой.

— Чиж, пошли попрыгаем? — загорелся во взгляде.

— На батут?! — я изумленно уставилась на аттракцион, не веря, что он предлагает всерьез.

— Ну, да, — Артем оглянулся, приподняв уголки губ. Кажется, он сам удивился своему желанию.

— А ты когда-нибудь прыгал? Вот так при всех? — я тоже не смогла сдержать улыбки.

— Нет, не приходилось. Не было подходящей компании. Разве что в парке в детстве. Но это было так давно, что я успел забыть. А ты?

— И я успела.

— Тогда сам случай говорит нам — вперед! Какое нам дело до всех, Чиж? Пошли!

Мы сняли обувь и запрыгнули. Сокол с легкостью поднял меня. Оказалось, что прыгать очень даже легко! И действительно ни до кого нет дела! А после нескольких прыжков, когда Сокольский приземлился на задницу и с ловкостью вскочил, я и сама попробовала за ним повторить этот трюк. Получилось!

— Ух, ты! Артем, это и правда здорово!

— А ты боялась!

Йухху! Это оказалось до жути захватывающе! Через десять минут я хохотала, взлетая вверх, приземляясь на попу и снова вскакивая на ноги. Резинка с хвоста слетела, волосы растрепались, но останавливаться не хотелось. Я подняла руки в прыжке и коснулась пятками ягодич. Взглянула на Артема, он как раз упал на спину, засмотрелась на его улыбку, подумала о том, что парню с такой красивой улыбкой обязательно нужно смеяться чаще... и неожиданно свалилась сверху.

— Ой!

Допрыгалась, упала на Сокола, вцепившись в плечи. Как только лбы не стукнулись! Растерялась, чувствуя под собой его сильное тело, вдруг снова увидев так близко глаза — серые и ясные под темными ресницами, застывшие в прямом взгляде живым ожиданием.

— Осторожней, Чиж.

— И-извини, Артем, я случайно.

Я не сразу поняла, что его руки держат меня. Наверно, он и сам это не сразу понял, потому что не отпустил, когда я попыталась отстраниться.

— Эй, вы двое! Парочка! Хорошо лежать, не на пляже! — окликнул из-за сетки смотритель зала. — Я без претензий, но здесь неподалеку дети, так что держите себя в руках! Хоть в лабиринт для начала залезьте, что ли!

Сползали мы с батута уже не так весело, немного ошарашенные таким внезапным сближением. Сокол спрыгнул первым и легко подхватил меня. После податливости батута пол показался непривычно твердым — пришлось пару секунд привыкать к его плотности. Я поспешила обуться и, скорее всего, сбежала бы непонятно куда и от чего, если бы Артем не остановил.

— Постой, Чиж! — окликнул, ловя меня за руку и не отпуская. — Все нормально, слышишь?

— Да.

— Тебе ведь понравилось? Признайся? — спросил, и я не смогла не ответить улыбкой, успокаиваясь под его внимательным взглядом. Чувствуя, как горят щеки.

— Очень!

— Тогда пошли дальше?

— Куда?

Он пожал плечами.

— Я никогда не проводил вот так время с девушкой, но, кажется, мне стоит тебя покормить. Как думаешь? Лично я здорово проголодался.

— Ну...

— Пицца? Фаст-фуд? Суши? Что? — Артем опередил на шаг, повернулся ко мне лицом и пошел спиной вперед. — Отвечай не раздумывая!

— М-м... Голубцы!

Сокольский рассмеялся.

— Чиж, так нечестно!

— Ну, правда, очень хочется! — развела руками. — Но я согласна и на пиццу!

— Договорились!

Мы поднялись на второй этаж и возле входа в кинотеатр столкнулись с шумной группкой мальчишек одиннадцати-двенадцати лет, выбежавших из кинозала. Один из них, увидев Сокола, с криком «Артем!» отделился от компании и побежал навстречу, но заметив рядом с парнем меня, споткнулся и нахмурился, сжав пальцы в кулаки на широких лямках рюкзака.

— Привет.

— Привет, Лука, — Сокольский тепло пожал мальчишке плечо. Едва они поравнялись, в глаза сразу же бросилось сходство братьев и я, догадавшись, кто передо мной, принялась с интересом разглядывать незнакомца. — Ты что здесь делаешь? — спросил Артем. — Алиса знает, что ты один разгуливаешь по городу?

— Я не один. Мы с Лёнчиком, Костиком и Саней! — упрямо возразил старшему брату Лука.

— Что насчет матери?

— Не знаю, я ее не спрашивал. Она со вчерашнего дня закрылась в комнате и не выходит. Даршит говорит, что у нее болит голова.

— Подожди... А как же ты собрался вернуться домой?

Мальчишка усмехнулся.

— Вообще-то мне уже почти двенадцать, Артем, если ты забыл, — не без гордости сообщил. — У меня даже проездной есть! Но ты не волнуйся, нас папа Костика отвезет. Не в первый раз. А это кто? — кивнул в мою сторону, как будто я не могла его слышать.

— Чиж, — просто ответил Сокол.

— У тебя с ней что — свидание? — мальчишка весело хмыкнул своей догадке и скользнул по мне скучающим взглядом.

От неожиданности я замерла, боясь вздохнуть, не зная как себя вести и куда деть руки. Сокол вдруг обнял меня за талию.

Да, — легко согласился. — Как она тебе?

Лука скривил уголок рта и снова искоса меня оглядел.

— Ничего так, — пожал плечами, задержавшись взглядом на моей груди. — Симпатная.

— Мне тоже нравится.

— А что у нее на голове? Она что, с утра не расчесывалась?

Я вспомнила, что со всеми переживаниями и падением на Сокола совсем забыла привести в порядок волосы после батута и неуклюже пригладила их рукой.

***Доктор Гордон Фримен — молодой талантливый ученый в области физики, главное действующее лицо компьютерной игры Half-Life.**

*** Лара Крофт — женщина-археолог, главная героиня компьютерных игр Tomb Raider компании Square Enix**

Глава 16

— Это культурный беспорядок, шкет. По мне так очень симпатичный. Оставь, Чиж, — Артем снял мою руку с волос и недовольно заметил брату: — А тебе задавать такие вопросы еще рано, понял?

— Понял, — послушно выдохнул «шкет», но глаза говорили о другом. Похоже, я его не очень-то впечатлила.

— Лука! Эй, Лука, — донеслось от эскалатора, где топтались школьники, — ты идешь?! Мой папа ждет!

— Ну, я пойду? — мальчишка кивнул в их сторону.

— Беги, Лука.

Он сорвался с места, но вдруг обернулся. Его взгляд, обращенный на старшего брата, светился обожанием и ожиданием:

— Артем, ты ведь ко мне еще приедешь? Я буду ждать!

И Сокол очень серьезно ответил:

— Конечно!

Компания исчезла из виду, и мы снова остались одни. Я виновато поправила пряди у виска, поднимая лицо к парню.

— Ужас. Кажется, я ему совсем не понравилась. Мне бы к зеркалу. И расческа осталась в сумке.

— Поверь, Чиж, ты ему понравилась, — успокоил Сокольский. — Иначе бы Лука тебя попросту не заметил. Он у нас не очень-то вежливый. И это, заметь, он еще с тобой не ночевал и не знает, на что ты способна!

— Ты на что это намекаешь? — я вскинула бровь, расплывшись в широкой улыбке. Значит, Сокол точно не забыл моего Барабашку.

— Я-то? На тайну Золотого ключика, — Артем сделал невинное лицо. — А ты про что подумала?

Мне вдруг показалось, что он хотел меня обнять, но в последний момент передумал, сунув руки в задние карманы джинсов.

— Я тогда чуть не поседел, клянусь!

— Не сочиняй, Сокольский!

— Артем.

— Артем, — послушно повторила я. — Все равно не сочиняй!

— Не вру ни капли! Твоя прическа в темноте — то еще зрелище, Чиж! А если вспомнить, как ты умеешь щипать за мягкие места... С тобой не соскучишься!

Мы оба рассмеялись.

— Думаешь, меня пустят в таком виде в ресторан?

— Я более чем уверен — никто и не заметит.

За нашими спинами раздался хохот, и мы дружно обернулись, увидев влюбленную парочку в красных новогодних колпаках, которая только что отошла от фотобудки. Стенд с рекламой, расположенный рядом с аппаратом, прекрасно представлял ее возможности и разнообразие специальных аксессуаров для съемки. Девушка как раз возвращала в корзину оленьи рожки и очки-звезды.

— Точно! — Сокол все-таки обнял меня за плечи, похоже, и сам не заметив этого простого движения. — Это то, чего нам не хватает, Чиж! Иначе, какое же у нас свидание без фотофактов? Даже друзьям правдиво соврать не получится.

— Не надо друзьям! Ты что, я стесняюсь! — не на шутку забеспокоилась.

— Да брось, Чиж! Не такой уж я и Квазимодо, чтобы меня стесняться!

Но фотографироваться я согласилась только с условием, что мы никому не покажем наши фотографии — свидание-то у нас ненастоящее. И только когда Артем заверил, что, конечно же, нет (ну, может быть, отцу и то как презент под елку Сусанне), мы оторвались с ним перед камерой на всю катушку. И если я и смущалась немного, то только в первых двух кадрах пока не оценила готовность Сокола дурачиться.

— Классный у тебя пиратский нос, Артем! Ахаха! Как у Билли Бонса из «Острова сокровищ»! Ух ты, смотри, здесь даже повязка на глаз есть!

— Твои усы лучше!.. Нет! Не вздумай, Чиж! Только не рога викинга! Не хочу быть рогоносцем! Уж лучше заячьи уши!

— Ха-ха-ха!

Дальше был уютный итальянский ресторанчик и просто обалденная пицца с ветчиной и грибами на тонком хрустящем корже с румяной сырной корочкой сверху.

— М-м, вкуснотища! Надо будет дома испечь такую же!

— Как насчет десерта, Чиж?

— Я не против. А ты?

— И я.

— Давай!

— Девушка, — к официантке, — у вас есть фисташковое мороженое? Сделайте, пожалуйста, две порции с шоколадной крошкой!

Подумаешь прическа! И простой свитерок с джинсами! После вкуснейшего ужина я и думать забыла о таких мелочах! Я же не знала, что меня на остановке ожидает встреча с Соколом и самая сумасшедшая в моей

жизни прогулка. Тем более что все вокруг все равно больше внимания обращали на спортивного парня — особенно девушки, а он, даже странно, совершенно не замечал этих взглядов. Улыбаясь, рассказывал о своей спортивной жизни, о поездках и мечтах, да! И сам расспрашивал меня — особенно о детстве и школе. Пришлось сознаться, что я действительно умею разжигать костер и ставить палатку. А еще ориентироваться в лесу, собирать грибы и немного ловить рыбу — спасибо папе, школьному кружку «Юный натуралист» и семейным походам на природу.

— Все! Заметано, Чиж! Летом идем в поход, и ты учишь меня ловить карася! И Луку возьмем, хорошо?

— Ладно, — махнула я, как будто это действительно решенное дело.

— Маршрут твой! Моя машина и провиант. Ну и все, что понадобится.

— Думаю, первым делом тебе понадобятся резиновые сапоги. На сложный участок маршрута! Если ноги промокли — считай, поход окончен.

— Договорились, Чиж! Пусть будут сапоги!

Нам было здорово и комфортно вдвоем, домой идти не хотелось, и когда Сокол предложил мне на выбор кино или боулинг (и не думая заканчивать вечер), я призналась, что, в отличие от кинотеатра, в боулинге никогда не была, и уверенно выбрала последний.

Даже странно, что мы туда так и отправились — держась за руки.

— Чиж, вдруг ты потеряешься? Что я твоим родителям скажу? Смотри, сколько вокруг народа! — объяснил Сокольский свой крепкий захват моих пальцев, а я спорить не стала, раз уж так получилось, что сегодня именно он хозяин вечера.

Сам боулинг оказался широким и просторным помещением с гардеробом, бильярдными столами, зоной отдыха — где на диванах и креслах расположилась веселая компания, дюжиной дорожек и небольшим, но красиво оформленным баром.

Людей в зале было немного. Тихим, уютным фоном звучала музыка, слышался негромкий шум голосов... До меня внезапно донесся звук удара шара о деревянный пол дорожки, тяжелый гул проката и специфический грохот падающих кеглей. Я тут же с интересом повернула голову.

— Подожди, Чиж, — отозвался Сокол. — Понимаю, что тебе все внове и интересно, но сначала надо бы переобуться, — сообщил, когда мы, отметившись у стойки администратора, подошли к гардеробу и он сдал на хранение наши вещи. — В боулинг играют в специальной обуви с кожаной подошвой и резиновыми каблучками, — пояснил, — в ней удобнее скользить и тормозить на полированной поверхности, и меньше риск случайно повредить дорогое покрытие.

— Ясно, — я выбрала ботинки нужного размера и послушно переобулась.

— Вам одну дорожку или две? — обратился к нам оператор — молодой полноватый паренек. — Сейчас из шестнадцати — восемь свободно. Две из них — детские со специальными бортиками, остальные в вашем распоряжении.

— Одну. Пятую, пожалуйста.

— Два игрока?

— Да.

— Имена?

— Анфиса и Артем.

— Окей, — парень приветливо улыбнулся и указал в зал рукой, — дорожка включена и готова к игре. Приятного вечера!

— Артем, а зачем он спросил наши имена? — я засеменила рядом с Сокольским. — Это что, сервис такой — знать всех поименно?

Мы подошли к нужной дорожке, и Сокол качнул головой вверх.

— Нет, Чиж, все гораздо проще. Вон видишь, — он указал рукой, — чуть выше экран? На нем отображаются имена всех игроков и автоматически идет подсчет баллов. Так как мы с тобой играем вдвоем, автомату нужны имена, чтобы нас персонализировать и в конце десятого фрейма объявить по очкам победителя. Все очень просто! Десять фреймов по два броска в каждом!

— А! Понятно!

Только понятно ничего не было, и Артему пришлось попытаться, чтобы объяснить мне основные правила игры и показать технику броска.

— Вот здесь, Чиж, слева от тебя находится стойка для шаров. Цифры обозначают вес в фунтах. Есть шары потяжелее, а есть полегче. Каждый игрок подбирает шар под себя. Семерка для тебя слишком легкая, бери восьмерку, не ошибешься!

— Взяла! — я обхватила шар, подняла и прижала к плечу. Сокол, засмеявшись, поправил захват.

— Смотри! — выбрав из стойки шар, прицелился, взял небольшой разбег и выпустил шар из руки. Тот с тяжелым гулом покатился дорожкой. Достигнув ряда кеглей, сбил шесть из десяти и скрылся в углублении.

— Ух ты! — я восторженно уставилась на беспорядок. Страшно, вот прямо до чесотки захотелось повторить то же самое.

— Это был первый бросок, сейчас второй, и я закрываю фрейм! Четыре шага до линии заступа. Чиж, смотри! — Сокол медленно выполнил разбег, а я и вправду на него засмотрелась — на игру рук и широких

плеч. — Первый шаг — самый короткий, последний — длинный, скользящий. Размах, передаешь движущую силу руке и... бросок! — Артем выбросил руку вперед, мяч со скоростью прокатился вдоль дорожки и сбил оставшиеся четыре кегли.

— Есть! — он довольно выдохнул. — Не страйк, конечно, но для разминки неплохо!

Я увидела, как на место, где стояли кегли, опустилась рамка и на табло выскочили цифры как раз напротив имени игрока.

— Поздравляю! — Честное слово, я даже подпрыгнула.

— Рано, Чиж. Теперь твоя очередь! — Артем уступил место, отойдя в сторону.

— Ага! Сейчас!

Я обняла шар, зафиксировала в руке, разбежалась, бросила... Шар, лениво прокатившись по диагонали дорожки, скатился в боковой желоб и медленно исчез из видимости.

— Ой! А как же... — я страшно удивилась, глядя ему вслед. — Артем, как же так? Я же целилась!

На табло рядом с моим именем появился минус.

Парень громко и от души рассмеялся.

— Первый блин комом, Чиж, не расстраивайся! Все обязательно получится! Тебя подвела стойка, жесткая кисть и неправильный замах. Давай покажу пока без шара. Иди сюда!

Сокол подошел со спины и осторожно меня обнял. Найдя руки, поднял их, скользя по запястьям ладонями, сгибая в локтях и фиксируя мнимый захват на уровне между грудью и животом. Опустив голову, коснулся носом моих волос.

— Вот так, Чиж.

Сердце отчаянно застучало. Легкие сжались, а тело обдало предательским жаром. Все мысли исчезли, оставив место лишь ощущениям — колким и будоражащим.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук. Мне кажется, или я слышу биение еще одного сердца?

— Дай руку, — Артем медленно переплел свои пальцы с моими и стал считать шаги...

— Первый шаг — держи шар ниже груди. На втором и третьем шаге опускаешь шар и выполняешь размах. На четвертом — скольжение и бросок. Нужен импульс и нужна подвижная, сильная кисть. Вот так.

Сокол отвел мою руку назад, а затем послал вперед.

— Поняла?

— К-кажется, — я спиной ощущала его твердую грудь. А еще чувствовала горячую ладонь, что замерла на моем животе.

— Давай, Чиж, попробуй! Иначе нас снова попросят спрятаться в лабиринте.

Я пробовала, снова и снова. Плюнув на правила, запутавшись в шагах, бросала шар двумя руками под смех Артема, и десятый фрейм мы закончили — он страйком, а я семью сбитыми кеглями одновременно.

— Йухху! Ура-а, я это сделала! — запрыгала на месте. — Артем, я их сбила! Если так дело пойдет и дальше, клянусь, я полюблю боулинг!

— Молодец, Чиж! Я тобой горжусь!

— Сокол? Привет!

Они подошли к соседней дорожке — компания из трех парней и двух девушек, и мы не сразу заметили их. Один из парней — худощавый брюнет с хитринкой в лице, первым подал Сокольскому руку и с интересом покосился на меня.

— Вот уж не ожидал тебя сегодня здесь встретить, — сказал вполне приветливо. — Давно ты сюда не заходил.

— Привет, Руслан, — ответил на рукопожатие Артем. — Да, давно. Все не было повода.

— А сейчас, значит, повод появился? — высокий незнакомец странно ухмыльнулся, а я напряглась, не зная, чего от этой пятерки ожидать.

— Значит, — спокойно подтвердил Сокольский.

— Мы тебя сразу заметили, как только вы вошли, но не хотели мешать, — признался парень. — Непривычно видеть Сокола в женской компании. Ты понимаешь, о чем я?

— Не совсем.

— Да, ладно тебе, Артем, — худощавый рассмеялся, — я же из дружеского любопытства интересуюсь, ты меня знаешь. Мы даже с девчонками тут поспорили на пару коктейлей кто эта незнакомка с тобой? Сестра или твоя девушка?

Я заправила прядь волос за ухо, чувствуя, как ноги врастают в пол, улыбка сползает с лица, а плечи деревенеют. Вот так вопрос — на засыпку! Вся конспирация летит к чертям! И ведь если Артем скажет, что случайно встретились, одноклассница, подруга детства, — даже сестра! — все равно не поверят, вон как глаза интересом горят. Эх, раньше надо было думать, Фанька, когда оказалась на людях! А сейчас если Сокол признается друзьям, что в первый раз меня видит — сгорю от стыда!

А может, действительно сказать, что в первый? Самой признаться?

Вдруг я самая упорная на свете фанатка и увязалась за капитаном любимой команды? Ну, а он из вежливости согласился со мной сыграть. Жалко, что ли?

Рыжеволосая девица с высоким хвостом смерила меня заинтересованным взглядом. Внимательно изучила от ботинок до встрепанной макушки и, усмехнувшись, успокоилась.

— Привет, Артем, — кокетливо улыбнулась, повиснув на руке у bruneta. — Как дела? Познакомишь со своей спутницей?

Сокол не ответил, едва ли вообще расслышав рыжую. Теперь и он напрягся. Словно невзначай шагнул к парню.

— Слушай, Руслан, — сказал отнюдь не вежливо, — а не пошел бы ты со своим дружеским любопытством и девочками в...

— Я, э-эм, соседка! — брякнула погромче, всерьез испугавшись возможного конфликта. Я не знала парней, но Сокольского успела узнать не понаслышке. Еще не хватало, чтобы он из-за меня пострадал — один против троих! Мало ему позавчерашней драки! — Правда, Артем? — с надеждой повернулась к Соколу, сделав трусливый шаг назад.

Если все удастся благополучно замять — я незаметно смоюсь. Решено!

— Неправда, — не глядя в мою сторону, спокойно возразил парень.

— Сестра? — беспомощно спросила. Ну, а что еще оставалось делать, только искать выход!

Вот теперь Артем оглянулся. Посмотрел на меня внимательно — холодно и колко, словно хотел пригвоздить к месту.

— Хватит, Чиж! — рыкнул негромко. — Это не их собачье дело.

— Значит, действительно сестра, — хохотнула рыжая. — Я угадала! — хлопнула в ладони, но тут же осеклась, услышав от Сокола раздраженное:

— Не угадала, Зая. Мы живем вместе, — повернувшись, ответил он высокому с хитринкой в лице, и, кажется, от такой правды-признания не только у меня открылся рот. — И закругляйся с вопросами, ясно, Марджанов? Здесь не вечер вопросов и ответов, а я тебе не новогодний фант.

— Ого! — присвистнул brunet. — Да брось, Сокол! Разыгрываешь? — он натянуто засмеялся. Мелковато и глухо, пока не затих. — Правда, что ли?

— А что, похоже на розыгрыш?

— Да нет, — всерьез удивился brunet. — Не так чтобы очень, — виновато глянул на меня и вдруг протянул руку. — Руслан Марджанов, приятно познакомиться! Мы с Артемом когда-то играли вместе. Да и вообще веселились по жизни, — сообщил с намеком. — Он у тебя красавица!

Не только по паспорту, но и на поле настоящий Сокол!

А я с перепугу эту руку пожала.

— Анфиса, — сказала и зачем-то добавила: — Чижик!

— Птичка? — тут же улыбнулся парень. — Надо же! Тогда неудивительно, ребята, что вы двое спелись.

Он представил друзей, но я все равно не запомнила их имена, и вернулся взглядом к Сокольскому.

— А это моя сестра Лейла, — гордо притянул к плечу жгучую брюнетку — тощенькую черноглазую девушку с выдающейся грудью. Та заметно оживилась, растянув в улыбке «плю» полные губы, накрашенные толстым слоем блеска. — Давно хотел вас познакомить, но видно опоздал.

Сокол отреагировал сухим кивком, и девчонка приуныла. Брат, сам того не подозревая, расстроил ее еще больше.

— Помнишь, я тебе говорил о парне-футболисте с большими спортивными перспективами? Так вот, Лейла, это он. Сам горжусь знакомством с ним. Артем, как насчет того, чтобы сделать селфи на память? Для сестры прошу, не для себя. Вдруг ты зазвездишься, а мы на твоей славе подзаработаем?

— Марджанов, ушел бы ты сам по известному адресу, пока я тебе на лице маршрут отступления не нарисовал. А то ведь я могу, — подтвердил Сокольский свою славу задиры. И лично я его за это винить не могла.

— Знаю, — кивнул парень. — Я чего подошел, Тёма. Не хочешь отыгаться? — как ни в чем не бывало предложил. — В прошлый раз ты продул мне ящик пива — время снова попытать удачу.

— Хватит с меня и футбола. Нельзя быть совершенным во всем, — Сокол зло улыбнулся, а я догадалась, что этот Марджанов все-таки неприятная личность. — И я здесь не один, как видишь.

— А если я уговорю наших девочек посоревноваться между собой? — попытался настоять на своем брюнет.

— Исключено. Анфиса первый раз в боулинге.

— Моя Ленка тоже не ас, — кивнул парень в сторону рыжей. — К тому же бережет свой маникюр как зеницу ока — это уравнивает шансы.

— Руслан, — обиделась девица, — не говори за меня, пожалуйста!

— Ну, так как? — не услышал ее Руслан, обращаясь к Соколу.

— А ты, Марджанов, я смотрю, все споришь, — отозвался Артем.

— А что мне остается делать? — парень развел руками и рассмеялся. — Мир скучен и сер. Адреналин — наркотик здоровых людей! К тому же я всегда выигрываю — это моя личная зона комфорта. Так что скажешь? Назначай ставку, я заранее на все согласен — в разумных

пределах, конечно.

— Скажу нет. Неинтересно.

— Да брось, Сокол, ты зря напрягся. Еще как интересно! — Брюнет ничуть не огорчился отказу. Окинув меня странным взглядом, направился к столам в зону отдыха, где между диванами стояла ваза с цветами. Вытащив из букета самую крупную розу на длинном стебле — розовую и нежную, вернулся, довольно ухмыляясь.

— А если поспорим вот на это? — покрутил цветок в пальцах. — А, Сокол? Как насчет выиграть эту пустяшную розу для своей девчонки? Только не говори, что мне придется нести ее назад. Оставим добычу хищникам, таким как мы. Купить и дурак сможет.

— Брось, Русик, — неуверенно хихикнула рыжая, — это же ерунда! — Но сообразив, что ее парень не шутит, замолчала.

— Я ее у тебя в два счета выиграю для своей Ленки, — Марджанов вновь посмотрел на меня. — Или нет! Для твоей Анфисы? Точно, почему нет? Решено! Мне будет приятно порадовать твою девушку.

Я нашла руку Сокольского и опустила пальцы на его сжатый кулак. Он молчал, и брюнет с досадой пожал плечами, собираясь отдать розу рыжей. Как по мне, так катились бы они все куда подальше! По той же дорожке, откуда пришли!

— Ну, как хочешь. Значит, я все неправильно расценил. Бывает!

— Черт с тобой, Руслан! Я согласен. Играем! — вдруг решительно бросил Сокол.

— Артем!

— Все нормально, Чиж. Я выиграю.

Его давний знакомый передал розу в руки своему другу и азартно потер ладони.

— Размечтался, капитан! — оскалился в улыбке. — Это тебе не футбол. Это на поле ты царь и бог, а здесь кишка тонка.

— Марджанов, выдохни, — я с удивлением увидела, как на губы Сокольского скользнула похожая улыбка-оскал. — В прошлый раз ты обошел меня всего на два очка.

— Два! Очка! Заметь, Сокол, не это я сказал! Всего два плевых очка, которые стоили тебе выпивки для всей компании. А еще ты давно не играл. Мне кажется или с того самого раза, когда я тебя сделал?

— Тебе кажется. Ничего, положусь на удачу.

— Артем, не надо. Не слушай его, — я занервничала. Все это походило на бойцовую песочницу, в которой могло случиться все, что угодно! Но Сокол вдруг обернулся ко мне и взял за плечи. Заглянул в глаза.

— Все будет хорошо, Чиж! — сказал уверенно. — Ты главное верь в меня, ладно? — тихо попросил, и в этот момент словно что-то важное пронеслось между нами. Я, не отрывая от него взгляд, кивнула:

— Да. Я верю в тебя, слышишь! Ты победишь!

Что такое мужской азарт — рассказывать не надо. Я знала, что он бывает разным — коротким, продолжительным, затаившимся и эмоционально-ярким, но одинаково сокрушающим любые преграды на своем пути. Действующей энергией, противоречащей здравому смыслу.

Наша компания выстроилась у дорожки, где играли парни. Девчонки недовольно посматривали на меня, но мне было плевать. Я не заставляла этого Руслана оказывать мне знаки внимания. Тем более зная, что он хочет задеть этим Сокола.

Чем дальше шли фреймы, тем тщательнее готовились парни к броску, и серьезнее становилось само настроение игры. К концу девятого фрейма Сокол снова проигрывал Руслану два очка и тот, заметно расслабившись, посмеивался, подтрунивая над соперником. И только когда Сокол выбил в десятом фрейме страйк — напрягся, понимая, что если он хочет обойти Артема, ему так же необходимо закрыть последний фрейм страйком или сбить по меньшей мере девять кеглей. О счете вничью не могло быть и речи.

Разбег, замах...

— Марджанов, мне кажется или у тебя дрожат руки? Смирись, сегодня удача на моей стороне.

— Не говори «гоп», Сокол! Сейчас узнаем на чьей!

... Крученный шар гулко покатился по кленовой дорожке к кеглям, а мы все затаили дыхание. Бах! Пройдя левым краем, сбил шесть кеглей и исчез в нише.

Финал игры. На табло высветились очки и имя победителя.

— Но как?! Не понимаю... — брюнет стоял, скрючив пальцы у волос, не веря своим глазам. — Твою мать!

Если честно, я тоже не понимала секунды две, что произошло, а потом меня осенило, когда вокруг образовалась тишина.

Сокол выиграл. Выиграл! Он действительно победил, как и обещал! Я так испереживалась, что с радостью бросилась ему на шею.

— Ура-а! Артем! Ты выиграл! Я верила, честное слово верила! Ура-а!

Было так легко и просто обнимать его, и все равно что думают другие.

— Да. Она твоя, Чиж, — услышала смех и почувствовала, как меня в ответ обняли сильные руки, отрывая от земли. — Эта проклятая роза твоя!

— Ураа! — зал боулинга завращался вокруг.

Сокол осторожно поставил меня на ноги и подошел к одному из парней, чтобы забрать из его рук цветов.

— Марджанов, клянусь, — обернулся к Руслану, — в следующий раз лучше не попадайся мне на глаза! Скажи спасибо Анфисе, что я вовремя сдержался.

— Анфиса, спасибо! — ничуть не обиделся тот. Станный тип! — А я что, я ничего, — пожал плечами. — Согласен, продул, как последний лох! Теперь готов идти за выпивкой — задабривать удачу на будущее, — засмеялся. — Вот только увижу своими глазами, как твоя девчонка тебя поздравит, и сразу же выставлюсь! Обещаю!

Скулы на лице Сокола напряглись. Он отпустил меня, но мы по-прежнему продолжали смотреть друг на друга. Сказанное Русланом прозвучало вполне логично для ситуации и радости влюбленной пары, если не считать того, что парой мы не являлись. Ведь не являлись?..

Я с неожиданным сожалением поняла, что Артем не сделает первый шаг. Вот здесь и сейчас — не сделает. Сегодня он и так сделал для меня очень много. Теперь была моя очередь благодарить его за вечер и даже лучше, если это случится на глазах у друзей, раз уж он от меня не отказался, когда была такая возможность. Вряд ли бы я решилась на что-то подобное, останься мы одни. А я хотела. Как любая живая девчонка, способная чувствовать огонь, не переставала думать о поцелуе с ним с той самой ночи, когда он решил меня проучить.

Если бы Ульянка сейчас еще раз спросила: нравится ли мне Сокол, я бы с уверенностью ответила, что да. Нравится, очень нравится! Как может не нравится тот, кто выиграл для тебя самую красивую розу на свете.

Какой странный сегодня день — пасмурное утро и солнечный вечер. Вот она — печаль, казалось только что лежала на плечах... а сейчас ее и след исчез. Словно сквозь тучи проглянула небесная синь, и снова хочется расправить крылья и дышать. Чувствовать. Да, хочется чувствовать. В эту самую минуту.

Плывать на взгляды, я все равно не умею играть на публику. Неважно, что будет завтра. Сейчас, когда я смотрю на Артема, все кажется таким далеким и несущественным, досадным огорчением из прошлой жизни. Радость придает силы, вселяет смелость и туманит рассудок. Это опасно, Фанька, играть с таким парнем, но так сладко шагнуть на выставленную его вниманием тропинку.

Я сошла с места и остановилась перед Соколом. Взгляд сам упал на сжатый в твердую линию рот с четким контуром губ. Красивых губ. Когда-нибудь я обязательно проведу по ним пальцами, и они отзовутся на

прикосновение, я знаю, что отзовутся. Вот и сейчас под моим взглядом чуть приоткрылись на вдохе, словно обещая, что да, все так и будет.

Я подняла голову и нашла серые глаза — так же как мои, они светились ожиданием. Руки легли на грудь и скользнули к широким плечам. Артем затаил дыхание, и его готовность подстегнула желание. Знание, что он хочет этого не меньше меня, заставило сердце биться как сумасшедшее.

Тук! Тук-тук! Тук-тук!

Сокол был выше и крепче, но разве такая ерунда могла остановить влюбленного Чижики. Влюбленного?.. Ох, кажется, сегодняшний вечер окончательно вскружил мне голову. Я закрыла глаза и потянулась к губам парня. Не знаю, что мной двигало, может, во всем виноват вечер и временное помешательство, но я второй раз в жизни целовала сама и оба раза Артема Сокольского.

Коснувшись рта, нежно накрыла губы. Он не ответил — совсем как в первый раз, но и не отстранился. Словно окаменел под моими руками, и я, осмелев, прижалась к нему в поцелуе крепче. Заиграла с губами — подхватывая и отпуская, показывая, как они мне нравятся. Как нравится парень, на крепкую шею которого незаметно для себя подняла ладони, поглаживая ее, встречая вдруг колкой изморозью на горячей коже прикосновение Сокола. Чувствуя, как его пальцы зарываются в мои волосы.

— Анфиса! — выдохнул и ожил, чтобы буквально вжать меня в себя. Больше не было несмелого объятия. Мою женскую смелость захлестнуло разбуженное ею мужское желание, и я отдала ему право первенства. — Фаня! — звук имени сжал сердце, ток пробежал вдоль позвоночника и отозвался сладким эхом в пальцах, тут же ответивших лаской.

Сокол смаковал меня, пил, не отрываясь, полностью завладев моими губами и чувствами. Совершенно точно в моей жизни никогда не было поцелуя откровеннее, чем этот. Горячая рука пробралась под свитер и легла на голую кожу спины. Жадно поползла вверх. Он снова выдохнул: «Анфиса», скользнул раскрытыми губами к щеке...

— Твою мать... Вы тоже это видите? Клянусь, я так от порнухи не заводился, как сейчас! Черт, я должен их запечатлеть для потомков. Твоих потомков, Сокол, слышишь! Или я точно лох, если не проникся. Потом еще спасибо скажешь...

Глава 17

— Что?

Губы горели, глаза тоже... Было почти невозможно оторваться друг от друга и так не хотелось возвращаться в реальность, где были чужие взгляды и голоса. Биение сердца все еще заглушало шепот за спиной, но сумасшествие поцелуя уже отпускало, мы тяжело дышали, наблюдая, как мир вокруг нас обретает детали и цвет.

Я почувствовала, как на моей талии сжались пальцы Сокола.

— Артем, они смотрят, отпусти.

— Нет.

— Сокольский, — уткнулась лбом в его шею, все еще цепляясь за крепкие плечи, — ты с ума сошел?

Хотя это я, я сошла с ума! И зачем только говорю?

— Да, Чиж, — услышала в ответ.

— Пожалуйста, не надо, прошу тебя. Я не хочу, чтобы нас кто-нибудь увидел.

Сокол и сам все понял. Найдя в себе силы меня отпустить, он повернулся к компании.

— Марджанов, выложишь фото в «Инстаграм» — закопаю, понял? — пообещал без тени шуток.

— Блин, Сокол, ну что ты за человек? — услышала я голос брюнета. Смотреть на него не хотелось. — Не обламывай страждущих на корню...

— Руслан, я не шучу.

Прогулка по развлекательному комплексу закончилась, и мы возвращались молча, стараясь не встречаться взглядами, словно оба пребывали в шоке от того, чем обернулся для нас вечер и поцелуй. Не касались друг друга, но я и без слов ощущала напряжение, которое искрило между нами, не желая стихать. Как будто что-то живое (чему так просто не подобрать названия, но при мысли о котором затруднялось дыхание), спеленатое нашим молчанием и растерянностью, отчаянно хотело вновь разгореться и вспыхнуть огнем.

Не знаю как Артем, а я сидела в машине как на иголках, боясь поднять на парня глаза, не в силах поверить, что сама разбудила это в себе. Что решилась на подобное, но роза в руках подтверждала собственную смелость и пугала сонмом вопросов: что делать дальше? Как нам теперь

жить под одной крышей? Сумеет ли мы оставить личное пространство друг друга в покое? И если для Сокола, возможно, поцелуй с Чижик не так-то уж много и значил... то для меня сегодняшний вечер закончился настоящим откровением.

Вряд ли получится все оставить и жить, как прежде. А значит мне, скорее всего, придется съехать, но куда?

Сокол остановил машину у подъезда и обернулся к заднему сидению, чтобы подать мне сумку. Наклонившись вперед, достал из бардачка телефон... Мы вдруг отдернули руки, нечаянно соприкоснувшись пальцами.

Нет, это я отдернула, излишне поспешно спрятав руку в карман. Боже, как глупо!

— Извини! — пролепетала беспомощно, краснея от своей трусости. Куда только подевалась моя смелость? — Что-то нашло. Это нервное, наверно.

Артем смотрел на меня.

— Чиж...

— Да? — я распахнула глаза, сердце снова стучало в горле.

Кажется, парень нервничал, то закусывая, то отпуская нижнюю губу. В настоящий момент он тоже наблюдал за моим ртом. Даже в вечерних сумерках это было заметно.

— Чиж, — повторил, — я не знаю, что мне сейчас сказать и что сделать. Все немного вышло из-под контроля. Я не хотел, чтобы так получилось. Точнее, хотел... — он выругался. — Черт!

— Нет, это я виновата, Артем. Я все понимаю.

— Глупости! — Сокол нахмурился. — Конечно же, нет! Марджанов — чтоб ему! Он мастер подобных авантюр. Я ведь давно знаю Руслана, помню на что он способен, и все равно попался как дурак. Попался не в первый раз! Еще и тебя втянул.

Я сглотнула и Сокольский тоже. Наверняка мы подумали об одном и том же.

— В первый раз это был ящик пива, Чиж, — почему-то негромко уточнил Артем. — Ничего подобного ни с кем.

— Да, я помню. — Господи, как же пылают щеки! Не выдержав прямой взгляд Сокола, я отвернулась к окну. Неужели сердце кольнула ревность?

Сокольский продолжил:

— В общем, Чиж, я не знаю что сказать и как именно, но знаю точно, что сегодня отлично провел с тобой время. Это был хороший вечер, и я ни о

чем не жалею.

— Правда? — Я снова повернулась к парню — в серых глазах отражался свет, льющийся из окон многоквартирного дома. Эти глаза смотрели так же уверенно, как всегда. — Я тоже, — ответила. — Мне очень понравился сегодняшний вечер.

— Значит, ты не сбежишь? — очень серьезно спросил Сокол, как будто мог слышать мои мысли.

— Н-нет.

— Хорошо, Чиж. С остальным мы справимся, слышишь? Все будет хорошо.

Он с облегчением выдохнул и откинулся на спинку сидения. Сжал руки в кулаки на руле, уставившись перед собой.

Я открыла дверцу и вышла из машины. Направилась было к подъезду, но заметив, что Сокол так и остался сидеть в автомобиле — вернулась.

— А ты? Артем, разве не идешь домой?

Сокол неохотно мотнул головой, словно и сам не был уверен в своих словах.

— Нет. Не думаю, что сейчас. Позже.

— А...

— Все в порядке, Чиж. Я знаю, что мне нужно. Иди, я подожду, пока ты включишь свет.

Вот так просто. Я растерялась. А мне? Что нужно мне? Я не знала. Сокольский смотрел на меня, и я медленно побрела к подъезду, оглядываясь, сжимая розу в руке. Чувствуя вдруг, как в душе заскреблось еще не отчаяние, но что-то очень похожее. Поднялась по ступенькам на седьмой этаж, не слыша ни собственных шагов, ни ожившего требовательным звонком телефона. Ничего. Отперла дверь квартиры, вошла, разулась... и простояла минуты три в бездействии в прихожей, пока вспомнила, что, кажется, должна зажечь в кухне свет.

— Анфиса!

Я стремительно обернулась на голос. Сокол стоял на пороге. Схватившись рукой за дверную коробку, он шумно дышал, словно бежал.

— Чиж, не пугай так больше, ладно? — выдохнул с беспокойством, а я кивнула, прижав сумку и розу к груди, заметив, как дернулся на его шее кадык.

— Ладно.

— И отвечай на мои звонки, пожалуйста.

— Хорошо.

— Я не он, слышишь? — вдруг упрямо сказал и повторил: — Не он!

Артем посмотрел на меня, перевел взгляд на порог и отступил назад. Снова тихо выругался, впившись пятерней в свои волосы.

— Черт, вот это мы с тобой влипли, Чиж, — вдруг улыбнулся, как мальчишка — одновременно отчаянно и озорно, — поверить не могу. Ложись спать.

— А ты?

— А я попробую сдохнуть в тренажерке. Надеюсь поможет!

Но я еще не спала — тихо сидела в пижаме на кровати, просушивая после душа длинные волосы, слушая бухтение телевизора и просматривая конспекты к завтрашним парам, когда в прихожей раздался звонок в дверь — требовательный и резкий. И сразу же за ним еще один. И еще.

Я напряглась — вряд ли это мог быть Артем. У него имелись свои ключи от квартиры, а Илонку я твердо решила больше не пускать в дом без разрешения хозяина.

Нет, не стану открывать! Гуляйте вальсом поздние гости! Если это дядя Вася — так пусть сначала сыну на телефон звонит — я-то тут причем? Однако совесть подсказала, что я здесь очень даже к месту и легенде.

Но игнорировать гостя не получилось. Звонки раздались снова, и следом кто-то настойчиво постучал кулаком в дверь. Я сбросила с колен конспекты, сползла с кровати и на носочках пробежала в прихожую. Припала к дверному глазку, на всякий случай схватив в руку телефон. Сейчас посмотрим, кто там у нас припозднился такой бесцеремонный.

«Ого! — удивилась. — Ничего себе ночной визитер!»

Я распахнула дверь сразу же, как только увидела в глазок Луку. Мальчишка стоял, опустив голову, развернувшись полубоком к лестнице, но я сразу узнала шапку и пуховик, которые видела на нем не так давно в развлекательном комплексе. Да и фигурку было несложно опознать. Мой брат Робик этого худышку в два счета бы завалил одной левой, настолько он казался тщедушным, хотя и был хорошо одет.

— Привет, Лука.

Мальчишка застыл, распахнув от удивления рот. Видимо, он никак не ожидал меня здесь встретить, да еще и в таком домашнем виде, так что, столкнувшись с присутствием малознакомой девушки в квартире старшего брата, тут же нахмурился и отступил, важно дернув на плечах рюкзак.

— Где Артем? — спросил коротко и без предисловий. Я бы сказала, что очень по-мужски. Я была удивлена не меньше гостя, так что мой ответ вышел таким же содержательным:

— На тренировке.

— Что, так поздно? — усомнился мальчишка.

Пришлось пожать плечами:

— Да, он так сказал. Постой, — я словно очнулась. — А ты сам-то чего пришел? Ты время видел? Тебе же спать давно пора, Лука! И почему Артему не позвонил? Он бы наверняка тебя встретил. Подожди, — сообразила, неожиданно испугавшись. — Ты что? Ты сейчас хочешь сказать, что ехал через весь город? Один?! Я правильно поняла?!

— Ну и что? — Лука дерзко вскинул подбородок. — Тебе-то какое дело? Я уже взрослый! А у Артема телефон не отвечает, вот!

Никакого. Совершенно. Мне нет никакого дела до незнакомых мальчишек, разве что очень волнует тот факт, что ребенок одиннадцати лет бродит один по улицам ночного города в декабре месяце. Да и неважно в каком месяце, важно то, что он бродит! Один! Дядя Вася с этой Алисой там совсем ополоумели, что ли?

Я отодвинулась от двери к стене, освобождая проход.

— Так, а ну заходи! — решительно скомандовала, чем снова изумила мальчишку. — Нечего соседей тревожить!

— Чего? — он фыркнул и насупился. Глянул сердито из-под шапки. — И не подумаю! Я тебя не знаю, а вдруг ты маньячка! А брата я здесь подожду, ясно?

— Ясно.

С лестницы потянуло холодом, звонкий голос мальчишки эхом звенел в тишине лестничной площадки... Я все же помнила, что разговариваю с ребенком, и решила самостоятельно покончить с реверансами, иначе наше противостояние могло продлиться еще долго. Я не знала точно, когда вернется Сокол, но точно знала, что запросто справлюсь с таким худышкой. Заодно и приоритеты между поколениями расставлю, чтобы не забыл, кто есть кто. Точнее, кто кого, как с Робиком.

Я вышла на площадку, цапнула Луку за капюшон и легко втянула упирающегося мальчишку в квартиру. Заперла за ним дверь.

— Разувайся, — сказала, стаскивая с него шапку и рюкзак. — Есть хочешь? — спросила, но Лука молчал, и я сделала нехитрый вывод: хочет. Повесив куртку в шкаф, отвела гостя на кухню.

Телефон Сокола не отвечал. Странно. Я еще раз набрала номер. В подтверждение моим мыслям Лука пожал плечами, вернувшись из ванной комнаты:

— Я же тебе говорил. Артем всегда недоступен, когда у него тренировка. Ненавижу футбол! — вдруг неожиданно заявил, воинственно сложив на груди руки в замок.

У-у, как все сложно-то, — теперь уж и я нахмурилась. Это от кого он сейчас замыкается? Хм, не мешало бы родителям разобраться.

— Слушай, Лука, я сегодня специально ужин не готовила, но у нас с Артемом осталось немного куриного супа, — предложила. — Ты садись, я уже подогрела! Ой, а давай я для тебя картофельные оладьи приготовлю со сметаной. Точно! Это будет быстрее всего и так вкусно, что ты просто пальчики оближешь! Артем трескает — за уши не оттянешь! Или яичницу? Только скажи, что ты хочешь?

Я зашуршала на кухне, глядя, как парнишка ест. Сначала неохотно черпая суп ложкой, а потом работая все усерднее. Пришлось даже хлеб подрезать и подсутиться с обещанными оладьями. Мальчишка ел, а я все не могла отделаться от навязчивой мысли.

— Лука, к сожалению, я не знаю номер телефона твоего отца, иначе бы уже позвонила дяде Васе.

— Подумаешь! — он зло фыркнул и слизал с пальцев сметану. — Я тоже не знаю.

— Но, Лука, а как же твоя мама? Может, нам позвонить ей? Послушай, — я осторожно присела на стул рядом с гостем. — Я тебя совсем не знаю, это правда. И, конечно, понимаю, что ты пришел к брату, все так. Но родители всегда переживают за своих детей, и сейчас твоя мама, уверена, не может найти себе места от неизвестности, где ты и что с тобой. Это важно, Лука. Если ты дашь мне номер ее телефона, я обещаю, что сама с ней поговорю и попрошу тебя не наказывать. Хорошо? А там и Артем придет.

Мальчишка замер. Отодвинув от себя тарелку, пробормотал под нос:

— Не будет она переживать. Ей все равно.

— Это еще почему? — удивилась я. — Отчего ты так решил? Я уверена, что ты ошибаешься и что мама... — но договорить не успела.

Лука повесил голову, хлюпнул носом, потом еще разок, а затем разревелся.

Вот так дела-а!

* * *

Сокол

В тренажерном зале стихла музыка и над дальней частью, в которой располагалась кардиозона, погас свет.

— Парень, заканчивай со штангой. Закрываемся! Если хочешь успеть в

душ, у тебя есть десять минут!

Отлично. Я выполнил последний жим и вернул штангу в стойку. Сев на скамейке, утер тыльной стороной ладони пот со лба, потянувшись за полотенцем. Последний час я занимался в зале один и совершенно не следил за временем. Остановить меня было хорошей мыслью. Я встал и размял плечи, после чего дал знать незнакомому охраннику, что ухожу.

Улица встретила тишиной и чистым, морозным воздухом. Снег под ногами приятно скрипел. Я спустился с крыльца спортивного клуба и направился к машине, чувствуя каждую мышцу в разбитом силовой тренировкой теле. Даже после контрастного душа оно все еще было напряжено, но мне определенно стало легче. Гораздо легче вдали от Чижики. Сейчас я снова мог связно думать.

Анфиса. Чиж. Моя нечаянная соседка. Последнее время меня волновало все, что касалось этой девчонки. Мысли прояснились, но на вопрос: «Чего же я от нее хочу?» по-прежнему не нашлось ответа. Определенно я хотел ее саму, давно, это не стало новостью, но меня никогда не волновала чужая жизнь и чужое прошлое настолько, чтобы завладеть мыслями. До появления Анфисы все это было за пределами моих желаний и интересов. Так почему же сейчас я не мог думать ни о ком другом?

Когда сцепился с тем белобрысым качком в баре?

Когда заехал Макс по лицу?

Когда приехал к университету и ждал? Как дурак ждал Чижу в машине, потому что по-другому не мог. После того, как она пришла за мной ночью в отделение — не мог дома находиться один, даже зная, что она ничего мне не должна. Почему так отчаянно захотелось что-то сделать для нее, когда увидел девчонку расстроенной — еще ночью на кухне? Тогда я явно почувствовал, что не хочу оставлять ее горечи прошлого. Никому из прошлого.

Только я. Чтобы помнила только меня.

Эгоистично? Наверно. Странное ощущение, новое и непонятное, но сегодня я готов был свернуть для нее горы — для своего зеленоглазого и симпатичного чижики, смешливого и настоящего, залетевшего в мой дом. Решившего поиграть с хищным Соколом, позволив ему распробовать свои сладкие губы. Клянусь, на какой-то миг я совершенно забыл, где нахожусь, настолько понравились мне их смелость и вкус. Настолько сильно рукам захотелось взять свое. Так хорошо и спокойно было на душе от мысли, что девчонка улыбается, а я знаю, что делать. И так не вовремя сознание ошеломило страх, что уйдет. Исчезнет вдруг из моей жизни так же

одномоментно, как появилась.

Какого же черта со мной происходит? С нами происходит? Я давно жил один и ни в ком не нуждался. Возвращался в свой дом, чтобы спать. Чтобы забыться в нем с очередной Заей и снова остаться одному. Никогда не думал о доме, как о чем-то одушевленном. Месте, в котором уютно и где тебя кто-то ждет. По-настоящему ждет. Чиж никогда не говорила, но я знал, что ждала. Это было видно по мелочам, грело незнакомой приятной мыслью и проникало под кожу. Ее присутствие, запах, смех. То, с какой легкостью дом принял ее заботу... или я сам. Черт его знает. С недавнего времени я ненавидел моменты, когда оставался в нем один.

Да, я хотел Анфису — ту смешливую девчонку в дурацкой пижаме и простом свитерке. И другую — отзывчивую, горячую, которая снилась мне и сводила с ума каждую ночь, и которая, теперь я знал, существовала в реальности. Хотел так сильно, что едва не взял, в последний момент захлопнув дверь квартиры за своей спиной. Только растерянность в глазах Чижа и неготовность ответить — остановили меня. Было так легко все испортить. А что потом? На что я был готов потом?

Она опомнилась после нашего сумасшедшего поцелуя, я прочитал это в ее глазах, а я — нет. Но тренировка пошла на пользу, и я снова держал ситуацию в руках. Был уверен, что держу, когда возвращаясь к машине, думал о том, что не намерен ничего менять. Сначала стоило разобраться и с расстоянием, и с нами. С тем, чем все могло закончиться, решишь мы на большее.

Я завел мотор «Тойоты» и достал из бардачка телефон. Увидев входящие звонки, нахмурился — больше десяти от Луки и пять от Чижики. В такое-то время? Сорвался с места тут же, набирая Чижа.

— Привет! — она ответила сразу, но полупшепотом. — Подожди, — попросила, — я уйду на кухню. Минутку! — я практически увидел, как девчонка на носочках выбегает из комнаты.

— Чиж, что случилось? Почему ты говоришь тихо? И почему не спишь?

— Ну, наконец-то, Артем! — выдохнула она, негромко хлопнув дверью. — Ты сначала ответь, почему к тебе никак не дозвониться? Ты же меня сегодня сам просил отвечать, и сам же молчишь! Я почти оделась, уже хотела выходить!

— Постой... Куда выходить? Зачем?

— Затем, что у нас дома твой брат. Точнее, у тебя дома.

— Лука?

— Ну да. Пришел два часа назад. Я его накормила и сейчас он спит.

— В каком смысле пришел? Ночь на дворе.

— В самом прямом! Сам приехал на автобусе, представляешь? Он тебе звонил, но не смог дозвониться, а телефон вашего отца Лука не знает. Артем?

— Да? — сердце сжалось под ребрами в предчувствии чего-то плохого.

— Кажется, с твоей мамой беда, — призналась Чиж. — Я уже думала к ней ехать, насилу узнала у Луки адрес дома, но будет лучше, если ты сам.

— Она... Алиса жива?

— Да. Лука говорит, что да. Но, похоже, у нее нервный срыв на фоне затяжной депрессии. Твоя мама рассталась с сожителем и, я полагаю, была не в себе, когда прогоняла сына из дома. Лука говорит, что она все время повторяла какая плохая мать и посылала его жить к отцу. Бросала за порог вещи. Он признался, что у нее проблемы с... алкоголем. Ты осторожно там, ладно?

Я ненавидел Алису и за это тоже, за то, что сегодня пришлось пережить Луке, но автомобиль уже мчался в сторону ее дома, разрывая шинами стылый асфальт.

— Артем?

— Что?

— Позвони мне. Я буду ждать.

— ...

— Артем? — Ком в горле все никак не давал сказать.

— Хорошо, Чиж.

Алиса оставила себе путь к отступлению. Даже в сегодняшнем сумасшествии она играла с чужими чувствами и ждала, что ее спасут. Вернут к былой красоте и благополучию. Снова найдется тот, кто поможет и вытащит из трясины, вскинет проблемы слабой женщины на свои плечи, чтобы она, отряхнувшись, оставив после себя осколки и пепел, пошла ломать чужие судьбы дальше.

В доме горел свет — это первое, что бросилось в глаза, едва я открыл ворота и увидел распахнутые настежь входные двери. Разбросанные по холлу вещи. Разбитую посуду и зеркала. Она курила и, по-видимому, последние несколько часов тушила сигареты о домашние предметы и мебель. Я увидел свежее прогорелое пятно на дорогом тюле в гостиной — просто чудо, что здесь все не сгорело к чертям.

Она лежала в своей спальне на широкой кровати, как кинозвезда

пятидесятых — надев на себя дорогие чулки и платье. Жалкое зрелище для той, чью красоту напрочь смел ураган безумства и ярости. Это только в кино красиво — наглотававшаяся таблеток, списанная со счетов звезда с пустой бутылкой виски в руке и предъявленным миру «факом». Сейчас яркий макияж матери на бледной коже напоминал жуткую маску упырицы, волосы — мокрую ржавую паклю, а из глубокого декольте вывалилась одна грудь, измазанная в блевотине. И снова Алисе повезло, что не захлебнулась. Жутко воняло алкоголем.

Я попробовал пульс на запястье — он не прощупывался, но тело было теплым. Вытерев простыней лицо и рот, опустил пальцы на шею, уже набирая номер скорой.

— Скорая? Срочно нужна реанимационная помощь! Женщина сорока лет. Без сознания. Предположительно отравление медикаментами и алкоголем. Не знаю. Думаю, часа два, не больше. Улица Кольцова, дом 53. Что я должен сделать?

— Алиса, очнись! Алиса!..

Отец приехал уже в больницу — помятый и небритый, в распахнутом настежь пальто. Нашел меня в холле и тут же ушел к дежурному врачу. Минут через десять вернулся, чтобы тяжело опуститься рядом в кресло.

— Жива. Слава Богу.

— Знаю.

— Что будем делать, сынок?

Я покачал головой, пожимая плечами.

— Похоже, выбора нет, и тебе снова придется оплачивать банкет. Одной реанимацией тут не обойтись, ей понадобится длительное лечение. Сусанне расскажешь?

Отец лишь отмахнулся, а я отвернулся.

— Ясно.

Как это ни жестоко, но гораздо больше стабильно-тяжелого состояния матери в настоящий момент меня волновал другой вопрос:

— Лучше ответь, что будем делать с Лукой? Он сейчас у меня — остался с Анфисой. Сегодня он сам приехал к нам почти в полночь. Пацану одиннадцать лет, и я даже думать не хочу о том, что он сегодня пережил. Хватит в его жизни херовых Даршитов.

— Артем...

Мы не смотрели друг на друга.

— Пап, какая разница? Ты уже дал ему свою фамилию. Ты всегда был мужиком с большой буквы. Тебе стоит только принять его, и у тебя будет

еще один сын. Ты нужен ему гораздо больше, чем такая Алиса. По себе знаю. Он мечтает о тебе, но никогда не признается.

Отец молчал, но мне необходимо было это сказать. Попросить, иначе уже завтра Лука окажется один. Я навсегда останусь старшим братом, но мне никогда не стать ему отцом.

— Это для него, понимаешь. Не для тебя.

— Сынок...

— Просто подумай над моими словами, прошу тебя.

— Хорошо, Артем, обещаю.

Зимой светает поздно, ночь до рассвета длинна и темна, но для меня она пролетела как один миг. Тяжелый, свинцовый миг — хаос из мыслей и чужих голосов, ожидания, смятения и злости, за которыми наступили апатия и тишина.

Я возвращался домой по тихому ночному городу, думая о том, как быстро жизнь меняет полюса. Как легко обстоятельства, независимые от нас, подчиняют человека себе, в любой броне выискивая слабые места. Пригвождая к земле тяжестью, которую так просто не сбросить с плеч. Как я умудрился втянуть в это дерьмо Чижики?

Все время, пока мы сидели с отцом в больничной приемной — мать стояла между нами. Ей давно не было места в связке Сокольских, но там, в больнице, она оказалась как никогда сильна и снова протянула руки по наши души. Только мысли о зеленоглазой девчонке, ждущей моего звонка, помогли мне сбежать и не думать о той, рядом с которой ее старшему сыну когда-то не нашлось места.

Звонок получился коротким и скомканным, еще в середине ночи. Я не привык быть слабым и едва нашел для Чижика несколько слов. Но с Анфисой был Лука, и я обещал... А впрочем, она и без слов все поняла.

Сейчас часы показывали «6:02» нового дня. Я поднялся на этаж и вошел в квартиру, стараясь не нарушить покой спящих в ней людей. Разувшись, снял куртку и заглянул в комнату. Лука спал на кровати — незаметная сломленная фигурка под одеялом — в темных сумерках и не разглядишь, Анфисы видно не было. Еще с улицы я заметил свет, горящий в окне кухни, и направился туда. Ну, конечно, неугомонная девчонка, она провела здесь всю ночь и сейчас спала, свернувшись клубком на неудобном диванчике — человек, которого я искал в этом городе, несмотря на то, что поиски привели меня в мой собственный дом.

Я вошел тихо. Уж не знаю, какое ей чутье подсказало, но Чиж тут же открыла глаза и села, потирая лицо ладонями. Волосы — густые и шелковые, красивой волной легли на плечи, губы от сна припухли —

думаю, я мог бы смотреть на нее вечно. В расстегнутом вороте плюшевого халата взгляду открылась нежная ключица и обозначившееся полукружие груди... Я вдруг подумал о том, что хочу увидеть Чижа раздетой. Голой. С разведенными ногами и сбитым дыханием. До сухости во рту хочу забыться в ней, ощутить на себе ее руки и услышать, как она выдохнет мое имя. Мое имя, и к черту весь мир с его гребаными проблемами. К черту лживых Алис, больничные палаты и старые обиды. Кажется, я сам себя загнал в ловушку. Вернувшись домой, я еще больше хотел взять то, от чего бежал, пытаясь себя усмирить.

Меня остановило удивление, прозвучавшее в голосе девчонки и ее обезоруживающая, как всегда, прямота. Сейчас в ее голосе звучали беспокойство и тревога. Она тоже провела непростую ночь. Насколько было бы легче, если бы мы могли друг другу помочь. Успокоить. Развеять тревогу разговором наших тел, который откровеннее слов. Это же так просто. Не знаю, когда бы я ее отпустил...

— Артем? Привет, — тонкие пальцы запахнули ворот халата, и я поднял глаза. — Ты уже дома? А я уснула. Хотела тебя дождаться, но даже не услышала, как ты вернулся.

— Доброе утро, Чиж.

Она оглянулась в сторону окна, за которым все еще стояла мгла, и тут же посмотрела на электронное табло на кухонной плите, где отображалось время.

— Утро? Надо же, — изумилась, — действительно шесть часов. Как быстро пробежала ночь, и как долго тебя не было. Как она? — спросила, конечно, имея в виду Алису.

— Жить будет. Ей вовремя успели помочь. Даже не знаю, услышит ли кто-нибудь за это спасибо.

— А как ты? Устал? — Чиж встала и обхватила себя руками. Я снова поймал себя на мысли, что слишком пристально рассматриваю ее, замечая мягкий изгиб бедер и тонкую талию под халатом. Думая о том, как непреодолимо ненавистны мне два шага, разделяющие нас.

— Не знаю, — я пожал плечами, заставляя себя отвести взгляд. Взырошил пятерней волосы, опускаясь на стул. — Ничего не чувствую. Мне почти все равно, я давно не считаю себя ее сыном.

Если Чиж и удивилась, то промолчала. Села за стол напротив, но тут же снова вскочила на ноги.

— Ой, ты же, наверное, есть хочешь?

Я поднял голову в сторону девчонки. Посмотрел на нее долгим взглядом.

— Чиж, только не говори, что не спала всю ночь и готовила. Зачем?

Теперь уже она растерянно пожала плечами.

— Я не так, чтобы много. Просто подумала, что утром Лука проснется и ему будет капельку веселее, если он будет знать, что кому-то рядом не все равно. Хорошо, если с ним будешь ты. Понимаешь, он рассказал, что боится. Что в последнее время очень переживал за маму и за себя, и это по-настоящему ужасно, Артем. Мне кажется, он чувствует себя ненужным. Блинчики с творогом такая мелочь, по сравнению с его детской бедой, но ничего лучше я придумать не смогла. Есть сметана и малиновое варенье. Как думаешь, они ему понравятся? — Чиж вопросительно вскинула брови.

Я не знал что ответить, горло снова сжал спазм. Я стиснул руки в кулаки и отвел глаза. Словно что-то сообразив, девчонка отступила к плите, зажгла конфорку и поставила на нее чайник. Спросила, оглянувшись:

— Артем, что тебе сделать? Чай или кофе?

— Чай. А ты... будешь? — я вскинул голову, вдруг испугавшись, что останусь один. Мне не хотелось, чтобы она уходила.

— Да, — просто ответила. — Как раз позавтракаю с тобой и соберусь на занятия, а вы отдохнете.

— Чиж, ночь была беспокойной. Может, останешься? Не пойдешь в университет? Тебе не мешает выспаться. Один день — не так страшно.

— Ты что! — она усмехнулась, качая головой. Оглянулась на меня поверх плеча. — У нас модульная контрольная, впереди экзамен. Я не могу. Да и вам с Лукой не хочу мешать. Вечером возьму смену в «Маракане», так что вернусь поздно. Могу даже домой не заезжать после занятий. Только скажи, я все пойму. Это же твой... это ваш дом.

Мне не понравились ее слова. Пальцы неожиданно смяли край клеенки на кухонном столе. Я смотрел, как длинные завитки русых с золотом волос, касаются талии.

— Анфиса, — сказать получилось хрипло, и она вздрогнула. Повернулась с чайником в руке. Я лихорадочно соображал с чего начать, глядя как распахнулись в ожидании ее глаза.

— Да?

— Днем я заеду в больницу, чтобы сменить отца — возможно, ему что-то понадобится и я хочу быть поблизости. А вечером у нас с командой общий сбор. Вчера я уже пропустил тренировку и ни о чем не жалею, но сегодня мне как капитану надо быть с ребятами. Лука останется один. Я, конечно, могу его взять с собой, но мне кажется, что брату сейчас ни к чему лишнее внимание и расспросы. А делать вид, что все хорошо, ни он, ни я не станем. Чиж?

— Да?

— Ты ему точно не помешаешь, скорее наоборот. Ты понимаешь?

Я постарался убедительно посмотреть в нежное лицо. Думать о том, что Анфиса (вот такая домашняя и открытая, как сейчас) окажется одна в баре, где любой придурок сможет запросто ее обидеть — с некоторого времени стало невмоготу. Да и тренировку я действительно пропустить не мог, хотя и был намерен сократить до минимума. Лука уже оставался в моем доме один, но если рядом с ним будет Чиж, мне будет спокойнее. Сейчас я, пожалуй, мог доверить брата только ей.

— Я знаю, что прошу слишком многого. Анфиса, пожалуйста. Деньги для вас с Лукой я оставлю, не переживай.

Черт, эгоистично прозвучало, сам понял, но девчонка охнула.

— О! К-конечно. Я побуду с ним, если нужно. Не сомневайся, Артем.

— Спасибо, Чиж.

Теперь я чувствовал себя спокойнее. Гораздо спокойнее. Дальше мое время принадлежало Луке.

Мы пили чай молча, не чувствуя нужды говорить. Я бы просидел так до позднего утра, поглядывая на тонкие запястья и пальцы Чижики, успокаиваясь от ее близости. Думая о матери и об отце. О брате. О том, какой стала наша жизнь. Вспоминая прошлую ночь. Но девчонке необходимо было спешить в университет, и она встала. Кивнула в ответ на мои слова: «Я сам уберу, Чиж, не беспокойся». Направилась было к двери, но вдруг остановилась. Вернулась, замерев у моего плеча.

— Все будет хорошо, Артем! — вдруг, наклонившись, порывисто меня обняла — крепко, так, чтобы я смог почувствовать ее объятия. — С тобой и с Лукой! С вашей мамой! Я чувствую! — неожиданно призналась и, смутившись своего порыва, отступила, пока я силился произнести хоть слово онемевшим горлом. Руки взлетели, но замерли, ощутив пустоту. — Извини. Это я так, захотелось вдруг.

Глава 18

Чиж

Мне действительно захотелось обнять Сокола, вот так же крепко, как Луку. Ужасная ситуация, неприглядная изнанка чужих судеб, скрытая от любопытных глаз. Стать свидетелем ее обнажения оказалось непросто, что уж говорить о тех, для кого эта изнанка являлась частью жизни. И пусть Артем был старше и казался гораздо сильнее своего младшего брата, по его хмурому лицу я смогла догадаться, какую сложную ночь он пережил. И сколько еще ночей до этого, долгих и одиноких, уже позабытых, когда мать находилась от него далеко. Даже в скупых словах о ней читались обида и сожаление о том, чего не было, но что могло бы быть. Я уже молчу о горьком признании Луки.

Я выскочила из автобуса на остановке «Университет» и на бегу достала из кармана телефон. Зная, что мама с близняшками сейчас наверняка находится на пути в детский сад, позвонила папе.

— Да, Фанечка? Привет, — папа ответил на звонок сразу же, пыхтя в трубку. Все ясно, я улыбнулась: как все нормальные люди старший Чижики спешит на работу. — Доброе утро, дочка! Срочное что-то? — спросил с легким беспокойством. — Ты говори быстрее, я тут в школу опаздываю! Сегодня полночи проверял контрольные и еще предстоит провести четыре. Ты бы видела, Фань, что мне тут седьмой класс написал — умники! Не знаю плакать или смеяться. Оказывается, корейцы теперь живут в Южной Америке, Атлантический океан вдруг стал Атлетическим, а столица государства Панамы у нас Панамка, как тебе?

— Вот насчет последнего — очень даже логично, пап.

— Пятнадцать неверных ответов! Пятнадцать, Фань! А я теперь гадай, кто тот умник, который первым сообразил написать подобную чушь и дал всему классу списать.

Я засмеялась, вспомнив еще много подобных казусов, которые отец любил вспоминать из своей школьной жизни.

— Смешно, — призналась.

— Грустно! — уверенно возразил мне учитель географии. — Я еще не отошел от девятого класса, когда узнал от учеников, что международное разделение труда — это разделение труда между мужской и женской частью человечества! Каково? А тут уже новый сюрприз! Я же не просто так стою у доски с указкой. Не понимаю, откуда они вообще берутся такие

сообразительные? Ай, ладно, — я догадалась, что Федор Чижик на ходу махнул кожаным портфелем. — Ты, Фань, зачем звонила-то? Что хотела? — наострил ухо. — Как там дела у Артема? Выздоровел?

Я кивнула, но сообразив, что отец не может меня видеть, поспешила ему ответить, уже подбегая к крыльцу учебного корпуса.

— Да, ему гораздо лучше, пап! Просто хотела тебя услышать и сказать, что я вас с мамой очень-очень люблю! Что вы у нас Робиком и девчонками самые лучшие!

— Так, — папа напрягся. Даже пыхтеть перестал. Кажется, остановился. — Анфиса... — начал серьезно, вскинув портфель с оттопыренным пальцем, но его взгляд упал на часы, и он, чертыхнувшись, вновь поспешил к школе, как великовозрастный ученик.

Мне не нужно было находиться рядом, чтобы увидеть со стороны всю картину — дорога к школе, ученики и важный как гусь папа. Забег на дистанцию, кто первым пересечет финишную прямую. Мы столько лет провожали друг друга на уроки, что я легко могла угадать каждый его шаг.

— Фаня, после занятий обязательно перезвони мне или маме, слышишь! — услышала родительское наставление и пообещала:

— Хорошо, пап!

Он знал, что я сдержу слово.

Ульянка молчала все пары. Со вчерашнего дня ничего не изменилось для нее, и Ким старательно меня избегала, не удостаивая даже редким косым взглядом. Мы переходили из одной аудитории в другую, а мне оставалось лишь тоскливо наблюдать за девушкой, для которой я из лучшей подруги в один миг превратилась в жалкую ревнивую завистницу, посмевающую очернить симпатичного парня.

Что ж, пусть лучше так, чем Мальвин разобьет ей сердце. Я так хотела оставить свою боль в прошлом, забыть, но сейчас не жалела, что открылась. Во всяком случае, теперь Ульяна знала, чего от Севы ожидать, независимо от того, что обо мне думала.

Сева Мартынов снова поймал меня на выходе из буфета, когда увидел одну. Заулыбался, навязчиво обращая на себя внимание.

— Я все еще жду, Фанька! Но у меня не так много терпения, как ты думаешь, — бросил не без раздражения, заступая дорогу. Вскинув руку, провел пальцами по щеке. — Я уже ищу его — твоего парня, — практически выплюнул, прижимая к стене, — так ему и передай! И забери свое. Сколько еще времени он собирается прятаться за твоей юбкой? Ну, давай уже, Чижик, пожалуйста на меня, твою мать! Всем сразу станет легче!

— Пошел к черту!

Этот разговор с Мальвином заметно испортил и без того унылое настроение, и по дороге к дому я снова и снова повторяла себе, что если не хочу еще больше расстроить своим видом Луку, то должна забыть бывшего и не обращать внимания на его выходки. Все равно это мало что изменит, а он когда-нибудь да уймется и забудет меня. Легко забудет, когда поймет, что фееричного возвращения Чижика не видать.

Сокола дома не было, продуктов в холодильнике заметно поубавилось, и я, поколебавшись, все же взяла деньги, которые оставил Артем, и утащила мальчишку с собой за покупками в магазин. Двое мужчин в доме — это не шутки! Их кормить надо! А после как могла развлекала Луку вкусностями и разговором. Он оказался смышленным ребенком, немного колючим, но я знала, что делать, и время для нас пролетело незаметно. Мы как раз досматривали с ним новую часть «Звездных войн», обсуждая последних джедаев, когда вернулся Артем. Поздоровавшись, коротко сообщил брату, что был в больнице и что состояние здоровья Алисы все еще неважное. Да, она пришла в себя, но из-за сильной головной боли сейчас находится под капельницей и действием снотворного.

— Нет, Лука, она не умрет. Я думаю, ты сможешь ее провести уже через несколько дней. Я сам ее не видел, но отец заходил, — донеслись до меня слова Артема из кухни, обращенные к брату. — Кстати, он о тебе спрашивал.

— Правда?

— Да.

— А что?

— Все ли у тебя хорошо и есть ли необходимые вещи.

— Мне ничего не нужно!

— Помолчи! Ты не можешь отсиживаться дни напролет, валяясь и смотря кино. Тебе необходимо вернуться к учебе и к нормальной жизни. Послезавтра отец за тобой заедет, и вы вместе съездите в ваш с Алисой дом. Соберешь все, что считаешь нужным для переезда к отцу. Мы оба считаем, что тебе будет с ним гораздо лучше. Алиса проведет в больнице не меньше месяца, а то и двух.

— Он мне не отец!

Я не прислушивалась специально... или прислушивалась? Но, кажется, даже я замерла в ожидании ответа Сокола.

— Тогда и я тебе не брат, — сухо сказал парень, — потому что родители у нас одни, нравится это тебе или нет. Уж какие есть. Не помню, чтобы ты отзывался на фамилию Петушков.

— Но я хочу жить с тобой, Артем, пожалуйста!

— У меня бесконечные тренировки. Через месяц я уеду на недельные сборы в новый футбольный клуб. Весной меня не будет в городе по полмесяца — мне попросту не доверят опеку, Лука. А Анфиса не обязана за тобой присматривать.

— А ты? Ты можешь поехать со мной к нам домой? На Кольцова?

— Я не могу туда вернуться.

— Ну, почему?! Там моя комната, я сам тебе все покажу! Тебе понравится!

— Я не могу и все. Ясно?

— Нет, не ясно! Ничего не ясно! Ты такой же, как твой отец! Не хочу с тобой разговаривать!

Но уже через несколько минут, когда Сокол с Лукой вошли в комнату и увидели, что я достала матрас и расстелила постель, Сокольский младший занял, обращаясь к брату. Неверно истолковав мое намерение.

— Артем, можно я посплю с тобой! Ну, пожалуйста, Артем! Пожалуйста! Так нечестно! Анфиса и так всегда с тобой спит, а я скоро уеду!

Ого! Логика, конечно, железная. Так сразу и не поспоришь. Но ведь я и правда здесь живу. И вроде как девушка Сокола. Мы с Артемом встретились взглядами. Да, хорошая у нас вышла сделка, если мы даже мальчишку смогли провести, особо не стараясь.

— Все нормально! — я неловко улыбнулась, подняв руку. Посмотрела на гостя. — Конечно, Лука! Я люблю спать на полу, здесь здорово. Никто не толкается и места много.

— Я не толкаюсь, — неожиданно возразил Артем.

— Ну да? Это тебе так кажется! Так что, Лука, советую сразу отвоевать свою половину!

Но он действительно не толкается, вот же я лгунья! Сокол берет и присваивает, а это несколько разные вещи. Кажется, сейчас я сама была бы не прочь заснуть в его руках.

Уф, и о чем я только думаю?!

— Ну и пусть! Мне не жалко! Я тоже верчусь во сне, будь здоров! — довольно хмыкнул мальчишка, победно вспрыгивая на кровать. — Мама со мной даже в детстве спать не могла, так что держись, брат!

— Точно! — я кивнула. — Он еще и одеяло отбирает — хапуга! Так что укрывайся хорошенько, Лука, не то замерзнешь.

Сокол стянул через голову футболку и удивленно уставился на меня.

— Ты разве замерзла со мной, Чиж?

Мои щеки вспыхнули, и все что я смогла сделать, это пожелать всем

спокойной ночи и отвернуться. Божечки, какие плечи!

Я присела и полезла под одеяло, улеглась на подушку, которая еще хранила запах Артема — теплую свежесть мужского парфюма. Странное ощущение, но такое приятное — комфортное, что ли. Вспоминая наш сумасшедший поцелуй, сама не заметила, как повернулась лицом к кровати и сложила ладони под щекой. Свет был потушен, но телевизор тихо работал, передавая последнюю ленту новостей. Сокол лежал на самом краю, подложив руки под голову, и смотрел на меня. Мы оба не слышали ничего, кроме своих мыслей. Я так скучала по нему, вот о чем думала, и о многом, многом другом. Мы долго смотрели друг на друга, пока я незаметно для себя уснула, запомнив на себе его взгляд. Почему-то он совсем не смущал меня, скорее напротив, успокаивал и о чем-то говорил. Вот только о чем?

Если бы мне еще две недели назад кто-нибудь сказал, что мы будем вот так засыпать, играя в гляделки с Артемом, я бы рассмеялась. Это же Сокольский! Нет ему дела до всяких чижигов-пыжиков на потоке, да и с чего? Но сегодня смеяться не хотелось. Вовсе нет. Хотелось верить в лучшее и жить.

А утром произошел казус. Да что там — казище! Чуть под землю от стыда не провалилась! Сама не знаю как, но до сих пор нам с Артемом удавалось избегать неловких ситуаций с переодеванием и прочим. Не сговариваясь, мы легко делили с ним личное пространство друг друга, уважая право на уединение, но все однажды случается впервые, и я попалась.

Я всегда по утрам собиралась тихо — привычка, прокрававшаяся в подкорку со времени рождения младших сестренок, когда вся семья жила по расписанию двух орущих младенцев и приходилось это учитывать. Похоже, этим утром Сокол решил, что я уже ушла в университет, когда сонный распахнул дверь ванной комнаты и застыл на пороге, увидев меня, повернутую к нему спиной. Я как раз чуть склонилась, оттопырив попу, надевая носок, когда вдруг замерла как цапля, оставшись стоять на одной ноге, заметив в зеркале его отражение. Затаила дыхание, боясь оглянуться, понимая, что он видит сейчас на мне лишь одни труселя и те в тот самый, памятный полетом, горох.

«Эх, хоть бы бикини новые, кружевные надела, что ли, — мелькнула по-женски досадная мысль».

Я услышала, как дверь за спиной распахнулась и через одно долгое мгновение захлопнулась. Громко захлопнулась, почти оглушительно.

— Черт!

Он не ушел. Так и остался за дверью. И я стояла. Как два дурака стояли и слушали друг друга, а нас разъединяла деревянная панель.

— Извини, Чиж, — Сокол все-таки отозвался. Я протянула непослушную руку и медленно защелкнула замок.

— Я сама виновата. Это ты меня извини, Артем. Дай мне минутку, пожалуйста, я уже выхожу.

— Конечно.

Но прошли минуты две, прежде чем он ушел. Я сразу это почувствовала. Распрямилась и привалилась спиной к стене, обнимая лицо ладонями.

Как я могла так опрометчиво оставить дверь открытой? Как?! Я же душ принимала! Специально встала пораньше, чтобы проделать все свои женские штучки с эпиляцией и прочим! О Боже... Это все сон виноват! Когда человеку снится «такое!», он просто перестает здраво соображать! Ну и как теперь смотреть Соколу в глаза?

В университет я сбежала, даже не позавтракав. Отсидела две пары, сдала тест по государственному управлению и отправилась с Наташкой Крыловой обедать в буфет.

Ульянка уже сидела за столиком с Инкой Шаповаловой, Олей Грачевой и Надей Коваль. Девчонки пришли всего на несколько минут раньше нас, и мы с Крыловой, взяв по стаканчику кофе и пирожку с картошкой, к ним присоединились. Если согруппницы и заметили наше с Ким трехдневное молчание, то виду не подали. Даже не знаю, что бы я ответила, решишь они поинтересоваться: какая черная кошка между нами пробежала. А впрочем, вопрос на засыпку все же повис в воздухе. Не мог не повиснуть в ожидании события, которое обсуждал факультет всю последнюю неделю.

— Девчонки, так что мы решили насчет завтра? Я предлагаю не разбиваться на парочки, а завалиться в клуб толпой! Все согласны? — обратилась ко всем Надя Коваль. — Пятница-развратница на дворе, а тут такой шикарный повод отдохнуть! Достала уже эта сессия!

— Лично я двумя руками «за»! — поддакнула Инка. — Ким, чего молчишь? Как насчет тебя?

Ульянка отпила кофе из стаканчика и пожала плечами. Подруга сегодня заметно прихорошилась и выглядела очень мило в белом свитерке и светлых джинсах. Высокий хвост ей тоже шел, еще больше подчеркивая необычный разрез глаз.

— Не уверена, девочки. Что-то настроения нет. Да и два зачета впереди, экзамен у Зарецкой, надо бы подготовиться. Не хочу у Снежной королевы неуд схватить.

— Ты еще скажи, что у тебя дети по углам плачут, — отпустила смешок Грачева, пихнув соседку в бок, — и так засовестили нерадивую мать, что она за выходные решила стать зубрилкой!

— Действительно, смешно! — поддакнула Наташка. — Ульян, что значит «не уверена»? Ким, ты нас бросаешь? Вы с Чижик сговорились, что ли? — неподдельно удивилась. — Девочки, ну хоть раз в году будьте людьми, а? Поддержите компанию! Все же группой идем!

Событие впереди намечалось не то, чтобы масштабное, но празднично-выходное и интересное. Мы все на самом деле здорово увязли в учебе, так что общее желание расслабиться прозвучало вполне понятно. Может, и в самом деле пойти? Сколько можно только работать и учиться? Если честно, я находилась в сомнении: да, предстояли экзамены, но уж очень хотелось забыться и просто потанцевать.

— Так, ничего не знаю! — озвучила мои мысли Надя Коваль — высокая полноватая шатенка с кудряшками до плеч, староста нашей группы. Как всегда она первой заражалась всеобщим настроением, и первой же за него отвечала. — Решено! Завтра вечером после пар всей дружной толпой идем в «Альтарэс»! Там будет выступление Suspense, обожаю Игната и Белого! Ну и студенческая тусовка, само собой. Ну, пойдемте, девчонки! — оглядела нас с укором. — Новый год через неделю, а вы как седые перечницы задницей к дому прилипли! Кто за вас старый год проводит, а? Ульян, Фа-ань! — девушка взглянула на Ким, потом повернулась ко мне, состроив грустную рожицу. — Поддержите компанию! Вдруг мы там себе таких парней отхватим, что остальные сдохнут от зависти! Я, между прочим, уже три месяца ни с кем не целовалась!

— А как же Артурчик Зябликов? Со второго курса? — сощурила хитрый глаз Инка, заправив за ухо черную прядь, стриженную под «каре». — Ты в общаге на дне рождения Ромки с него не сползала. Я уже о продолжении молчу.

— Тьфу! — Надька Коваль, засмеявшись, скривилась. — Нашла о ком вспомнить, Шаповалова. По пьянке и с малолетками не считается! Может, я его уму-разуму учила, как старший товарищ по несчастью. Не все же на помидорах тренироваться! Тем более там нитраты, а это для юного организма вредно! — Староста ни капли не смутилась. — Да и не было у нас ничего, Инка, не сочиняй!

Брюнетка прыснула смехом.

— Лучше скажи, что перебрала и не помнишь, — сказала с намеком. — А то рассказывает она про три месяца.

— Я слабая девушка, перегруженная учебой и социальной работой на

благо родного факультета! Да, у меня случаются провалы в памяти, и нет парня, так что могу целоваться хоть с Зябликовым, хоть с Ромкой...

В этот момент в буфет вошла компания Сокола в полном составе. Задержавшись у прилавка с едой, парни привычно расселись за центральным столиком, спугнув первокурсников.

— ... А хоть с Мальвином! — уверенно закончила староста. Вздохнула мечтательно, подперев ладонью щеку: — Но лучше бы с Соколом. Хотела бы я узнать, как этот красавчик целуется.

— Уж точно не как Зябликов, — ввернула Инка. — Фе-е! Оль? — повернула голову в сторону Грачевой. — Ты у нас с обоими целовалась. Поделись впечатлением со страждущими, которым в этой жизни ничего не светит. Тебе хоть понравилось?

Симпатичная, но редко чем довольная Грачева тщательно прожевала пирожок, взяла в руку стаканчик с горячим кофе и откинулась на спинку стула. Покосилась на парней.

Я тоже оглянулась — скорее машинально, чем действительно хотела их увидеть. И тут же вспыхнула на щеках румянцем, встретившись с пронзительно-серыми глазами Артема. На несколько долгих секунд он удержал мой взгляд, и я с трудом сглотнула вставший комочек кусок пирожка, вспомнив нашу утреннюю встречу и разговор. Сердце заметалось в груди, в горле пересохло, и я поспешила отвернуться к девчонкам, надеясь, что никто не заметил моего смятения.

— С Сокольским я не целовалась, — призналась Грачева, — он меня сразу отшил. Куда нам сирым и убогим до будущей звезды футбола, — сказала с легкой обидой. — Ему все самое лучшее подавай — вроде Лерки Анисимовой. Та тоже себе цены не сложит в базарный день, знает возле кого вертеться. А Мальвин — козел! — вдруг сказала, как отрезала. И решительно запила свои слова кофе.

Ульяшка тут же застыла и напряглась, а я подняла глаза на подругу. Она так же, как я минуту назад, сейчас смотрела в сторону стола, за которым сидел ее брат, но вряд ли ее мысли и смущенный взгляд имели отношение к Лешке. Я заставила себя снова обернуться, чтобы убедиться в догадке. Мартынов улыбался Ульянке — довольно мило и непринужденно, время от времени бросая на девушку из-под длинной челки заинтересованный взгляд. Да, он проявлял интерес, но рядом сидел Лешка, болтая о своем с темноволосым Максом, и он об этом помнил.

— Ого! — изумленно выдохнула Надя. — Как ты о нем сурово, Олька! Как припечатала!

— Зато честно, — хмыкнула Грачева. — Не обольщайтесь, не только о

нем! Уверена, что Титов с Сокольским такие же! О Лешем промолчу только из уважения к Ульяне.

Я не хотела и не собиралась. Не намеревалась... Честное слово, я думала о том, чтобы взять Ким за руку и увести отсюда! Подальше от Мартынова и его друзей. Таких же, как он. Таких же! Права, Оля! Разве я сама не была тому свидетелем?.. А вместо этого снова взглянула на Сокола.

Он продолжал смотреть на меня — прямо, без ужимок. Не улыбаясь и не отводя глаз. Словно... словно хотел оказаться рядом. Или это я хотела? Сумасшедший! Здесь же любой мог заметить его взгляд! Вспомнив о сделке, я заставила себя посмотреть на Лешку, а потом на Титова. Обычное любопытство, не больше. В этой столовой много девчонок точно так же, как я, посматривали в сторону парней. И неважно, что Мальвин напрягся и сжал рот. Я все равно не увидела голубых глаз. Скользнула по ним равнодушно, словно по стене, и, отвернувшись, выдохнула.

Неужели я еще недавно чувствовала себя здесь спокойно? Обычной неприметной студенткой? Сейчас затылок просто горел от взглядов. От голубого хотелось сбежать, а к стальному идти. Могла ли я обвинять Ульянку в том, что она не слышит слов и не хочет верить, если я сама себя не слышу и не верю. Если не хочу помнить?

— Девочки, вы только посмотрите какой к нам сегодня повышенный интерес! — захихикали Инка с Наташкой. — Сама компания Сокола внимание обратила, ну надо же! С чего бы это? А в буфет, между прочим, только что Анисимова вошла!

— А может, наши звездные парни не такие уж и недостижимые? Надь, кажется, ты права насчет учебы и «Альтарэса». Пора на все забить и как следует отдохнуть, иначе я поверю во что угодно! Даже в то, что завтра в клубе встречу свою судьбу! Посмотри, Коваль, у меня с прической все хорошо? Как думаешь, нам удастся сфотографироваться с парнями из Suspense? Если я сейчас наберусь наглости и попрошу Сокола с ними познакомиться, как думаешь, он меня не пошлет?

С прической у Инки Шаповаловой было все в порядке, в отличие от смелости, но настроение у девчонок поднялось. За смехом внимание у всех рассеялось, и я немного расслабилась. Вспомнив зачем сюда пришла — молча выпила кофе и доела пирожок.

— Значит, так! — староста привычно взяла организацию поездки в клуб в свои руки. — У нас осталось пять минут до конца перерыва — самое время договориться! Девчонки, есть дельные предложения? Нет? Тогда слушаем сюда!

Отказаться не получилось — ни у меня, ни у Ким. После коротких

переговоров договорились сброситься на такси, и при полном параде явиться к семи вечера в клуб «Альтарэс». Подумав, я согласилась. Завтра к Артему и Луке обещал приехать Василий Яковлевич, им предстоял непростой разговор, и я чувствовала, что мне не мешает где-нибудь скоротать вечер. Почему бы и не на концерте? Тем более, что права Коваль: не одной учебой жив студент, а тут еще и стипендию так вовремя начислили! А «Маракана» как-нибудь продержится без Фаньки еще денек.

Уже на выходе из буфета я увидела, как возле стола Сокола остановилась Лера Анисимова с подругой, но оглянуться и убедиться, что Артем больше не смотрит на меня — смелости не хватило. Просто стало грустно.

Эту грусть заметил Лука, когда я вернулась домой, и мне срочно пришлось реанимировать собственное настроение, чтобы еще больше не расстроить мальчишку. Сначала два часа резаться с ним в игровую приставку Sony PlayStation, безбожно проигрывая в любой из игр. А потом выйти гулять на улицу, потому что нам вдруг пришло в голову пошвырять не созданные в графике, а настоящие снежки.

На пустыре за домом снега хватало, и мы с Лукой не на шутку разошлись, пустившись в бег по пересеченной местности с наваленными по краям сугробами. Стреляла я метко, зато Лука оказался шустрее, и мне пришлось здорово попыхтеть, чтобы вернуть себе уверенность и чувство собственного достоинства, отобранное приставкой. Через полчаса к нам присоединилась местная детвора и какие-то подростки, и поздний вечер под светом фонарей наступил незаметно.

— Что это с вами? — уставился на нас Сокол, когда увидел двух чудиков в сосульках, с красными носами, нарисовавшихся на пороге. — Чиж, ты снова мне не отвечала, — сказал не то, чтобы с упреком, но с беспокойством в голосе. — Я только что вернулся с тренировки и уже собирался идти вас искать. Думал, случилось что-то.

Все верно, со мной был его младший брат и, кажется, я здорово сглупила, беспечно позабыв о времени.

Мы с Лукой переглянулись и, не сговариваясь, виновато утерли носы.

— А мы это... играли во дворе, и я не слышала.

— Ага! И я не слышал, — поддакнул мальчишка.

— Играли? — брови Сокола взлетели вверх, и сразу стало как-то неудобно под его удивленным взглядом — и за себя и за свой расстрелянный снегом помпон на шапке. Да и алые щеки с растрепанной косой солидности к девичьей стати не добавляли, как и мокрые от снега колени. М-да, не красotka Анисимова в собольей шубке и мейкапе от Dior.

Детский сад какой-то, а не Чижик! Но вырастешь тут, когда у тебя подрастают младший брат и две сестренки, и всех нужно нянчить.

Глядя на Артема в дорогой кожаной куртке и черной водолазке, всего из себя парня-мечту, я смутилась. Хорошо, что Лука вовремя затарактел, а то даже и не знаю, что бы ему ответила.

— Да, мы играли, Артем — в снежки! Было круто! Сначала с Фанькой, а потом с пацанами из соседнего дома. Ты не поверишь, но мы их сделали! Фань, скажи? — Лука как старого боевого приятеля пихнул меня локтем в бок. Мокрый от снега помпон тут же съехал на бок.

— Э-э, ну, типа того, — поддакнула я, стараясь не смотреть в серые глаза. — Кажется, никто не выжил.

— Х-ха! Я выбил последнего! — гордо хохотнул Лука. — Конечно, никто! Они все спрятались лепить бомбочки, а мы смылись! Классно, да?

Сокол вдруг нахмурил брови. Ну, чисто тебе дядя Вася двадцатилетней давности, в первой стадии солидности. Сообразив, что стоит на пути в квартиру, парень вернулся в прихожую и сбросил с плеч куртку.

— Давай помогу! — сказал Луке, раздевая его.

— Артем, я сам! — заупрямился мальчишка, впрочем, с обожанием глядя на старшего брата.

— Сам будешь штаны в туалете снимать и отвечать на звонки, ясно? — беззлобно рыкнул Сокол. — Я тебя предупреждал, Лука, что отец позвонит. Почему молчал? Мог бы и сказать отцу два слова. Сам расспросить об Алисе, раз уж ты у нас такой взрослый.

А меня и спрашивать не стал. Как только я вошла в прихожую и закрыла за собой дверь, Сокол шагнул навстречу, расстегнул на мне пуховик и отобрал шапку. Снял шарф. Правда, руки на шее задержал чуть дольше, чем следовало. А может, мне просто показалось. С некоторого времени я перестала вести счет секундам, попадая во власть внимательных серых глаз.

— Пойду вещи развешу на батарее, — сказал, перекинув куртки на руку, — а вы разуйтесь. Я пиццу купил, будем ужинать.

Глаза Луки тут же вспыхнули радостью.

— Ура! Пицца! Фанька, ты любишь пиццу?

— Я... — кожу покалывало от неожиданного прикосновения, и я растерянно потерла шею ладонью, подыскивая слова для ответа.

— Конечно, она любит пиццу, — уверенно отозвался Артем, направляясь в комнату. — А еще Анфиса любит голубцы, фисташковое мороженое и черный шоколад. Но подозреваю, что от миндальных меренг из французской кондитерской «Старина Жак» она тоже не откажется.

Что? «Старина Жак»? Из той самой кондитерской, которая по вечерам в центре переливается сказочным неоном, привлекая внимание прохожих роскошной витриной и пугая ценами?!

— Меренги? Миндальные? — я шагнула вперед, как знаменитый диснеевский мышонок Джерри на запах сыра. Не то чтобы я никогда не слышала о таких пирожных, но чтобы уж очень распробовать... Да еще и оригинального производства...

— Меренги, Чиж, — Артем обернулся, улыбаясь. Сказал просто: — Захотелось вдруг тебя удивить. Весь чертов день мечтаю дома поужинать, ты ведь не против, Анфиса?

— Я? — распахнула глаза. — Нет.

— Вот и отлично! — Сокол остановил взгляд на моих мокрых коленях. — Тогда жду вас на кухне — сейчас вернусь и сделаю чай. — Хмыкнул неожиданно своим мыслям, отворачиваясь. — Играла она...

И ушел, оставив нас с Лукой сначала таращиться друг на друга, а потом молча снимать сапоги.

Есть хотелось до жути, гораздо сильнее, чем принять душ и переодеться. Хорошо, что рядом не было родителей, и мы с Лукой, с легкостью наплевав на приличия, помыв руки, послушно протопали на кухню. Сначала напились горячего чая с пиццей, и только потом отправились в душ. Точнее, это я отправилась, потому что рот у Луки не закрывался, и он продолжал и продолжал рассказывать Артему обо всем на свете, не замечая, что брат едва ли слышит его. Кивает, конечно, и отвечает, но мне казалось, что острый взгляд Сокола не упускает из внимания ни единой крошки, которую я отправляла в рот. Под этим взглядом даже губы шевелились как-то по-особенному, словно хотели чего-то. Помнили о чем-то очень чувственном и приятном, что навсегда осталось в памяти. Что еще не так давно заставило меня задыхаться от моря ощущений и чего до одури хотелось вновь.

Я посмотрела в лицо Соколу, встречая внезапно всколыхнувшую грудь тоску. Здесь, у него дома, можно было забыть о чем угодно. О бывшем, о сделке, о красотке Анисимовой и Зае-Вике. О том, что делало нас такими разными. О том, что у приключений с такими парнями всегда есть срок, и хорошо бы просто выжить, не потеряв себя.

Понравились ли мне меренги? Уверена, что да. Если бы меня попросили описать их вкус, я бы затруднилась ответить даже приблизительно. Все о чем я могла думать, это о парне, который сидел так близко, что я при желании могла его коснуться.

В кухне звучал звонкий голос Луки, но меня не покидало чувство, что

мы с Сокольским одни.

Я заставила себя встать и поблагодарить хозяина за ужин.

— Спасибо, Артем. Я в душ и вернусь — помогу убрать со стола.

Но когда вернулась из душа, сменив джинсы на теплую футболку и пижамные штаны — легче не стало. Тщетно я пыталась смыть с себя шампунем для пупсов гуляющее под кожей волнение. Оно дышало в легких, горело в крови, не желая меня покидать. Побуждая сердце проснуться.

И снова стук — тук-тук, тук-тук! Слово́ серый взгляд ни на секунду не отпускал меня. Видел даже сквозь стены.

Я убрала посуду в мойку и опустила руки под воду. Кажется, вымыла чашки, расставив все по местам. Но стоило только Луке крикнуть: «Я скоро!» и защелкнуть за собой замок в ванную комнату, как я тут же почувствовала за спиной горячую грудь Сокола.

— Анфиса... — его рука дотронулась до моих влажных волос, и я повернулась. Мы уставились друг на друга, тяжело дыша. Он шагнул ближе, опуская голову. Не знаю, откуда пришла эта мысль, но она застучала в голове отчаянным предупреждением опомниться. Потому что остановиться будет невозможно.

— Артем, здесь Лука...

— Анфиса...

— Пожалуйста, нет.

Я трусливо закрыла глаза, встречая молчание. Чувствуя теплое, чуть рваное дыхание на своей щеке.

Если он не сдержится, я уступлю. Еще секунда и забуду обо всем на свете, сама потянувшись навстречу.

Палец Артема раскрыл мои губы, погладив их.

— Почему ты все время так далеко, Чиж? — услышала я негромкий голос. — Такое чувство, что я не могу дышать. Почему?

Я беспомощно мотнула головой, не зная, что сказать. Открыла глаза, но он уже ушел. Вернулся в комнату, оставив меня одну раздумывать над ответом.

Господи, Фанька, ты с ума сошла! Это все добром не кончится!

Когда я вошла в гостиную, кровать уже оказалась расстелена, а матрас с подушкой лежали на полу. По телевизору шел фантастический фильм «Интерстеллар», и Лука показывал брату какие-то боевые приемчики, изображая из себя каратиста. Убедая Артема, что все это очень может пригодиться, случись нам всем оказаться в космосе и попасть в Черную временную дыру, как пилоту Куперу.

— Осторожно, Фань! Смотри, как я умею! — присев на корточки, мальчишка кувыркнулся на матрасе через голову и остался лежать, раскинув руки. — Супер! — засмеялся. — Фань, а у тебя здесь и правда классно!

Этот фильм с Меттью Макконахи в главной роли я раньше не видела, а потому влезла в кресло с ногами и попыталась следить за сюжетом. Получалось не очень, хотя качественная графика на таком большом экране производила впечатление, да и сюжет определенно был интересным. Увы, сегодня космос не затрагивал струны души, оставляя меня равнодушной. Мне хотелось оказаться там, на кровати, где полулежал, упершись плечами в стену и согнув ногу в колене, Сокол. Его прямой профиль с твердым ртом и подбородком привлекал меня сейчас гораздо больше глобальных событий во Вселенной.

Неужели еще неделю назад мы сидели с ним рядом и запросто уплетали мороженое? Ходили в кино? Неужели это я ждала его на улице, пока он был не один? Когда же все успело измениться?

Я склонила голову к плечу, вплетая пальцы в волосы. По привычке стала прочесывать все еще влажные пряди по длине, подсушивая их ко сну. Задумавшись о своем, не заметила, как фильм закончился.

— Ладно, Артем, — зевнул Лука, вновь забравшись на матрас и расправляя одеяло. — Можешь сегодня спать с Анфисой, так и быть! — великодушно разрешил. — Мне здесь нравится!

Артем, шагнувший было к коридору, чтобы дать мне возможность устроиться на ночь, замер и обернулся к брату. Его рука медленно поднялась и красноречиво указала мальчишке на кровать.

— Ложись и молчи.

— Но, Артем!

— Твою мать, Лука! — рыкнул парень, и даже я сползла с кресла. — Делай, что тебе говорят!

Мы снова засыпали, глядя друг на друга. На этот раз телевизор молчал, а в комнате было темно и тихо.

— Спокойной ночи, Чиж, — услышала я негромкое, и поспешила откликнуться.

— Спокойной, Артем.

Я лежала и ждала, все ждала, когда же скрипнет кровать. Когда же Сокол, наконец, отпустит меня, и я смогу сомкнуть глаза — словно сумрак мог видеть за нас двоих. Но не отвернулись ни он, ни я.

Глава 19

Утром Артем ушел рано. Сквозь сон я слышала из прихожей его разговор с отцом, а через десять минут парень уже исчез из квартиры. Я села в постели, с беспокойством вслушиваясь в оставшуюся после него тишину, надеясь, что с его матерью не случилось ничего плохого.

Прошел час, прежде чем я набралась смелости позвонить.

— Артем, привет. У тебя все хорошо?

Кажется, я застала его не в самый удобный момент, на заднем плане раздавались беспокойные голоса, но он не прервал звонок.

— Привет, Чиж, — сказал, выдержав небольшую паузу. — Почему ты спрашиваешь?

— Извини, я слышала, что звонил Василий Яковлевич, и подумала: вдруг с Алисой что-то случилось. Сейчас проснется Лука и наверняка захочет с тобой поговорить...

— Алиса в порядке, насколько это возможно. Здесь Сусанна, но я успел ее перехватить раньше отца. Ничего страшного, она уже уезжает. Скажи Луке, что все хорошо.

— Да, я обязательно скажу. Пока?

И снова пауза.

— Пока, Чиж.

Занятия в университете начинались со второй пары, и у меня оставалось немного свободного времени. Я приготовила завтрак и немного прибралась на кухне.

— Лука, не филонь! — упрекнула мальчишку, когда он, управившись с сырными гренками, забрался с ногами в компьютерное кресло. — Целый день сидеть за играми вредно! Лучше достань из шкафа пылесос и прибери комнату! — наказала уже из прихожей, натягивая на себя куртку и сапоги. — И сходи, пожалуйста, за хлебом. Деньги Артем оставил на кухне.

— Ну, Фа-ань! Мне некогда! Мне нужно миссию закончить, понимаешь? Две базы осталось!

— Ого! — я не удивилась. Сколько раз нечто похожее мне приходилось слышать от младшего брата. — Базы — это серьезно! — согласилась, проверяя в сумке наличие телефона и ключей от гаража бабы Моти, в котором до сих пор хранились мои вещи. — Наплюй, Лука, не бери в голову! — развернулась к дверям, натягивая шапку. — Так и скажу Артему:

а пусть сам пылесосит! Что мы ему тут в прислуги нанялись, что ли! И полы пусть в ванной вымоет, а то совсем обнаглел — за порядком не следит. А еще чистоплюй! Да я бы на его месте спасибо сказала, что мы с ним живем! Так что я тоже отказываюсь мыть унитаз, убирать за собой постель и готовить, вот!

— Ла-адно, Фанька, — уже переступая порог, услышала я грустный вздох Луки и догадалась, что мальчишка неохотно слез с кресла. — Так и быть, уберу. Где тут твой пылесос? Но унитаз я мыть не буду, так и знай!

Да кто бы сомневался. Я захлопнула дверь и, не дожидаясь лифта, скатилась по ступенькам на улицу. Прибежав на остановку, привычно вскинула руку вслед тронувшемуся с места автобусу:

— Э-эй, стойте! Меня подождите!

Сегодня в университете нашу группу ждали две лекции и одна консультация у Зарецкой. Несмотря на предстоящие экзамены, коридоры и кабинеты корпуса уже успели украсить праздничной мишурой, и настроение у всех было приподнятое. И, конечно, главной темой разговоров у девчонок продолжали звучать планы на вечер. Приближался Новый год, впереди ждали выходные и думать о предстоящей сессии совершенно не хотелось. Даже наша Снежная королева сегодня не была похожа сама на себя и всю консультацию пыталась хохмить. Что в силу ее характера и дотошности к предмету скорее всех напрягло, чем по-настоящему удивило.

— Вы думаете, наша ледяная гримза действительно способна устроить всем незабываемый экзамен? Что-то меня пугают ее намеки насчет нескучных каникул.

— Да уж, шутка про квест Зарецкой не удалась. Хорошее же нас ждет приключение, если она решит с нами поиграть. Не понимаю, кому вообще интересна эта экономическая информатика? Я скоро от всех этих стратегий, рисков инвестиционных портфелей и типов диверсификаций свихнусь!

— Поверь мне — всем интересна, если в зачетке будет стоять «неуд»! Вот ледышка посмеется. Сами на ее квест напросимся, как миленькие!

Закончилась последняя пара и все засобирались домой. Я попрощалась с девчонками, договорилась о встрече вечером, и направилась к выходу. Оставалось не так много времени, часы показывали начало третьего дня, а в планах по-прежнему значились нереализованными два важных пункта: заглянуть в гараж к бабе Моти за вещами и успеть привести себя в порядок. В клуб, так в клуб! Как у любой девчонки в загашнике у меня имелось кое-что поприличнее джинсов и пары юбок, в которых я обычно работала в «Маракане», и я всерьез собралась принарядиться. Достала учеба, права

староста!

Ульянка собирала сумку, и я остановилась возле нее в проходе. Все утро она была молчалива и задумчива, и снова избегала на меня смотреть. Я скучала по подруге, и ничего не могла с собой поделать. Друг — это вам не корка апельсина, так просто не отбросишь в сторону. Друг потому и друг, что ему отдана частичка души. И моя частичка души вблизи от Ким очень грустила.

— Привет, Ульян, — я подошла ближе и улыбнулась девушке. — Как дела?

Она на секунду замерла, но глаза не подняла.

— Почему ты спрашиваешь? — как-то странно насторожилась, а я растерялась.

— Да так, просто, — пожала плечами. — Хотела узнать насчет вечера. Если хочешь, мы могли бы встретиться и вместе поехать в клуб.

— Мы и так идем в «Альтарес» всей толпой, если ты забыла. Коваль только что всем напомнила, где встречаемся. Разве ты не слышала?

— Слышала, конечно. Но я полагала, что мы, что ты и я... А впрочем, не бери в голову, Уль. Забудь!

Я развернулась, намереваясь уйти. Зря я понадеялась вернуть прежнюю Улю. Аудитория уже опустела, а разговор не получался, но девушка меня остановила. Спросила вдруг тихо в спину, но я расслышала:

— Почему ты не сказала, что сама его бросила?

— Что? — я оглянулась. Ким продолжала собирать сумку.

— Мальвина? Разве ты святоша, Фанька? Разве ты никогда не ошибалась?

— Нет, я... — слова никак не ложились на язык.

— Он любил, а ты наплевала. Он до сих пор не может тебя забыть.

— Все не так, Уль!

— Неужели? — Ульянка подняла на меня карий взгляд — непривычно-холодный и чужой. — Разве не потому он все время с другими, что вы не вместе? Ты хоть раз об этом подумала? Это жестоко, Чижик! Мне казалось, это ревность, но это еще хуже! Ты не дала ему даже шанса стать лучше. Ни разу не подумала, что он чувствует, а еще обвиняешь! Он звонит, ищет встречи, он даже рассказывает всем о тебе, а ты его мучаешь! Не отпускаешь и смеешься! Да он это все назло, понимаешь? С другими — назло! Я никогда и подумать не могла, Фанька, — закончила Ульянка, — что в тебе столько цинизма.

Что? Я так и ахнула. Мне показалось, что мир встал с ног на голову, или это я потеряла под ногами точку опоры.

— Господи, Ульян, перестань, — попросила подругу просевшим голосом. — Это же глупость какая-то! Ты же знаешь Мартынова. Назло — это не про него. Его самоуверенности хватит на пятерых. И мы давно расстались!

Но, похоже, что так виделось только мне. Ким отставила сумку и повернулась.

— Скажи мне правду, Фанька, — сказала, глядя в глаза. — Все это время, когда ты его скрывала, ты думала, как ему одиноко от мысли, что он тебе не нужен?.. Да, я ошиблась, — она разочарованно кивнула, словно своей догадке, — ты не ревнуешь его. Ты просто взяла и вычеркнула Севу из своей жизни, как лишнего человека. Превратила в пустое место. Не захотела остаться даже друзьями!

— Какие друзья, Уль? Он предал меня. Но я его не виню. Да, винила раньше, но больше нет! Я просто не хочу о нем слышать. Да пусть живет, как хочет! Причем тут я? Речь вовсе не обо мне. Я просто не хочу, чтобы было больно тебе!

Ульянка горько усмехнулась.

— Какое показное равнодушие, Чижик, к тому, кого ты когда-то любила.

Этот упрек уколол болью и ожег душу обидой, и признание само сорвалось с губ.

— Да, любила.

— А мне кажется, нет, — сухо возразила девушка. И припечатала к месту словами. — Если бы любила, ты бы простила. Не смогла не простить. Никогда бы не подумала, Фань, что ты не способна чувствовать.

Что?

Я отшатнулась, потрясенная этими словами. Неужели это все говорит Ульянка? Человек, который знает меня намного лучше других?.. Воистину те, кто нам дорог и от кого нет защиты, могут причинить настоящую боль.

— Нет, это не так, — качнула головой.

Я могу чувствовать, могу! И предательство тоже! Разве я виновата, что не хочу делить? Что не могу найти измене оправдания? Значит, не было чувств — тех самых, настоящих, — не было! А по-другому я любить не хочу. А может, права Ульяна, и я на самом деле жестокая стерва? Бесчувственный сухарь? И мне стоит все забыть, принять покаяние Мальвина и быть до гроба ему благодарной только за то, что он все это время меня помнил?..

Ха. Как в той сказке, в которой битый небитого везет. Не Фанька первая, не Ким последняя.

— Ульян, ты встречалась с Севой, да?

— А что? — девушка с вызовом вскинула подбородок. — Нельзя? Или нужно было спросить у тебя разрешения? Да, мы гуляли, и Сева мне многое объяснил.

— Ты... рассказала ему, где я сейчас живу?

Ульянка вдруг покраснела и, опустив лицо, засуетилась с одеждой. Щелкнув молнией, вкинула сумку на плечо и направилась по проходу между партами в сторону выхода, оставляя меня одну.

— Нет. Меня это не касается, Чижик. Не надейся, что я стану той, кто снова вас сведет.

Как она ошибалась, но разве удалось кому-нибудь докричаться в глухое сердце влюбленной девушки?

Я ехала в автобусе и сомневалась: стоит ли вообще сегодня идти в клуб? Настроение упало, а вместе с ним пропало и всякое желание быть на людях. Хотелось забиться в какую-нибудь раковину и отсидеться там, пока не станет легче. Пока трещинки когда-то разбитого сердца вновь не затянутся, и я смогу жить дальше, существуя и радуясь новому дню. Но собственной раковиной я не обзавелась, а автобус уже притормозил на знакомой мне остановке. Дождавшись, когда откроются двери, я сошла. Вздохнув, поплелась ко двору бабы Моти, не глядя по сторонам. И все же не смогла сдержать улыбку, когда на подходе к дому увидела двух бодреньких старушек, притоптавших под фонарем пятачок снега.

Похоже, Матильда Ивановна и Мила Францевна поджидали меня не меньше получаса, словно назначили здесь свидание, и очень обрадовались, заприметив издалека.

— Здравствуй, Фанечка!

— Здравствуй, детка! — расцеловали в обе щеки и устроили пятиминутный допрос с пристрастием о моем житие-бытие. В общезжитии, конечно! Узнай они, что я делю квартиру с парнем, да еще с таким симпатичным, как Сокол, этот допрос продлился бы часа два, не меньше, так что я не стала их разубеждать. Все равно скоро придет время съезжать из переулка Федосеева. К коменданту общезжития я обещала заглянуть сразу же после новогодних праздников, как только вернусь от родителей.

Удовлетворившись краткими сведениями о моей учебе и здоровье, старушки дружно поплевали в сторону племянника бабы Моти — алкаша бесстыжего и чертового ворюгу, чтоб ему пусто было и менты повязали! — и затащили меня на чай к Миле Францевне.

— Пошли, пошли, Фань! Зря, что ли, я сегодня с утра у плиты стояла! Мы тебе и гостинцы приготовили, а как же! Часок посидим, и побежишь

дальше по своим молодым делам! Лучше расскажи, как у тебя дела на личном фронте? Жених-то появился? Нет? Пора бы уже.

Я неожиданно для себя подумала об Артеме. О нашей с ним прогулке в боулинге и вообще о многом. О том, что даже не заметила, когда парень стал мне близок. Последнее время он не выходил у меня и головы. Даже снился ночами, но не об этом же рассказывать восьмидесятилетним старушкам при долгожданной встрече. Хотя уверена, что они с удовольствием бы послушали о наших с Соколом ночных приключениях.

Ну вот, под любопытными взглядами даже покраснелась. Но думать о нем, как о женихе — смешно! Да и вообще мечтать!

— Нет, Мила Францевна, не появился. Вот чтоб жених! — улыбнулась я. — А друзья есть, конечно.

— Плохо, — покачала головой в модной шапке баба Мотя (шапки на подружках были новые, модные, и я догадалась, что вязались они по инструкции из одного журнала и наверняка наперегонки). — Парни нынче пошли — одна шалупень! В упор не видят хороших девчонок! Фаня у нас красавица!

— Правильно говорить «шелупонь», Матильда, — поправила подругу интеллигентка Францевна. — Сколько можно повторять. От твоей «шалупени» невольно возникает ассоциация с чем-то низменно-порочным, — захихикала весело.

— Один черт, Милка! Все одно им всем голожопых и голопузых подавай! Скажешь, нет? Вот я недавно смотрела в «Инстаграме»...

Знаете, девочки они и в семьдесят восемь девочки. И когда к чаю на стол был выставлен яблочный штрудель, а для разогрева с мороза в сорокаграммовые рюмочки разлит и выпит коричный ликер, жизнь неожиданно окрасилась в краски. Еще неяркие, но со смехом и шутками старушек, снова заиграла цветом и задышала ароматами.

— Все, Матильда Иванна, пора мне, — я встала из-за стола. — Буду бежать! Мне еще в клуб на концерт успеть бы собраться. Сегодня с девчонками идем на выступление рок-группы. Спасибо за штрудель, Мила Францевна, все было очень вкусно!

— Держи, Фанечка, — женщина подхватила со стола сверток с выпечкой и сунула мне в руки, — это для тебя гостинец. Подружек в общежитие угостишь. Пстой, — цапнула меня за руку. — На концерт? Без маникюра?

Вообще-то маникюр у меня был. За руками я следила в силу работы в кафе, да и вообще. Но покрытия на ногтях не было, это факт!

— Ну, почему же без? — удивилась, глядя на свои пальцы. — Есть.

Просто ногти не покрыты, но это же ерунда.

Веки Милы Францевны захлопали, как у возмущенной тетушки Совы.

— Матильда, ты слышала? — обратилась она к подруге. — Ерунда?! Милочка моя, — уперла указательный палец мне в грудь, — кто тебе сказал, что красота внешняя должна уступать красоте внутренней? Тем более, что в твоём случае все это легко исправить! Матильда, ты случайно не помнишь номер телефона Зины из первого подъезда? Той, у которой дочь мастером маникюра в парикмахерской на углу работает?

— Помнить не помню, но в блокноте точно записано! — с готовностью отозвалась баба Мотя. — Она мне должна, я с ее внуком Вовкой в позапрошлом году все лето нянчилась.

— Будь добра, узнай у Зины: сегодня случайно не смена ее дочери? Заодно и про внука напomini. Мол, долг платежом красен. И желательно бы платеж оформить срочно! Со скидкой!

— Да ну что вы! — растерялась я от активности старушек. — Мила Францевна, Матильда Ивановна, — попыталась их образумить, — не нужно никого беспокоить! Мне неудобно!

— Неудобно, деточка, это когда смеются над твоим мужчиной, и когда белье не по размеру и трет, — веско заметила Францевна. — А когда женщина прихорашивается перед выходом в свет, все очень естественно и достойно. Что у тебя за платье?

— Черное. Короткое и без рукавов, — машинально созналась. — Да вы же мне его сами советовали, помните? В стиле «шанель»?

— Сапоги?

— Демисезонные. Я их почти не надевала. Некуда было.

— Каблуки?

— Высокий. Шпилька, — кивнула. Ну да, вот купишь такие — самые красивые, себе в подарок на день рождения, а потом не носишь, потому что некуда и дороги такие, что лучше и вовсе без каблука!

— Алый!

— Что?

— Ногти, говорю, красим в алый! Можно в черный, ты не думай, Фаня, я в моде разбираюсь, но подобный китч не для тебя, а вот цвет страсти еще ни одну женщину не подвел! Вот увидишь!

— Ты, Фанька, слушай, что Милка говорит, — поддакнула из-за стола баба Мотя, в ожидании звонка прижав телефон к уху. — Она в самом Париже была! Будешь как королева!

— Э-э... кхм, — только и нашлась, что сказать.

Мне кажется или старушки разошлись не на шутку? Девочки такие

девочки, сколько бы им ни было лет.

— Отлично! Волосы лучше распустить, — продолжила бывшая пианистка. — Такие волосы как у тебя грех прятать! Наш концертмейстер Жанночка такая красавица. Как не приду в филармонию, так и люблюсь ее гладкими в талию волосами.

— Так она их, наверно, утюгом выравнивает, — догадалась я.

— Да? — Мила Францевна подняла тонко подведенную бровь. — А у тебя, детка, есть такая штука?

Есть ли у современной девушки утюжок для волос? Я улыбнулась. Широко.

— Конечно!

Вот тебе и съездила за вещичками. Домой к Соколу возвращалась уже в сгустившихся сумерках, таща на себе сумку с имуществом, но зато с маникюром, от которого не могла оторвать взгляд. Даже перчатки надевать не стала, все смотрела и смотрела, помахивая пальчиками, стараясь не забыть последнее наставление Милы Францевны: «И про глазки не забудь, детка! В мою молодость тушь была главным оружием женщины. Ты удивишься, но очень дефицитным! Сделай акцент на глазах и губах. Тон лица не трогай. С такой чистой кожей, как у тебя, бледность только выгодно подчеркнет контраст. А румянец и так не заставит себя ждать. И ради Бога никаких черных колготок!

— Мила Францевна, но это же клуб, а не светский раут!

— Без разницы! Хоть дом терпимости! Теплые женские колени привлекают внимание не меньше, чем речь умного собеседника. А когда в девушке и то и другое на высоте, ей по плечу кого угодно свести с ума. Ты у нас умная и красивая, дураком будет тот, кто тебя не оценит. Только попробуй сегодня не найти себе парня!»

Смешные. Как будто передо мной стоит подобная цель. Но разве таких разубедишь?

— Привет, Лука! — я отворила дверь в квартиру и увидела мальчишку. Удивилась, застав его одного. Вчера из разговора братьев я поняла, что сегодня Лука встречается с отцом и была уверена, что дядя Вася в гостях у сына.

— Что Василий Яковлевич, еще не заезжал? — спросила, отыскивая взглядом часы. Ого, время половина шестого. Надо бы поторопиться! — Лука, ты хлеб купил? — показала рукой в сторону двери. — Или мне сбегать, пока я еще не разделась?

— Не надо никуда бежать, Фань. Я купил, — ответил младший Сокольский.

— Молодец! — я похвалила мальчишку, сгружая сумки у стены. Сняв куртку и обувь, спрятала вещи в шкаф. — Надо же! — огляделась, проходя в комнату. — Я смотрю ты и в квартире прибрал. Неужели так быстро одолел две базы и закончил миссию?

Но вместо ответа на вопрос, Лука сознался:

— А мы сегодня с папой Артема ездили в наш с мамой дом.

— О! Правда? — я остановилась, услышав в голосе мальчишки растерянность.

— Да. И он... папа Артема даже со мной говорил. И за руку держал, как будто я маленький, — Лука неловко рассмеялся. — Но я же не маленький! — он фыркнул. — Мне скоро двенадцать!

— Конечно, нет.

— А еще мы были в Макдональдсе, — просто к маме пока нельзя, вот и пошли.

— Здорово.

— Наверно, — он кивнул, плюхаясь в кресло. — Артем тоже так говорит.

Я села на кровать, сложив руки на коленях. Мне показалось, что Луке важна эта минута внимания.

— Ну вот, видишь, — сказала бодро. — Значит, так и есть. С дядей Васей не заскучаешь!

Лука вздохнул и задумчиво опустил голову, уставившись на свои руки.

— Фань, ты думаешь, он и правда хочет, чтобы я с ним жил? По-настоящему?

Я даже растерлась от такого прямого вопроса, догадываясь, что отношения между родителями сложнее некуда. Но если уж мальчишка его задал, ответ для него действительно важен.

— Конечно, Лука! — не позволила себе усомниться. — Он же твой отец. Твой и Артема!

Голубые глаза, которым еще предстояло стать сизо-серыми, как у старшего брата, засветились надеждой. А потом и лицо мальчишки озарила улыбка. Осторожная, но очень светлая. Лука смущенно мне кивнул:

— Да, папа тоже так сказал.

А уже через час с лишним, в который я носилась по квартире юлой, приводя себя в порядок, тщательно выравнивая в ванной комнате утюжком длинные пушистые волосы и наводя марафет, он открыл от удивления рот, увидев меня в черном коротком платье и на каблуках. С подведенными глазами и темно-алым блеском на губах.

Честно говоря, встретив свое отражение в полный рост в зеркале

платяного шкафа, я и сама осталась довольна проделанной работой. Ничего лишнего, все детали одежды оказались на своих местах. Да, руки оставались открыты, но высокая горловина закрывала шею, и я не боялась показаться излишне оголенной. Тем более что я собиралась как следует потанцевать и разогреться.

Вперед, Чижик! Ты живая и чувствуешь! Докажи себе это!

— Ну как, Лука? — я выдохнула и повернулась перед мальчишкой кругом. — Сойдет для похода с девчонками в ночной клуб?

— Фанька! Какая же ты... отпадная! — выдохнул Лука.

— Какая? — я рассмеялась. — Ты хотел сказать классная?

— Нет, — он мотнул головой, во все глаза рассматривая меня. — Красивая. Если Артем тебя увидит, точно никуда не отпустит! Беги скорее! — тоже заулыбался, и я кивнула, не желая разочаровывать мальчишку признанием, что его старший брат и не таких красоток видал.

— Да, пожалуй, мне и правда пора!

Но, словно в ответ на предостережение, в двери провернулся ключ и щелкнул замок. Уже через секунду в квартиру вошел Сокол и зажег в прихожей свет. Бросив ключи на полку, он повернулся... и вдруг застыл, увидев нас с Лукой. Его ладонь, метнувшая было к воротнику куртки, медленно опустилась. Взгляд остановился на моих голых руках, а затем сполз к коленям, обтянутым тонким капроном с лайкрой под цвет кожи.

— Привет, — я неловко улыбнулась парню, чувствуя, что смущаюсь. Каким-то этот взгляд показался мне мужским и цепким. Ничего особенного, но сердце под ним затрепыхалось.

Сокол поднял глаза.

— Привет, — сказал глухо. Сглотнул слюну, словно у него голос пропал или пересохло в горле. — А ты...

— А Анфиса идет в клуб! Уже уходит, ее девчонки ждут! — выдал меня с головой Лука, сообщив брату новость громко и уверенно. — Шепнул заговорщицки. — Беги, Фанька, пока он не очухался. Я его задержу!

Время действительно торопило, не желая стоять на месте, и уже через минуту мне следовало выбегать из дому, иначе девчонки запросто могли уехать в «Альтарэс» без Чижика, не дождавшись в центре. В последний свой звонок Крылова напомнила о готовности общего сбора к семи часам. Оставалось двадцать минут и, взглянув на наручные часы, я шагнула к креслу, на котором лежали пальто и сумочка. Пальто тоже было демисезонным, как и сапоги, но подходило к платью гораздо лучше пуховика, так что я надеялась не замерзнуть. Накинув его на себя,

подпоясалась туже и поправила волосы, оставив их лежать на спине длинной густой волной.

Эх, Лука-Лука, святая простота. Теперь точно так просто не сбежать, мы же взрослые люди, а не дети. У нас с Соколом вроде как отношения есть. Чтобы не дискредитировать старшего брата в глазах мальчишки, я повернулась к Артему и сказала:

— Да, вот собрались с девчонками в клуб. Помнишь, Артем, я тебе говорила, что в пятницу вечером в «Альтарэсе» будет выступление рок-группы. — Закусив губу, незаметно покосилась на Луку, надеясь, что Сокол догадается подыграть. — Надеюсь, ты не против?

Ну, должна же я для проформы спросить разрешения у своего парня. Чисто формально.

— Против, — неожиданно рыкнул Артем. И знаете, очень так по-настоящему рыкнул. Я даже рот открыла от удивления. Захлопала глазами.

— Т-то есть как это... против? — изумленно повторила, рискуя выдать себя с головой.

Сокол нахмурился. Сунул руки в карманы куртки, но почти сразу же вынул.

— Анфиса, — вдохнул глубоко, собираясь что-то сказать... и промолчал. И только глаза засверкали, как стальные ледышки.

Хотя нет. Совсем не ледышки, как я только могла так подумать. Скорее уж угли, проглянувшие сквозь пепел.

Видимо, Артем понял, что начал не с того, потому что вдруг заявил уверенно:

— Я тебя отвезу! Я знаю, где этот клуб!

— Нет, не надо...

— Артем, а как же мы? — отозвался Лука, перебив меня. Мальчишка выступил вперед, заглядывая брату в лицо. — Твой папа сказал, что сейчас придет и что хочет с нами поговорить. Ты же сам мне сказал дожждаться вечера! Я что, снова останусь один? А если он придет со своей Сусанной? Что я ей скажу? Ты мне обещал, Артем!

Сокол обернулся, чтобы выругаться сквозь зубы.

— Лука... Черт, я помню!

Я внезапно почувствовала себя как-то странно, без вины виноватой, и уже не впервые за сегодняшний день. В груди снова горькими нотами зашевелилась грусть. Сокол не мог меня отвезти туда, где были его друзья. Где каждый мог узнать его машину. Он же не сошел с ума, я еще помнила боулинг и неожиданную встречу. И я не сошла с ума, чтобы своим присутствием вносить сумятицу в планы братьев. Меньше всего мне сейчас

хотелось стать причиной чьего-либо неудобства, а тем более семьи Сокольских. А еще... Я взглянула парню в лицо, заметив, как на скулах натянулись желваки. Но это же не то, о чем я думаю? То, чего не может быть? Это же Сокол! И его слова — просто дружеское участие, разве нет?

Ладно, не просто участие — серый взгляд смотрел слишком прямо, чтобы в нем осталось место намекам, но все равно все это временно и несерьезно. Гормоны, флюиды... черт знает что! И мне пора съезжать отсюда, иначе мое женское, что есть в каждой девчонке, наконец отзовется и я отвечу. Так, как хочу.

Да, что-то происходит между нами в этих стенах, натягивая чувства до предела, но я больше не обманывала себя, спасибо Мальвину. Такие парни, как Артем, не возят в клуб Анфис Чижикиов даже по дружбе. Не заводят отношения ради отношений. Не обещают. Им верят без гарантий, довольствуясь малым, а после — если достало до сердца — сгорают в пепел. А я... Даже принарядившись, я оставалась простой девчонкой, не очень-то опытной в любовных делах, которая разобьется о Сокола легко и звонко, рассыпавшись звенящими от боли осколками. И лучше бы подумать о том, что будет со мной завтра, когда он пойдет по жизни дальше, утешив интерес.

— Не нужно меня никуда везти, Артем, — ответила, не очень убедительно улыбнувшись, вешая сумочку на плечо. — Я уже большая девочка, и вполне способна добраться в клуб самостоятельно.

Перчатки лежали на полке в прихожей вместе с ключами, и я направилась к выходу, на секунду задержавшись возле парня — не так-то просто оказалось его обойти.

— Артем, перестань.

Пальцы Сокола сомкнулись вокруг моего запястья.

— Лука, зайди в комнату, — сказал он хрипло, обращаясь к брату. Слишком жестко, чтобы мальчишка вздумал послушаться. — Мне нужно поговорить с Анфисой.

Сердце забило в горле, а взгляд упал на твердые губы. Они тут же раскрылись, словно приглашая, и парень шагнул ближе.

— Чиж...

— Не надо! — я нашла в себе силы упрямо качнуть головой. Подняла лицо, чтобы найти глаза Артема. — Я уже ухожу.

И ушла. Трусливо сбежала, если быть честной, застучав каблуками по ступенькам лестницы.

Глава 20

Сокол

Чиж.

Чиж. Чиж. Чиж.

Анфиса. Фанька. Теплая, красивая, манящая. Девчонка-жизнь со звонким смехом и легким характером. Непоседливая, внимательная, настоящая. Нечаянная соседка, вихрем ворвавшаяся в мою жизнь и заставившая забыть о других. Сегодня вечером — родная незнакомка в коротком платье, показавшем стройные ноги. Пригвоздившая к месту зеленью распахнутых глаз и нежностью губ. Тонкой линией обнаженных плеч и тяжелой волной волос. И грудь. Определенно у Чижики она есть. Руки сами сжались в кулаки, стоило только представить ее тяжесть в своей ладони. Подумать о том, как мои пальцы ложатся на теплую кожу девчонки, не желая от себя отпустить, когда мы, наконец, остаемся одни.

Что это — наваждение или неутоленное желание, которое не дает дышать, стоит Чижику оказаться рядом? Словно рассудок пьянеет, или я сам схожу с ума, и так хочется вдохнуть запах — пряной весны и солнца, который чуть горячее, чуть плотнее и чуть гуще у самой кожи. За ухом, в ямке над ключицами, под обнаженной грудью... Черт!

Не помню за собой такого, чтобы сны переходили в фантазии и сводили с ума наяву, словно я зеленый пацан и мне незнакомы близость с женщиной. Если так дело пойдет и дальше — я свихнусь, потому что больше не смогу. Не смогу хотеть и не быть с ней.

Машина мчится по ночной трассе города, а все, о чем я могу думать — это Чижики. Чиж. Анфиса. Фанька. Моя зеленоглазая девчонка. Одна в беснующемся логове ночного клуба.

В груди ворочаются нетерпение и злость. На себя, на расстояние, на то, что легко отпустил.

Почему нет названия этому гребаному чувству, потрошащему душу и состоящему из низких желаний — брать, присваивать, владеть. Снова и снова. А еще... слушать голос, чувствовать тепло податливого тела, когда оно стало одним целым с твоим, и смотреть в глаза. Бесконечно долго смотреть в глаза, зная, что они видят только тебя.

Нет, определенно в этом списке низменных желаний живет что-то еще, что никогда до этого времени не просыпалось в Артеме Сокольском.

Впереди мелькнула яркая вывеска «Альтарэс», горящая в ночи

красным неоном, и я свернул на «Тойоте» к клубу, который по слухам принадлежал сыну самого Градова — хозяина города. В прошлом с этим клубом была связана темная история, но сегодня вряд ли кому-то хотелось в нее вникать. Я не очень хорошо знал Люка*, но достаточно хорошо Рыжего*, чтобы поверить Виктору на слово, что здесь все легально и Игната с его группой Suspense ждет отличное выступление в преддверии первого самостоятельного тура по стране. Сцену в «Альтарэсе» отгрохали отменную, а композиции ребят давно звучали в городе из каждой щели.

В кармане отозвался звонком сотовый. Я взглянул на экран — Лешка. Припарковав «Тойоту» у обочины, вышел из машины и ответил другу:

— Да. Привет, Леший.

— Сокол, твою мать! — как всегда эмоционально начал Ким, перекрикивая звучащую фоном музыку. — К тебе не дозвониться! Где тебя носит, пернатый? Половина десятого, вечер в разгаре, а тебя все нет. Игнат с Белым тут дают жару! Ты слышишь, братуха? Здесь народу — завались!

Акустика в клубе была отличная, динамик в телефоне работал исправно, так что сомневаться в размахе действия не приходилось.

— Слышу, Леший, не ори. Семейные дела. Я уже у клуба, только что подъехал.

Послышалась возня, и в трубке раздался голос Макса:

— Отвали, Леха! Дай сказать другу пару ласковых! Тёмыч, ты штрафник, понял? Давай подтягивайся, мы у бара! Ждем презентацию клипа Suspense. Ребята обещают пустить видео под живой звук. Кстати, здесь Вика со Светкой, так что скучно не будет, гарантирую!

То, что веселье не пройдет мимо Макса — сомневаться не приходилось. Титов умел веселиться и собирать вокруг себя компанию, но сегодня мне было не до друзей. Я и сам не знал, какого черта сюда приехал, хотя и обещал Белому быть. Сейчас я мог думать только об одном.

У клуба стояла толпа, но в середине просторного помещения народа оказалось еще больше, и в этом море разгоряченных тел, приглушенного света и ярких вспышек стробоскопов, казалось нереальным отыскать стройную фигурку Чижика.

— Сокол, привет! Эй, ты куда?

Незнакомый парень, очередной «панибрат» вырос на пути. Сколько их таких — в этом клубе, в другом. В университете, в случайных компаниях, просто на улице. Разве я когда-нибудь выдавал себя за приятеля? Оттеснив его с дороги плечом, я направился в толпу, отыскивая среди множества лиц то самое — зеленоглазое и улыбочивое лицо моей девчонки. Я никогда не стремился казаться приятным парнем и не собирался изменять себе.

Звучала композиция Suspense «Ночные правила». На невысокой угловой сцене стояла команда Игната и сам солист, извлекая из гитары и ударных рваные аккорды, покоряя народ голосом и музыкой. Зал сходил с ума, превратив танцпол в живое море. Я оглянулся...

Черт! Черт! Черт!

— Сокол, что с тобой?

Бар оказалось найти куда проще. Я подошел к друзьям и бросил куртку на стул. Ответил Лешему резче, чем хотел, но мы знали друг друга не один год — никто не ждал, что я перестану быть собой. А настроение простить можно — я сам прощал не раз.

— Леха, заткнись, а?

— Ясно, — протянул Леший, отвечая на рукопожатие. — И ты, Брут? — вдруг усмехнулся, толкая Титова в плечо. — Кажется, Макс, ты был прав насчет поветрия. Они оба нас предали.

Я поднял глаза. Слышимость в баре оставляла желать лучшего.

— Что?

— Сначала Мартынов, теперь ты, — ответил Лешка. — Сокол, я не понял, вы с Севой спелись, что ли? Что за унылые рожи посреди цветника?

— В точку, Ким! Когда вы разучились радоваться жизни, парни? — поддакнул Титов.

— Да пошли вы! — откликнулся Мальвин, сидя на высоком стуле и глядя на танцпол. В его руке был стакан с выпивкой, и он отпил из него. — Я в полном порядке. Правда, Светка? — оскалился двум рядом стоящим девчонкам, и поймал одну из них. Та тут же захихикала, обвивая рукой шею парня.

— Не знаю, не знаю, — сказала игриво. — Секунду назад, Сева, ты не ответил на мой вопрос о том, как я выгляжу!

Все было настолько знакомо и пресно, что я отвернулся к бару. Заказав коктейль, расплатился, но пить не стал, оставив напиток стоять нетронутым. Отсюда хорошо просматривалась сцена, и я мог видеть, как парни из группы сделали передышку, передав толпу в руки ди-джею. Почти сразу же пошли глухие ритмичные басы, раздался голос Alice Merton и первые аккорды ее композиции «No Roots».

Алиса. И здесь чертова Алиса! Я коротко хохотнул, заставив бармена оглянуться ко мне.

— Нет, мне ничего не надо, — качнул головой. — Работай, парень.

— Точно? — усомнился тот.

— А что, я похож на человека, который не знает, чего он хочет? — спросил.

— Скорее не знает, как это взять или получить, — улыбнулся бармен.

— В точку! — я улыбнулся в ответ, приподняв стакан с коктейлем.

Талию нежно обвила рука. Скользнула по груди. На секунду, всего на секунду мне показалось, что это Чиж, и я замер. Но нет, сердце билось ровно. Я почувствовал, как к спине прильнуло чужое теплое тело. Острый подбородок опустился на плечо, а губы, знающие толк не только в разговорах, запорхали у самого уха:

— Привет, Сокол. Как дела? Ты что же, и вправду меня избегаешь? Давай договоримся, что в прошлый раз ты пошутил, и я сразу все забуду. М-м, Артем?

Мышцы напряглись. Взгляд уперся в виски, разбавленное колой и льдом.

— Уйди. Просто уйди.

— Что? — похоже, девушка опешила. Что ж, нормальная цена за непрошеную инициативу. Каждый из нас сам назначает стоимость своей гордости. — Я? — дрогнула в голосе.

— Ты слышала.

— Но... Хам! Я тебя ненавижу!

И соответствующая расплата для любителя доступного удовольствия. Впрочем, я заслужил. Я больше не хотел знать ни ее имени, ни ее прозвища.

Бармен с сочувствием усмехнулся, а я все-таки отпил глоток и оттолкнул от себя стакан.

Рядом с плечом навис Макс. Лениво проследил за моим взглядом, обращенным в толпу у сцены. Включились лазеры и светодиодные кубы по углам, но в месиве из раскачивающихся тел по-прежнему невозможно было рассмотреть конкретного человека.

— Сокол, все-таки с тобой что-то не так, — заметил Титов. — Еще с той самой ночи в «Маракане». Я понимаю, что Вика напросилась, но с каких это пор ты стал соблюдать целибат? Я же не слепой и не вчера родился, хорошо помню, как ты расслаблялся после своих тренировок. Так, может, расскажешь в чем дело? И что за цыпа с тобой на фото, о котором треплется Марджанов? Если честно, там ни черта не видно. Так это шутка? Если да, то я проиграл Лешему пару зеленых.

Вспышка стробоскопа и луч лазера, скрестившись, высветили пяточок неподалеку от сцены. Я медленно встал со стула, всматриваясь в толпу.

— Что? — спросил, едва ли слыша друга.

— Я говорю...

— Потом, Макс! — вдруг перебил Титова, ощутив, как знакомо

толкнулось в груди сердце. Сдернув со стула куртку, бросил ее парню в руки, уходя от бара. — Все потом!

* * *

Чиж

And a thousand times I've seen this road,
Я тысячу раз видела эту дорогу,
A thousand times!
Тысячу раз! (Alice Merton «No Roots»)

— Вот это вечер, я понимаю! Как у нормальных людей, а то загнуться можно от скуки! Да в заднице я видала наш универ с его экзаменами и зачетами! Плевать на Зарецкую с ее дефективной информатикой! Я хочу жить здесь вечно! Вечно!

Крылова отбросила со лба волосы и вскинула руки. Еще энергичнее задвигала плечами и попой, как все вокруг, повторяя модные движения в такт песне. Мы танцевали без остановки бездну времени, мои бедра тоже ходили ходуном, волосы у шеи взмокли, но усталость не приходила, права Наташка. Хотелось чувствовать эту жизнь еще и еще.

— Девчонки, какие же они классные! — в очередной раз захныкала Инка. Она перебрала с коктейлем «Секс на пляже» и теперь ревела, пуская слюни по солисту группы Suspense Игнату Савину, который несколько минут назад обнажил перед всеми поджарый, мускулистый торс, разорвав на себе футболку. Не стесняясь, как половина других девчонок на танцполе, Инка размазывала тушь по мокрым щекам, заверяя нас, что вот он — любовь всей ее жизни. — И вы хотите меня убедить, что эти парни такие же, как все? — пьяно спросила Шаповалова. — Нет, они не такие! Лучше!

— Из твоего универа, балда! — по-доброму поддакнула Надя Коваль, со смехом подхватывая подругу. Но сама тут же взвыла во весь голос: — Боже-е, Игнат! Я хочу еще раз увидеть твои татухи!

— Игнат! Игнат! А-а-а! — загорланила-заулюлюкала Инка, подпрыгивая и хлопая над головой в ладони. — Я тебя люблю-ю! — прокричала в сторону сцены, но ее голос в который раз утонул, слившись с другими голосами.

Конечно, об этих парнях я слышала раньше. Не раз видела их издалека в университете, когда училась на младших курсах, но увидеть выступление

группы живую довелось впервые.

Маленький тайм-аут закончился, и парни снова заняли свои места за инструментами. Отозвался ударник, сразу за ним бас-гитара, клавишник, а потом и сам Савин — фронтмен группы — нарисовался у микрофона с гитарой в руке

Длинные пряди падали на лицо, касаясь подбородка. Глаза смотрели в зал с насмешкой и вызовом. Я не могла понять блондин он или брюнет — волосы взмокли, но хорошо видела сильное тело под новой тонкой футболкой и татуированные руки, сжимающие гриф гитары и медиатор. Я смотрела на солиста спокойно, в то время как все, казалось, сходили с ума.

— Ну что, народ, выдохнули? — по клубу прокатился вкрадчивый голос Савина, сообщающий красивым тембром под ровный перебор струн, кто именно пришел по наши души. — Не успели без нас остыть?.. Черта с два парни из Suspense дадут вам отдохнуть! И не надейтесь забыть тех, кто навсегда вошел в вашу жизнь. А сейчас я исполню балладу для той, кто помнит все! «Твой герой»! Белый, поехали!

— Девчонки, выше ручки! — закричала Инка. — Даешь героя! Давайте покажем всему клубу, как надо отрываться!

— Да! Даешь нам героев! Двух, а лучше трех! — подхватила староста. — Инка, не визжи! Гланды выпадут!

Песня началась, красивые звуки растеклись по залу, где-то рядом танцевала Ульянка, спевшись с Олькой Грачевой... А я стояла, не в силах сдвинуться с места, продолжая вяло покачивать бедрами из стороны в сторону. Это была рОковая, но все же медленная композиция, народ вокруг стал разбиваться на парочки, и сейчас я наблюдала, как в нашу сторону направлялся Мальвин, ловко лавируя между танцующими. Увидев меня, он откинул со лба светлые пряди и криво усмехнулся мне знакомой улыбкой.

Он что, с ума сошел? Я растерянно моргнула. Или понимает, что при всех не стану от него отбиваться? Или как прежде играет и в последний момент намеренно пройдет мимо, как всегда проходил мимо Чижики?

Чертов Мартышкин!

Я оглянулась — Ульянка тоже заметила Мартынова и остановилась. Ее глаза распахнулись, и я тут же, опустив голову, дернулась в сторону, понадеявшись, что кто-нибудь из парней на танцполе пригласит меня, если я не успею сбежать. Сегодня я уже танцевала с двумя, почему — черт возьми! — не сейчас?

— Анфиса!

Что? Я остановилась, пригвожденная к полу этим голосом. Повернулась, полагая, что мне показалось...

Мальвин был уже рядом и даже руку протянул к моему запястью, но не его я увидела, когда подняла лицо, а своего Сокола. Стремительного охотника, появившегося здесь, словно из ниоткуда.

— Сокол, ты? — Мартынов обернулся. — Какого...

— Сева, иди погуляй. Она моя.

Он легко отодвинул друга с дороги, освободив для себя место, даже не подозревая, как я рада его видеть. Но прежде чем сама потянулась навстречу парню, а его руки нашли меня (сомкнулись на талии и притянули к крепкой груди), я успела заметить оторопелое изумление в голубых глазах бывшего. Шок, с которым ему только предстояло справиться.

— Сокол...

— Я же сказал, Мартынов, — как хорошо мне знаком этот рык, — потом! Не до тебя...

Мне тоже больше не было никакого дела до Мальвина. Ни до кого вокруг: в этом клубе, за его пределами, в целом мире. Я не могла поверить, что обнимаю Артема.

Он не оставил мне времени, ни единого шанса на трусость или сомнения. Я только успела произнести его имя, как жадные губы Сокола нашли мои. Руки крепче прижали к парню, ладонь скользнула по спине и накрыла затылок. Пальцы зарылись в мои волосы, и Артем углубил поцелуй. Сильным языком заставил меня раскрыть губы и подчиниться натиску. Почувствовать вкус его желания и откликнуться. Ответить самой.

Да. Я обвила руками шею и закрыла глаза, притягивая Сокола ближе. Вряд ли мы целовались как сумасшедшие, никакой суеты, мы целовались как любовники — слившись в откровенном, бесстыдном поцелуе, за которым стояли голод и жажда неутоленного, сжигающего нас желания, которому наконец-то дали свободу. И нет, ничего не смущало меня — ни чужие взгляды, ни удивленные голоса...

— Инка! Это же Сокольский? Или я сплю?!

— Ни хрена себе! Крылова, ты лучше скажи: это же наша Фанька с ним? Девочки, что происходит?! Это съемки скрытой камерой и нас разыгрывают?! Когда это Сокол снисходил до простых смертных?!

...рядом с Артемом все перестало существовать. Он здесь главенствовал, брал, что хотел, и я не имела ничего против. Звучала необыкновенно красивая баллада, скрещивались вспышки и лучи лазеров, а мы, стоя посреди танцпола, упивались друг другом, иначе и не скажешь.

Мальвин? Кто такой Мальвин?

Ульяна?

Девчонки?

Клуб? Где это все?

Все исчезло, сейчас мы с Соколом находились между небом и землей, и нам хотелось большего. Гораздо большего. Все во мне билось, пульсировало жизнью, сжималось до атома и взрывалось Сверхновой, не давая оторваться от парня. Мы с трудом и не сразу смогли разорвать поцелуй.

Артем прижал меня к своему плечу и выдохнул в ухо, не отпуская затылок:

— Анфиса, не могу! Давай уйдем отсюда. Сейчас!

Мне все не удавалось восстановить дыхание.

— Давай. Куда?

— Домой.

— А как же Лука?

Мы оба понимали, о чем речь, и было в этом понимании особое острое удовольствие, натягивающее чувства до предела.

— Отец забрал брата на ночь. Они уехали. Мы будем одни. — Горячие губы коснулись мочки уха.

— Артем... — под ладонями натянулись сильные, мускулистые плечи. Как же приятно ощущать этого парня так близко.

— Зачем ты ушла? Анфиса, зачем? Я чуть с ума не сошел. Представил, что ты здесь с кем-то и... Пошли!

Мы смогли оторвать друг от друга губы, но не руки. Сокол крепко держал меня возле себя, пока стремительно вел сквозь толпу к бару. Кажется, Лешка открыл рот, да так и завис при виде нас, а Макс присвистнул... Неважно! Артем схватил куртку и ринулся к гардеробу, где уже мне пришлось одеваться так быстро, как только могу. Руки дрожали, а взгляд все равно ничего не видел, кроме серых глаз, горящих на лице Сокола.

Артем подвел меня к «Тойоте» уверенным шагом, не сомневаясь в своем намерении увезти из клуба. Открыв дверь, отпустил ладонь, усадил внутрь и только потом забрался в машину сам. Включил зажигание и снова крепко меня поцеловал — долгим и жадным поцелуем, от которого сердце застучало в горле и разорвалось дыхание. Я потянулась к нему, но он резко отпустил меня и вцепился в руль, уставившись перед собой.

— Анфиса, все что мне сейчас нужно и чего я хочу — это ты. Но мне необходимо сосредоточиться на дороге. Не позволяй мне до тебя дотронуться, иначе для нас все начнется прямо здесь, ты понимаешь?

Понимала ли я? Еще как. Я кивнула, облизнув припухшие губы. Волосы даже не попыталась пригладить, чувствуя, как горят щеки. На

всякий случай пристегнула себя к сидению ремнем безопасности. Даже порывистое дыхание Артема заводило меня не меньше, чем серый взгляд. Я тоже должна держать себя в руках.

— Да. Не смей меня трогать Сокольский, — произнесла хрипло, на миг прикрыв глаза ресницами, — ни в коем случае. Даже если я буду тебя умолять. Ночь, полнолуние и я ужасно опасна. Если укушу, ты будешь принадлежать мне вечно.

Что я такое сейчас сказала? Несу какой-то бред. Еще подумает, что я сумасшедшая.

Но Сокол улыбался.

— Чертовка ты, а не Чиж! — довольно выдохнул и повел машину улицами ночного города, глядя перед собой, все время срываясь на ускорение и ударяя по тормозам. Мы молчали, но натяжение между нами продолжало звенеть эмоциональным нервом.

— Нет, Артем. Еще нет! — покачала я головой, когда пришло время выбираться из машины. Опередив парня, побежала к подъезду, но, обернувшись, поскользнулась каблуком на ледяной корке и со смехом села попой в сугроб. (Голова кружилась, как у пьяной. А может, всему виной коктейль «Маргарита», выпитый за компанию с девчонками? Хотя до шального поцелуя Сокола я вовсе не чувствовала хмеля).

Артем ловко подхватил меня, тем самым нарушив собственную просьбу и мой запрет.

— Иди сюда, мой опасный Чижик! — смахнул без стеснения с пятой точки снег и обнял, приблизив наши лица. — Я слишком долго за тобой охотился, чтобы испугаться одного жалкого укуса.

Лифт доставил нас на седьмой этаж в один длинный поцелуй, а в квартиру мы уже ввалились, раздевая друг друга на ходу, включив на ощупь, а скорее наотмашь, боковой светильник. Куртка Сокола отлетела куда-то к стене, а за ней упали мое пальто и шарф.

— Нет, Чиж! Я сам!

Сокол сбросил обувь и присел передо мной, уперев колени в пол. С особым, жадным удовольствием погладил ноги, снял с меня сапоги и поднял тяжелый взгляд к бедрам и выше, забираясь ладонями под платье. Вздергивая вверх плотную эластичную ткань.

Я знала, что он увидит под ней. Сегодня на мне было мое лучшее белье — тонкое, черное и кружевное. Совсем не синее бикини в горошек — старенькое и застиранное, в котором он застал меня в ванной комнате. И все же я смутилась, несмотря на то, что чувствовала острое волнение, когда горячие пальца сжали бедра чуть ниже ягодиц, а затем и губы Сокола

прикоснулись ко мне сквозь тонкую лайкру.

— Артем, — я погладила его волосы. Позвав по имени, замолчала, не зная, что сказать.

Он сам поднялся на ноги и одним ловким движением стянул с себя водолазку, оставшись в джинсах. В полумраке прихожей горел его потемневший взгляд, остановившийся на моих губах. Сокол прижался ко мне и, клянусь, у меня перехватило дух и в который раз оборвалось дыхание от его тепла и запаха. От близости наших разгоряченных желанием тел.

— Анфиса, — Артем прошептал у самого лица, касаясь своим лбом моего, уперев руки в стену по обе стороны от моей головы. — Пожалуйста, не говори нет.

У меня обмякли ноги и закружилась голова. Разве такому откажешь? Я же обычная девчонка, которая и мечтать не могла ни о ком подобном. Я сама его поцеловала, обхватив ладонями красивое лицо. Нашла губы, чтобы прошептать в ответ:

— Не скажу. Только не сегодня.

Он тут же притянул меня к себе и обнял. Замер на секунду, но за нежностью снова вспыхнула страсть, и руки Сокола вернулись на мои бедра. Сжали ягодицы, поползли по спине, исследуя и приручая под тягучесладкий поцелуй парня, который не оставлял права на стыд. Артем хотел меня, и я это чувствовала. Не вела в инициативе, но с готовностью отвечала. Он легко снял с меня платье, оставив стоять у стены в одном белье и колготках.

Бюстгальтер из кружева с тонкой нейлоновой сеточкой почти ничего не скрывал. Я никогда не стыдилась своей груди — по-девичьи налитой, красивой формы, но упругие полукружия сейчас прикрыли рассыпавшиеся по плечам волосы, и Сокол нетерпеливо отвел их в сторону, открывая меня своему взгляду.

— Чиж, посмотри мне в глаза, — с придыханием сказал.

— Да.

Теплые губы прикоснулись к моим.

— Я знаю, что прошу для себя слишком многого, но я хочу увидеть тебя при свете. Думаю, это будет справедливо, учитывая, что я сам стою перед тобой почти раздетый.

— Шутник, — я поймала губами его улыбку.

— Вовсе нет, — Артем качнул головой. — Уверен, что сниму с себя эти чертовы джинсы быстрее, чем ты вот эту штуку, — он осторожно провел пальцами вдоль узкой бретельки на плече, посылая по коже колкие

мурашки. — Я могу с ней и сам справиться, Чиж, не сомневайся, — игриво прикусил мой подбородок, а затем поцеловал в шею. — Но хочу, чтобы ты сделала это для меня. Сама...

Я шумно вдохнула, и он тут же прошептал змеем-искусителем, поймав у рта мое дыхание.

— ...Зная, как сильно я тебя хочу.

Сокол не отличался стеснительностью. За то время, что мы вместе прожили под одной крышей, я успела это понять. Он всегда вел себя свободно и уверенно, лишний раз не кичась тренированным телом, но и не пряча его от моих глаз, а значит, и в близости был такой же — свободный и раскованный. Я посмотрела на гладкие, тугие бицепсы и четкий рельеф широких плеч и, не удержавшись, провела по ним ладонями. Да, мне тоже хотелось его трогать и познавать, мне это нравилось. Не так давно я спала с ним, он обнимал меня, и я еще не успела забыть: до чего этот парень восхитителен.

— Анфиса... — беззвучно выдохнул Артем, но я уже кивнула, чувствуя нетерпение в пальцах, сжимающих мои бедра.

Кивнула? Кажется. Завела руки за спину и под обжигающим серым взглядом расстегнула бюстгальтер. Чуть замешкалась в сомнении, но все-таки спустила бретели с плеч, постепенно оголяя грудь.

Все-таки есть какая-то магия в том, чтобы обнажаться перед своим мужчиной. Сейчас, в этот момент, Сокол был моим, и отблеск возбуждения и упоения увиденным отразился в его глазах. Я опустила руки, и под горячим взглядом вершинки тут же приподнялись и сжались, став упругими.

Фанька-Фанька, неужели это ты? Стоишь полураздетая перед Соколом, бесстыдно себя показывая? Предлагаю. Соблазняю. И тебе это до безумия нравится. Вот это опаляющее кровь предвкушение битвы чувств и тел между мужчиной и женщиной. Эта игра — первобытная, человеческая. Так задумала природа и так тяжело этому противиться. И Соколу нравится. До чего же приятно это понимать по тому, как вздымается на жадном вдохе его грудь.

— Чиж, я еще никогда не видел ничего красивее.

И ведь хочется верить. Сердцу хочется верить словам сегодня, сейчас. Верить тому, что так и есть и ты для него действительно лучше всех. Разве не в этом сила мужчины? Твоего мужчины? Того самого, при взгляде на которого можно себе признаться, что хочешь его. Хочешь с ним. Хочешь! Потому что он уже пробудил в тебе то, что именно тебя, да, тебя, а не другую, делает женщиной.

Большие пальцы Сокола задели тугие вершинки, а потом и грудь накрыли теплые руки. Чуть сжались, дрогнув, наслаждаясь наполненностью в ладонях. Позвоночник пронзила сладкая боль, и я охнула от этого прикосновения — острого, на грани крика, словно отозвались оголенные нервы. И поцелуй, вновь глубокий, пронзительно-тягучий, сносящий крышу.

Ну почему Сокол целует так, как будто на самом деле делает своей? Это даже не нежность и познание... это другое. Проникновение в другого человека, вспарывающее все защитные оболочки. Обмен дыханием и сцепление душ. Попадание в кровь, заражение. Господи, это то, что способно нас убить и возродить из пепла. Это что-то волшебное, похожее на маленькую смерть.

— Анф... Анфиса! — Артем вдруг обнял меня за плечи, прижав к себе. — Я с тобой с ума сойду! — выдохнул в волосы. — Кажется, я начинаю понимать, что такое подлинное удовольствие. Скажи, если я в чем-то не смогу себя сдержат, и я... попробую остановиться.

Он и правда не мог, а я не хотела сдерживать. Ладони легли на спину, скользнули под резинку колготок и потянули вниз. Почувствовав под руками голые бедра, я снова услышала свое имя и сама нетерпеливо помогла вещи слететь с лодыжек. До комнаты было каких-то пару метров, и я призналась, что меня не держат ноги. Зато руки Сокола держали крепко, и через секунду мы оказались в кровати. В постели, где все пахло им и обещанием, что сегодня мы уснем вместе.

Артем опустил меня на подушку, но нам обоим хотелось спешить, и джинсы он снимал второпях, всего на миг оторвавшись от меня, чтобы тут же вернуться. Накрыть собой — горячим и готовым идти дальше. Он не мог сдержаться и дал мне почувствовать свое желание, вжимаясь в бедра, вторгаясь в рот языком, и это тоже было очень похоже на крик — тугое прикосновение и давление между ног. Еще не близость, но сладкое обещание.

Сокол спустился к шее, поцеловал плечо и, наконец, нашел грудь. Сомкнув губы на ареоле, перекатил языком сосок и со стоном поднял голову, приблизившись. Наши взгляды встретились, рассеяв темноту комнаты, и я скорее угадала, чем услышала:

— Чиж, не могу больше. Хочу быть в тебе. Сейчас!

Я поняла, чего он ждет, и ответила. Оторвав затылок от подушки, погладила сильную шею:

— Да, — повторила, затягивая в сеть своего омута. Не разрешая вернуться, поцеловала сама: — Да!

Остатки одежды мешали, и бикини слетело с меня, затерялось в кровати, сдернутое нетерпеливой рукой Артема. За ним последовали боксеры. Он не врал, когда обещал быстро раздеться. С этим Сокол справился за нас двоих и тут же вернул ладонь на грудь. Поглаживая меня, прошептал жарко в ухо:

— Анфиса... — так, как будто ему нравился звук моего имени. — Чиж-ж...

Кожа под рукой горела, и я с силой втянула в себя воздух, когда пальцы Артема поползли вниз, легли на живот и пробрались между ног. Он снова склонился ко мне, то подхватывая, то отпуская губы. Сейчас каждое движение и прикосновение приносили столько эмоций, что от острых ощущений можно было задохнуться.

Колени, подрагивая, разошлись, и это тоже была я. Мое тело и мое желание. Внизу живота щемило и трепетало жаркой пульсацией ожидание. Я сжала плечи Сокола, когда ощутила в себе его палец. Пальцы. Сначала неглубоко, потом глубже. Артем поглаживал и растягивал, ладонь касалась чувствительного места... Я услышала собственный стон, тихо сорвавшийся с губ в тишину комнаты, по телу прошла дрожь, и мои бедра приподнялись навстречу ласке, требуя большего. Взрыва того пучка ощущений, который уже искрил и переливался во мне.

— Артем, я... Я хочу тебя. Пожалуйста...

Неужели это сказала я? Смущение заставило прикрыть глаза, но не отпустить плечи парня. Сейчас я готова была его умолять, сама жадно целуя в ответ, настолько потрясающими были чувства.

— Да! Подожди, моя хорошая... — Сокол отстранился и сел, лихорадочно шаря рукой по постели в поисках джинсов. Вывернув карманы, громко чертыхнулся. — Черт! Совсем забыл, что перестал носить эти штуки с собой. Сейчас...

Он ринулся из комнаты, и что-то загромыхало в прихожей, а затем в кухне...

Вернувшись, Артем забрался на кровать и легко притянул меня к себе, подхватив под мышки. Обнимая, признался, не в силах сдерживать смех:

— Я еще никогда в жизни так быстро не бегал за презервативами, — рассмеялся. — А все ты, Фанька, виновата! — склонив голову, поцеловал. — Все ты! Хитрый зеленоглазый чижик! Ну, — заурчал в ухо, поймав мою ладонь и прижав к паху. — Наденешь сама, м-м? — Ого. Краска не то смущения, а не то удовольствия затопила щеки и шею. — Тебе понравится, — пообещал мой искушитель, лизнув уголок рта. — Уже нравится. Я не из стеснительных.

— Э-э, я... Ну, я...

— Ясно, — Сокол снова засмеялся, поглаживая себя моей ладонью. Глядя на меня с хитрой улыбкой, разорвал зубами верх упаковки и, отодвинувшись, встал на колени, чтобы раскатать презерватив по длине. Я смотрела ему в лицо, радуясь, что тени ночи отступили, и я могу угадать эмоции на его лице.

— Ты похож на девичью мечту, — внезапно призналась, не сумев сдержать слов. Настолько все было ярким рядом с ним. Даже это сексуальное действие, в котором он оставался собой.

— Нет, Чиж, — и не подумал согласиться со мной парень, — я похож на голодного котяру, перед которым поставили очень аппетитное блюдо. Очень! И он никак не может определиться, — Сокол уложил меня на подушку, накрыв собой, — вылакать ему его или вылизать. Но определенно стоит начать с губ...

Мы начали с губ, но заканчивать не собирались. Я гладила тугие мышцы спины, царапала кожу, постанывала и выгибалась, потому что сдержать себя не было никаких сил. Он проник в меня осторожно, но брал с желанием, и я отвечала рваным дыханием, сорвавшись на пике тихим звуком его имени...

— Анфиса, — Сокол смотрел на меня, растянувшись рядом, такой сильный и уверенный, что любой девчонке было бы комфортно с ним. Его рука ласкала мою грудь, и так хотелось верить, что ночь для нас будет длиться вечно. — Ты совершенна, — вдруг сказал.

Я смутилась, чувствуя, как к горлу подкатил комок.

— Не выдумывай, Артем, — попросила. — Я больше не верю в сказки.

— Даже и не думал, — очень серьезно возразил парень. — Ты просто не знаешь, — щелкнул по носу. — Ничего-то ты о себе не знаешь, глупый Чиж! — повторил. — Такой же вкусный, как фисташковое мороженое!

— Ну, спасибо! — но я улыбалась. Было приятно слышать такое сравнение и чувствовать себя особенной в этот момент.

— Пожалуйста, — потянул меня на себя Артем, откидываясь на спину. Потребовал, обхватив ладонями ягодицы: — А теперь скажи, что я не сделал тебе больно.

— Нет, ты что!

— Тогда скажи, что хочешь меня. Потому что хотеть одному так сильно, как хочу тебя я, Чиж — обидно.

— Ты знаешь ответ.

— Скажи! — Вот же упрямый, но сопротивляться его рукам и губам невозможно.

— Хочу. Да, я хочу тебя! — до чего же приятно самой целовать его.

— Значит, ты не против и попробуешь справиться с этой резиновой штукой, да?

— Что?!

Артем вмиг подмял меня под себя, нависнув сверху.

— Ну, Фанька, — приник к шее, щекоча дыханием; потерся о низ живота бедрами: — признайся, что «он» тебе понравился.

— Сокольский!

Но я попробовала, смущаясь и смеясь. Никогда бы не подумала, что Соколу это доставит удовольствие — мое смущение с улыбкой и его направляющие руки. И даже призналась, что он мне нравится, «там» нравится.

Мы оба этой ночью словно сошли с ума, к утру совершенно обессилив и потеряв стыд. Желание не проходило и не проходило, между ног саднило, и когда рассвет заглянул в комнату, мы, наконец закончили — уставшие и мокрые уснули после душа, едва наши головы коснулись подушки.

Когда Артем проснулся — далеко за полдень — я лежала, прижатая к постели его рукой и бедром, и смотрела в окно.

— Привет, Чиж, — он вздохнул и зарылся подбородком в мои волосы. Нас укрывало одеяло и, немного полежав, Артем убрал руку и потянул его вниз, но я вернула.

— Чиж?

— Привет, — ответила, повернув лицо навстречу серому взгляду, который сейчас казался кристально чистым и пронзительным. Улыбнулась, но улыбка получилась ломкой и тут же истаяла. Как истаяла вся моя ночная смелость.

Я снова посмотрела в окно.

Глава 21

— Ты... все хорошо? — спросил Сокол напрягшись.

Губы пекли, между ног по-прежнему ныло, но в целом тело чувствовало себя здоровым и удовлетворенным, чего нельзя было сказать о настроении. С пробуждением пришло отрезвление и осознание глубины совершенной ошибки. Но, не считая страха, охватившего меня при мысли, насколько слепо я вчера смогла забытья — со мной все было относительно хорошо. Последний час я лежала, уговаривая себя вычеркнуть из памяти прошлую ночь и постараться справиться с чувствами к Артему, даже если будет очень больно. Но больно было уже сейчас, стоило только вспомнить на что мы решились и представить Сокола с другой: с Анисимовой, с Викой из бара, неважно! Вспомнить каким холодным и циничным он может быть, если хочет. Нет, лучше уж первой прекратить это помешательство, прежде чем однажды — возможно, уже в ближайшем будущем — реальность настигнет меня и снова расколет на части, когда Артем наиграется, оставив игрушку у обочины.

И поделом. Честное слово поделом. Я же сама еще недавно просила Ульянку быть осторожной и сама, сама нырнула в омут под названием «Артем Сокольский» с головой! Глупый Чиж! Совершенно справедливо — глупый! Забывший о боли предательства и вновь угодивший в силки! Только на этот раз будет еще больнее, потому что, несмотря на первый опыт, закончившийся неловкостью и болью, именно Сокол сделал меня женщиной.

— Да. Все в порядке, Артем.

Мы лежали голые, ночь изменила нас, сблизила физически, но не притушила трепет, и кожу по-прежнему покалывали иголки от близости Сокола. Он спал, обхватив меня рукой и прижав к себе, тихо дышал в волосы, а сердечко ныло, ныло, ныло... За окном стоял по-зимнему солнечный день, и я попросила, стараясь не смотреть Соколу в глаза:

— Мне нужно в ванную комнату. Ты... ты не мог бы отвернуться? Я хочу одеться.

Где-то в смятой постели валялись мои бикини, которые так просто не отыскать, а в прихожей у стены — бюстгальтер, но в шкафу висел халат, лежали пижама, спортивные штаны и сменное белье, и до него было каких-то пять шагов.

Артем пошевелился и убрал ногу, но сам не отодвинулся.

— Чиж, я видел тебя всю. Перестань. Это же глупо после всего стесняться друг друга. Мы не дети.

Верно, не дети, здесь он прав. Еще семь часов назад я и сама была смелой и потерявшей голову. Но не сейчас.

— Я знаю, — согласилась, понимая, что выгляжу глупо, — но все равно не могу вот так.

Артем тронул меня за руку, переплетая наши пальцы. Я снова попыталась улыбнуться — было несправедливо обижать его или винить, но улыбка, едва появившись, потухла.

Он привстал и коснулся губами моих губ. Задержался у лица, глядя на меня, но я не ответила. Просто смотрела на него, распахнув глаза, не понимая, что мне со всем этим делать и куда бежать. Как жить дальше?

Пальцы вцепились в край одеяла и Сокол нахмурился.

— Чиж, да что с тобой? — спросил участливо. — Не знаю, какие мысли роятся в твоей голове, но больше никаких пижам с мышами и матрасов на полу. Это просто утро и просто мы. Ничего не изменилось, слышишь?

— Артем, пожалуйста. Скоро приедут дядя Вася с Лукой, нам надо одеться.

— Вряд ли то, что мы вместе спим, станет для них сюрпризом. Мы с тобой смогли убедить всех!

— И себя? — не сдержалась я. — Себя тоже?

— Анфиса...

Он не отвернулся, и мне пришлось уступить. Волосы высохли спутанной волной и касались поясницы, когда я встала и подошла к шкафу, ни капли не кокетничая, а скорее робея под внимательным взглядом, чтобы взять вещи. Ушла в ванную комнату, не забыв запереть за собой дверь на замок.

Губы даже после сна остались яркими. Тело было чистым и до сих пор пахло гелем для душа, которым Артем меня вымыл. Внизу живота, над лобком, маленьким пятнышком темнел засос — я посмотрела в зеркало и закрыла лицо ладонями. С ума сойти! Дав себе минуту времени, дрожащей рукой открыла кран и умылась. Почистила зубы, расчесалась. Наплевав на «красоту», заплела косу и вползла в халат. Запахнула ворот у самой шеи, думая о том, что надо бы уже выйти. Надо, Фанька. И как-то смотреть Соколу в глаза.

Надо, если получится.

Получалось не очень. Я растерянно вздрогнула, когда он вошел в кухню, куда я ушла, не найдя смелости вернуться в комнату, и позвал по

имени. Присел перед стулом, на котором сидела, и надел мне на ноги носки.

— Холодно, Чиж, а ты босиком.

— Спасибо.

— Анфиса, скажи, — Сокол оделся в футболку и домашние брюки. Его ладонь лежала у меня под коленом, а большой палец выводил на коленной чашечке узоры. Мы встретились взглядами. — Почему? Я что-то сделал не так? Обидел тебя?

Я не собиралась винить Артема, только не его. Это был мой неусвоенный урок и мои ошибки.

— Нет, — качнула головой. Постаралась улыбнуться, но на этот раз и вовсе не получилось. — Не думай так, пожалуйста, — попросила. — Ты же знаешь, что я сама... сама хотела. Дело не в тебе.

— А в ком, Чиж? — Сокол нашел мою ладонь и взял в свою. Заиграл желваками на скулах, прежде чем сказать. — Я тут подумал... Фаня, я заметил, что ты неопытна, но, возможно, не догадался насколько. В этом все дело? Вчера я совершенно потерял голову и мог...

— Нет, со мной это не впервые, — ну вот, смущение, наконец, накрыло меня и поползло по шее и скулам пятнами, но я заставила себя смотреть Артему в глаза. — Было один раз. Давно.

Пальцы на моей руке сжались, а голос Сокола моментально просел.

— С кем? — тут же спросил он, и скорее всего раньше, чем успел подумать: а вправе ли задавать подобный вопрос.

Я отняла ладонь и медленно вернула на стол, чувствуя, как пылают щеки. Как всегда в сложный момент посмотрела на губы парня, чтобы не смотреть в глаза.

— Артем, мне кажется, что это слишком. Я же не спрашиваю тебя о твоём первом разе.

Но Сокол в отличие от меня и не подумал смутиться.

— А ты спроси, Чиж, — усмехнулся уголком рта, — и я расскажу. Самому стыдно вспоминать, как все произошло. Но я точно не был таким героем, как с тобой. Ты у меня исключительный случай.

Я уже задышалась, а потому встала и подошла к окну.

— Вот и мне стыдно, — призналась. — А еще обидно, потому и не хочу вспоминать.

— Анфиса...

— Артем, ну зачем тебе?! — повернулась, выдохнув почти с мольбой. — Чужие истории мало кому интересны!

— Еще не знаю, — неожиданно упрямо ответил Сокол. — И ты не

чужая мне, Чиж. Только не ты.

Я смотрела на него, а он на меня. Не спешила отвечать, не до конца понимая, что Артем имеет в виду, но он и не торопил. Между нами сейчас трепыхалась жалкая завеса прошлого, из-за которой так легко было извлечь любую тайну и любой стыд. Так неужели тому виной сблизившая нас ночь?

— Мы встречались в школе. Долго. Почти четыре года. Он был старше меня и однажды уехал учиться в другой город. Я любила и обещала ждать, верила, что это навсегда. Все случилось в день моего выпускного. Мне было семнадцать, я сомневалась и, кажется, у нас не очень-то получилось. Все было неловко, больно и быстро. И сегодня мне неприятно об этом вспоминать.

— А дальше?

— А дальше все закончилось. Я оказалась недостаточно хороша для него. Появились девушки, популярные друзья и тусовки. Любовь прошла, и сказка, едва начавшись, не рассказалась. Так бывает. Мы давно не вместе и никогда не будем.

— Значит, это он тебе постоянно названивает? — догадался Сокол. — Твой сосед? — Я промолчала, и парень закончил сам: — Похоже, Чиж, он так не думает.

Что думал о нашем общем будущем Мальвин — знать не хотелось. После вчерашней истории в клубе я была уверена, что его гордость подобного не перенесет и он, наконец, оставит меня в покое. А вот о девчонках из группы и друзьях Сокола задуматься следовало. Придумать, как в понедельник в университете объяснить всем вчерашний поцелуй. Оптическим обманом или новогодним розыгрышем?

— Мне все равно, — призналась. — Если я когда-нибудь и буду вспоминать свою первую близость, то с тобой, Артем, не с ним.

Сказала и замолчала, зная, что это правда.

— И все-таки, Анфиса? — осторожно отозвался Сокол, возвращая разговор к тому, с чего начал. — Почему?

Если бы так легко было ответить. Я подняла руку и сжала у горла ворот. Облизнула губы, ставшие от волнения сухими.

— Нет, ты меня ничем не обидел, не думай. Дело во мне. Понимаешь, вчера все случилось неожиданно, и теперь я не знаю, что со всем этим делать. Для меня это все непросто.

Сокол стоял в двух шагах у стола и смотрел мне в лицо, не отпуская взгляд.

— Но, Чиж, между людьми все так и происходит, — сказал, усмехнувшись своим словам, как чему-то само собой разумеющемуся. —

Зачем что-то делать, когда все и так понятно. Люди хотят и получают. Или не получают — у каждого своя удача и свой путь. Разве нет? Мы хотели этого вместе.

Я кивнула, соглашаясь.

— Да, хотели, — опустила руки и полуотвернулась от парня. Растерянно провела ладонью по столешнице кухонного шкафа, вздохнув своим мыслям. — Скорее всего, ты прав, Артем. Я же говорю: дело не в тебе. Ты замечательный и наверняка об этом знаешь. Просто мне всегда казалось, что мало хотеть. Должно быть что-то еще между людьми. Не только желание. — Я подняла голову и оглянулась на Сокола. — Думаешь, это глупо?

Он не ответил, и я посмотрела на дверь. Обняла себя руками за плечи.

— Знаешь, я, наверно, пойду...

Артем в два шага догнал меня и прижался к спине, обхватив руками.

— Чиж, успокойся, — остановил, притягивая к себе. — Давай сядем и попьем чай. Просто поговорим. Хочешь, я попробую тебя удивить и признаюсь, что умею жарить картошку? Ты же хочешь есть? Ну, кивни! Я же знаю, что хочешь. Обещаю отдать тебе самые вкусные кусочки — румяные с корочкой. Только не грусти, слышишь? Все будет хорошо!

Он зарылся лицом в мои волосы, еще крепче обнимая. Прижался губами к шее, целуя, и меня снова словно обожгло огнем, отбирая дыхание.

— Чиж... Чиж, Чиж, Чиж! — Артем прошептал у виска. — Ты одна у меня на уме. С тех пор, как появилась, ни о ком думать не могу. Я даже во сне люблю тебя...

Я замерла и Сокол тоже. Слова прозвучали и застыли в воздухе, обернувшись для нас неловким молчанием. Не знаю, сколько бы мы так простояли, если бы не звонок в дверь и не Василий Яковлевич с Лукой, шумно ввалившиеся в квартиру.

— Привет, молодежь! Греетесь на кухне? Вот это правильно! А на улице-то мороз, у-ух, уши отваливаются! Мы тут с Лукой по рынку пробежались, как зайцы — трусцой! Купили вам к празднику шампанское, апельсины и елку!

— Фаня! Артем! Смотрите какая! — радостно засмеялся мальчишка, выпрыгивая из-за спины отца с деревцем в руках, туго перетянутым упаковочной сеткой. — Мы выбрали самую красивую! А еще в коробке игрушки и гирлянда! Фанька, ты любишь наряжать елку? На ней и шишки есть, настоящие!

— Ну, молодежь, вы даете! Телефон отключен, в соцсетях тишина! Да к вам, как в тайгу — не дозвониться! — безапелляционно заявил дядя Вася,

входя в комнату, и вдруг смущенно попятился назад, увидев беспорядок в постели. — Да вы тут, похоже, момент одиночества праздновали... М-да, Лука, — обернулся к сыну. — Кажется, не вовремя мы с тобой приехали.

— Здравствуйте, Василий Яковлевич, — я поздоровалась, краснея от воспоминаний о том, чем мы с Соколом в этой постели занимались. — Что вы! Проходите на кухню, сейчас сделаю чай.

— Артем, ну и противная же эта Сусанночка, — услышала за спиной откровение Луки, пока доставала чашки и готовила чай. Старший Сокольский в это время мыл в ванной руки. — Сначала улыбалась мне и подсовывала печенье, а когда твой папа вышел, сказала, чтобы я не надеялся ее растрогать смазливой мордашкой. И что этот хитрый номер у нас с Алисой не пройдет. А какой номер — я не понял. А ты как думаешь?

Чай был горячим, дядя Вася с Лукой в хорошем настроении, и пока мужчины разговаривали на кухне, я быстро оделась и вышла в прихожую.

— Чиж, ты куда? — удивленно окликнул меня Артем, поднимаясь со стула. — Ты разве не посидишь с нами?

— Нет, я на работу в «Маракану», пора мне.

— Анфиса, стой! — Сокол поймал мою руку, останавливая. Его слова по-прежнему ощущались между нами определенной неловкостью, и было непросто смотреть в глаза — цепкие и в тоже время непривычно ласковые. — А ты можешь не пойти? — с надеждой спросил.

Теоретически могла, хотя Тимуру в эти предновогодние выходные наверняка требовалась помощь в баре, но мне сейчас необходимо было почувствовать хоть какое-то движение, чтобы успокоиться и разобраться в себе.

— А разве у тебя нет тренировки? — задала встречный вопрос.

— Есть, но уже в восемь вечера я буду свободен. Да и какая разница, Чиж, плевать! Я думал, мы могли бы...

Я отняла руку, вползла в пуховик и нахлобучила шапку.

— Артем, я не могу сидеть на твоей шее. Стипендия не резиновая, а я и так не выходила на работу всю неделю. Надо хоть что-то заработать к празднику — малышне подарки купить, и брату.

— Анфиса, — запястье снова оказалось в сильной руке Сокола. Да что ж такое-то! Сердце лихорадочно застучало. Мне хотелось быть рядом и хотелось бежать. Хотелось забыться и отдаться его рукам. Он прав, ничего не изменилось: он и сегодня остался все той же девичьей мечтой, способной в любой душе зажечь надежду, а я все той же Фанькой Чижики.

Господи, ну почему это вновь случилось со мной? Почему? Мне казалось, что я все смогу предугадать. Что никогда больше! И вот снова

сердце любит и не хочет понимать, что это просто путь — дорога, каких будет множество. Что «люди хотят и получают». Что не все любовь и не каждой надежде дано сбыться.

Губы Сокола накрыли мои, и я не смогла не ответить. Погладила шею и волосы, чувствуя, как в груди острыми краями ворочается грусть.

— Останься, Чиж.

— Извини, Артем. Но мне, правда, надо идти.

Работа не ладилась, все валилось из рук. «Маракана» ближе к вечеру наполнилась людьми, и пришлось с официантами обслуживать столики.

— Фанька, что с тобой? — спросила сердобольная Райка, когда я в третий раз не откликнулась на свое имя, забирая заказ. Сашка-бармен тоже с интересом взглянул в мою сторону.

— Чирик, ты что, влюбилась? — отпустил усмешку. — Какая-то ты странная сегодня. Кстати, я тебе звонил, хотел узнать: выйдешь в нашу смену или нет, но ты не ответила. С телефоном что-то случилось?

С телефоном все было в порядке, вот только включить его я забыла, да и зарядить тоже — ночью оказалось не до того, а вечером все мои мысли занял Сокол. Наверняка звонил не только Сашка, но и родители. Я спохватилась.

— Сань, дай зарядное устройство! Срочно! Рай, отнеси заказ на четвертый столик, — сунула девушке в руки поднос с коктейлем и пивом. — Я на минутку! — и выбежала из зала в подсобку.

Родителям позвонила — выслушала справедливый нагоняй от мамы, а от старшего Чижика — требование прислать номер телефона Артема на случай срочной связи. От Мальвина звонков не было — ну, хоть что-то. В ленте висело несколько звонков от девчонок из группы, и шесть от Матильды Ивановны. Я понимала, что им с Милой Францевной интересно узнать, как для меня прошел вчерашний вечер, и не ошиблась.

— Фаня, детка, ну как дискотека? Наплясалась? — задорно хохотнула баба Мотя. — А мы с Милкой за тебя еще коричневого ликерчика хлебнули!

Я не смогла не улыбнуться.

— Это был ночной клуб, Матильда Ивановна.

— Да все одно — трясучка! Лучше скажи: ты танцевала?

— Еще как!

— С самым красивым парнем, — наострила слух баба Мотя, — или какой достался?

— Да, с самым.

— Ура! — обрадовалась старушка. — А я что говорила: слушайся

Милку и будешь королева! Я тебе, Фань, чего звоню, — голос бабы Моти стал серьезнее. — Новость у меня для тебя есть — радостная.

— Какая?

— Племянничка моего повязали вчера. Ворюгу проклятого! Вот как ты ушла, а мы с Францевной-то лишнего хлебнули, так прямо из моей квартиры в наручниках и сковырнули. Попался, голубчик! Я тут уже с утра уборкой праздную! Да простит меня моя покойная сестрица, но такого страха мне на старости лет и даром не надо! Так что комнатуха твоя свободна. Как захочешь, так и въезжай! А ирода я не пускала в нее.

— Матильда Ивановна...

— Что, девонька?

— А можно я сегодня приеду?

— Ну, конечно! Ты, наверно, снова в своей «Таракане» маешься?

— Да, в «Маракане».

— Приезжай, блины напеку. Оставлю ключи в почтовом ящике. Сама-то наверняка спать буду...

— Эй, это она! Я говорю вам — она! Девчонка Сокола! Ну, с которой он живет!

— Та, что на фото в боулинге? Да ладно тебе, Марджанов, не трепись! Она для Сокола слишком чистенькая.

— Да она это, отвечаю! У нее еще имя такое необычное, киношное. Привет, куколка! Помнишь меня? Мы-то тебя хорошо запомнили — особенно девчонки. Ахаха! Как роза, не завяла? Я старался. Выбрал для тебя самую красивую!

Я чуть не выронила поднос с закусками и пивом, обслуживая посетителей за столиком, когда увидела перед собой темноволосого парня из боулинга в компании парней, расположившихся рядом. Только их мне сейчас и не хватало! Отвернувшись, заставила себя молча выставить заказ.

— Эй, Зая, не сердись! Я же из дружеского участия интересуюсь, — окликнул темноволосый. — Не каждый день встретишь Сокола в компании такой милой... Чижик! Точно! А я все вспомнить не мог твою смешную фамилию!

Зая? Это он мне? Кажется, я застыла.

Не знаю, откуда нарисовался Макс Титов, но именно он ответил за меня брюнету из боулинга.

— Марджанов, ну ты и придурок. И однозначно смертник. Тебе не приходило в голову, что, возможно, Артем не хочет, чтобы ты о ней трепался? — кивнул в мою сторону.

Рядом с ним стоял Леший, и парни из компании поздоровались.

— Макс? Привет! Думаешь, я нарвался? — как ни в чем ни бывало, спросил Марджанов. — Значит, не показалось и все на самом деле серьезно? — у него оказалась подвижная мимика, и он ею умело воспользовался.

— А вот сейчас Сокол подъедет, и сам у него спросишь: серьезно или нет, — холодно усмехнулся Лешка. — Как раз минут через пять обещал быть.

Что? Я попятилась в сторону бара, прибавила шаг и в подсобку уже влетела. Собрала вещи, оделась...

— Тимур, я уйду, мне срочно надо домой, — поймала хозяина в кабинете.

Если Тимур и удивился, то виду не подал.

— Хорошо, Фань, иди, — отвлекся от пересчета дорогой выпивки, расставленной в коробках на полу. — А завтра будешь?

Мне очень хотелось обнадежить его, но я честно ответила:

— Не знаю.

Я действительно не знала, ничего не знала. Шагала, затем брела по центру города к остановке, скрипя по снегу сапогами, и только в последний момент поняла, что сегодня автобус не привезет меня к переулку Федосеева. Улицы сияли рекламными огнями, переливались горящими гирляндами и мигали поздравлением «С наступающим Новым годом!», народ торопился попасть в теплый уют своих домов и квартир... Я сидела у окна и вспоминала дядю Васю с Лукой. Интересно, нарядили они елку или нет? Я так и не успела ответить мальчишке, что всегда с удовольствием наряжала с отцом зимнюю красавицу.

Артем позвонил, и я несколько секунд смотрела на экран, прежде чем решилась ответить.

— Привет.

— Чиж. Я не могу тебя найти, — просто сказал. — Где ты?

Неважно, в «Маракане» или нет, Сокол преследовал цель и хотел знать ответ. Сегодня этой целью была я, но завтра нам обоим станет значительно легче. Ведь станет же?

— Еду в автобусе, — призналась.

— Домой? Я был в больнице. Алисе уже лучше, и отец с Лукой переночуют в ее доме. Мы будем одни, слышишь?

Мне снова понадобилась секунда, чтобы сказать:

— Артем, я не приду сегодня на ночь. Извини.

— Почему? Как не придешь? То есть... — Сокольский шумно

выдохнул в трубку и после паузы спросил — тихо, проглотив комок: — Чиж, я не понимаю: что к чертовой матери происходит? Объясни. Ты едешь к родителям? Я сейчас приеду, и мы поговорим. Должна же быть чертова причина, почему ты бежишь от меня!

Должна и есть! Но как объяснить свой страх тому, кому он покажется глупым?

— Нет, не от тебя, Артем, от себя. И не нужно никуда ехать, я не у родителей. Пожалуйста, поверь. Я объясню тебе! Обязательно все объясню, но не сегодня. Обещаю.

— Анфиса...

— Артем, пожалуйста,пусти меня.

Я отключила телефон и закрыла глаза: надеюсь, он простит меня.

Глава 22

Баба Мотя сдержала слово и напекла блины. Я провела у нее все воскресенье, и было так странно вновь вернуться под ее крыло в свою старенькую, крохотную комнатку, где кровать укрывало мамино покрывало, на письменном столе в надежде на починку лежал ноутбук, а на выцветшей полке с раздвижными стеклами стояли любимые книги. Где предметы и вещи ждали меня, пусть и не все были моими. Я прожила здесь два с лишним года, но хватило двух недель, чтобы одновременно соскучиться по своей студенческой каморке и вдруг почувствовать тесноту. То ли в комнате, а то ли в груди. Странное ощущение.

Ночью снился Сокол. И если наяву я бежала от него, то во сне — к нему. Утром проснулась с тяжестью на сердце, тоской и температурой. Меня лихорадило весь день, и только к вечеру я вышла на кухню к бабе Моте и Миле Францевне выпить чай.

— Господи, Фанька! — всплеснула руками хозяйка дома. — На тебе ж лица нет! Бледная, как поганка! Милка, добавь ей смородины в чай и сметанки к вареникам положи! Не нравится она мне. Хоть бы не заболела. Что я ее мамке с папкой скажу?

— Любовные переживания у нее, Матильда, вот и мается. Я эту болезнь знаю. Вон как глаза блестят! А ну-ка, девонька, посиди на колоде, я специально для тебя принесла, — бывшая пианистка ухватила меня за руку, усаживая рядом с собой на стул, на котором лежали игральные карты, и воодушевленно потерла ладони. — Сейчас погадаем и узнаем в чем причина!

— Ну что вы выдумываете, Мила Францевна? Ерунда это, — я попробовала было возразить, но где там. И села, и встала, и даже колоду карт в руке подержала, как того хотели старушки. Разве таким настырным откажешь? Любительницам программы «Экстрасенсы», любовных романов и французских пасьянсов. Хитрым манипуляторам, в случае любого отказа хватающимся за сердце.

— Ерунда? — Францевна коротко хохотнула, а баба Мотя громко и довольно крикнула в кулак: «Кхе!», поддерживая подругу. — Да я, Фаня, нашей скрипачке Сонечке на гастролях в Праге такого жениха нагадала! Зашибись! — как говорит молодежь! Двадцать лет уж прошло, а до сих пор, вспоминая, смеюсь! И ведь не ошиблась же!

— Что, небось иностранец оказался? — важно вскинула бровь баба

Мотя.

— Да какой там! Наш директор филармонии — Осип Мейхер. Трижды разведенный шестидесятилетний шельмец! С тремя подбородками, спинной грыжей и ржавой «Волгой». Сонечка тогда была влюблена в молодого тенора Борю. Еще бы! Сенсация! Лауреат международного конкурса! Солист! Отличные перспективы и...

— И что, Милка? — не утерпела Матильда Ивановна.

— А ничего. Шестерка пик, крестовые девятка и король! — развела руками Францевна. — Полное фиаско, а не расклад! Сонечка тогда в помешательстве всей филармонии открылась, Борьке прохода не давала, а он как оказалось — гей. Правда, мы тогда это по-другому называли. Не так культурно.

— Хей? — округлила глаза баба Мотя. — Да ты что, Милка! Окуневский?! Взаправду, что ль?

— Конечно! Стану я тебе врать, Матильда! Я тогда Соньке сразу сказала: свадьбе быть, но не с ним! Карты показали! А как Борька Соньку из своего номера в Праге выпер, так Осип и подсуетился. Ей уже было все равно за кого замуж выходить. Она ж перед всей филармонией в исподнем стояла.

— Э-э, не надо мне с тремя подбородками, — нахмурилась я, глядя, как пальцы бывшей пианистки раскладывают веером карты, накрывая одну другой. — И ржавой «Волги» не надо. Мила Францевна, пожалуйста! — взмолилась, приподнимаясь на стуле, вдруг испугавшись вердикта гадалки, — Лучше я всю жизнь пешком ходить буду!

— Сидеть! — вернула меня на место баба Мотя. — Милка, смотри, — погрозила подруге шишковатым пальцем, — нагадаешь ребенку старого еврея с грыжей, я тебя до конца жизни из сердечных подруг разжалую! Так и знай!

— Матильда, не городи чушь! Борьке было двадцать два, Сонечке — сорок восемь. Тут не только геєм от испуга прикинешься, но и религию сменишь! А у Фаньки нашей, — махнула ладошкой на стол, — ой, смотри-ка! В наличии полный переживательный комплект! Любовный треугольник!

— Да ты что! — это был вскрик хозяйки дома, но, кажется, даже я ахнула.

— Сюда посмотри, Матильда. Видишь, что творится? Два валета и оба с интересом к бубновой даме. Только одному выпала восьмерка пик, а второму — девятка червей.

— И чего это значит! — заморгала баба Мотя, поправляя на крупном

носу очки. — Ну же, Милка, не томи!

— А то и значит, что один из них очень нравится Фане, а она ему. И даже больше!.. Ну вот, говорю же! Взгляни, Матильда, ей-богу, не вру! Одному упала десятка пиковая, а другому — крестовая! Одному дорога от сердца, а другому к сердцу. Господи, — вдруг охнула гадалка-пианистка и прижала руки к груди, — и червовый туз! Ну все, Матильда, никакой грыжи и несварения, можно спать спокойно!

— Э-э, Мила Францевна, а...

— А ты иди, иди, детка! Остальное я Матильде наедине расскажу. Тебе о том знать не обязательно! Ого, вот это валет! Да тут такой козырь...

— Но...

— Иди! Удачу спугнем, Фанька! А удачу, как лису, приманивать надо.

Пришлось уйти к себе в комнатуху и забраться с ногами в кровать. Вот так и тасуй колоду карт. Все равно хитрые бабульки вокруг пальца обведут.

Ночью опять лихорадило, но болело не тело, болела душа. Когда проснулась — на улице вьюжило, на стене тикали старые хозяйские часы, а я лежала, смотрела в окно и вспоминала нашу с Соколом ночь. Ту силу сумасшествия, что охватило нас. Я знала, что будет больно, уговаривала себя забыть, но все равно скучала по Артему ужасно, а еще неожиданно одинокой и холодной казалась постель.

Интересно, как он там? Один или... нет? Может, уже и забыл свою нечаянную соседку?

Поутру в простенькой квартире бабы Моти было прохладно, но вещи, развешанные на батарее, высохли, и я, все еще поживаясь после душа, влезла в свой свитерок и джинсы. Сунув в сумку чистую тетрадь, убрала волосы на плечо и, надевая шапку, замешкалась в прихожей у зеркала, глядя на свое отражение — бледную копию некогда жизнерадостной Анфисы Чижик. В сумке из косметики имелся только блеск, но он совершенно не подходил к настроению, так что пришлось выдохнуть и оставить его у зеркала. В конце концов, я уже смогла удивить своих согруппников в пятницу, сегодня мне блеск точно ничем не поможет.

Переполненный людьми автобус приехал к университету с опозданием, и на вторую пару пришлось бежать. Когда я вошла в аудиторию, преподаватель уже успел раздать студентам контрольные тесты по профильному предмету, отмеченные печатью, и теперь прохаживался по кафедре, обводя учащихся строгим взглядом.

— Чижик? Вы опоздали! Проходите же скорее, Анфиса, не отнимайте

общее время! Сергей Николаенко! Грачева! Почему отвлекаемся? — повернулся к студентам. — Вернитесь к работе с тестом или я буду вынужден удалить вас из аудитории!

Я постаралась успокоиться и взять себя в руки. Слава Богу, что не нужно ни с кем говорить, а можно с головой уйти в вопросы политологии. Забрала у преподавателя бланк теста, прошла между рядами и нырнула за свободную парту.

— Чижик! Эй, Чижик! — позвал шепотом конопатый Серега. Прикрыв рот ладонью, он наклонился в мою сторону, как обычно делал на контрольных. Я как раз успела отметить под вторым вопросом нужный пункт и перейти к третьему.

— Чего тебе, Николаенко? — продолжила писать.

— Слушай, Анфис, это правда, ну, о чем девчонки говорят? Что ты в пятницу в клубе целовалась с Сокольским?

Началось. Я напряглась, но от теста не оторвалась.

— Эй, Анфис! — снова позвал парень.

Черт, ведь не отстанет же!

— А ты сам-то веришь? — спросила ровно.

— Я? — удивился Сергей, почесывая на носу веснушки и поглядывая в сторону преподавателя. — А хрен его знает. Вообще-то ты очень даже ничего, симпатичная. У тебя волосы красивые и глаза. Но Сокол... Слушай, Чижик, а может, встретимся сегодня вечером? Сходим ко мне в общагу — я тебе свои кактусы покажу.

— Чего?! — я даже подпрыгнула от неожиданности. Оглядела притихшую группу и прошептала сердито в ответ, понимая, что это только начало и сегодняшний день необходимо выдержать. — Отвали, Николаенко! А то я тебе твои кактусы знаешь куда засуну, чтобы не чесалось! Без смазки!

Грачева впереди хихикнула, а парень возмутился.

— Да я серьезно про кактусы сказал, Анфис! Третий год собираю! У меня уже коллекция из тридцати двух штук! Ну, хоть с тестом помощи, а, Чижик? По старой дружбе.

— Обойдешься!

Но пара закончилась, тесты сдали, и меня тут же обступили девчонки.

— Фанька, что это было в пятницу в «Альтарэсе»? Новогодний прикол?

— Фанька, ты куда исчезла?

— Фанька, ты почему отключила телефон?! И расскажи нам уже: Сокольский что, с ума сошел? Он же тебя чуть не съел! Откуда он взялся?

— Девочки, а я слышала, что популярные парни теперь так развлекаются! Выбирают неприметную девчонку и целуют у всех на глазах. А затем присваивают номер и выкладывают фото в «Инстаграм». Соревнуются у кого больше!

— Точно! Это у них называется «Счастливый вторник для пони»! Я в кино видела. Они и не только поцеловать могут. Вот же придурки!

— Много ты понимаешь, Крылова. Эх, хотела бы я, чтобы меня так поцеловали, как Фаньку, — вздохнула староста. — Подумаешь «Инстаграм»! Да я бы первой запостила фоточку на память, вот если бы с Соколом! Мальвин, конечно, тоже ничего, но слишком уж сахарный, а у меня от глюкозы изжога.

— Осторожно, Надь! Кажется, у нашей Ульянки в пятницу тоже был «Счастливый вторник», — весело заметила Наташка. — Я видела, как они с Мальвином в клубе обнимались. Ну, признайся, Ким! — обратилась к девушке. — Тебе тоже повезло так же как Фаньке?

Я вскинула голову и посмотрела в сторону Ули, которая как раз закончила собирать сумку и повесила ее на плечо, собираясь выходить из аудитории. Она обернулась и ответила с задумчивой улыбкой:

— Не угадала, Крылова. Было громко и мы просто разговаривали. Всего лишь.

— Всего лишь? — рассмеялась Олька Грачева. — Узнаю Мартынова и его первый прием обольщения. По ушам поездить он мастер. Но козла с Соколом не сравнить! Вот последнему точно было не до разговора, скажи, Чижик!

— А я так напилась, что почти ничего не помню, — вздохнула Инка. — Только то, как Артем Фаньку сгреб и... А потом так плохо стало, когда меня Коваль дергала, хоть вешайся. Пришлось в туалет бежать. Так что там было, Чижик? Давай уже рассказывай! Куда вы пропали?

Фух! Они правы. Надо уже выдохнуть и сказать хоть что-то. Хоть словечко.

— Ничего, мы просто ушли. Девочки, давайте не будем, ладно? Ну, случилось и случилось. Сегодня понедельник, а не пятница.

— Случилось?! Ничего себе! — ахнула Наташка, распахнув глаза и рот. — Фанька, у вас что же и продолжение было?! Блин, Грачева, — обернулась к подруге, толкнув ее локтем в бок, — а ты говоришь. Да Сокольский такой же козел, как Мальвин! Клянусь, если меня кто-то из этой четверки парней поцелует, я ему так по физиономии врежу! Будет им не вторник, а черная пятница, вот!

— Уймись, Хаврошечка, — рассмеялся, прислушивающийся к

разговору Николаенко. — Размечталась... Хоть бы не оконфузилась от счастья, страждущая.

Ульянка остановилась в проходе и оглянулась, Николаенко присвистнул, а я покраснела. Пока Крылова бегала за Серегой, пытаюсь стукнуть его сумкой, вышла из кабинета и направилась по привычке в буфет, но девчонки догнали. Ну, еще бы. Похоже, что тему клуба и пятничного вечера никто не желал спускать на тормозах.

Господи, хоть бы все это выдержать и поскорей бы закончился день!

— Фанька, ты...

— Фанька, а как...

— Фанька, почему...

Сколько же косых взглядов и усмешек вокруг. И зачем я сюда пришла? Могла и без пирожка обойтись. Да и без универа, если бы не время контрольных. Но тема оказалась такой горячей, что когда Сокол появился в буфете в куртке, припорошенной на плечах снегом, хмурый с острым, словно заточенным взглядом, кажется, все разом притихли.

— Да пусть только попробует кто-нибудь из наших красавчиков ко мне подкатить! Я любого на место поставлю! Фиг им, а не счастливый вторник, вот увидите!.. Ой, Сокольский! — испуганно выдохнула Наташка Крылова и первая вспорхнула со стула, забыв о боевом запале, когда Артем прошел залом и остановился у нашего столика. Цыкнул сквозь зубы, без права на возражение:

— Кыш!

Мы с девчонками только-только расположились за столиком, и вот их как ветром сдуло, а я осталась сидеть одна с мятым пирожком в одной руке и горячим стаканчиком в другой. И снова дешевый чайный пакетик плавал сверху, не собираясь тонуть без помощи ложки. Я смотрела на него, не в силах поднять на Артема глаза. Сейчас половина присутствующих в буфете студентов, хихикая и перешептываясь, наблюдали за нами, и я не могла об этом не думать. О том, чего все они ждут от Сокола. Наверняка объяснения настоящей причины его пятничного поступка. А вдруг и правда розыгрыш? Как там... «Счастливый вторник для пони»? Вот будет приколы! Вселенская справедливость восторжествует, Чижик спустится с небес на землю, и сразу все станет привычно и правильно. Осталось только убедиться.

Артем снял куртку, бросил на стул и сел напротив, буравя меня взглядом. Ну и зачем, спрашивается, подошел? Здесь даже не клуб — все на виду при свете дня. Сам же предупреждал и сам нарушил условия сделки. Подавшись вперед, забрал из моих пальцев стаканчик с чаем — я вздрогнула от прикосновения, — надорвал у стика с сахаром верхушку и

высыпал содержимое в чай. Медленно размешал ложечкой напиток, хозяйничая на моем подносе, и вернул стаканчик назад.

— Спасибо, — я откусила от пирожка кусок и с трудом проглотила.

— Вкусно? — услышала глухое, но сердце все равно отозвалось на звук голоса уколом тоски.

— Не очень, — честно ответила.

Я подняла голову и посмотрела на парня. Зацепилась взглядом за серые глаза на заострившемся лице. Сейчас только отчаянный мог связаться с Соколом, весь его вид — намеренная неспешность движений и перекатывающаяся сила в широких плечах — говорили о том, что он натянут как нерв. Я успела хорошо узнать Артема, чтобы угадать в нем ожидание и неясную усталость. Мы смотрели друг на друга, не отпуская взгляды. Я вдруг заметила свежие ссадины на его щеке и подбородке.

— Ты что, снова подрался? — изумленно спросила, забыв о пирожке.

Артем не ответил. Поднялся со стула и подошел к прилавку буфета — очередь привычно расступилась перед ним. Купил чашку кофе и, кажется, пирожное. Что? Не только я удивленно заморгала. Ну кто же покупает «Корзинку» на обед? Тем более парень. Пусть и свежую, дорогую для студенческого кошелька. Нет, иногда можно, конечно, но... есть же хот-дог.

Он оставил себе кофе, а пирожное поставил передо мной. Сел на стул, а я так растерялась под любопытными взглядами, ожидающими продолжения нашей встречи, что между вариантами: сидеть истуканом или съесть корзинку, выбрала последний. Взяла пирожное и надкусила. Точнее слизнула с верхушки нежный крем, облизнув губы.

— Вкусно? — спросил Сокольский.

— М-м, угу.

Артем достал телефон и набрал номер. Сказал в трубку: «Я жду, опаздываешь». Даже не повернулся навстречу старому знакомому, когда Руслан Марджанов появился в буфете. Войдя, остановился передо мной, и я чуть не выронила из рук стаканчик с чаем, увидев, как сильно у парня заплаыл глаз и разбита губа. Впрочем, он все равно приветливо улыбался, не изменяя себе.

— О! Анфиса? Привет, — запросто поздоровался, словно мы с ним друзья. — Как дела? — спросил, склонив голову. — Отлично выглядишь!

Выглядела я не очень, здесь он врал, но, видимо, для него это роли не играло. Я поздоровалась.

— Привет.

— В общем, я чего зашел, — начал парень. — Хочу сказать, что в субботу в «Маракане» был сильно не прав на твой счет, за что и понес

справедливое наказание. Извини и все такое. Крайне сожалею и раскаиваюсь от чистого сердца.

Марджанов обернулся к Соколу.

— Что? И на колени встать?

Артем продолжал смотреть на меня.

— Не перегибай, Руслан, не в цирке.

— Ясно, — кивнул темноволосый, — как скажешь. Анфиса, у тебя вот тут крем, — показал мне пальцем на свою губу. — Сокол, ты бы слизнул, — обратился к Артему, — а то выглядит слишком уж аппетитно...

Даже я вздрогнула, когда Сокольский не то рыкнул, а не то процедил сквозь зубы с угрозой, впившись рукой в куртку парня:

— Марджанов! — оттолкнул его от себя. — Вали отсюда! Напросишься!

Девчонки у стены охнули, а зеваки за соседними столиками притихли. Я ожидала, что парень обидится или вспылит, но он лишь рассмеялся.

— Пока, Анфиса! — направившись к дверям, подмигнул мне здоровым глазом и скрылся, оставив сидеть с приоткрытым ртом.

Что это было? Это он... мне? Серьезно, что ли? Даже Мальвин, появившийся на горизонте с Титовым и Лешкой, не удивил меня так, как этот весельчак Марджанов.

Я сглотнула, моргнула и пропустила момент, когда Артем наклонился и большим пальцем вытер уголок моего рта, заставив вновь смотреть на него. Откинувшись на спинку стула, с самым серьезным видом облизал подушечку и отхлебнул кофе.

— Чиж, — вдруг сказал, отставив стаканчик, дернув на скулах желваками, — возвращайся.

Эта неожиданная просьба-признание обожгла грудь. Легкие сжались, и у меня перехватило дыхание. Я почувствовала, как к горлу подкатил ком. Эти выходные и для меня не были легкими.

— Артем...

— Не нужно ничего объяснять. Просто вернись. Это все, чего я хочу.

Я потупила взгляд в стол — слишком пронзительным было ожидание в серых и ярких глазах Сокола.

— Мне кажется, Артем, ты зря ко мне подошел. Здесь не вполне удобно говорить. Когда-то ты сам не хотел, чтобы нас видели.

— Когда-то я был дураком и не понимал, что мне ни до кого нет дела. Пусть смотрят, Чиж, мне все равно. Разве тебе — нет?

Я покачала головой. Если бы он только знал насколько нет.

— Не знаю. Ты уверен, что не ошибся столиком? Еще не поздно

обернуть шуткой все случившееся в пятницу в клубе и сослаться на розыгрыш. Я пойму и не обижусь. Думаю, они тоже, — кивнула в сторону, подразумевая присутствующий здесь народ, — поймут и поверят.

Словно в ответ на мои слова у нашего столика остановились красотка Анисимова с подругой, обе стильные и уверенные в своей привлекательности девушки даже в этот полдень понедельника. Изобразив удивление, Анисимова опустила ладонь на плечо Сокольского и улыбнулась парню вишневыми губами, тряхнув черной гривой волос.

— Артем, привет! Давно не виделись. Ты, случайно, не ошибся компанией? — окинула меня оценивающим взглядом и оглянулась к подруге, предлагая ей сделать то же самое. — Смотри, Кать, кажется, и вправду чирик, не соврали, — рассмеялась. — А я-то думала: о ком все говорят? А вот она оказывается какая — счастливица!

Что она увидела во мне смешного — не знаю. Обычная девчонка не лучше и не хуже других. А если увлечься мейкапом, так и с Анисимовой в красоте посоревноваться можно. Определенно я не напоминала сейчас Даффи Дака или Губку Боба. Скорее уж юную вампиршу Мейвис из мультфильма «Монстры на каникулах». И то бледным цветом лица и сильным желанием кого-нибудь укусить.

Нет, Анисимова никогда не была девушкой Сокола, но ей было обидно и непонятно, и она постаралась передать эти чувства «взглядом».

— Артем, идем лучше к нам, — предложила, подбираясь к шее парня, — с нами весело. Эта птичка на кого хочешь тоску нагонит. Правда, Кать?

— Руку убери, — вместо ответа или приветствия холодно отозвался Сокольский.

Сказал спокойно, но получилось достаточно громко, чтобы услышала не только я.

— Что? — растерялась девушка. Кажется, она не привыкла, чтобы с ней так разговаривали, да еще в присутствии такого количества студентов. Но руку убрала.

Артем все-таки повернул голову.

— Ты что-то хотела... Лера? — спросил сухо и с такой интонацией, что не только Анисимовой захотелось, как страусу, спрятать голову в песок, но и ее подруге тоже.

— Да нет, — девушка неуверенно пожала плечом, забыв о смехе. — Я просто так.

— Хорошо, если просто, — отвернулся Сокол. — А теперь иди.

Девушки отошли, и мы снова остались одни, если не считать

любопытных. Время перерыва подходило к концу, но буфет и не думал пустеть.

— Анфиса, — Артем закусил губы, сжав руку на столе в кулак — я увидела, как натянулся металлический браслет на его наручных часах, — не слушай их. Я так не думаю и никогда не думал. Нет, я не ошибся, и мне не нравятся сказанные тобой слова. Для меня это и близко не было шуткой.

— Но они правы, Артем, — я подняла лицо. — Все они и даже Марджанов, которого ты заставил извиниться. Именно это я и имела в виду, когда хотела тебе объяснить почему. Почему я ушла. Почему все легко поверят в розыгрыш, зная тебя!

Сокольский надвинулся на стол и поймал мои руки. Сжал в своих, глядя в глаза. Всего на секунду, где-то за плечом Сокола я увидела бледного как мел Мальвина, отшатнувшегося назад. Оставив друзей, Мартынов вышел из буфета, хлопнув дверью, но дышать легче не стало. Это движение Артема, одновременно требовательное, внимательное и собственническое выходило за рамки любой дружеской посиделки и разговора. Слишком многое читалось на лицах, слишком многое угадывалось в позах. Сказать, что я смутилась — значит, ничего не сказать. Сокол и правда никого не замечал.

— Анфиса, какой к чертовой матери розыгрыш? Какое мне дело до того поверит кто-то или нет? Какое дело кто и что о нас думает, когда у меня такое чувство, словно мне выпотрошили нутро и вывернули наизнанку. Мне не хватает тебя, и я не знаю, что с этим делать. Не помню, чтобы меня когда-нибудь в жизни так ломало по человеку. Все это до черта серьезно, Чиж.

Артем сжал рот в твердую линию, а я растерялась. Нас разделял стол, но он казался жалкой преградой, помехой, едва сдерживающей готовый накатить поток чувств. Мне хотелось отдаться этому потоку, утонуть с головой в водовороте... И верить, верить, верить. Две ночи оказались бесконечно длинными.

— Чиж, не молчи, скажи что-нибудь, — попросил Сокол. — Я не видел тебя слишком долго.

Что я могла сказать после таких слов? После взгляда, который проникал в самую душу. Моя неуверенность даже мне показалась мелкой. Артем не играл, я это понимала, а требовать большего от него было не в моем праве.

— Артем, я не знаю, — ответила честно. — Что с этим делать — не знаю.

— Тогда скажи чего боишься. Я же чувствую, что есть проклятое «что-

то». Ну же, Анфиса! Начни с «возможно», у тебя получится.

Я смотрела ему в глаза и помнила, что обещала объяснить. Признаться в том, что оставалось для меня действительно важным, несмотря на сказанные слова. Сейчас он готов был услышать, и я согласилась:

— Хорошо, я попробую.

Горячие ладони Сокола отпустили мои пальцы и обхватили запястья, словно он боялся, что я могу встать и уйти.

— Возможно, — попыталась оттолкнуться от слова, которое он предложил, — я уже обжигалась однажды и помню, как это больно, когда тебя предают. Когда живые чувства разбиваются о чье-то повседневное «люди хотят и получают», обесцениваясь по сути. Возможно, мое представление об отношениях отличается от твоего, и мне мало жить одним днем без надежды на завтра. Я это понимаю и не хочу от тебя требовать большего, но и повториться боюсь. Возможно, я не могу не думать о том, что ты просто привык ко мне. Мы жили вместе, а это сближает. И, возможно, я даже догадываюсь, что виноват случай и на самом деле Артем Сокольский никогда бы не посмотрел на Фаню Чижик, случись нам встретиться по-другому.

— Это неправда, Анфиса.

— Правда, и ты это знаешь. Мы оба забылись, Артем. Я просто очнулась первой. Завтра и ты очнешься, и все будет как прежде.

— А если нет?

— Тогда «как прежде» наступит послезавтра. И если тебе простят ошибку, то мне нет. Я первая себе не прощу.

Сокол раскрыл мои ладони, поглаживая их пальцами.

— Значит, это и есть твое проклятое «что-то»? Страх идти вперед? — спросил.

Его лицо неожиданно расслабилось и прояснилось, и я усомнилась в том, что смогла убедить парня своим признанием. Похоже, мои доводы показались серьезными только мне. Но вопрос повис между нами натянутым мостиком, и я уже приготовилась ответить: «Возможно, да», когда почувствовала на своей щеке ладонь Сокола. Его рука нежно погладила висок, забираясь в волосы. Сейчас не верилось, что в ней была скрыта сила, способная призвать обидчиков к ответу.

— Чиж, скажи, — вдруг спросил Артем, надвигаясь ближе. — Если отбросить все сомнения — ты скучала по мне? Хотя немного?

Я впитывала кожей его прикосновение, встречая знакомую колкую изморозь, бегущую по телу, и не сразу нашла с ответом. Но признание все же слетело с губ:

— Да.

Артем покачал головой.

— И все, Чиж? Маленькое, тихое «да»? Я две ночи сходил с ума, мне этого мало. Скажи, Анфиса! — потребовал, улыбаясь уголками рта.

Как хорошо, что занятия уже начались и незаметно для нас буфет опустел. Было легче выдохнуть правдивое:

— Очень! — и сказать то, в чем я боялась признаться даже себе, глядя в зоркие глаза моего Сокола. — Ты же знаешь, Сокольский, что от тебя невозможно отказаться!

— Так, голубки! Если поели, попрошу на выход! — выглянула из-за прилавка буфетчица Валя, сметая салфеткой крошки с витрины. — Милуются они! Дома будете любовь крутить с гляделками, а мне буфет закрыть надо — столы прибрать и на кухню за новой порцией выпечки сбегать. Хоть пять минут перекурить от вас по-человечески!

— Ой, у меня же контрольная по английскому! — спохватилась я, вскакивая из-за стола под недовольным взглядом буфетчицы. Шагнула назад, чуть не уронив стул, затем в сторону. Щеки горели смущением, сумка выпала из рук... Господи, да у меня, кажется, полная дезориентация в пространстве. Ну, еще бы! Такое сказать!

— Я провожу тебя, Чиж. Пойдем!

Артем поднял сумку и нашел мою руку, крепко сжав. Захватив свою куртку, направился к выходу. Мы шли молча и остановились только у дверей нужной мне аудитории. Последняя учебная неделя перед новым годом состояла сплошь из контрольных и зачетов, и наверняка Соколу тоже необходимо было спешить на пару.

— Ну, я пойду, Артем? Мне пора.

— Анфиса!

— Что? — мы продолжали стоять, держась за руки. Университет, контрольная, зачеты... В мире наших взглядов все растеряло значимость и сдвинулось куда-то на периферию сознания, растворяясь в иной реальности.

— Я так и не сказал тебе. Не успел сказать, что о многом подумал и ты...

— Чижик! Зайдите в аудиторию! — в открытую дверь, напротив которой мы остановились, выглянул преподаватель и сурово сдвинул брови. — Мало того, Анфиса, что вы опоздали, так вы со своим парнем еще и контрольную мне срываете! Молодой человек, — обратился-воззвал к Соколу, — оставьте наконец в покое свою девушку и дайте ей нормально закрыть сессию.

Очень веско, ничего не скажешь! Реальность моментально обрела четкость и границы, возвращая к действительности. Я собралась было войти, но Сокол задержал меня и легко коснулся губами губ под строгим взглядом преподавателя.

— Анфиса, только попробуй снова сбежать, все равно найду, — пообещал и лишь тогда отпустил. — И включи телефон, трусливый Чиж, я обещал твоей маме, что отчитаю ее дочь.

— Артем, ты что...

— Беги уже! — Сокол открыто улыбался. — Увидимся!

Когда я шла к своему учебному столу, я тоже не могла сдержать улыбку. Я все еще видела красивое лицо Сокола и легкий румянец на скулах парня. Все это было волнительно не только для меня. Контрольная? Какая контрольная? Лексико-грамматический тест? Мысли неслись чехардой, сердце стучало. Еще не сразу я смогла сосредоточиться на учебе и что-то написать. И не сразу заметила отсутствие в аудитории Ульяны.

— Николаенко! — наклонившись, тихо окликнула сокурсника, сидевшего впереди. — Сергей!

— А? Что? — парень поднял голову и оглянулся поверх плеча. — Чего тебе, Чижик? — спросил. — Решила сжалиться и помочь с контрольной?

— Не угадал, — усмехнулась. — Сам думай! Ты же мегамозг — помнишь, хвастался на первом курсе? Вот и докажи, что не врал, я в тебя верю. А где Ким, не знаешь? Куда пропала? — указала взглядом на пустующее место во втором ряду.

Парень пожал плечами.

— Понятия не имею. Видел ее на перемене у кабинета с Мальвином. Но с Севой кого только не увидишь, так что, может, они о погоде говорили. А что?

— Ничего, — прошептала, хмурясь. — Пиши!

— Витольд Тихонович! — окликнула преподавателя через десять минут, захлопнув тетрадь. — Можно выйти?

— Чижик, вы что же, уже закончили? Сдаете работу? — удивился мужчина. Вся группа еще вовсю трудилась над заданиями.

— Да, сдаю.

Я вышла в коридор, включила телефон и набрала Ульянку. Ким не ответила, и пришлось позвонить Лешке.

— Леш, привет, это Фаня. Скажи, возле тебя случайно нет Ули? — осторожно спросила.

— Нет, а что? — насторожился парень. — Она же вроде с тобой на парах. Нет?

— Да, со мной, — постаралась легко ответить. — Просто... просто мы разминутись, вот я и решила тебе позвонить. Она закончила первой и куда-то ушла, а я ищу.

— Хм, ну бывает, — хмыкнул Лешка. — Нет, с утра не видел. Кажется с утра, — добавил неуверенно.

— Леш?

— А?

— А Мартынов рядом?

— Сева? — Леший удивился. — Нет. Тоже куда-то смотался. Фань, а что случилось-то?

Волновать Лешку очень не хотелось, да и не имела я права, если уж на то пошло, совать нос в личную жизнь его сестры. Не имела, если бы мне до Ули не было никакого дела.

— Да нет, ничего. Пока! Я еще позвоню.

Ульяна снова не отреагировала на звонок, и я посмотрела в историю уведомлений сотового. Звонили мама, Сокол... Последним оказался звонок от Мальвина. А точнее звонки. На этот раз с хорошо известного номера.

Мартынов ответил сразу.

— Подожди, — сказал вместо приветствия и через пару секунд ожидания отозвался: — Позвонила все-таки? Ну, надо же, Фаня, я польщен. Думал дольше придется ждать. Ты у нас теперь недосыгаемая персона.

— Мартынов, где Ульяна? — прямо спросила.

— Со мной, а что?

— Что значит с тобой?

— А то и значит. Тебе какое дело, Чижик?

Предъявить ему было нечего. Не было мне до него никакого дела, если бы не подруга.

— Сева, а как же Лешка?

— А может, у нас чувства? Настоящие. Ты удивишься, но, оказывается, меня любят, — парень хмыкнул, — только что услышал. И мы с Улей собираемся хорошо провести время. Ты же не против? — с издевкой уточнил. — А впрочем, Чижик, ты никогда не была против. Хоть бы раз сказала, а вдруг бы я прислушался? А сейчас я, пожалуй, трахну твою подружку, если ей этого так хочется, а потом поплачу на ее груди, какая ты сука. Думаешь, она даст меня в обиду своему брату? — Мальвин рассмеялся. — Чижик, ты плохо знаешь девушек. Мне почти ничего не придется делать, она сделает все сама. А после можно и бросить. Поверь, я сумею это обставить красиво.

— Какой же ты гад, Мартынов!

— Я не гад, Фаня, — уже серьезно отозвался Мальвин, — я хочу вернуть свое. А твоя Ульяна заслужила урок — ее предупреждали! Но если ты согласна прийти ко мне и поговорить о нас, я так и быть пообещаю не очень спешить. Ты еще успеешь нам помешать. Красная высотка за универом на углу, недалеко бежать.

— Пошел ты!

Я побрела по коридору, не зная, что предпринять. Мальвин был прав — сейчас даже Лешке не под силу отрезвить сестру — обаяния у Севы хватит и на десятерых девчонок. А может, правду говорят, и жизнь действительно каждому из нас преподносит свои уроки? Вправе ли я решать за Улю?

Черт. Черт. Черт! Не знаю. Поставив сумку на подоконник, вздохнула и села рядом, обхватив лицо ладонями.

Я почти не удивилась, когда Мальвин поймал меня на лестнице, преградив путь. До конца пары еще оставалось немного времени, и мы оказались совершенно одни.

— Думаешь, он любит тебя? — начал парень без предисловий, впившись пальцами в предплечья и прижав к стене. — Возомнила, что нужна ему? Поверила дешевым словам Сокола? Ты знаешь, что он вчера уехал к себе не один. Не веришь? У Лешего спроси. Они частенько подруг на пару натягивают, и вчера не скучали. Может, и тобой поделятся при случае!

— Уйди.

— Зачем ты это сделала, Фанька? Чего добивалась? Хотела отомстить? Ну так у тебя получилось. До сих пор отойти не могу. Хороший же урок ты мне преподнесла.

— Мартынов, немедленно убери руки!

— Ты не вернешься к нему. Никогда! Бросишь университет, и мы оба переведемся в другой город, поняла? Нахрен свалим отсюда! Забудем все и начнем сначала! Я не обещаю, что легко смогу тебя простить, но попытаюсь. Уж я-то точно тебя дуру люблю!

Я покачала головой, глядя Мальвину в глаза.

— А я нет. Нет!

Парень зло улыбнулся.

— Что, Фанька, зачесалось наконец-то? Попробовать захотела, как оно — с другими? Ну и как, понравилось?

— Да, — и сама от себя не ожидала, что признаюсь. — Лучше, чем с тобой.

Губы Мартынова сжались, а затем и руки крепче стиснули плечи.

— Ты что, не поняла? Он уже с другой! Плевать на тебя хотел! Кто ты такая для Сокола? Пустое место! Да таких простушек, как ты — в этом универе лопатой не выгрести. Или ты поверила, что особенная?

— Замолчи!

— И не подумаю! Я говорю правду, Чижик. Что, неприятно? Или скажешь: ошибаюсь?

— Не скажу, — не стала врать. — Только тебе-то от меня что нужно, Мартынов? Если я такая обыкновенная.

— Мне все равно как ты выглядишь. Ты моя. Я к тебе привык.

— Привык? — и не хотела, а усмехнулась, чтобы не дать горечи скользнуть на губы. — Значит, говоришь, любишь меня?

— Да, — согласился парень.

— Но я для тебя не самая красивая, ведь так?

— Перестань.

— Не самая умная и не лучше всех? Не совершенна даже в крохотной малости?

Мальвин смешался.

Глава 23

— Нет, лучше, — все же упрямо возразил. — Раз уж я обратил на тебя внимание, значит, лучше. Ты неправильно меня поняла, Фаня!

— А мне кажется, что правильно. Пошел ты к черту, Мартынов! — попыталась оттолкнуть парня. — Лучше быть одной, чем с тобой! Даже если... Даже если я для Артема не особенная, он был честнее со мной, хотя и знал меньше. И он ничего мне не обещал, в отличие от тебя, и не признавался в любви! И он уж точно не стеснялся меня, как ты! Отпусти, слышишь!

— Сева?! — Мы с Мартыновым оба повернули головы. Сокол медленно поднимался по лестнице. — Ты?! — сбитое дыхание парня говорило о том, что еще недавно он спешил. — Какого черта?

Мальвин обернулся и отстранился, но меня не отпустил.

— Привет, Сокол, давно не виделись, — сказал с усмешкой. — Я. Что, не ожидал, друг? Пойди погуляй, значит?

Артем нахмурился, останавливаясь.

— Объясни, — отметил острым взглядом чужую руку, удерживающую мое плечо. — Что все это значит, Мартынов? Пока еще можешь.

Парень мог и мало того — хотел. Не помню, когда я видела в бывшем столько решимости.

— А то, что она моя девчонка еще со школы, ясно! И моей останется!

— Нет, не твоя, — поспешила я в который раз возразить. — Давно не твоя.

Артем повернул голову и нашел мои глаза.

— Так это он, Фаня? — в его взгляде мелькнула догадка. — Тот, кто тебе звонил — Мальвин?!

Я промолчала, но парень и сам все понял.

— Да, она и есть та девчонка, о которой я говорил, — подтвердил Мартынов. — И мы вместе!

Сокол холодно смотрел на него.

— Сева, честно говоря, все думали, что это байка — твоя школьная любовь. Не больше, чем удобная отговорка.

— А мне плевать на всех! Нет, как видишь.

— Ты никогда ее ни с кем не знакомил и всегда говорил, что твоя девушка учится в другом городе, а она все это время была рядом?

— Я врал. Училась бы, если бы не приехала сюда. Какого черта,

Фанька! — Мальвин оглянулся. — Видишь, во что все это вылилось! А я просил тебя! Умолял! Каких-то гребаных пять лет, и я бы никогда тебя не бросил!

— Получается, Мартынов, что ты на ее глазах...

— А вот это, Сокол, — Мальвин надвинулся на друга, — не твое дело, понял?

Я напряглась, предчувствуя между парнями стычку. Она казалась неминуема, и давление на плечо стало болезненным.

— Не мое, — согласился Сокольский и вдруг коротким движением ударил парня в бок. Быстро и вроде бы легко, но пальцы на моем плече мгновенно разжались, и рука Мальвина плетью повисла вдоль тела. Охнув, он отступил. — Было не моим делом, Сева, — сухо заметил Артем, — пока я не встретил Анфису. А сейчас очень даже меня касается. Знать не хочу, что у вас осталось в прошлом, но теперь она со мной. Я сообщаю это тебе в лицо, вдруг ты сам не догадался. И мне не нравится, когда ее трогают чужие руки. Забудь о ней! Или даю слово, что помогу тебе забыть!

— Артем, пожалуйста, не надо! — я закрыла лицо ладонями, увидев, как крепко сжались кулаки Сокола и зажглись сталью глаза. Я догадывалась, каким Сокольский может быть, — слухи о его драках всегда бежали впереди парня, — а уж его друг знал и подавно. Не стоило и сомневаться, кто из них двоих окажется в крови на полу. Но кровожадность во мне спала, хотелось просто уйти с Артемом. — Пожалуйста!

— Чиж? — в глазах Сокола на мгновение мелькнула растерянность и что-то похожее на боль. Его руки опустились, а губы раскрылись, словно ему понадобился резкий вдох.

Глупый! Неужели он подумал, что я испугалась за Мальвина, как за своего парня? Что хоть на секундочку могла пожалеть о прошлом? После всего, что было? Да он вообще помнил, в чем именно я ему призналась в буфете?

Что никогда, никогда, никогда не смогу от него отказаться! Господи, кажется, я влипла.

Я подошла и обняла Артема за талию. Крепко прижалась к своему Соколу, положив щеку на грудь. На затылок тут же мягко опустилась ладонь.

— Анфиса...

— Не хочу, чтобы он что-то значил для нас. Пусть катится! Я давно уже его отпустила.

И я не врала. Я бы действительно давно оставила эту страницу своей жизни позади, если бы она снова и снова не напоминала о себе.

За спиной раздался горько-злой смешок Мальвина.

— Отпустила? Дура ты, Фанька! Нашла на кого менять — на Сокольского! Чем он лучше? Я его знаю, он поиграет с тобой как кот с мышью и выбросит, придушив. Думаешь, одна такая? — парень рассмеялся. — Наивная! Я видел, каких он девчонок кидал. Бросит, не приходи, слышишь! Даже если приползешь — не прощу!

— Лучше заткнись, Сева. По-хорошему прошу, — рыкнул Артем.

— Поздравляю, Сокол! Выглядишь героем. Только посмотрим, надолго ли тебя хватит, — ухмыльнулся Мальвин. — Смотри не заиграйся с Чижигом. Может, я и подожду ее, кто знает — залижу раны! Слишком давно мы с Фанькой знакомы, чтобы она так просто меня забыла, — он покачал подбородком. — Не думаю, что она соврала, и ты ей что-то обещал.

— Нет, не обещал, — признался Сокол.

— Ну, вот. Я же говорю, что знаю тебя. Неужели так и не научился лапшу вешать?

— Не было необходимости, — ответил Артем. — А сказать не успел о многом, это правда. Не каждый день понимаешь, что любишь. И не сразу находишь слова. Но они не для твоих ушей, Мартынов. Так что, если не дурак, остальное домыслишь сам.

— Ну, давай! Тогда расскажи ей, кого ты вчера любил-трахал, герой, пока ее не было? Я видел, что ты ушел из бара не один. Кстати, как оттянулся, а, Сокол? Светка кукла! Шалава, конечно, каких поискать, зато подмахивает что надо.

Я застыла в руках Сокола, и он тоже замер, чтобы медленно отстранить меня в сторону. А уже через секунду кулак Артема врезался в лицо Мальвина, отбросив парня к стене.

— Ну и сука ты, Сева! Еще хуже, чем я о тебе думал.

Мартынов не сразу смог ответить, но голову поднял.

— Ничего, как-нибудь переживу твое разочарование... друг, — сплюнул кровь на пол. — Фанька, неужели ты ему веришь? — горько спросил, обращая ко мне лицо. — Еще не поздно сказать нет и уехать. Поверь мне, Чижик! Ты же всегда меня любила, мы все сможем забыть!

Верила, ничего не могла с собой поделать. Верила! Но только не бывшему.

— Я, пожалуй, рискну, Мартынов, стать счастливой, — ответила, чувствуя, как руки Сокола вновь оплетают меня, прижимая к груди парня. — Даже без обещаний. Тем более что я знаю им цену, благодаря тебе.

Мы не успели отойти, как между нами и Мальвином вихрем ворвался Лешка. Вцепившись руками в борта куртки друга, Леший поднял парня на ноги и прижал к стене.

— Что ты с ней сделал, урод?! Что?! — проорал. — Говори! Какого черта она ревет?! Я тебя убью, Сева! Убью, понял! Оторву яйца! Скажи спасибо, что не добрался до тебя первым — дал тебе, гаду, еще пожить!

Голос Мартынова, впрочем, не дрожал. Он звучал зло и равнодушно, как будто ему было все равно.

— С кем? С Чижиком? Ты уточняй, Леха, а то до меня сегодня все туго доходит.

— С моей Ульянкой! Мартынов, твою мать! — Леший ударил кулаком в стену. — Не притворяйся!

— А что я с ней должен сделать? Она же, вроде, сестра друга. Даже не поцеловал, хотя она очень хотела. Чаем напоил, но это ведь не смертельно?

Я оглянулась, но Сокол уже мягко увлек меня вниз. Сказал, целуя в висок:

— Пошли, Чиж, они сами разберутся, а я забираю тебя домой. Возвращаю себе. Не бойся, я не дам тебе вспомнить. У нас просто не будет на это времени.

На улице потеплело, мороз спал, и на город падал мягкий пушистый снег. Сердце пело, губы улыбались, а дышать хотелось полной грудью — чтобы вволю и про запас. Мы стояли с Артемом на аллейке университетского парка, украшенной новогодними гирляндами, смотрели друг на друга и держались за руки. Он только что рассказал мне, каким пустым показался ему собственный дом без зеленоглазого Чижика, и как он рад, что однажды я в нем оказалась.

— Никогда больше не отпущу тебя одну, Анфиса. Никуда! Ты не представляешь, как я мучился! Как фетишист проверял на месте ли твои вещи, и не показалось ли мне, что их нет. Поверить не могу, что так долго жил без тебя. Я согласен спать на полу и покупать тебе любые сладости, только не уходи больше.

— Не уйду.

— Ни за что не догадаешься, где я провел прошлую ночь.

Я стояла, млела от признания Сокола, и мне было жутко интересно узнать «где». Словам Мартынова я не поверила. Я действительно слишком хорошо знала своего соседа, чтобы не понять, в чем именно он солгал.

— Ну, и где же?

— У тебя дома, Чиж, — Артем улыбался. — Спал на твоей кровати и очень по тебе тосковал. Малышки из-за меня подрались, и нам с Робертом

пришлось их разнимать. У вас дома всегда так весело?

Я во все глаза смотрела на него.

— Вообще-то да, — выдохнула и тут же изумилась: — Что? Правда ездил в Гордеевск?

— Правда, — улыбнулся Сокол. — Должен же я был тебя найти. И я почти нашел. Родители рассказали мне о Матильде Ивановне, но назад не отпустили. Да я и сам не хотел без тебя возвращаться. Твой отец наотрез отказался до утра назвать адрес и дать номер телефона хозяйки. Кажется, я не произвел на него достойного его дочери впечатления, чтобы мчаться за ней в глухую ночь.

— Да, папа такой, — я кивнула, — любит нести за всех ответственность. Это у преподавателей в крови. Но ты ошибаешься, Артем! Я уверена, что ты ему очень нравишься, иначе он не оставил бы тебя в одной комнате с братом. Он просто переживал.

— Кстати, я звонил твоей хозяйке, и она сказала, что все обо мне знает. И если я тот, бубнов, у которого на погонах девятка и туз червей, то она не против, чтобы я забрал у нее Фанечку. Что бы это могло значить, Чиж?

Я рассмеялась.

— Червовая... Червовая девятка и туз, Артем! Ох, и баба Мотя! Я обязательно тебя познакомлю с ней и с Милой Францевной. Эти старушки вчера напоили меня чаем и устроили гаданье, а потом отправили спать. Я думаю это значит, Сокольский, — потянулась к губам парня, — что ты мне подходишь!

Мягкий поцелуй, очень нежный и долгий. Кто-то из студентов, шагающих по аллейке, отпускает шутку и веселый смешок. О чем она? О нас ли? Да какое это имеет значение, когда голова кружится, ноги подкашиваются и только сильные объятия, прижавшие к груди парня, не дают упасть.

— Ты вся в снегу, Чиж, — Сокол поднял руку и провел ладонью по моим волосам. Смахнул растаявший снег со щек. — Фанька, Фаня, Фанечка, — подхватил мои губы и отпустил. Снова легко поймал ртом губы, скользнул по ним языком и поцеловал. Нежно прикусил румяную щеку.

— Артем, что ты делаешь? — было в этой ласке что-то новое, совсем не похожее на Сокольского.

— Пробую тебя на вкус.

— Ну и как?

— Мне нравится.

— Пф-ф...

— Очень! — тихо добавил Сокол и попросил: — Чиж, прекрати смущаться! Просто постой спокойно, хорошо?

Но разве устоишь спокойно, когда тобой так откровенно наслаждаются? И пальцы сами вплетаются в русые волосы, гладят затылок, шею, а губы находят губы и отвечают. Забывшись, целуют до исступления.

— О Господи, Артем, мы же практически в университете! — попробовала отдышаться, но где там!

Сокольский засмеявшись, прижал меня к себе.

— Мой трусливый Чиж, — просто сказал. — Прости, что заставил тебя переживать. Что не сразу нашел слова, не успокоил. Мне понадобилось время, чтобы понять, как много ты для меня значишь. Я о многом подумал и должен сказать — ты была права. Мало хотеть друг друга. Надо чувствовать, жить человеком. Засыпать и просыпаться, прорасти в нем. Считать его своим.

Теплые руки вновь погладили волосы.

— Поверь мне, я чувствовал. Уже давно понял, что ты необыкновенная для меня, только не сразу смог дать название своему чувству. Для этого мне сначала пришлось остаться одному...

— Фаня! — знакомый голос негромко окликнул позади, и я оглянулась.

На аллейке стояла темноволосая девушка, комкая в руках ручки сумки, и смотрела на нас потухшим взглядом.

— Ульяна? — я повернулась, чувствуя неловкость — такими яркими были мои собственные ощущения, и замершими, почти неживыми, карие глаза.

— Фаня, я все слышала — ваш с Мартыновым разговор, — сказала Ульянка, — и знаю, о чем он тебе говорил по телефону. Оказывается, ревность может заставить нас делать ужасные поступки, и я не стала исключением — самой противно, — неожиданно призналась. — Можешь мне не верить, но я рада, что Артем помешал ему еще больше тебя обидеть. Я очень просила Лешку успеть, но не успела объяснить, в чем дело. Некрасиво получилось и, пожалуй, смешно, — девушка невесело усмехнулась. — Зато Мальвин получил по заслугам.

— Уля...

— Он мне сказал, что если бы не брат, мы бы уже встречались, и плел о том, какая я милая и понятливая. Что все дело в Лешке и в мужском кодексе дружбы, и я поверила. Такая дура! Фаня, извини, если сможешь. Мальвин и правда редкий козел.

Я дернулась было подойти, но Ульянка качнула головой.

— Не надо, Чижик, не сейчас. Иначе я разревусь, и Артему придется меня от тебя отрывать. А я не хочу вам мешать.

Она развернулась и пошла, почти побежала по аллее. Я смотрела ей вслед, а Сокол обнимал меня за плечи, словно боялся от себя отпустить.

— Чиж, пошли домой, — поцеловал в затылок. — У вас еще будет время объясниться. Мне кажется, она права, сейчас ей лучше побыть одной.

На этот раз мы с Артемом не торопились домой. Может потому, что нам было о чем поговорить, а может потому, что предвкушали возвращение. Я больше не просила его не касаться меня, и мы несколько раз останавливали машину у обочины, чтобы увлечься друг другом. Я сама трогала своего Сокола — гладила руку на руле, смотрела на серьезный профиль и целовала, целовала, когда становилось невозможно терпеть.

— Фанька, ты у меня, как яблочко! Так и хочется съесть!

— Так съешь! — я первой выскочила из машины и попятилась к подъезду. Широкая улыбка не сходила с лица. Парень, ступающий вслед за мной, был настоящим красавцем. Моим сероглазым охотником, поймавшим верткого чижики, и мне нравилось чувствовать на себе его прицельный взгляд, в котором читались нежность и желание. Сумасшедшее сочетание, способное растопить любое сердце.

— Ох, допросишься, Чиж... Смотри не сядь в сугроб, как в прошлый раз, не то закидаю снегом!

— Ой! — и сама не заметила, как налетела спиной на какую-то старушку. Старушка оказалась старой знакомой — той самой Мюллером Петровной, когда-то впустившей незнакомую девчонку в подъезд жилого дома в переулке Федосеева, и конечно, меня узнала. Воззрилась удивленно на нас с Соколом, пряча пакет с молоком и батон под мышку темной шубейки.

— А ты что же? С ним, что ли? — задала нескромный вопрос, сочтя ненужным лишнее приветствие. — С нашим футболистом?

Ну и старушки! Все одинаковы! До чего же любопытный народ!

Я пожала плечами, улыбаясь женщине:

— Здравствуйте! Кажется, да, — оглянулась на Артема, который уже подошел и обнял меня. — Вот! — зачем-то добавила не без гордости, обнимая его в ответ.

— Ты гляди что делается... — изумилась Петровна, сощутив за очками подозрительный глаз. — Так и знала, что ты неспроста к Ивановым приехала! Отхватила парня! Ну и Люська! Ну и тетка у тебя — хитра лиса!

В том году сына на библиотекарше со второго этажа женила, после племянницу за нашего Витьку-дальнобойщика с пятого замуж выдала, а теперь, значит, и вторую решила с толком пристроить?.. Завтра же скажу, пусть выставляется мне! Бутылку к Новому году! А то что же — все в выигрыше, а Петровна должна задаром подъезд сторожить? Кстати, вас там сюрприз ждет, — показала куда-то наверх пальцем и пошлёпала себе по дорожке, о чем-то ворча.

Какой сюрприз? Где? Мы с Соколом переглянулись, проводили старушку улыбками и вошли в подъезд. Снова целовались, как безумные, забыв обо всем, пока лифт поднимал нас на седьмой этаж, оставив наедине с чувствами. Не сразу расслышали крики и возню, донесшиеся с лестничной площадки...

— Чего? Это мы-то малолетки полоумные?! Да ты сама хамка трамвайная! Лалка* дешевая! Сейчас нам за все ответишь! Юлька, лупи ее!

— А-а-а! Владка! Она меня поцарапала!

— Гадина! Я из-за тебя ноготь сломала! Ай! Волосы отпусти!

— И не подумаю! Будешь знать, коза белобрысая, как сюда ходить! Он наш, поняла?! Мы его первые запривашили* и два года караулим!

— Точно! Фиг тебе, а не наш Сокол! Приперлась она! Еще и шмотки приперла! А морда зигзагом не треснет? Вот же курица наглая!

— А-а-а!

— Ой!

— Получай!

Илонка сидела в раскорячку на полу, а раскрытый чемодан лежал рядом. Две девчонки, те самые фанатки, с которыми мне как-то пришлось столкнуться, стояли над ней, вцепившись в белокурые волосы, и продолжали кричать. Все вокруг на лестничной площадке было усеяно модными вещами дочери Сусанночки. На стене свежей краской блестела новая надпись: «Сокол — любовь навсегда!».

Ну, хоть что-то новое, а впрочем... Ничего себе!

Мы с Артемом вышли из лифта и остановились, изумленно оглядывая место драки.

— А ну утомонились, пигалицы! Руки по швам и встали к стене! — придя в себя, рыкнул Сокольский, и даже я вздрогнула. — Какого черта вы здесь устроили?! Я же предупреждал, что с лестницы спущу!

— А чего она приперлась? Еще и говорит, что к тебе жить! — наябедничали вмиг присмиревшие фанатки.

— Понятия не имею. Мы с ней однажды уже распрощались.

— Артем, это какой-то ужас! — хлопнула носом блондинка. —

Средневековое варварство! Можно я от тебя в полицию позвоню? Мне нужно умыться! Дуры сопливые, испортили укладку! — шикнула в сторону обидчиц и тут же получила от них по затылку. — Ай!

— Еще и обзывается, курица!

— Я тебе, Илона, однажды уже все объяснил, не вижу смысла повторять. Полиция в двух кварталах, девчонки проводят. Прощай!

Сокол невозмутимо провел меня к двери и повернулся.

— Кстати, девочки, — обратился к пигалицам. — Это моя Анфиса. Прошу любить и жаловать. Если хоть волосок упадет с ее головы — найду и закопаю. Будете паиньками, с меня автографы всей команды.

Он открыл дверь, пропуская меня в квартиру.

— Извините, но на чай не приглашаем. Не любим незваных гостей. Может, в другой раз?

— Да пошел ты...

— Да! Да пошел ты!

И уже чуть ниже на лестнице:

— Владка, с ума сошла! Ты зачем Сокольского послала?

— Не знаю. А ты?

— И я не знаю.

— Блин, может пойти извиниться? Я ж без него жить не могу!

— Блин, и я!

И в один голос:

— Арте-ем, прости-и-и!

— Илона, такси вызвать? — это уже спросил Сокол, глядя на дочь Сусанны с улыбкой и приподнятой бровью.

— Да пошел ты...

Сокольский захлопнул дверь и прижал меня к себе.

— Ну вот, Чиж, теперь ни у кого нет претензий, и я весь твой.

— И мне это ужасно нравится!

Мы раздевали друг друга с желанием и улыбками — невероятное сочетание, когда страсть умеет говорить и видеть. Когда руки дрожат от нетерпения и нежности, а дух захватывает от понимания, что любишь, сердца бьются в унисон, а глаза отражают одно чувство на двоих.

Неужели это тот самый Артем Сокольский — мечта университетских девчонок, красавчик и задира, к которому так просто не подойти, сейчас целует меня и говорит, что он мой? Неужели это я — девчонка, которая и близко не мечтала влюбиться и думала, что знает все наперед, целую его в ответ и говорю, что я его?

Неужели это мы, вот такие — простые и настоящие, не можем

оторвать друг от друга рук и разорвать губ?

Подушки у Сокола мягкие, и мы валимся в них, забывшись в поцелуе. Я уже стянула с Артема толстовку и футболку, и сама осталась без свитера. Потрясающие ощущения откровенной бесстыдной сексуальности, когда к тебе прижимается голая мужская грудь, а жадные пальцы пробираются под джинсы. Когда ты чувствуешь под ладонью плоский живот и удивляешься своей смелости, потому что острота ощущений заставляет действовать, отменяя любой стыд.

— О да-а... наконец-то! — я помогаю Артему снять с себя джинсы и слышу, как он смеется, склоняя голову и целуя меня в живот. Подхватывает зубами тонкую резинку тех самых простеньких бикини — синих в белый горох, стягивая их к бедрам. — Ты не представляешь, Чиж, сколько раз в мыслях я видел их на тебе и снимал, — признается, покусывая кожу. — Сколько раз этот чертов горох снился мне. Тогда в ванной, когда застал тебя после душа, думал не сдержусь. Чуть крышу не сорвало... Фанька! — шепчет Сокол, освобождая меня от белья, и нежной ладонью раздвигает колени. Проводит губами внизу живота, заставляя раскрыться ему навстречу — Какая же ты у меня красивая! А я голоден, страшно голоден и так соскучился по своему мясу на костре, что готов обглодать каждую косточку...

— Иди ко мне! — зову я и чувствую на груди приятную тяжесть. Обвиваю руками шею парня, прижимаю его к себе и шепчу в ответ: — Ты тоже мне снился, Артем, и знаешь, во сне я была такой смелой, что сама себе удивляюсь. И очень-очень гибкой.

Вздых замирает на губах Сокола.

— Чиж, неужели ты сейчас намекаешь на то, что не против повторить нашу встречу в ванной комнате, но только с продолжением?

— А почему бы и нет? — улыбаюсь в губы. — Я ведь знаю, что ты хочешь.

— Чи-иж...

Близость — самое насущное, что сейчас нам требуется, и мы оба отдаемся ей с головой. Мне нравится вкус его кожи, упругость небольших сосков, тугие мышцы пресса и то, как они сокращаются под моей рукой. Как мой парень отзывается на прикосновения губ и ладоней. Как жадно требует в ответ, заставляя тело гореть от желания и трепетать от дрожи, упиваясь его вниманием.

Я сижу на бедрах Сокола, и он целует мою грудь. Мнет пальцами ягодицы, приподнимая меня себе навстречу, и каждое движение друг к другу наполняет нас острым удовольствием. Эти толчки — ненасытные и

глубокие одновременно, взмокшие тела и срывающиеся с губ слова в тишине квартиры — все это принадлежит сейчас только нам. Только наше. Только для нас двоих.

Я начинаю дышать чаще, сжимаю плечи, зарываюсь пальцами в волосы, и Артем теснее притягивает меня к себе. Ударяется в меня бедрами, чтобы через несколько секунд, поймав мой стон, задохнуться самому.

— Анфиса, я люблю тебя, — шепчет у губ. — Люблю тебя...

— Я тоже, — хватается сил сказать, — люблю...

— Как можно тебя на кого-то променять? Ты же настоящее чудо!

Мы падаем на подушки, и я целую Артема в щеку, в нос, снова в губы. Мне нравится его улыбка, она у него такая же потрясающая, как и он сам.

— Сокольский, ты меня жутко смущаешь, — признаюсь.

— Привыкай, Чиж, — невозмутимо отвечает Артем. — Ты моя сладость. Судя по отцу и деду — мы, Сокольские, любим раз и на всю жизнь. Надеюсь, ты не против, что я нашел свой объект обожания?

— Ну...

— Фанька! — лицо Сокола вдруг становится очень серьезным в ожидании моего ответа, и я хохочу.

— Нет, глупый! Конечно, нет!

— Не поверишь, Чиж, но я до тебя даже не влюблялся никогда. Увлекался, не больше. И отца не понимал. А сейчас даже страшно подумать что будет, если ты меня вдруг разлюбишь, — вздыхает Артем. — Мне хватило двух дней, чтобы понять, во что превратится моя жизнь. Наверно, я тоже буду тебя ждать и искать...

— Ты с ума сошел! Что за мысли?

— ... самую красивую на свете девчонку. Любительницу старого кино и фисташкового мороженого.

— Ну, эскимо я тоже люблю. И с карамелью. Да и шоколадное можно... Хм. Так уж и красивую? Ой, Артем...

— М-м?

— Поцелуй меня так еще раз. Пожалуйста...

Вскороности уставшие мы засыпаем, чтобы ночью проснуться и снова любить друг друга.

Артем признается в темноте, баюкая меня на своей груди, и оттого признание кажется особенно трогательным.

— Там, в буфете, ты сказала, что я никогда бы не заметил тебя, если бы не случай, а я ответил, что это неправда. Так вот, Чиж, я не врал. Первого сентября на тебе был летний сарафан — такой же легкий и

солнечный, как тот день. Кто-то из парней — кажется, Лешка — обратил внимание на симпатичную девчонку, и я как дурак пялился, провожая тебя взглядом. Ты распустила волосы и шла по корпусу с корзиной цветов...

— Да, Снежная Королева информатики поймала меня после пары и попросила отнести цветы в деканат.

— На тебе были светлые босоножки, а из-под юбки мелькали загорелые колени. Я тогда подумал... А впрочем, Чиж, лучше тебе не знать, о чем я тогда подумал. А когда увидел тебя у себя в квартире — не мог поверить и всячески хотел задержать. Тогда я еще не знал почему. Просто плел всякую чушь, и ты осталась.

— И все-таки, Артем? — я приподнимаю голову и смотрю на парня. Пусть не могу видеть его лица, но губы легко касаются подбородка. — Что ты подумал?

Сокол тихо смеется, и я игриво кусаю его в ответ на смех.

— Ну, признавайся! Все равно ведь выпытаю!

Артем обнимает меня и шепчет на ухо:

— Что еще никогда не видел такой красивой задницы.

— Сокольский!

* * *

Сокол

Анфиса. Фанька. Чиж. Как много имен у моей любви и как мало слов, чтобы передать всю силу чувства, что живет во мне. Я обожаю свою зеленоглазую девчонку с отзывчивым сердцем и легким нравом, в которой столько жизни и света, что они, ворвавшись в мою жизнь, ошеломили меня и заполнили собой мой мир. Ни за что не откажусь от нее. Никогда. Я уже с первой встречи знал, что не отпускаю ее.

Мы с отцом стоим у окна и смотрим, как они с Лукой наряжают елку и о чем-то секретничают. Чиж чувствует на себе мой взгляд, поднимает голову и отвечает открытой улыбкой. Фанька, моя Фанька. Глаза светятся, губы манят, волосы в косе лежат на плече... Я обязательно расплету эту косу позже, когда мы останемся одни, перецелую тонкие позвонки на девичьей шее и повторю, как я люблю своего Чижику. А сейчас я открываю ладонь и показываю отцу подарок.

На ладони лежит золотая цепочка с кулоном в виде Сокола.

— Как ты думаешь, пап, Анфисе понравится?

Отец присвистывает, вскидывает брови и озорно взглядывает на меня.

— Даже так, сын? Убедительно, ничего не скажешь. Может, лучше сразу окольцевать?

Я не смущаюсь. Это мои чувства и мой отец. Да, мне хочется, чтобы каждый знал, что Анфиса моя.

— Думаю, прежде мне придется доказать, что я ее достоин.

Старший Сокольский тоже смотрит на Чижика.

— Уверен, что понравится. И родителям Фани не будет лишним знать, что ты ее ценишь.

— Не в подарках дело, пап.

— Да я понимаю, сынок. Хорошая тебе девочка досталась, не упустил бы.

— Знаю.

— Артем...

Я поворачиваю голову к отцу и читаю все по глазам.

— А вот это лишнее, поверь. И в мыслях нет.

— Что ж, — кивает тот. — Тогда хорошо. — И замечает в сторону, повторяя в который раз за сегодняшний день. — Надо же, Алиса у нас дома. Странно, да? После стольких лет? Вчера весь день наводила на кухне порядок и смотрела старые фотографии. Такая молчаливая стала, сама на себя не похожа. О тебе все время спрашивает и спит в твоей комнате. Ты не против, сынок?

— А что Сусанна? — я оставляю последний вопрос без внимания, но отец не спорит. Сокольский старший устало вздыхает. Но это я — его сын, и ему тоже незачем прятаться за словами.

— Ты же знаешь, Артем, свою мать и своего отца. Когда дело касается Алисы, у нее нет соперниц.

Да, знаю, но не в моем праве их судить.

— Думаю, пап, что понимаю тебя, — неожиданно для себя признаюсь.

— Правда? — отец с надеждой смотрит на меня.

— Я не говорю, что могу забыть — возвращаю его к реальности. — Я говорю, что понимаю тебя. А это уже кое-что, не так ли?

Мой младший брат забрался на стул и пытается повесить большой новогодний шар у самой верхушки елки. Новогодняя красавица почти «одета» и оплетена гирляндами, мы украшали ее с Фаней целый час до прихода гостей, и Луке нелегко дотянуться до ветки. Он внезапно вскрикивает, выпустив из рук украшение, но Чижик ловко подхватывает шар у пола и весело щелкает брата по носу.

— Держи и не зевай, красавчик! Это еще не все!

Я улыбаюсь, не могу не улыбаться, глядя на них.

— Знаешь, сын, — слышу от Сокольского старшего, — Лука славный мальчишка, и уже называет меня папой. Ты был прав, мы неплохо ладим. Кажется, я ему нравлюсь. Да и он мне тоже.

То, что есть между ними, гораздо больше, чем обычное «нравлюсь», лукавит Василий Яковлевич. Последние дни эти двое просто не разлей вода. Пройдет время, и они поймут это оба.

— Пап, ты и есть его отец. Он уже верит, поверь и ты.

Мы больше не смотрим друг на друга. Нам не нужны ни взгляды, ни слова. Я знаю, у них с Лукой все получится. Обязательно получится стать родными людьми. Будет ли третьей Алиса? Не знаю. Хотелось бы верить, что да. Если они оба постараются, у Луки будут родители, а у них шанс, наконец, стать семьей. Что же касается их старшего сына... У меня уже есть моя девчонка — нечаянный зеленоглазый вихрь, изменивший мою жизнь. Моя надежда и мое право на счастье.

Анфиса, Фанька, Фанечка... Как много имен у моей любви и как мало слов, чтобы передать всю силу чувства, что живет во мне.

Лалка — девушка, которая попала в неловкую ситуацию, чем вызвала смех окружающих; от английского сокращения LOL (laughing out loud — смеяться громко вслух).

Заприватить — сделать своим, занять место; от английского слова private (уединённый, свой, персональный).

Эпилог

(в котором мечты становятся реальностью)

— Ты не думай, Фаня, я все понимаю — у Артема игры и тренировки, у тебя сессия и экзамены. Я уже не говорю о том, что наверняка все соседи соберутся на парня посмотреть. Ужас какой, хоть инкогнито приезжай!

— Мам, ты только не переживай, ладно? Артем завтра возвращается, и мы обязательно будем у папы на дне рождения!

— Ох, хорошо бы, дочка — все же у Феди круглая дата. Он тут такой праздник готовит — с выездом на шашлыки и рыбалкой, в общем, все в его духе, ты же знаешь папу. И вас хочет видеть в первых гостях. Кстати, Фаня, как ты думаешь, Василия Яковлевича не смутит пикник на природе, да еще и с ночевкой в палатках? Я переживаю. Может, пока не поздно переиграть на ресторан? Придется папу брать аргументацией.

— Мам, перестань! Дядю Васю ничего не смутит, а Луке только в радость будет побыть с Робертом на природе. Он на этот счет не избалован. И потом мы такие, какие есть. Чижики одним словом. Не всем же быть бизнесменами!

— Ну и нашла ты себе парня, Фаня. Это что, правда про итальянский клуб? Мне Роберт все уши прожужжал, что Артема покупают.

— Еще точно ничего неизвестно, я только знаю, что на последней игре присутствовал какой-то важный футбольный агент из Европы. Он видел Артема в Роттердаме на дружеском матче с голландцами. Говорят, этот агент занимается покупкой перспективных игроков для клубов премьер-лиги. Артем сказал, что пока речь идет о двух клубах, заинтересованных в нем, и один из них немецкий «Вольфсбург». И, мам?

— Что?

— Я же не специально такого нашла, скажешь тоже. Этот парень мне нравится. Очень! И абсолютно все равно футболист он или нет.

Мама смеется и я с ней.

— Да нам он тоже нравится, дочка! Особенно детям! Кстати, Роберт тут в футбольную секцию записался при школе. Теперь сидит на диете и важничает перед старшими друзьями, что знаком с самим Сокольским. Что же будет, Фаня, когда вы поженитесь?

— Все хорошо будет, мам. Я уверена.

— Что, так и не ответила парню согласием?

— Мам, ну какая свадьба? Мне же еще доучиться надо — год остался. Если любит — подождет. Я не собираюсь всю жизнь сидеть на его шее. Хочу, как и обещала при поступлении, порадовать вас красным дипломом.

Мама вздыхает.

— Ох уж эти современные отношения. Вот мы с папой сразу же поженились, и даже моя учеба не стала помехой. Зато как полагается.

— Мам, я помню, что твое «как полагается» закончилось моим рождением через шесть месяцев после вашей свадьбы. Бабушка рассказывала, что у тебя уже живот был виден, а ты все носом крутила — мучила Федьку. Ждала, когда у него волосы после армии отрастут по моде. Так что современные отношения не очень-то и отличаются от несовременных.

— Вот если бы была моя власть, я бы вашей бабушке на язык заклепку поставила! Чтобы не рассказывала внукам то, о чем им знать не положено!

— Фанька, все! Я в городе! Прилетели! Люблю, скучаю, но нас пока не отпускают — через час встреча со спонсорами, надо быть. Сейчас всем составом едем на тренировочную базу клуба, а после, к семи вечера, общий сбор в ресторане «Гранд-Палас» — официальная часть поздравления от хозяев. Сама понимаешь, нам без этого никуда. Тем более что я у тебя отличился.

Я смотрю в экран сотового, нас соединяет видеозвонок, и вижу, как Артем довольно улыбается. Красавчик, что сказать! Забитый им решающий гол на последних минутах матча решил исход игры в пользу нашей команды, и стадион кричал. Да и мы с Ульянкой вопили, как оглашенные, прыгая возле телевизора. В мире футбола звезда Сокольского только зажглась и обещала разгореться еще сильнее.

— Да, мой Сокол снова был быстрее всех! — говорю не без гордости, улыбаясь Артему в ответ. Разве можно устоять перед такой улыбкой. — Папа сказал, что твой гол оказался самым зрелищным!

— Я старался для тебя, Мусик, — Сокол подмигивает, а я посылаю ему воздушный поцелуй. Над аэропортом светит солнце, и ярко-серые глаза горят знакомым мне чувством. Этот парень любит меня, и я это знаю.

— Я оценила, Пусик, — смеюсь. С некоторого времени эти глупые прозвища, однажды оброненные мной случайно, носят характер милых и личных. Понятных только нам двоим. — Хорошо, тогда я жду тебя дома. Приезжай скорее! Очень-очень жду!

Но Артем возмущается. Уже не в первый раз.

— Фанька, какое дома? Это я тебя жду! Ты приезжай! Гостиница «Астория» в центре, рядом с ней ресторан «Гранд-Палас» к семи часам! Ты моя девушка или кто? Снова буду как дурак один? С меня тут парни ржут, мол, ты меня стесняешься.

— С ума сошел?

— Так значит, ты будешь?

— Артем, я же видела на фото жен ваших футболистов, я так не смогу...

— Да какая мне разница, Чиж? Ты у меня лучше всех! Я тебя неделю не видел — не могу уже! Фа-а-ань, Фанька, Фанечка, — Сокол заглядывает в глаза. — Это же часть моей жизни, понимаешь? Часть нашей жизни — моя работа. — Он внезапно становится серьезным. — Все! Решено! Еду домой! Ну их к черту, этих спонсоров! Я без тебя еще вечер не выдержу!

— Нет!

— Нет?

— Я приеду! Да, буду в ресторане к семи часам. Жди! Люблю! — обещаю и отключаю сотовый, чтобы посмотреть на часы и стрелой броситься в душ.

Часы показывают 16:01, у меня есть три часа времени на сборы — всего ничего, но нет ни наряда, ни советчиков, ни единой мысли насчет того, как достойно представить своего парня, любимца команды, на подобном вечере. И совершенно... совершенно обычный гардероб молодой девушки!

Мамочка-а!

Я хватаю сумочку, карточку, телефон и выскакиваю на улицу. Волосы все еще влажные после душа, но на улице всю светит солнце и это кажется сущей ерундой. Распахиваю входную дверь в подъезд, и вдруг останавливаюсь на крыльце как вкопанная, увидев перед собой растянутые плакаты с яркими надписями и знакомой символикой футбольного клуба.

«Сокол чемпион!», «Сокол, мы тебя любим! Ты лутший!», «Команду «Спарта» ждет успех, Артем Сокольский круче всех!»

Стихотворная надпись на развернутом транспаранте все время подпрыгивает, и я понимаю почему, когда вижу двух бабулек, держащихся за животы. Мила Францевна и Матильда Ивановна, обе в соломенных шляпках и шелковых шарфиках, нарядные, стоят с транспарантом напротив насупившихся фанаток — Юльки и Владки, у которых в руках эскимо, и всю хохочут, тыча пальцем в яркий плакат девчонок.

— Аххаха, Милка, так и вижу, подходит вон та, хохлатая, к киоску

мороженщика и он ее спрашивает: тебе сколько, деточка, одно эскимо или два? А она отвечает: *лутте* два! Нет, *лутте* три!

— Милочки, позвольте узнать: вы какую школу окончили? Трехлетку? Собственные имена без ошибок пишете?

— Сейчас доиграетесь, кошелки старые! Давно челюсти вставные не теряли?

— Эй! Да откуда вы тут взялись вообще? Мы первые Артема нашли, ясно? Он наш!

— Мы старые? Да мы душой молодые! И грамотные не в пример вам!

— Сейчас как двинем грамотным, и сразу кардиостимулятор заглохнет!

Вот это сюрприз! Бабульки обожают Артема, смотрят все матчи с его участием и хвастаются в «Одноклассниках» и «Инстаграме» коллекцией автографов всех игроков команды «Спарта», но в открытые фанатки записались впервые, и я останавливаюсь с удивлением разглядывая четверку.

— Привет, Фанька! — здороваются со мной девчонки. — А мы Сокола ждем!

— Здравствуй, Фанечка! — вторят бабульки. — Точно, ждем!

И взглядами острыми у подъезда друг в дружку зырк-зырк. Были бы стрелы — прошили насквозь. Ни те, ни другие уступать не собираются.

Ссора в самом разгаре, быть беде, но мне совершенно некогда заглаживать конфликт и примерять стороны, и я от растерянности говорю первое, что приходит на ум:

— Девочки, помогите! — обращаюсь ко всем. — У команды Артема через три часа полуофициальный вечер в ресторане «Гранд-Палас» с присутствием гостей и хозяев футбольного клуба. Будут жены и девушки футболистов, Артем просит приехать, а я... А я не знаю в чем пойти! И как пойти не знаю! И прически у меня нет! И вообще вы же видели, какие они там все красивые и модные, а я...

— А ты чего? Не красивая, что ли? — в ленивом сомнении фыркает Владка, откусывая эскимо. — Совсем заучилась в своем универе, Фанька? — крутит у виска пальцем. — По-моему так очень даже зачетная. Скажи, Юлька?

— Ага! Мы знаешь, как сначала тебя ревновали к Соколу? Хотели поймать и лысой оставить. А потом решили: лучше ты, чем какая-нибудь белобрысая курица с чемоданом! Думаешь, она бы с нами говорила?! Да и Артему ты нравишься.

— А вот вкус у тебя действительно отстой. Это что? Сарафан? Кто их

сейчас носит? Вот майку рваную — черную, и чтобы бюстик розовый в тему. Вот это зачетно!

— Глупости какие! — вмешивается, возмущаясь, Мила Франевна. — Какое бюстье напоказ? Девочки, вы что? — изумляется, обмахиваясь соломенной шляпкой. — Сами как кошки после драки и Фане того же желаете? Никакого рванья, только минимализм и классика! Не слушай их, Фанечка. На таком вечере все должно быть прилично и без крика!

— Прилично? — выдыхают девчонки. — Фу, бесит! Тоска!

А меж тем время торопит к действию, и я смотрю на часы.

— Девочки, не спорьте. Поехали со мной, а? — спрашиваю с надеждой. — У нас есть меньше трех часов, чтобы управиться. А мы с Артемом в следующее воскресенье приглашаем вас всех на чай! Просто в эти выходные у папы день рождения, — виновато добавляю.

Вот что значит настоящие женщины — глаза загорелись у всей четверки. Или это Сокол тому причина?

— Что, платье выбирать? — распахивает глаза Владка. — И туфли?

— Ага!

— Поехали! — соглашается Юлька. — А плакаты куда?

— Да здесь на скамейке оставьте, все равно Мюллер Петровна на посту, посторожит.

— А мороженое?

— Лопайте уже скорее! Мила Францевна, Матильда Ивановна... — смотрю на старушек, но они уже и сами бойко сворачивают траспарант.

— Конечно, мы с тобой детка. Едем!

Все! Личная fashion-команда Анфисы Чижик в полном сборе и можно надеяться на успех! Осталось организовать транспорт, и я уже набираю номер, чтобы вызвать такси, когда баба Мотя командует, вырываясь вперед и переходя на бег.

— За мной, девчонки! Все в мои «Жигули»! Домчу с ветерком!

Так и приехали все вместе в торговый центр «Материк-сити» приводить меня в порядок.

— С чего начнем, девочки? — спрашивает Мила Францевна, прижав к груди сумочку и оглядывая высокий холл, расчерченный зеркальными эскалаторами вверх на несколько этажей. — Господи, — ахает, хватаясь рукой за сердце, — сколько же здесь народа!

— Милка, помни о цели. Давай по сути!

— Начинать всегда нужно с белья! — подает предложение Юлька. — А значит, ищем Фаньке классные стринги!

— Что? Это чего такое? — сует нос к товару баба Мотя, когда видит в руках юной фанатки означенную деталь одежды. — Матер Божья! Разве это трусы? Детка, ты предлагаешь Фаньке надеть на попу... шнурок?

— А чего такого-то? Подумаешь! Ну, не рейтузы же ей носить до колен, как у некоторых!

— Рейтузы, моя милая Юленька, сейчас никто не носит, — вставляет веско Мила Францевна. — Всем известно, что даже дамы нашего возраста носят нижнее белье. Поэтому, девушка, — вежливо обращается к консультанту, — покажите нам, пожалуйста, модное белье. Самое красивое! Нам на сегодняшний вечер необходимо просто сногшибательное!.. Ну, что вы! Какой пятьдесят второй размер? — изумляется. — Нет, душечка, нам вот для этой девушки...

— Под какой цвет платья подбираем? — задает консультант резонный вопрос, и мы все зависаем.

Под какой цвет...

— Точно, начинать нужно с платья! — вскрикиваю я.

— Бежим искать бутик! Бабульки не отстаем! — командует Владка и кричит уже от входа девушке-продавцу: — Не подскажите, где у вас тут самый дорогой бутик? Чтобы прям вообще крутой!

— Самый дорогой? — девушка вскидывает бровь и не может сдержать усмешки. Смотрит на девчонку не зло, но скептически, свысока оценивая ее кричащий простенький наряд, и Владка возмущается, сунув руки в боки:

— Чего зыришь? У меня в следующее воскресенье ужин с самим Сокольским. Слышала о таком? Наверняка и друзья из футбольной команды будут. А у тебя какие планы, неудачница?

И пошла гордо от бедра в стертых мокалинах. Ничего себе! Даже Францевна рот раскрыла! Ну, и мы все поглазели и потопали за Владкой толпой. Ничего, справимся, сами бутик разыщем!

Один. Второй. Третий.

Не то. Не то. Не то. Все не то!

Первое платье вычурно! Второе откровенно! Третье длинно. Четвертое слишком коротко. А в пятом только на вечеринку в дом Versace и идти — столько блеска, что можно ослепнуть!

— Девочки! Вот это вроде бы ничего? Да? — я в пятнадцатый раз выхожу из примерочной и показываюсь на суд друзьям.

Платье темно-синее, вечернее, с открытыми плечами, длиной по щиколотку. Приталенное с высоким боковым разрезом по ноге. Наверняка с каблуком будет смотреться неплохо.

— Тебе, Фаня, каждое второе «вроде бы ничего», — ворчит баба Мотя.

— Матильда права, — вторит ей кивком Мила Францевна. — Не годится! В этом корсете два кило шелка и кило бисера. Грубо и кричаще, и наверняка дорого! Оно тебя задушит, в нем никакой легкости. В сорок лет будешь такие наряды носить! И почему все юные девочки думают, — удивляется она подруге, — будто выглядеть старше, это шик? Шик — это выглядеть, как сказка, как мечта! А такое волшебство с женщиной способны сотворить лишь любовь и юность, — заканчивает вдохновенно.

— Снимай, Фанька! — кивают в унисон Юлька с Владкой. — Ты в нем, как жена старого олигарха на выгуле — тоска! Только золотого поводка не хватает.

— Девочки, так что же делать? — развожу руками. — Полтора часа осталось! Давайте уже хоть что-нибудь выберем! Может, и неважно, в чем я буду одета, — смотрю на себя в зеркало, понимая, что они правы, и выгляжу я, как чья-то содержанка. — Да, подумаешь! Часик посижу и уйду. Ну, не съедят же меня жены футболистов? Э-э, наверно...

— Ну, уж нет! Чтобы эти кисы шушукались за спиной Сокола? Пусть лучше слюной давятся! Так, бабульки! — оглядывается Владка. — Держите-ка наши рюкзаки, а мы с Юлькой побежали на охоту.

— Куда? — откликаются эхом старушки.

— Куда? — испуганно вторю я.

— Юлька вправо, я влево! На этом этаже самые дорогие бутики. В таком темпе нам их до утра не обойти! Дайте пять минут, и будет Фаньке платье!

— Юлька! — командует Владка. — Смотри в оба! И чтобы не просто «красивенькое в рюшах», а зашибись, поняла? Если что, получишь у меня по шее!

— Че-го?

— На старт, внимание, марш!

— Что это было, Фаня? — спрашивает Матильда Ивановна, когда девчонки исчезают, и мы остаемся втроем.

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Но на всякий случай я лучше переоденусь.

Топтаться у небольшого фонтана, расположенного в центральной части торговой улочки дорогих бутиков приходится недолго.

— Нашла! Нашла! — из-за стеклянных дверей небольшого помпезного магазинчика стрелой вылетает Владка, прыгает и вовсю машет нам руками! — Бегом, все сюда! — подзывает, и мы так спешим, что даже бабульки переходят на бег.

— Быстрее, девочки! Быстрее!

— Ох, Милка, ты только глянь какая красота!

Мы вбегаем в магазин и останавливаемся, разинув рты.

Платье кремового цвета с тончайшим нюансом розового. Даже в руках консультанта в прозрачном чехле оно смотрится потрясающе.

— Оттенок «Пыльная роза» или «Румянец утра». Платье из последней коллекции французского дома Celine, в нашем магазине представлено в единственном экземпляре. Исключительный приталенный крой, легкие фалды и универсальная длина — это платье любую девушку сделает безукоризненно красивой и особенной. Мы продаем непосредственно дизайнерскую одежду, так что по праву может гордиться своими клиентами...

— Скажите, я могу его примерить? — с надеждой обращаюсь к девушке.

Наша пятерка выглядит странно, мы все видим, как внутри консультанта идет внутренняя борьба — наверняка платье стоит немалых денег и предназначено для vip-клиентов, но профессионализм и учтивость побеждают.

— Да, конечно. Попрошу вас пройти вот сюда, — предлагает она. — Я провожу вас к примерочной. Предпочитаете узнать стоимость изделия сразу или после примерки?

Предпочитаю ли я? Не знаю. Я смотрю на платье и понимаю, что хочу его. Что такой красоты у меня даже на школьном выпускном не было. Да и откуда бы этой красоте взяться? Французский дом Celine, говорите? Три ха-ха! Местная портниха тетя Тома очень старалась и мне понравилось.

— Фаня, если платье подойдет — бери не сомневайся, я добавлю! — громко шепчет баба Мотя на весь бутик, прикрыв рот ладонью. — Я как раз пенсию получила!

— И я помогу! — поддакивает Мила Францевна.

— Вот же блин! А у нас только на две шоколадки и проезд, — огорчается Юлька, вывернув карманы, — но если этого хватит, то вот! Бери Фанька! Для Сокола ничего не жалко!

— Лучше не озвучивайте цену, ладно? — прошу я девушку.

— Как это? — удивляется она.

— А вот так. — Я достаю из сумочки черную банковскую карту и оставляю ее на полке администратора.

Я не знаю, сколько на счету денег, знаю только, что карта класса «Премиум», и ее вид впечатляет девушку. Артем оформил карту специально для меня, но до сих пор не пришлось ею воспользоваться — в наличных он никогда не отказывал, а много ли мне надо? Когда у меня все

есть?.. Если денег хватит и платье подойдет — куплю! А нет, так, нет! Значит, не судьба!

Я сбрасываю сарафан и надеваю платье. Расправляю мягкие фалды. Почти не дыша, поглядывая на себя в зеркало, показываюсь из примерочной. Я чувствую себя в нем необычно и как-то возвышенно, что ли. Странные ощущения.

— Девочки, ну как?

— Зашибись! — хором выдыхают девчонки.

— Фанька, это оно! Берем! — соглашаются с ними бабульки.

— Девушка, мы берем, — улыбаюсь я, обернувшись к продавцу, и скрещиваю за спиной пальцы, когда она оплачивает моей картой покупку.

Мне так же нужна обувь и нет, я не покупаю кеды со стразами, как предлагает Владка. Пусть они по ее мнению хоть трижды офигенные! Я покупаю черные открытые босоножки на высокой шпильке с тонким ремешком от модного французского дизайнера, и молюсь про себя, чтобы Сокол не прибил меня за такие грандиозные траты. Даже подумать страшно, сколько все это ему будет стоит. Нет, он парень, конечно, небедный, но все-таки. Я же вроде как сама на жизнь зарабатывать собралась. Бегу, сломя голову в салон красоты, который находится в этом же торговом центре, и пока мои старушки следят за тем, как старательно консультант утюжит платье, а девчонки выбирают белье, прошу незнакомую девушку-парикмахера:

— Пожалуйста! Сделайте со мной хоть что-нибудь! Мне через час нужно быть в ресторане при параде. Можно попроще! Плачу по двойному прейскуранту! И, ох, мне бы еще макияж...

Несчастные жены футболистов. Неужели они всякий раз испытывают такой дикий стресс? Бррр, не хочу. Хотя платье, конечно красивое.

— Фанька, ты сама нежность и секс! — шепчет Владка, хлюпая носом на заднем сидении жигуленка, мчащегося по городу. — Где ты так загорела?

— У бабушки на огороде, — вздыхаю, встречая взглядом показавшийся впереди ресторан «Гранд-Палас» и швейцара, расположившегося у дверей. Едва машина останавливается напротив входа, мужчина невозмутимо направляется к нам и распахивает переднюю дверцу...

— Давай, Фанечка, не подкачай! — желает вслед баба Мотя. — Выше голову и вперед навстречу своему Соколу!

— Тем более, что наш принц свою Золушку, кажется, уже заждался, — смеется Мила Францевна. Господи, какой же он красавчик! — восклицает,

выглядывая в окошко. — Красивее только наша Фанька!

Я поворачиваю голову и вижу сбоку от крыльца Артема, в дорогом костюме с иголки, статного и широкоплечего, с продолговатой белой коробкой в руках. Возле него стоят еще несколько парней футболистов и чуть поодаль три человека охраны. Моя любовь поглядывает на дорогу, не поддерживая разговор. Господи, как же я по нему соскучилась! Так соскучилась, что отметаю все сомнения и, широко улыбаясь, выхожу из машины.

— Спасибо, девочки! — от всей души благодарю своих верных помощниц. — Вы лучшие!

— Это потому что мы любим тебя, Фанечка. Хорошего вечера! — утирает слезу баба Мотя. — Девочки, а поехали к нам на чай? — обращается к девчонкам, заводя мотор. — У Милки есть вкуснейшая шарлотка. Чем не повод посидеть и познакомиться ближе?

— Точно! — смеется Владка. — Заодно и стратегию фант-движения обговорим! Поехали! Ну их, этих влюбленных!

Сокол. Мой Сокол. Я иду к нему медленно, любуясь парнем издалека. Легкий ветерок подхватывает прядки распущенных волос, каблучки стучат по каменной плитке... Я готова идти к нему всю жизнь, только бы он ждал меня.

Как же я люблю время, когда мы остаемся вдвоем. Когда можно нежиться и дурачиться, не выпускать друг друга из рук, и снова и снова слышать и вторить эхом, что он мой единственный. Что навсегда.

Первыми меня замечают парни, а потом и Артем поворачивает голову. Несколько мгновений смотрит удивленным взглядом, в котором загораются восхищение и тоска. И теплота. Лицо озаряет белозубая улыбка, а следом и мое имя слетает с губ:

— Фанька! Ты все-таки приехала!

— Да, Артем.

В белой прямоугольной коробке, украшенной атласной лентой, лежат цветы — наверняка ужасно дорогие. Он никогда без них не возвращается, и по цвету ленты я легко догадываюсь, что сегодня Сокол купил для меня алые розы.

— Эй, Артем, это она? Твоя Анфиса?

— Да, моя Анфиса.

— Ну и красotka! Познакомишь?

— Потом, — отвечает Артем смуглолицему парню, — все потом. А сейчас поддержи-ка, Рустам! — передает ему букет. — Я хочу поцеловать

свою девчонку...

Через два года на стадионе Сан Паоло в Неаполе Артем будет играть за известный клуб «Милан» и после двух звездных голов и победы команды в чемпионате Италии, оглушительных криков и поздравлений болельщиков, останется на поле, чтобы где-то раздобыть микрофон и объявить в него на весь стадион на английском и итальянском, как сильно он любит свою девушку и просит ее руки с надеждой, что на этот раз она согласится.

— Fanyu, will you marry me?

Неважно, что никто не может найти меня на трибунах — мы с Лукой и дядей Васей сидим в футболках с символикой любимой команды и бейсболках среди тысячи других болельщиков, но в кармане настойчивым звонком вибрирует сотовый. Руки дрожат, сердце бьется, а душа поет от счастья, когда я подношу телефон к лицу и отвечаю:

— Yes, I will. I love you. I'll always love you!

Конец.